



1912.

Годъ 20.

# УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

—♦—

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

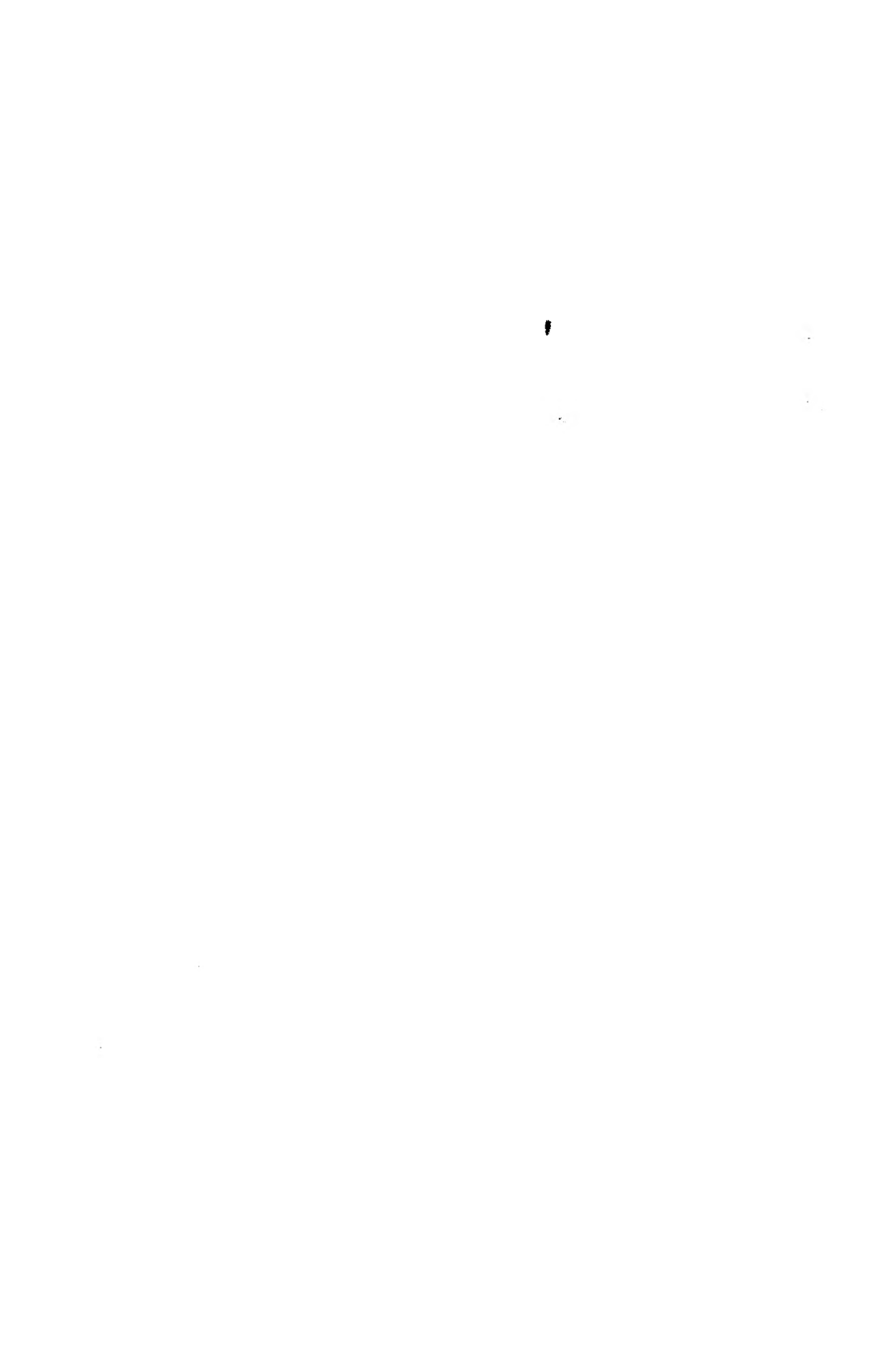
(OLIM DORPATENSIS).



ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.



1912.

Годъ 20.

# УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Printed in  
Lithuania 1912.

№ 3.



ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго  
Университета.

Юрьевъ, 29 марта 1912 г.

№ 1232.

За Ректора Проректоръ Протоіерей А. Царевскій.

## СОДЕРЖАНИЕ.

### Официальный отдѣлъ.

Стр.

- Особый протоколъ по дѣлу объ избраніи кандидатомъ на кафедру оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи д-ра медицины Н. Н. Бурденко, составленный по требованію проф. П. А. Полякова въ засѣданіи Совѣта 30 ноября 1910 г. . . . . 1— 39
- А. К. Пальдрокъ. Первая экскурсія студентовъ-медиковъ Императорскаго Юрьевскаго Университета въ Германію. . . . . 1— 11

### Научный отдѣлъ.

- И. Кондаковъ. Сантень и его галоидгидраты . . . . . 1— 10

### Приложенія.

- А. Мейе, профессоръ Collège de France. Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Переводъ проф. Д. Кудрявскаго, просмотрѣнный и дополненный авторомъ . . . . . 161—224
- Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода . . . . . 49—124
- Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія . . . . . 81—144



## Особый протоколъ

по дѣлу объ избраніи кандидатомъ на кафедру оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи д-ра медицины Н. Н. Бурденко, составленный по требованію проф. П. А. Полякова въ засѣданіи Совѣта 30 ноября 1910 г.

Предсѣдательствовалъ Ректоръ В. Г. Алексѣевъ.

Присутствовали гг. профессора: Афанасьевъ, Богоявленскій, Богушевскій, фонъ Бульмерингъ, Бѣлявскій, Васильевъ, Ганъ, Гиргенсонъ, Грабаръ, Граве, Грассъ, Грунскій, Игнатовскій, Квачала, Колосовъ, Кондаковъ, Крашенинниковъ, Кудрявскій, Курчинскій, Лавровъ, Ландезенъ, Миклашевскій, Мазингъ, Михайловскій, Невзоровъ, Озе, Пассекъ, Покровскій, Поляковъ, Пѣтуховъ, Пусторослевъ, Рауберъ, Ростовцевъ, Савельевъ, Садовскій, Сентъ-Илеръ, Царевскій, Цеге фонъ Мантейфель, Церетели, Чижъ, Шаландъ, Шепилевскій, Яроцкій, Ясинскій, Ященко, Фельсбергъ.

Отсутствовали гг. профессора: Дегіо, Тарасенко, Красноженъ — по болѣзни; фонъ Кеннель — по домашнимъ обстоятельствамъ; Михновъ — по служебнымъ обстоятельствамъ; Керберъ, Кузнецовъ, Лаппо, Срезневскій, Тарановскій — безъ указанія причинъ.

Деканъ медицинскаго факультета, профессоръ Лавровъ докладываетъ Совѣту объ избраніи факультетомъ на кафедру оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи д-ра медицины Н. Н. Бурденко и читаетъ:

1. Протоколы засѣданій комиссіи по обсужденіи ученыхъ трудовъ кандидатовъ;
2. Отзывъ комиссіи о трудахъ д-ра Бурденко;

3. Общую сравнительную оцѣнку комиссіею трудовъ кандидатовъ ;

4. Особый протоколь по докладу факультетской комиссіи ;

5. Протоколь по дѣлу выбора профессора на кафедру оперативной хирургіи ;

Профессоръ М. И. Ростовцевъ читаетъ свое особое имѣніе по дѣлу избранія Бурденко.

По прочтеніи особаго мнѣнія просить слова :

Проф. Игнатовскій. Мы выслушали строгій отзывъ г. проф. Ростовцева о работахъ кандидата факультета, д-ра Бурденко. Рецензентъ находитъ въ нихъ много неточностей, неправильностей и отрицаетъ у автора даже подготовку по основнымъ медицинскимъ наукамъ, да и по избранной имъ спеціальности. Я не буду здѣсь останавливаться много на опроверженіи этого взгляда, укажу только, что компетентный судья въ такихъ вопросахъ, медицинскій факультетъ, заслушавъ рецензію г. профессора Ростовцева, выбралъ Бурденко на кафедру большинствомъ 15 голосовъ противъ 1-го. О работахъ же г. Бурденко гг. профессора физиологій и патологической анатоміи, т. е. именно представители основныхъ медицинскихъ кафедръ, дали очень хорошіе отзывы. Я съ своей стороны долженъ обратить вниманіе Совѣта на эту особенную любовь д-ра Бурденко къ основнымъ медицинскимъ наукамъ, что уже сказывается и на выборѣ имъ темъ для своихъ работъ. Этими науками онъ занимался и у насъ и, отправившись за границу, не ограничился только посѣщеніемъ хирургическихъ клиникъ, а старался и тамъ основательно познакомиться съ основами хирургіи, работая въ лабораторіи, и сдѣлалъ даже спеціальную работу.

Эта особенность д-ра Бурденко выгодно отличаетъ его отъ другихъ хирурговъ, которые ограничиваются въ своихъ работахъ только узкимъ изученіемъ мелкихъ вопросовъ своей спеціальности, не стараясь добыть данныя, способствующія движенію науки впередъ, т. е. не показываютъ большого интереса къ тому, что должно особенно отличать настоящаго научнаго работника, любящаго науку и преданнаго своей спеціальности. Любовь Бурденко къ наукѣ не только доказывается направленіемъ его научныхъ работъ, что могутъ знать только медики, но она отмѣчена и людьми, стоящими далеко отъ медицины. Отправившись на поле военныхъ дѣйствій, Бурденко тамъ отдался вполне примѣненію своей спеціальности на пользу страждущаго человѣчества. Много было врачей на войнѣ, много получили они различныхъ отличій и наградъ, но

мало было такихъ, которые были бы награждены солдатскимъ Георгіемъ за храбрость, выказанную при перевязкѣ раненыхъ подъ пулями. Д-ръ Бурденко выказалъ такую храбрость, и только любовь къ наукѣ и человѣку позволила ему сохранить необходимое спокойствіе, поборотъ невольный страхъ и спокойно отдаться своему дѣлу, не взирая на угрожавшую опасность. Мы, Милостивые Государи, здѣсь всё находящіяся, находимся на стражѣ науки и должны стараться о привлеченіи способныхъ и талантливыхъ людей къ научному дѣлу. Бурденко именно и принадлежитъ къ такимъ лицамъ, и потому, мнѣ кажется, мы возьмемъ большой грѣхъ на душу, если отдадимъ отъ него возможность развивать самостоятельно его способности и вмѣстѣ не дадимъ дѣла даровитому исполнителю.

Проф. Чижъ: Подробная и производящая впечатлѣніе обснованности рецензія работъ приватъ-доцента Бурденко, представленная М. И. Ростовцевымъ, не повліяла на членовъ медицинскаго факультета и не можетъ вліять на ознакомившихся со всёмъ этимъ дѣломъ, потому что въ этой рецензіи имѣются неточности или ошибки, подрывающія къ ней довѣріе.

Такъ М. И. Ростовцевъ утверждаетъ, что въ работѣ г. Бурденко о разрывѣ мочевого пузыря пропущено 20 случаевъ; дѣйствительно, это былъ-бы большой недостатокъ въ работѣ г. Бурденко, описавшаго 52-случай. Но дѣло въ томъ, что изъ этихъ 20 случаевъ 18 суть случаи извѣстные, но не описанные, и были извѣстны г. Бурденко; онъ пропустилъ лишь два случая, да и то не указано, потому-ли что въ доступной ему литературѣ онъ ихъ не нашелъ, или потому, что они были опубликованы уже послѣ того, какъ написана была его работа.

Еще болѣе имѣетъ значенія неточность критики М. И. Ростовцева по поводу работы г. Бурденко о печени. М. И. Ростовцевъ упрекаетъ г. Бурденко въ непониманія законовъ васкуляризаціи и т. п. Всѣ эти упреки были-бы справедливы, если-бы работа г. Бурденко состояла лишь изъ первой части, т. е. онъ продѣлалъ-бы опыты съ перевязкой сосудовъ въ два пріема; но дѣло въ томъ, что во второй части своей работы онъ излагаетъ вторую серію своихъ опытовъ, произведенныхъ именно такъ, какъ находитъ правильнымъ ихъ дѣлать М. И. Ростовцевъ. Такія неточности въ рецензіи М. И. Ростовцева, конечно, лишаютъ ее всякой убѣдительности.

Проф. Цеге фонъ Мантейфель. Проф. Ростовцевъ въ своей

критикъ трудовъ д-ра Бурденко сказалъ, что статья о перерѣзкѣ спиннаго мозга и перешиваніи нервныхъ корешковъ не имѣетъ цѣны. Идея этого труда возникла у Бурденко при наблюденіи прострѣливаній спиннаго мозга на войнѣ. Разработка ея, оконченная недавно, начата была имъ, когда онъ былъ еще студентомъ. Тѣмъ не менѣе она переведена на нѣмецкій языкъ самимъ Монаковымъ — первымъ авторитетомъ по нервной физиологіи. Изъ чего вытекаетъ, что работа едва ли малозначительна.

Проф. Ростовцевъ опровергаетъ, главнымъ образомъ, трудъ Бурденко о перевязкѣ *art. hepatica*. Дѣло въ томъ, что проф. Ростовцевъ, очевидно, не понялъ труда Бурденко. Послѣдній старается доказать, что перевязка всѣхъ сосудовъ печени ведетъ къ омертвенію органа, и онъ остается живъ въ томъ случаѣ, если сдѣлана искусственная васкуляризація черезъ закутываніе печени сальникомъ. Остаются тогда коллатеральные пути, которые однако не достаточны для питанія печени: лишь одна собака у Haberger'a выжила продолжительное время, и то послѣ постепеннаго выключенія вѣтвей печеночной артеріи въ теченіе срока не менѣе мѣсяца.

Проф. Ростовцевъ говоритъ, что ошибка была сдѣлана въ томъ, что не были перевязаны сосуды печени одновременно съ васкуляризаціей, а *art. hepatica* лишь на 14-й день. Если бы проф. Ростовцевъ читалъ Haberger'a внимательно, онъ нашелъ бы, что коллатерали развиваются въ достаточномъ размѣрѣ только тогда, когда промежутокъ между перевязками былъ больше мѣсяца. Поэтому-то Бурденко и дѣлалъ перевязки скорѣе: на 2—4—14-й день, — срокъ, въ который коллатерали по Haberger'у не развиваются. Да, наконецъ, вся вторая половина этой работы посвящена Бурденкомъ вопросу объ одновременной перевязкѣ *art. hepatica* по васкуляризаціи печени сальникомъ (15 опытовъ); это можно уже было видѣть и изъ самаго заглавія работы: Перевязка *art. hepatica* съ предварительной и одновременной васкуляризаціей печени сальникомъ. Если проф. Ростовцевъ упрекаетъ Бурденко въ томъ, что онъ не читалъ и не понялъ Haberger'a, то я скажу теперь, что проф. Ростовцевъ самъ или невнимательно читалъ его, или не понялъ.

Если проф. Ростовцевъ не понимаетъ, почему инъекція Тейхмановской массы была сдѣлана такъ, чтобы эта масса не попала въ *art. phrenica*, то я могу это объяснить. Извѣстно, что такія коллатерали существуютъ, ихъ обойти нельзя; а поэтому Бурденко

долженъ былъ приступить къ позитивнымъ доказательствамъ: именно сначала инъедировать новые коллатеральные пути сальника и доказать, что оттуда дѣйствительно сосуды проникають въ печень и ее питають.

Утвержденіе проф. Ростовцева, что Бурденко вообще не знаетъ анатоміи — прямо невозможно: онъ, будучи студентомъ въ Томскѣ, состоялъ помощникомъ прозектора.

Какъ клинициста, я его критиковать не буду, такъ какъ онъ уже шесть лѣтъ состоитъ моимъ ученикомъ.

Какъ преподаватель, онъ тоже извѣстенъ студентамъ.

Проф. М. И. Ростовцевъ. Прежде всего я скажу нѣсколько словъ по поводу протокола, только что заслушаннаго. Изъ него наглядно видно, съ какимъ пристраціемъ велось все дѣло о выборахъ профессора оперативной хирургіи и какъ настойчиво и послѣдовательно не давалось возможности высказать мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ большинства. Это пристрастное отношеніе, именно — благоволеніе къ излюбленному большинствомъ кандидату д-ру Бурденко, сказалось уже съ первыхъ шаговъ его ученой карьеры.

При разсмотрѣніи его трудовъ, представленныхъ въ осеннемъ семестрѣ прошлаго года для соисканія степени приватъ-доцента, меня лишили права дать отзывы о нихъ: а именно: черезъ недѣлю по полученіи мною трудовъ д-ра Бурденко для рецензій у меня требовали, частнымъ образомъ подписать отзывъ, данный проф. Цеге фонъ Мантейфелемъ, а когда я несогласился на это, то въ ближайшемъ засѣданіи медицинскаго факультета, подъ предлогомъ моего отъѣзда на рождественскія каникулы за границу, постановлено было отобрать отъ меня труды д-ра Бурденко и отзывъ на нихъ поручить другому. Только энергичный мой протестъ вернулъ мнѣ обратно мое право рецензента, но за то послѣ Рождества, подъ предлогомъ истеченія 6-недѣльнаго срока, непримѣнявшагося никогда ни раньше, ни позже, меня все же лишили права докончить мои отзывы, и труды д-ра Бурденко были переданы неспеціалисту, который и далъ свою подпись. Нарушеніе формальностей и существа дѣла продолжалось и дальше. Дѣло о выборахъ д-ра Бурденко перешло въ Совѣтъ, и здѣсь, вопреки обычаю и закону, выборы состоялись въ концѣ мая, при отсутствіи большинства членовъ Совѣта, безъ предварительнаго оповѣщенія о выборахъ на повѣсткѣ и, конечно, безъ чтенія моихъ отзывовъ о трудахъ д-ра Бурденко.

Такого же характера нарушенія формальностей и существа дѣла продолжались и при выборах на кафедру.

Въ отвѣтъ проф. А. С. Игнатовскому могу сказать то, что онъ, не давая опроверженія моимъ доводамъ, высказалъ лишь общія положенія: др. Бурденко очень трудоспособный, очень талантливый, работалъ тамъ-то и тамъ-то и т. д. и т. д. и поэтому не можетъ обнаружить тѣхъ крупныхъ дефектовъ знанія, на которые я указываю. Такое общее возраженіе я слышалъ и въ факультетѣ, гдѣ говорилось: не можетъ быть, чтобы д-ръ Бурденко не зналъ того-то и того-то, чтобы могъ сдѣлать ту или другую грубую ошибку, и никто изъ возражавшихъ такъ и не далъ себѣ труда вникнуть и разобраться въ указанныхъ мною дефектахъ, какъ бы считая себя некомпетентными сравнительно съ др-омъ Бурденко, и поэтому дѣлали предложенія диспутировать по затронутнымъ вопросамъ съ самимъ д-ромъ Бурденко. Я не отрицаю личныхъ качествъ д-ра Бурденко: свой отзывъ о его трудахъ, представленныхъ на соисканіе степени приватъ-доцента, я заканчиваю своимъ хорошимъ мнѣніемъ о его большой трудоспособности и даже талантливости. Но этихъ качествъ еще мало, требуются еще положительныя и основныя знанія, а ихъ то и не обнаружилось въ представленныхъ имъ трудахъ. Чтобы надлежаще использовать и трудоспособность и талантливость, надо учиться и учиться, а не учить. — Это мнѣніе по отношенію къ д-ру Бурденко высказалъ на одномъ изъ засѣданій Совѣта также и проф. П. А. Поляковъ по поводу порученія практическихъ занятій по оперативной хирургіи д-ру Бурденко.

Что касается возраженій проф. В. Ф. Чижа, то я придаю имъ громадное значеніе. Тутъ мы, кажется, находимъ общую точку отправленія. Именно В. Ф. Чижъ заявляетъ, что если бы мои указанія, мои ссылки на дефекты работъ д-ра Бурденко были вѣрны, то дѣйствительно эти дефекты были бы очень крупны, и тогда бы надо было бы перемѣнить мнѣніе; но что мои ссылки будто бы не вѣрны, и, стало быть, они подрываютъ всякое довѣріе къ моему мнѣнію. Въ подтвержденіе своихъ словъ В. Ф. Чижъ приводилъ слѣдующія два положенія:

1) Я будто бы утверждалъ, что описываемый случай д-ромъ Бурденко считается имъ 8-мъ, тогда, какъ онъ считаетъ его 52-мъ; я, будто бы перепуталъ; д-ръ Бурденко на самомъ дѣлѣ считаетъ свой случай 8-мъ, какъ русскій случай. Затѣмъ, если бы дѣйствительно д-ръ Бурденко, насчитавъ въ литературѣ 7 слу-

чаевъ, пропустилъ 20 случаевъ, онъ дѣйствительно обнаружилъ бы литературное невѣжество, но на самомъ дѣлѣ этихъ 20 случаевъ и нѣтъ, часть изъ нихъ лишь упоминается, но не описывается, а часть изъ нихъ приходится на то время, когда работа д-ра Бурденко завалалась въ редакціи, и приводитъ случаи, опубликованные за это время, конечно, нельзя было, такъ что въ концѣ концовъ останутся лишь 2 случая, которые могли легко быть пропущены.

Въ устраненіе недоразумѣнія я приведу цѣликомъ относящееся сюда мѣсто изъ работы д-ра Бурденко:

„Публикуемый случай занимаетъ 50-ое мѣсто среди излеченныхъ оперативно внутри-брюшинныхъ разрывовъ мочевого пузыря, описанныхъ въ литературѣ. Въ 1903 году Зельдовичъ считалъ такихъ случаевъ 39, тогда же или годомъ позже Dambriin et Parin — 44. Послѣ этого появились сообщенія приватъ-д-цента Оппеля (Петербургъ — 1 случ.), Меньшикова (Томскъ — 2 случ.), Hermes (1 случ.), и въ 1905 г. Maeder (1 случ.), Cook (1 случ.); въ 1906 г. Marnoch (1 случ.). Въ русской литературѣ нашъ случай будетъ 8-мымъ (2 — Троянова, 1 — Вальтера, 1 — Зельдовича, 1 — Оппеля, 1 — Салищева и 1 — Тихова)“.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета, не имѣя подъ руками ни трудовъ д-ра Бурденко, ни отзыва своего, даннаго  $\frac{1}{2}$  года назадъ, я не выполнѣ точно сдѣлалъ указаніе на число 8, но не извратилъ существо вопроса и тотчасъ же пояснилъ происшедшую ошибку; сущность дѣла въ томъ, что самъ др-ъ Бурденко сдумѣлъ собрать въ литературѣ лишь 7 случаевъ, (остальные 44 собраны Dambriin'омъ и Parin'омъ).

Проф. В. Ф. Чижа утверждаетъ, что др-ъ Бурденко и не думалъ считать свой случай 8-мъ въ литературѣ (послѣ Dambriin'a и Parin'a), а что его случай есть 8 — русскій случай. Приведенная цитата опровергаетъ утвержденіе проф. В. Ф. Чижа; др-ъ Бурденко ссылается на случаи, не только русскіе, а именно на случаи Оппеля, Меньшикова, Hermes'a Maeder'a, Cook'a и Marnoch'a.

Также не вѣрно утвержденіе В. Ф. Чижа, что указанные мною случаи не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ о нихъ лишь упоминается, но они не описываются.

Въ своемъ отзывѣ объ этой работѣ д-ра Бурденко, даннымъ мною раньше, я привелъ подробное указаніе, гдѣ эти случаи описаны — я очень жалѣю, что такъ задержали печатаніемъ этихъ отзывовъ. Неправда, что объ этихъ случаяхъ лишь упоминается,

о нихъ дается подробное описаніе, притомъ въ довольно распространенныхъ журналахъ, а также о многихъ изъ нихъ имѣются болѣе или менѣе подробные рефераты въ распространенныхъ справочникахъ. На какомъ основаніи проф. В. Ф. Чижъ утверждаетъ, что эти случаи лишь упоминаются, а не описываются?

Чтобы окончательно подорвать довѣріе къ моему мнѣнію, проф. В. Ф. Чижъ утверждаетъ, что работа д-ра Бурденко завалылась въ редакціи, за это время появились описанія новыхъ случаевъ, на которые я ссылаюсь. Какъ на это отвѣтить. Отвѣчу лучше всего цифрами. Д-ръ Бурденко (см. выше приведенную цитату) на 1903—4 г. собралъ 4 случая и пропустилъ 9 случ., на 1905 г. собралъ 2 случая и пропустилъ 4 случая, на 1906 — собралъ 1 случай и пропустилъ 7 случаевъ. — И такъ, Владиміръ Феодоровичъ, пропущено дѣйствительно 20 случаевъ (а можетъ и больше — я вѣдь лишь перелистывала литературу), а не 2 случая, и поэтому согласно Вашей предпосылкѣ здѣсь надо признать литературное невѣжество.

Помимо этого д-ръ Бурденко въ данной статьѣ обнаружилъ очень поверхностное знакомство и съ клинической хирургіей и при томъ въ той области, къ которой относится данная статья.

2) Второе положеніе, которымъ Вы, Владиміръ Феодоровичъ, предполагаете окончательно дискредитировать мои указанія, основывается, несомнѣнно на недоразумѣніи. Это Ваше положеніе таково: я будто бы плохо прочиталъ работу д-ра Бурденко о перевязкѣ *art. hepaticae*, когда утверждаю, что д-ръ Бурденко обнаружилъ незнаніе основныхъ законовъ васкуляризаціи и коллиатералей, перевязывая въ два сеанса *art. hepatica prop. art. gastr. dextra* и *gastro duodenalis* въ цѣляхъ болѣе надежнаго прекращенія кровоснабженія печени, на самомъ же дѣлѣ, д-ръ Бурденко кромѣ этихъ опытовъ съ перевязкой въ два сеанса перевязывалъ *art. hepatica* и обшивалъ печень сальникомъ въ одинъ сеансъ. Упрекъ въ поверхностномъ знакомствѣ съ работой д-ра Бурденко возвращаю назадъ, а толкованіе Ваше объ этихъ операціяхъ считаю покоящимся на недоразумѣніе. У д-ра Бурденко имѣлись двѣ серіи опытовъ, если бы даже вторая серія опытовъ была безупречна, то первая зарекомендовала оператора съ той стороны, о которой я сказалъ въ своемъ отзывѣ. Я не думалъ, что мнѣ придется останавливаться болѣе детально на этомъ мѣстѣ, дефекты его такъ очевидны. Именно въ первой серіи опытовъ д-ра Бурденко для болѣе надежнаго прекращенія кровоснабженія печени пере-

вязывалъ не только *art. hepatica propria* но и *art. gastr. dext.* и *art. gastro-duodenalis* — этотъ приемъ былъ вѣренъ, но д-ръ Бурденко произвелъ эту операцію для ея облегченія въ два сеанса съ промежуткомъ въ 1½ недѣли, произведя перевязку сначала *art. gastr. dext. et art. gastro-duoden.* и затѣмъ *art. hep. propr.* Это все равно, если бы онъ предложилъ операцію изсѣченія языка въ пѣляхъ безкровности ея производить съ перевязкой *art. ling. dext. et sinistr.* въ нѣсколько сеансовъ, т. е. сначала перевязать *art. ling.* съ одной стороны, черезъ полторы недѣли перевязать *art. ling.* съ другой стороны и наконецъ черезъ полторы недѣли изсѣчь языкъ. Абсурдность такого метода операціи очевидна. Въ курсѣ оперативной хирургіи перевязки сосудовъ занимаютъ крупное мѣсто, и знаніе основныхъ законовъ ихъ обязательно даже для студентовъ. Тутъ нельзя прикрыть незнаніе никакимъ авторитетомъ.

Вторая же серія опытовъ обнимаетъ случай одновременной перевязки *art. hepatic. propr.* и обшиванія печени сальникомъ, а неодновременныхъ перевязокъ нѣсколькихъ артерій (*art. hepatica propr., art. gstr. dext.* и *art. gastro duodenalis* какъ въ первой серіи опытовъ). Какъ можно эти обѣ серіи опытовъ соединять вмѣстѣ по затронутому вопросу. О недостаткахъ и этихъ опытовъ я говорилъ въ своемъ отзывѣ, но къ затронутому вопросу они не имѣютъ касательства. И такъ, Владиміръ Федоровичъ, Вы признали, что указанные мною дефекты, крупны, и дѣйствительно, они на лицо въ работахъ д-ра Бурденко.

Свои возраженіе проф. Цеге фонъ Мантейфелю я начну тѣмъ, что мнѣ не позволили закончить въ медицинскомъ факультетѣ. Проф. Цеге фонъ Мантейфель въ опроверженіе моей критики заявилъ, 1) что при перевязкѣ *art. hepat.* животныя погибаютъ, и въ литературѣ извѣстны лишь два животныхъ собака и кошка, которыя остались живы, тогда какъ у д-ра Бурденко, обшивавшаго печень сальникомъ передъ перевязкой *art. hepatica*, большинство животныхъ остались въ живыхъ, чѣмъ доказали цѣлесообразность этого метода, и 2) *art. phrenica* такъ незначительны, что предохранить печень отъ некроза при перевязкѣ *art. hepaticae* они не въ состояніи и что перевязка *art. phrenicae* очень трудна.

Я сказалъ, что обѣ ссылки сдѣланы не вѣрно.

1) Въ литературѣ, а именно у Haberer'a, дѣйствительно, говорится о собакѣ и кошкѣ, оставшихся въ живыхъ несмотря на перевязку печеночной артеріи, но развѣ эти опыты относятся къ нашему спорному пункту? Для устраненія недоразумѣнія и при-

веду это мѣсто изъ работы Haberer'a въ подлинникѣ: „Ich habe bei zwei Thieren und zwar bei einem Hunde und einer Katze versucht, die Leberarterie durch Unterbindung der Arteria hepatica communis und Arteria gastro-duodenalis auszuhalten. Beide Thiere überlebten den Eingriff, weil sich, wie mir aus späteren Experimenten klar wurde, durch die Arteria gastrica dextra ein Collateralkreislauf ausgebildet hatte“. (Haberer. Arch. f. klein. Chir. 78, Bch. 3 Th. p. 574).

Мы же споримъ о перевязкѣ art. hepatica propria, а у Haberer'a въ этой серіи опытовъ перевязывалась art. hepatica communis; положимъ, разница всего въ сантиметрѣ разстоянія, но проф. Цеге фонъ Мантейфель отлично знаетъ цѣну этой небольшой разницы, напомину ему на разницу въ перевязкѣ положимъ art. femoralis до отхожденія или послѣ отхожденія art. profunda femoris — разница въ разстояніи здѣсь тоже небольшая, но за незнаніе, этой же небольшой разницы всякій заплатитъ очень дорого. Тоже относится и ко всякому другому сосуду и къ art. hepatica commun. въ томъ числѣ. При перевязкѣ art. hepatica communis могутъ оставаться въ живыхъ многія животныя. Ссылка на эти опыты была неправильна.

2) Также неправильны ссылки проф. Цеге фонъ Мантейфеля относительно art. phrenicae. Что они играютъ большую роль въ образованіи коллатералей, твердо установлено экспериментами. Такъ Haberer говоритъ „Die Möglichkeit eines collateralen Kreislaufes ist bei Hunden und Katzen gegeben, und zwar möchte ich vornehmlich die Arteriae phrenicae dafür in Anspruch nehmen“. —

Затѣмъ никто никогда не думалъ о перевязкѣ art. phrenicae на опытахъ; рѣчь ведется объ инъекціи ихъ Тейхмановской массой для обнаруживанія коллатералей уже на секціонномъ столѣ. И тутъ д-ръ Бурденко допускаетъ крупную ошибку, о чемъ мною указано въ моемъ отзывѣ.

Затѣмъ проф. Цеге фонъ Мантейфель говоритъ, что я, упрекая д-ра Бурденко въ томъ, что онъ плохо читалъ работу Haberer'a самъ плохо знаю эту работу.

Это проф. Цеге фонъ Мантейфель видитъ изъ того, что я будто бы упрекаю д-ра Бурденко въ томъ, что онъ не исполнилъ правила, преподанныя Haberer'омъ въ цѣляхъ прекращенія кровоснабженія печени перевязывать сосуды, идущіе къ печени въ одинъ сеансъ, тогда какъ самъ Haberer перевязывалъ ихъ въ 2 сеанса съ промежуткомъ въ  $1\frac{1}{2}$  мѣсяца, а Бурденко сократилъ этотъ

срокъ на 1½ недѣли. На это я отвѣчу, я никогда не говорилъ, что это правило преподано Haberger'омъ, оно преподано очень давно, я думаю съ эпохи разработки законовъ кровеобращенія. Затѣмъ я хотѣлъ бы болѣе точныхъ указаній на такіе опыты Haberger'a, я ихъ не знаю. — Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что упрекъ проф. Цеге фонъ Мантейфеля о плохомъ знакомствѣ съ работой Haberger'a направленъ не по адресу.

Прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, я заявляю свое особое мнѣніе на тотъ случай, если д-ръ Бурденко будетъ избранъ профессоромъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи.

Я считаю, что условія, при которыхъ происходили подготовительныя работы къ выборамъ, были крайне ненормальны, а именно пренебрегалось соблюденіемъ весьма важныхъ формальностей и обнаружилось крайне пристрастное отношеніе къ кандидатамъ: къ д-ру Бурденко не въ мѣру доброжелательное и къ остальнымъ кандидатамъ обратное.

Затѣмъ д-ръ Бурденко совершенно еще не подготовленъ для занятія профессорской кафедры: онъ еще молодъ и неопытенъ. Какъ клиницистъ хирургъ его литературное реномэ покоится лишь на нѣсколькихъ самостоятельно проведенныхъ имъ случаяхъ переломовъ голени — это для клинициста профессора немного мало, и кромѣ того онъ обнаружилъ въ своихъ клиническихъ работахъ (всего 2 маленькихъ) плохую теоретическую и практическую подготовку клинициста, (см. мои отзывы данные при соисканіи д-ромъ Бурденко степени приватъ-доцента, которые я прошу приложить къ дѣлу). Какъ экспериментаторъ, хотя онъ и обнаружилъ большую трудоспособность и рвеніе, но въ тоже время обнаружилъ и недостаточно продуманное и осмотрительное отношеніе къ выработкѣ методами опытовъ, чѣмъ сдѣлалъ большинство своихъ опытовъ малоцѣнными. Какъ анатомъ у него въ прошломъ нѣтъ никакой сколько-нибудь серьезной подготовки, нѣтъ литературныхъ работъ по этой специальности, а изъ имѣющихся другихъ его работъ обнаружались весьма крупныя дефекты въ знаніи основныхъ данныхъ этой специальности.

На основаніи всего сказаннаго считаю д-ра Бурденко совершенно неподготовленнымъ для занятія кафедры оперативной хирургіи и топографической анатоміи.

В. Ф. Чижъ заявляетъ, что онъ не будетъ возражать М. И. Ростовцеву, потому что М. И. Ростовцевъ не опровергъ сдѣланныхъ имъ, В. Ф. Чижомъ, разъясненій.

Проф. Яроцкій. Считаю необходимымъ привести тѣ основанія, которыя заставляютъ считать Н. Н. Бурденко особенно подходящимъ кандидатомъ для замѣщенія кафедры оперативной хирургіи. Форма и содержаніе преподаванія по этой кафедрѣ представляются въ настоящій моментъ застывшими, вылившимися въ опредѣленныя рамки: главнымъ образомъ предметъ занятій составляютъ операціи на конечностяхъ и топографическая анатомія конечностей, шеи и стѣнокъ полостей туловища. Преподаваніе по этой кафедрѣ ведется такъ, какъ его установилъ основатель этого предмета Н. И. Пироговъ семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ. Только потому что преподаваніе по этой кафедрѣ приняло застывшія формы, понятно, что на эту кафедру теперь часто претендуютъ чистые анатомы и люди не занимавшіеся сколько-нибудь серьезно клинической хирургіей. Разказываютъ даже, что есть одинъ профессоръ на этой кафедрѣ, который гордится тѣмъ, что никогда не сдѣлалъ ни одной операціи на животныхъ. Но, уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда мы учились, чувствовалось несоотвѣтствіе такой постановки предмета съ потребностями жизни. Пройдя такой курсъ операцій на конечностяхъ и шеѣ, мы чувствовали уже въ то время, что существуетъ цѣлый крайне важный отдѣлъ операцій въ полостяхъ, о которыхъ намъ ничего не говорили. Если можно еще себѣ представить, что такіе установившіеся отдѣлы, какъ операціи на конечностяхъ можетъ преподавать анатомъ, то новую оперативную хирургію— операціи на желудкѣ, кишечникѣ, удаленіе почекъ, пластическія операціи на сосудахъ и т. п. — можетъ преподавать со смысломъ только человекъ, прошедшій хорошую клиническую и экспериментальную школу, каковымъ и является Н. Н. Бурденко. Вѣдь, собственно говоря, преподавать оперативную хирургію слѣдовало бы, не только производи операціи на трунахъ, но и оперируя животныхъ.

Проф. А. Н. Миклашевскій. Хотя уже и достаточно было сказано по вопросу о замѣщеніи кафедры оперативной хирургіи, но я попросилъ слова для того, чтобы предложить Совѣту исполнить требованіе нашихъ правилъ дѣлопроизводства, а именно, что бы протоколъ нашего засѣданія былъ составленъ не позже, какъ къ слѣдующему засѣданію и на немъ прочтенъ и утвержденъ. Соблюденіе этого правила особенно необходимо по такому дѣлу, какъ настоящее. Прошу о моемъ желаніи и согласіи Совѣта занести въ журналъ.

Проф. М. Ростовцевъ. Въ заслушанномъ протоколѣ имѣются нѣсколько неточностей: Такъ въ рѣчи проф. Цеге фонъ Мантейфеля имѣются слова, „что статья о перевязкѣ спиннаго мозга и перешиванія нервныхъ корешковъ не имѣетъ цѣны“ — этого я не говорилъ (см. мой отзывъ) я говорилъ: статья несамостоятельна и не закончена. Въ другомъ мѣстѣ рѣчи проф. Цеге фонъ Мантейфеля имѣются слова: „лишь одна собака у Haberer'a выжила“... тогда какъ проф. Цеге фонъ Мантепфель говорилъ „лишь одна собака и одна кошка“...

Затѣмъ въ третьемъ мѣстѣ Цеге фонъ Мантейфель говоритъ: „Проф. Ростовцевъ говорятъ, что ошибка была сдѣлана въ томъ, что не были перевязаны сосуды печени одновременно съ васкуляризацией, а art. hepatica лишь на 14-ый день“ — никогда я этого не говорилъ, я говорилъ о перевязкѣ сосудовъ (art. hepatic. propr., art. gastr. dext. и art. gastro-duodenalis) въ два сеанса, съ промежутками въ 1½ недѣли въ цѣляхъ болѣе надежнаго прекращенія кровоснабженія данной области, какъ о весьма грубой ошибкѣ.

Заслушано въ засѣданіи Совѣта отъ 10 декабря 1910 года. Постановлено: Утвердить съ оговоркою проф. Ростовцева. Препроводить въ Министерство. Протоколъ напечатать со всѣми приложеніями, поступившими изъ медицинскаго факультета. Представить, по напечатаніи, отзывы проф. Ростовцева о трудахъ Бурденко при избраніи послѣдняго въ приватъ-доценты. Особое мнѣніе препроводить въ Министерство.

Вѣрно: Исп. об. Секретаря Совѣта *В. Вознесенскій*.

## Представленіе Медицинскаго Факультета отъ 27-го ноября 1910 года.

Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета.

Послѣ назначенія экстраординарнаго профессора М. И. Ростовцева на кафедру госпитальной хирургической клиники, кафедра оперативной хирургіи, десмургіи и типографической анатоміи оказалась вакантною и Медицинскій факультетъ въ засѣданіи своемъ отъ 7-го сентября 1909 года за № 427, при обсужденіи вопроса о замѣщеніи вакантной должности профессора на означенную кафедру,

постановилъ ходатайствовать черезъ г. Ректора передъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи объявить конкурсъ на соисканіе помянутой каѳедры при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

Медицинскій факультетъ въ засѣданіи своемъ 30-го ноября 1909 года, заслушавъ сообщеніе г. Ректора Университета отъ 28-го ноября 1909 года за № 2208 о томъ, что г. Попечитель Рижскаго Учебнаго Округа предложеніемъ отъ 24-го ноября 1909 года за № 12185 увѣдомилъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ видахъ скорѣйшаго замѣщенія вакантной должности профессора по каѳедрѣ оперативной хирургіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ, признаетъ желательнымъ замѣстить означенную каѳедру не путемъ конкурса, а путемъ рекомендаціи кандидатовъ членами факультета, постановилъ: назначить срокъ представленія кандидатовъ членами факультета перваго февраля 1910 года.

Были рекомендованы въ качествѣ кандидатовъ доктора медицины: А. Б. Араповъ, Н. Н. Бурденко, И. В. Георгіевскій и А. В. Мартыновъ.

Ученые труды кандидатовъ были переданы въ комиссію, назначенную факультетомъ для рассмотрѣнія трудовъ кандидатовъ, состоящую изъ гг. профессоровъ: В. Г. Цеге фонъ Мантейфеля, М. И. Ростовцева, С. Д. Михнова и Д. М. Лаврова. Медицинскій факультетъ, въ засѣданіи отъ 22-го ноября 1910 г., заслушавъ докладъ означенной факультетской комиссіи, постановилъ: „Работу комиссіи признать законченною. По данному дѣлу составить особый протоколъ. Представить матеріалъ по протоколу къ 24-му сего ноября. Назначить выборы 25-го сего ноября“.

Въ засѣданіи 25-го сего ноября, по заслушаніи особаго протокола по докладу факультетской комиссіи объ ученыхъ трудахъ кандидатовъ на означенную каѳедру, Медицинскій факультетъ призналъ этотъ протоколъ составленнымъ правильно. Факультетъ заслушалъ curriculum vitae кандидатовъ, при чемъ былъ прочитанъ отзывъ проф. Кадьяна о работахъ доктора Арапова и отзывъ проф. Рейна (Москва) о послѣднихъ работахъ доктора Георгіевскаго.

Послѣ этого факультетъ приступилъ къ закрытой баллотировкѣ кандидатовъ, передъ которой деканъ заявилъ, что проф. Керберъ передалъ свой голосъ ему, проф. Д. М. Лаврову, а проф. К. К. Дегю — проф. А. И. Яроцкому.

Передъ баллотировкою проф. Ростовцевъ заявилъ, что въ

случаѣ неизбранія доктора Георгіевскаго, по его мнѣнію наиболѣе подходящаго кандидата, равно какъ въ случаѣ избранія доктора Бурденко, по его мнѣнію наименѣе подходящаго кандидата, онъ подастъ особое мнѣніе, которое и высказалъ передъ факультетомъ.

По произведенной одновременной баллотировкѣ оказалось, что получено: Н. Н. Бурденко — избирательныхъ 15 шаровъ и неизбирательныхъ 1 шаръ, докторомъ И. В. Георгіевскимъ — избират. 7 шаровъ и неизбирательныхъ 9 шаровъ, докторомъ А. В. Араповымъ — избирательныхъ 2 шара и неизбирательныхъ 14 шаровъ и докторомъ А. В. Мартыновымъ — избирательн. 1 шаръ и неизбирательныхъ 15 шаровъ.

Въ виду такихъ результатовъ баллотировки факультетомъ постановлено: считать кандидатомъ на кафедру оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи доктора Н. Н. Бурденко, о чемъ сдѣлать представленіе въ Совѣтъ, со всѣмъ дѣлопроизводствомъ.

При семъ препровождаются: 1) ученые труды доктора Н. Н. Бурденко, 2) его *surgiculis vitae*, 3) представленіе проф. Цеге фонъ Мантейфеля, 4) протоколы засѣданій комиссіи по обсужденію ученыхъ трудовъ кандидатовъ, 5) озывъ комиссіи о трудахъ доктора Бурденко, 6) общая сравнительная оцѣнка комиссіи о трудахъ кандидатовъ и 7) особый протоколъ по докладу факультетской комиссіи.

Деканъ *Д. Лавровъ*.

Отзывъ о трудахъ д-ра мед. Н. Н. Бурденко см. Ученыя Записки 1911 года № 2 Официальный отд., Особый протоколъ по дѣлу о порученіи проф. М. И. Ростовцеву . . . стр. 32 и сл.

## Протоколъ засѣданія комиссіи по обсужденію трудовъ кандидатовъ на кафедру оперативной хирургіи отъ 2-го апрѣля.

Присутствовали:

Профессора: Лавровъ и Цеге фонъ Мантейфель.

1. Распредѣлялись труды кандидатовъ для ознакомленія членамъ комиссіи а именно:

Профессору Лаврову	—	Труды д-ра Бурденко.
„ Михнову	—	„ „ Арапова.
„ Ростовцеву	—	„ „ { Георгіевскаго Мартынова.

2. Профессоръ Михновъ сообщилъ, что имъ рассмотрѣны и возвращаются труды прив.-доц. Георгіевскаго.

Проф. *В. Цеге фонъ Мантейфель.*

Проф. *Д. Лавровъ.*

### Засѣданіе комиссіи по разсмотрѣнію работъ кандидатовъ по кафедрѣ оперативной хирургіи, топографической анатоміи и десмургіи 23-го сентября 1910 г.

Присутствовали проф.: Лавровъ, Михновъ, Ростовцевъ и Цеге фонъ Мантейфель.

Представленъ отзывъ проф. Ростовцева о работахъ д-ра Георгіевскаго и д-ра Мартынова; отзывъ проф. Лаврова о физиологической работѣ д-ра Бурденко, отзывъ проф. Цеге фонъ Мантейфеля о вновь представленныхъ работахъ д-ра Бурденко.

Работа д-ра Арапова передана для разсмотрѣнія проф. Ростовцеву; вновь представленная работа д-ра Бурденко — проф. Лаврову (вмѣстѣ съ отзывомъ проф. Цеге фонъ Мантейфеля), работа д-ра Мартынова — проф. Михнову.

Рѣшено представить отзывъ о распределенныхъ работахъ черезъ 2 недѣли.

*Цеге фонъ Мантейфель.*

*Д. Лавровъ.*

*С. Михновъ.*

*М. Ростовцевъ.*

Засѣданіе комиссіи по разсмотрѣнію работъ кандидатовъ по кафедрѣ оперативной хирургіи, топографической анатоміи и десмургіи, 20-го октября 1910 г.

Присутствовали профессора: Лавровъ, Михновъ и Цѣге фонъ Мантейфель.

Заслушанъ отзывъ о трудахъ д-ра Бурденко — проф. Лаврова и проф. Цѣге фонъ Мантейфеля; къ отзывамъ присоединились прочіе члены комиссіи. Прочитанъ отзывъ о трудахъ д-ра Георгіевскаго — проф. Ростовцева и проф. Цѣге фонъ Мантейфеля. Къ отзыву проф. Цѣге фонъ Мантейфеля присоединились другіе члены комиссіи. Прочитанъ отзывъ проф. Ростовцева и проф. Цѣге фонъ Мантейфеля о работахъ д-ра Мартынова; къ отзыву проф. Цѣге фонъ Мантейфеля присоединились другіе члены комиссіи. Заслушанъ отзывъ проф. Цѣге фонъ Мантейфеля о работѣ д-ра Арапова. Въ виду того, что проф. Ростовцевымъ не представленъ его отзывъ о трудахъ д-ра Арапова и вновь представленныхъ работахъ д-ра Бурденко, комиссія постановила собраться еще разъ, въ послѣдній разъ, сего 23-го октября для составленія окончательнаго отчета, который можетъ быть, представленъ въ медицинскій факультетъ сего 25-го октября.

Проф. *Цѣге фонъ Мантейфель.*

„ *С. Михновъ.*

„ *Д. Лавровъ.*

Протоколъ засѣданія комиссіи для разсмотрѣнія трудовъ на кафедре оперативной хирургіи, 23-го октября 1910 года.

1. Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
2. Профессоръ М. И. Ростовцевъ заявилъ о запоздаломъ доставленіи ему приглашенія на предыдущее засѣданіе комиссіи. Проф. фонъ Цѣге заявилъ, что повѣстка была послана заблаговременно.

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что онъ былъ въ отпуску и приглашеніе получено имъ, уже послѣ начала засѣданія, т. е. въ 8 час. 15 мин. вечера и онъ уже долженъ былъ, по своимъ обя-

занностямъ, отправляться въ другое мѣсто, а именно, въ качествѣ отвѣтственнаго распорядителя, на студенческой благотворительный вечеръ; свое отсутствіе въ засѣданіи комиссіи онъ считаетъ чрезвычайно важнымъ, такъ какъ въ его отсутствіи, какъ видно изъ протокола засѣданія, читали его отзывы о кандидатахъ и онъ былъ лишень возможности самъ защищать свои отзывы.

Проф. Цѣге спрашиваетъ профессора Ростовцева, принесъ ли онъ, по просьбѣ, выраженной въ его письмѣ, труды и отзывы, предоставленные ему въ первомъ засѣданіи и недѣлю приблизительно спустя послѣ него.

Проф. Ростовцевъ сказалъ, что высказанный профессоромъ Цѣге упрекъ на задержку въ трудахъ комиссіи не можетъ быть отнесенъ къ нему; получивши труды д-ра Мартынова и Георгіевскаго, онъ представилъ отзывъ о нихъ по первому требованію, что же касается до трудовъ Арапова и Бурденко, то скоро окончить отзывъ о нихъ онъ не могъ, тѣмъ болѣе, что ему приходится еще разсматривать и труды д-ра Александра, о рецензій трудовъ котораго его также торопятъ; вслѣдствіе чего онъ и не въ состояніи такъ скоро разсмотрѣть всѣ эти труды. Задержка отзыва о трудахъ кандидатовъ на кафедре оперативной хирургіи отмѣчена была имъ самимъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, такъ какъ комиссія не приступала къ работѣ, несмотря на истеченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ послѣ окончанія срока рекомендаціи, о чемъ имъ и занесено въ особый протоколъ по дѣлу о выборахъ д-ра Бурденко въ приватъ-доценты; кто виноватъ въ задержкѣ, онъ не считаетъ нужнымъ указывать, но только виноватъ не онъ, проф. Ростовцевъ. Въ дополненіе онъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что ко дню засѣданія комиссіи 21-го сентября имъ единственнымъ представлены полные отзывы о полученныхъ имъ трудахъ д-ровъ Мартынова и Георгіевскаго.

Проф. Лавровъ предлагаетъ отложить пренія касательно тѣхъ причинъ, по какимъ произошла задержка въ работѣ комиссіи, и просить комиссію предложить профессору Ростовцеву нынѣ же записать въ составляемый протоколъ свои объясненія, а не откладывать представленія этихъ объясненій въ письменномъ видѣ до другого засѣданія комиссіи: вѣдь, таковое можетъ и не состояться въ виду того, что по взаимному уговору мы собрались на окончательное засѣданіе; было бы, по мнѣнію его, проф. Лаврова, болѣе необходимымъ теперь выяснить вопросъ о томъ, какъ поступить комиссіи въ виду того, что проф. Ростовцевымъ не пред-

ставлены въ нынѣшнее засѣданіе комиссіи ни отзывы о работахъ, имѣющихся у проф. Ростовцева на рукахъ, ни самыя работы.

Проф. Ростовцевъ требуетъ составленія особаго протокола въ установленной законной формѣ, причѣмъ считаетъ необходимымъ подчеркнуть, что въ вышеуказанномъ соглашеніи (комплотѣ) онъ не участвовалъ.

Проф. Цѣге проситъ проф. Ростовцева выраженіе его „комплотъ“ взять обратно.

Проф. Ростовцевъ сказалъ, что онъ не придаетъ чрезвычайнаго значенія слову „комплотъ“, каковое соотвѣтствуетъ русскому слову „соглашеніе“.

Проф. Цѣге считаетъ выраженіе „комплотъ“ не парламентарнымъ и еще разъ проситъ проф. Ростовцева взять его обратно.

Проф. Ростовцевъ говоритъ, что если это слово считается проф. Цѣге за обидное, то онъ беретъ его обратно, такъ какъ не желалъ никого обижать.

Проф. Лавровъ настаиваетъ на своемъ предложеніи, т. е. не вступать въ пренія по поводу причинъ задержки работъ комиссіи, а приступить къ обсужденію положенія, создавашагося вслѣдствіе того, что проф. Ростовцевымъ не представлены ожидавшіеся отъ него отзывы и работы.

Проф. Цѣге предлагаетъ членамъ комиссіи предоставить членамъ комиссіи окончательно исправить составленный подъ диктовку почти буквальнѣйшій протоколъ немедленно, для чего предлагаетъ сдѣлать перерывъ засѣданія, а потомъ немедленно приступить къ существу дѣла, возложеннаго на комиссію.

Проф. Ростовцевъ требуетъ составленія особаго протокола.

Проф. Цѣге указываетъ на то, что большинство членовъ комиссіи рѣшило принять его предложеніе и спрашиваетъ проф. Ростовцева, хочетъ ли онъ подчиниться рѣшенію большинства (3 голоса противъ одного).

На это проф. Ростовцевъ заявляетъ, что онъ настаиваетъ на составленіи протокола принятымъ въ законѣ порядкомъ.

Проф. Лавровъ предлагаетъ предсѣдателю спросить проф. Ростовцева, какой это законный порядокъ составленія особаго протокола въ подобныхъ настоящей комиссіяхъ?

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что это всѣмъ извѣстно, т. е. составляется особый протоколъ, утверждающійся въ слѣдующемъ засѣданіи.

Проф. Лавровъ отмѣчаетъ, что особый протоколъ составляется

фактически; конечно, онъ будетъ заслушанъ комиссіей и будетъ подлежать утверженію со стороны комиссіи; проф. Лавровъ повторяетъ снова свое предложеніе.

Проф. Цёге предлагаетъ приступить къ чтенію отзывовъ, имѣющихся на лицо, такъ какъ нѣтъ необходимости, чтобы каждый членъ комиссіи составлялъ свои отзывы о всѣхъ кандидатахъ.

Проф. Ростовцевъ говоритъ, что съ этимъ онъ согласенъ, т. е. что нѣтъ необходимости каждому члену комиссіи составлять отзывы о всѣхъ кандидатахъ, но что ему поручено въ предположеніи засѣданіи комиссіи составить отзывы о трудахъ д-ра Арапова, что отзывы эти имъ еще не закончены, труды еще не всѣ прочитаны, а труды д-ра Бурденко до сихъ поръ получены имъ еще не всѣ.

Проф. Цёге спрашиваетъ, какіе труды д-ра Бурденко еще не получены проф. Ростовцевымъ?

Проф. Ростовцевъ указываетъ, что имъ не получена работа о васкуляризаціи печени сальникомъ при перевязкѣ *art. hepaticae*, но и полученныя работы имъ еще не закончены просмотромъ.

Проф. Лавровъ проситъ занести въ протоколъ слѣдующее: упомянутая проф. Ростовцевымъ работа прив.-доц. Бурденко подъ заглавіемъ: „перевязка *arteriae hepaticae* и т. д.“ извѣстна членамъ медицинскаго факультета, въ томъ числѣ и проф. Ростовцеву, какъ работа, отзывъ о коей былъ данъ факультету профессорами Цёге, Афанасьевымъ и Михновымъ, какъ о работѣ, имѣвшейся среди другихъ работъ, представленныхъ д-ромъ Бурденко при соисканіи званія приватъ-доцента.

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что ему эта работа осталась неизвѣстной, такъ какъ факультетъ насильственно прекратилъ разсмотрѣніе имъ, проф. Ростовцевымъ, трудовъ д-ра Бурденко.

Проф. Лавровъ предлагаетъ комиссіи просить проф. Ростовцева представить въ ближайшіе нѣсколько дней въ комиссію имѣющіяся у него работы д-ра Арапова и прив.-доц. Бурденко для того, чтобы съ ними, какъ и съ другими работами прочихъ кандидатовъ, возможно скорѣе ознакомить г-дъ членовъ факультета.

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что комиссія не имѣетъ права лишать его, проф. Ростовцева, права рецензента; это — не ея компетенція.

Комиссія принимаетъ предложеніе проф. Лаврова.

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что онъ представитъ труды

вмѣстѣ съ отзывами въ комиссію, гдѣ эти отзывы и должны быть заслушаны.

Проф. Лавровъ просить спросить проф. Ростовцева, въ какой именно срокъ онъ можетъ представить свои отзывы о имѣющихся у него работахъ.

Проф. Ростовцевъ отвѣчаетъ, что точно сказать онъ не можетъ, но не позже, какъ въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль.

Проф. Ростовцевъ предлагаетъ въ настоящемъ засѣданіи закончить ту часть работы, которая уже начата.

Постановлено прочитать отзывы проф. Цеге и Лаврова, прочитанные въ предыдущемъ засѣданіи.

Проф. Ростовцевъ по поводу прослушаннаго отзыва о трудахъ д-ра Мартынова заявилъ, что онъ остается при особомъ мнѣніи; отзывъ проф. Цеге, принятый другими членами комиссіи, не содержитъ въ себѣ краткаго изложенія работъ, не имѣется даже точнаго заглавія работъ и даже представляетъ извращеніе фактическихъ данныхъ.

Проф. Лавровъ находитъ совершенно не умѣстнымъ и не соответствующимъ прямой задачѣ членовъ комиссіи нынѣ заниматься критикой, — да еще въ крайне неакадемическихъ выраженіяхъ (см. выше слово: „извращеніе“), — отзывовъ другихъ членовъ комиссіи.

Прочитанъ отзывъ проф. Цеге, принятый и другими членами комиссіи, о трудахъ прив.-доц. Георгіевскаго.

Проф. Ростовцевъ по поводу отзыва проф. Цеге о трудахъ Георгіевскаго заявляетъ, что въ немъ не приведено даже заглавія работъ, а приведенъ отзывъ огуломъ о всѣхъ работахъ; онъ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ отзывъ весьма разнится отъ отзыва, даннаго о трудахъ Георгіевскаго при соисканіи имъ премій Геймбюргера; цѣнность анатомическихъ изслѣдованій Георгіевскаго весьма велика, что могутъ признать спеціалисты данной науки, такъ какъ онъ, Ростовцевъ, считаетъ этотъ отзывъ весьма краткимъ и не обоснованнымъ, такъ что онъ, Ростовцевъ, остается при своемъ мнѣніи; всѣ анатомическія работы Георгіевскаго имѣютъ самую тѣсную связь съ современною хирургією, а въ особенности, съ оперативною хирургією и топографическою анатомією, на кафедрѣ которыхъ онъ выступаетъ кандидатомъ.

Въ виду того, что проф. Ростовцевымъ не представленъ еще отзывъ относительно работъ Арапова и Бурденко, чтеніе отзыва проф. Цеге объ работахъ этихъ двухъ кандидатовъ постановлено

отложить до слѣдующаго засѣданія, которое рѣшено назначить не позже, какъ черезъ двѣ недѣли.

Профессору Ростовцеву переданъ трудъ д-ра Бурденко подъ заглавіемъ: „Перевязка art. heraticaе съ одновременной и т. д.“

Хотя въ § 24 правилъ дѣлопроизводства указано, что „по дѣламъ, подвергавшимся обсужденію въ собраніи, составляется особый протоколъ, который прочитывается въ слѣдующемъ засѣданіи, и, буде члены признають его правильнымъ, подписывается председателемъ и всѣми членами, присутствовавшими въ предыдущемъ засѣданіи“, но по отношенію къ настоящему протоколу засѣданія комиссіи 23-го октября члены комиссіи, профессора Цеге, Лавровъ и Михновъ нашли возможнымъ, а проф. Цеге и Лавровъ и нужнымъ, прочесть этотъ протоколъ въ томъ же засѣданіи 23-го октября, такъ какъ протоколъ составлялся подъ диктовку.

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что первая часть протокола не писалась подъ диктовку, но даже, если бы и весь протоколъ писался подъ диктовку, что чтеніе его и утвержденіе надлежитъ произвести въ слѣдующемъ засѣданіи.

Протоколъ составленъ правильно:

Предсѣдатель: Проф. *В. Цеге фонъ Мантейфель.*  
 „ *С. Михновъ.*  
 „ *Д. Лавровъ.*

Протоколъ составленъ не вполне вѣрно и исправить остальные члены комиссіи не согласились.

Проф. *М. Ростовцевъ.*

## Протоколъ засѣданія комиссіи для разсмотрѣнія трудовъ на каедру оперативной хирургіи, 6-го ноября 1910 года.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Въ дополненіе къ нему, по заявленію проф. Ростовцева, съ которымъ согласились прочіе члены комиссіи прибавлена на новой страницѣ внизу слѣдующая фраза: „Кто виноватъ въ задержкѣ, онъ не считаетъ нужнымъ указывать, но только виноватъ не онъ, Ростовцевъ“.

Проф. Ростовцевъ просить записать въ протоколъ, что въ прошломъ засѣданіи комиссіи его отзывы о трудахъ д-ра Мартынова и д-ра Георгіевскаго не читались.

Проф. Цеге дѣлаетъ предложеніе всякія дальнѣйшія возраженія или замѣчанія внести въ составляемой нынѣ (6-го ноября) протоколъ и не измѣнять болѣе текста протокола прошлаго засѣданія, такъ какъ онъ былъ составленъ подъ диктовку.

Проф. Ростовцевъ находитъ, что протоколъ прошлаго засѣданія составленъ невѣрно. Другіе члены комиссіи согласились съ предложеніемъ предсѣдателя.

Проф. Цеге просить внести въ протоколъ, что слово „извращеніе“, употребленное проф. Ростовцевымъ относительно его (проф. Цеге) отзыва о трудахъ Мартынова ему, проф. Цеге, было непонятно и, поэтому, противъ этого слова возраженій не сдѣлалъ.

Проф. Ростовцевъ просить занести въ протоколъ прошлаго засѣданія слѣдующее: на прошломъ засѣданіи его, Ростовцева, отзывы о трудахъ Мартынова и Георгіевскаго не читались и что были прочитаны только отзывы проф. Цеге, а отзывъ проф. Лаврова не читался; также проф. Ростовцевъ просить измѣнить выраженіе, что онъ остался „при особомъ мнѣніи“ въ выраженіе, что онъ остался „при своемъ прежнемъ мнѣніи“ о трудахъ Мартынова.

Проф. Ростовцевъ передалъ предсѣдателю бывшіе у него на рукахъ труды д-ра Бурденко, о именно: 1) „Къ вопросу о пластической операціи“, 2) „О Н. И. Пироговѣ . . .“, 3) „Zur Physiologie des Pancreas . . .“ и 4) „Перевязка art. hepaticae . . .“ Далѣе проф. Ростовцевъ заявляетъ, что отзывъ о работахъ д-ра Бурденко имъ составленъ, труды же д-ра Арапова онъ не успѣлъ еще разсмотрѣніемъ закончить.

Предсѣдатель предлагаетъ прослушать отзывы проф. Ростовцева и другихъ членовъ комиссіи о трудахъ Бурденко.

Прочитанъ отзывъ проф. Лаврова о работѣ Бурденко подъ заглавіемъ: „Къ методикѣ изученія роли печени въ усвоеніи углеводовъ“.

По поводу заслушаннаго отзыва проф. Ростовцевъ просить прочитать отзывъ объ этой же работѣ Бурденко, составленный проф. Ростовцевымъ при оцѣнкѣ трудовъ Бурденко при соисканіи имъ званія приватъ-доцента.

Проф. Цеге предлагаетъ этого отзыва не читать, такъ какъ онъ уже извѣстенъ членамъ комиссіи и факультета; проф. Лавровъ

сообщаетъ, что отзывы о работахъ д-ра Бурденко, представленныхъ при соисканіи званія прив.-доцента, находятся въ перепискѣ у письмоводителя факультета, такъ что за ними надо послать на квартиру письмоводителя, на что потребуется минимумъ 30 мин. времени, (теперь же уже 10 час. 15 мин. вечера); эти отзывы членамъ факультета, конечно извѣстны; проф. Ростовцевъ, имѣя сейчасъ въ рукахъ передъ собою работу д-ра Бурденко, могъ бы напомнить членамъ комиссіи въ главныхъ чертахъ свое мнѣніе объ этой работѣ.

По общему рѣшенію опредѣлено послать за отзывомъ на квартиру письмоводителя.

Въ ожиданіи возвращенія письмоводителя прочитанъ отзывъ проф. Лаврова о работѣ Бурденко подъ заглавіемъ: „*per evias ka art. heratica e*“; также прочитанъ отзывъ о той же работѣ, составленный проф. Цеге.

По поводу прослушанныхъ отзывовъ проф. Ростовцевъ заявляетъ, что имъ составлено объ этой работѣ нѣсколько иное мнѣніе; заслушано мнѣніе проф. Ростовцева, которое будетъ приложено къ дѣлу. По поводу заслушаннаго отзыва проф. Ростовцева состоялся обмѣнъ мнѣній, причемъ проф. Михновъ сказалъ, что вступать въ полемику съ проф. Ростовцевымъ удобнѣе всего было бы самому автору, мы же, прочитавшіе работу автора, въ данный моментъ не можемъ подвергать подробному разбору каждый пунктъ ея, а можемъ теперь высказать лишь нашъ общій выводъ о цѣнности работы; проф. Ростовцевъ прибавляетъ, что онъ не говорилъ о деталяхъ работы, а объ основахъ ея, которыя могли бы быть рѣшены и въ настоящее засѣданіе.

Къ мнѣнію проф. Михнова присоединились проф. Цеге и Лавровъ.

Прочитанъ отзывъ проф. Цеге о работѣ: „*Zur Physiologie des Pancreas . . .*“

Мнѣніе проф. Ростовцева будетъ приложено къ протоколу.

Прочитанъ отзывъ проф. Цеге о работѣ подъ заглавіемъ: „пластическая операція . . .“

По этому поводу проф. Ростовцевъ заявилъ, что онъ считаетъ эту работу несамостоятельною и видитъ въ ней лишь планъ будущей работы; несамостоятельность работы онъ видитъ въ томъ, что она написана при содѣйствіи проф. ф. Цеге, Курчинскаго и Афанасьева.

Проф. Цеге на это замѣчаніе проф. Ростовцева заявилъ, что идея работы и выполненіе ея принадлежитъ автору.

Проф. Цеге предлагаетъ, въ виду того, что дѣло объ избраніи на

каедрѣ оперативной хурургіи представляется слѣдующимъ, доложить о дѣйствіяхъ комиссіи въ ближайшее засѣданіе факультета; это тѣмъ болѣе необходимо, что, именно, въ данномъ случаѣ Министерство, для ускоренія дѣла, предложило избрать кандидата на кафедрѣ не путемъ конкурса, а путемъ рекомендаціи.

Проф. Лавровъ: „Если мы не будемъ настаивать на чтеніи сейчасъ тѣхъ отзывовъ проф. Ростовцева, которыхъ сейчасъ не имѣется (они въ перепискѣ) въ канцеляріи Медицинскаго Факультета и которые извѣстны и членамъ Факультета, и намъ, то мы могли бы сегодня закончить разсмотрѣніе отзывовъ о работахъ д-ра Бурденко. Мы могли бы въ понедѣльникъ 8-го ноября представить въ факультетъ не только докладъ о работѣ комиссіи, но и отзывы о 3 кандидатахъ: Георгіевскомъ, Мартыновѣ и Бурденко. Къ сожалѣнію вѣдь, работа комиссіи идетъ медленно.

Проф. Ростовцевъ заявляетъ, что чтеніе отзывовъ уже рѣшено, а въ данный моментъ уже 12 часовъ ночи, и все равно, пора прекращать занятія комиссіи.

Возвратившійся письмоводитель заявилъ, что отзывы, за коими онъ ѣздилъ, находятся въ перепискѣ въ канцеляріи Правленія; и такимъ образомъ, эти отзывы сегодня прочитаны быть не могутъ.

Проф. Ростовцевъ находитъ, что въ настоящій моментъ, если бы отзывы и были на лицо, они не подлежали бы чтенію и обсужденію за позднимъ временемъ.

По опросу членовъ комиссіи выяснилось, что проф. Цеге, Лавровъ и Михновъ находятъ возможнымъ не перечитывать прежнихъ отзывовъ проф. Ростовцева и другихъ рецензентовъ о работахъ д-ра Бурденко, представленныхъ имъ для полученія приват-доцентуры, проф. же Ростовцевъ настаиваетъ на необходимости ихъ прочтенія и обсужденія, такъ какъ при обсужденіи достоинствъ каждаго кандидата придется принимать во вниманіе его научную дѣятельность, какъ она выразилась въ его ученыхъ трудахъ, а для сего необходимо вспомнить о содержаніи и о достоинствахъ каждаго труда, что возможно лишь при прочтеніи отзывовъ о немъ.

Проф. Цеге заявляетъ, что чтеніе отзывовъ въ данномъ случаѣ можетъ быть признано не нужнымъ, такъ какъ отзывы извѣстны членамъ комиссіи и чтеніе ихъ снова было бы лишь простою формальностью, тѣмъ болѣе, что каждый имѣетъ свое опредѣленное мнѣніе относительно всѣхъ кандидатовъ.

Относительно 4-го кандидата, д-ра Арапова, проф. Цеге заявляетъ, что его отзывъ о немъ уже у него имѣется и здѣсь у

него въ рукахъ, но въ этомъ отзывѣ заглавія отдѣльныхъ работъ не указаны, а работы обозначены подъ номерами. Проф. Цёге спрашиваетъ проф. Ростовцева, когда имъ будетъ представленъ отзывъ объ работахъ д-ра Арапова.

Проф. Ростовцевъ отвѣтилъ, что точнаго и опредѣленнаго отвѣта онъ дать не можетъ, но предполагаетъ, что справится съ этою работою онъ можетъ недѣли въ двѣ.

Засѣданіе окончилось въ 12 ч. 48 мин. ночи.

Протоколъ составленъ правильно:

Проф. *В. Цёге фонъ Мантейфель.*  
 „ *Михновъ.*  
 „ *Д. Лавровъ.*

### Протоколъ засѣданія комиссіи по разсмотрѣнію трудовъ кандидатовъ на каѳедру оперативной хирургіи и топографической анатоміи, состоявшагося 20-го ноября 1910 года.

Профессоръ М. И. Ростовцевъ отсутствовалъ.

1. Проф. Цёге заявилъ, что онъ обращался нѣсколько разъ къ проф. Ростовцеву съ письменной просьбой прислать ему, какъ председателю, на короткое время (на 1—2 дня) труды д-ра Арапова для выписки заглавій работъ; проф. М. Ростовцевъ трудовъ этихъ до сихъ поръ не прислалъ, не отвѣтивши на письма; поэтому, проф. Цёге, составивши рецензію работъ д-ра Арапова, не имѣетъ возможности привести въ этой рецензіи подробныя заглавія работъ, а отмѣчаетъ ихъ лишь номерами. Труды д-ра Арапова и его *sigillum vitae* до сихъ поръ находятся у проф. Ростовцева.

2. Заслушанъ отзывъ проф. Цёге о работахъ д-ра Арапова. Проф. Лавровъ и Михновъ присоединились къ отзыву проф. Цёге.

3. Прочитанъ общій отзывъ о сравнительныхъ достоинствахъ всѣхъ кандидатовъ, подписанный профессорами Цёге, Михновымъ и Лавровымъ.

4. Комиссія проситъ проф. Цёге представить всѣ матеріалы по работѣ комиссіи въ факультетъ въ ближайшее засѣданіе.

Проф. *В. Цёге фонъ Мантейфель.*  
 „ *С. Михновъ.*  
 „ *Д. Лавровъ.*

## Общая сравнительная оцѣнка работъ всѣхъ кандидатовъ.

Мартыновъ. Работы Мартынова, это работы новичка, и не представляютъ доказательствъ самостоятельнаго мышленія. — Единственныя его самостоятельныя работы чисто казуистическія.

Георгіевскій. Мы имѣемъ въ лицѣ Георгіевского прілежнаго работника, который занимается изысканіями главнымъ образомъ въ скудной области описательной анатоміи; собственныхъ идей онъ даетъ здѣсь очень мало, — только лишь одиѣ наблюденія.

Цѣнность такихъ изслѣдованій въ наше время уже совсѣмъ не та, что 50 лѣтъ тому назадъ.

Живой связи работъ Георгіевского съ современной хирургіей ни гдѣ не видно, такъ какъ почти всѣ его работы относятся къ области описательной анатоміи.

Араповъ. Изъ 13 работъ Арапова, 6 — представляютъ небольшія казуистическія сообщенія; 2 — статистическія; 2 — техническія; 1 — литературный рефератъ; 1 — военно-полевой хирургіи, и наконецъ диссертация.

Въ общемъ цѣломъ все это хорошія ассистентскія работы. Въ нихъ не видно никакихъ указаній: ни на особую освѣдомленность въ анатоміи, ни на опытность въ экспериментальныхъ хирургическихъ изслѣдованіяхъ. Въ небольшихъ казуистическихъ работахъ имѣется указаніе на литературу, но только въ рамкахъ небольшой работы. Собственныхъ оригинальныхъ мыслей у него маловато. Работы Арапова относятся преимущественно къ области казуистики.

Во всѣхъ работахъ Бурденко, начиная съ его диссертации, замѣчается характерная черта, а именно онъ берется за разработку трудныхъ вопросовъ, которые возможно разрѣшить только экспериментальнымъ путемъ. При этомъ Бурденко, не смотря на свою молодость, либо разрѣшаетъ эти вопросы, либо содѣйствуетъ ихъ будущему разрѣшенію. Бурденко главнымъ образомъ силенъ какъ экспериментаторъ въ области физиологій и

хирургіи; это доказываетъ, что онъ не только вникъ въ современное теченіе въ хирургіи, особенно разрабатываемое американцами, теченіе отъ котораго мы въ настоящее время главнымъ образомъ должны ожидать успѣховъ; но и съ своей стороны въ состояніи самъ дать новое.

Бурденко хорошо освѣдомленъ въ литературѣ, и умѣетъ отдѣлять важные источники отъ неважныхъ. Вслѣдствіе этого, литература у него является не лишнимъ балластомъ, а приводится только по столько, по сколько она важна для даннаго вопроса. При теперешнемъ направленіи въ Россіи, гдѣ пишутся цѣлыя книги о литературѣ, это особенно важно, и заслуживаетъ похвалы.

Работы Бурденко о печени говорятъ о его знаніяхъ въ области физиологической химіи, гистологіи и физиологіи, въ размѣрахъ, какіе рѣдко можно встрѣтить у хирурговъ. Также работы его о швѣ нервовъ доказываютъ прекрасную подготовку по физиологіи, способность ориентироваться, и хорошую гистологическую технику.

На ряду съ этими чисто научными работами, другія работы Бурденко доказываютъ, что онъ интересуется и практикой. Таковы работы о цѣлесообразномъ леченіи переломовъ, о пищевареніи при Gastroenterostomia.

Послѣдняя работа заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ она разъясняетъ вопросъ, о которомъ много спорили. Какъ на основной принципъ, — говорящій и за здоровое биологическое мышленіе автора въ первой работѣ, только что приведенной, — Бурденко указываетъ на дегенерацію железъ, вслѣдствіе инактивности.

Прекрасная техника является дальнѣйшимъ преимуществомъ Бурденко. Интермитирующая перевязка ven. portae, пластика нервовъ, фистула панкреаса должны считаться сложными по техникѣ операціями.

Доклады, читанные Бурденко, здѣсь въ городѣ, его публицистическая дѣятельность, доказываютъ, что онъ обладаетъ даромъ слова и пера.

При вечернихъ самостоятельныхъ обходахъ, будучи ассистентомъ клиники, Бурденко въ высшей степени сумѣлъ заслужить довѣріе студентовъ.

О его хорошей подготовкѣ по анатоміи можетъ говорить между прочемъ и то обстоятельство, что онъ въ Томскомъ Университетѣ состоялъ и. о. помощника прозектора. Тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ вниманія что, кромѣ прекрасной подготовки по изученію лабораторныхъ методовъ изслѣдованія научныхъ вопро-

совъ, онъ уже и въ настоящее время представляется опытнымъ клиницистомъ, какъ въ дѣлѣ распознаванія болѣзней, такъ и въ дѣлѣ ихъ оперативнаго леченія, и къ тому же онъ хорошо знакомъ практически, на дѣлѣ, съ военно-полевою хирургіею. — Въ теченіе почти 6 лѣтъ состоялъ субассистентомъ и ассистентомъ при госпитальной факультетской хир. клиникѣ.

Сравнивая кандидатовъ, мы должны спросить себя, что намъ именно надо? — Современный хирургъ, какую-бы онъ ни занималъ кафедру: клиническую, оперативную, или теоретическую, прежде всего долженъ основательно быть знакомъ съ вспомогательными науками. — Уже Billroth и Diffenbach указываютъ на то, что хирургія безъ физиологіи и патологической анатоміи, (Langenbeck), дѣлается ремесломъ и мертвѣетъ.

Успѣхи хирургіи за послѣдніе 50—60 лѣтъ зиждутся исключительно на экспериментахъ надъ животными. — Это особенно ясно видно въ отношеніи физиологическаго эксперимента, если мы бросимъ взглядъ на длинный рядъ экспериментовъ, начиная съ резекціи желудка Gussenbauer'a до хирургіи мозга Bergmann'a и Horsley'a и новѣйшихъ опытовъ съ швомъ сердца и сосудовъ, пластикой органовъ, съ изысканіями о coccobacteria septica, и sepsis до Serotherapie.

Для преподаванія оперативной хирургіи нынѣ не достаточно, какъ прежде, однихъ занятій на трупахъ, но безусловно требуется производство операцій и на живыхъ животныхъ.

На основаніи изложенныхъ данныхъ о достоинствахъ всѣхъ кандидатовъ на кафедру оперативной хирургіи я рекомендую приват.-доц. Бурденко, какъ кандидата, наиболѣе соответствующаго всѣмъ требованіямъ теоретической и клинической подготовки.

Приват.-доценты Георгіевскій и д-ръ Араповъ также могутъ считаться имѣющими достаточную подготовку, но ихъ слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, поставить на второмъ планѣ.

Наконецъ, д-ръ Мартыновъ долженъ быть признанъ кандидатомъ слабымъ, не имѣющимъ еще данныхъ для замѣщенія кафедры.

г. Юрьевъ, 20. XI. 1910 г.

Проф. *В. Цеге фонъ Мантейфель.*

„ *С. Михновъ.*

„ *Д. Лавровъ.*

## Особый протоколъ по докладу факультетской комисіи по разсмотрѣнію ученыхъ трудовъ кандидатовъ на каѳедру оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи.

Присутствовали: Деканъ профессоръ Д. М. Лавровъ и гг. профессора: П. А. Поляковъ, Н. А. Савельевъ, М. И. Ростовцевъ, А. И. Яроцкій, И. Л. Кондаковъ, В. Ф. Чижъ, В. Г. Цеге фонъ Мантейфель, С. Д. Михновъ, А. С. Рауберъ и В. П. Курчинскій.

Профессоръ Ростовцевъ. Закончена ли работа комисіи? Объ этомъ я не знаю, такъ какъ не былъ въ послѣднемъ засѣданіи комисіи. Я считаю работу комисіи не законченной, ибо еще въ ней не читалось моихъ отзывовъ о части работъ доктора Бурденко и о всѣхъ работахъ доктора Арапова. Затѣмъ не закончена работа комисіи еще и потому, что протоколы засѣданій еще не утверждены ею, покрайней мѣрѣ мнѣ они не представлялись для ознакомленія и подписи.

Деканъ профессоръ Лавровъ. Комисіія считаетъ свою работу законченною.

Профессоръ Поляковъ проситъ составить особый протоколъ по данному дѣлу.

Факультетъ постановляетъ заслушать протоколы засѣданій комисіи.

Прочитываются шесть протоколовъ засѣданій комисіи.

Профессоръ Цеге фонъ Мантейфель. По поводу заслушаннаго я, какъ предсѣдатель комисіи, долженъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Работа комисіи началась 2-го апрѣля сего года, тогда были распредѣлены труды кандидатовъ между членами комисіи. Въ протоколѣ засѣданія комисіи 23-го октября проф. Ростовцевъ отмѣчаетъ, что онъ получилъ приглашеніе уже послѣ начала засѣданія; я долженъ замѣтить, что приглашенія на засѣданіе комисіи разсылались мною за 2—3 дня до засѣданія, о чемъ имѣются помѣтки въ разсылной книгѣ. Профессоръ Ростовцевъ по поводу моего отзыва о работахъ доктора Мартынова замѣтилъ, что тамъ имѣется „извращеніе“ фактическихъ данныхъ. Слово „извращеніе“ я не понялъ, потому и не дѣлалъ возраженій. Кромѣ того, я нѣсколько разъ просилъ проф. Ростовцева передать мнѣ на одинъ-два дня работы доктора Арапова для выписки подробныхъ заглавій

его работъ; проф. Ростовцевъ не исполнилъ моей просьбы и работы возвратилъ только вчера.

Профессоръ Ростовцевъ указываетъ, что повѣстка на засѣданіе 23-го октября была ему доставлена во время его отпуска и получена имъ въ часъ засѣданія комиссіи. Тоже самое относится и къ письму проф. Цеге фонъ Мантейфеля.

Проф. Ростовцевъ замѣчаетъ, что по его мнѣнію работы комиссіей не закончены, такъ какъ въ ней не заслушаны его отзывы о работахъ доктора Арапова и нѣкоторые отзывы о работѣ доктора Бурденко. Протоколы засѣданія составлены не вѣрно. Онъ предлагаетъ не заслушивать общаго отзыва комиссіи о работахъ кандидатовъ, настаиваетъ, чтобы комиссія разсмотрѣла дѣйствительно всѣ труды всѣхъ кандидатовъ. Труды иныхъ кандидатовъ заслуживаютъ, можетъ быть, порицанія. Работа комиссіи трудна, комиссія работала безъ задержки. Работа комиссіи не закончена.

Профессоръ Чижъ. Работа по разсмотрѣнію трудовъ кандидатовъ поручена нами комиссіи; она рѣшила, что эта работа закончена, намъ надлежитъ заслушать отзывы, представляемые комиссіей.

Профессоръ Курчинскій. Избирая комиссію для оцѣнки представленныхъ кандидатами трудовъ, факультетъ представилъ ей достаточно времени (болѣе 7-ми мѣсяцевъ). Закончила ли или не закончила комиссія свою работу, факультетъ въ правѣ теперь же приступить къ самостоятельной оцѣнкѣ достоинства трудовъ кандидатовъ на кафедрѣ оперативной хирургіи.

Рѣшено заслушать отзывы, представленные комиссіей. Заслушаны отзывы: о работахъ доктора Мартынова, — проф. Ростовцева и Цеге фонъ Мантейфеля; о работахъ доктора Георгіевскаго, проф. Ростовцева и Цеге фонъ Мантейфеля; о работахъ доктора Арапова профессора Цеге фонъ Мантейфеля; о работахъ доктора Бурденко проф. Лаврова и Цеге фонъ Мантейфеля, при чемъ проф. Ростовцевъ указалъ, что отзывы проф. Лаврова не читались въ засѣданіи комиссіи. Деканъ сдѣлалъ ссылку на протоколъ засѣданія комиссіи 20-го октября. Заслушанъ общій отзывъ о работахъ всѣхъ кандидатовъ, подписанный профессорами: Цеге фонъ Мантейфелемъ, Михновымъ и Лавровымъ.

Профессоръ Чижъ предложилъ факультету выразить благодарность комиссіи за выполненіе ею трудной работы. Предложеніе проф. Чижа факультетомъ принято.

Профессоръ Ростовцевъ просить факультетъ выслушать его отзывы о работахъ доктора Арапова и доктора Бурденко. Въ виду того, что этихъ отзывовъ онъ сейчасъ съ собой не имѣетъ, онъ просить факультетъ разрѣшить ему съѣздить домой за этими отзывами. Просьба проф. Ростовцева отклоняется шестью головами противъ четырехъ.

Деканъ предлагаетъ обсудить представленные комиссией отзывы.

Профессоръ Яроцкій. Отзывъ комиссіи о работахъ Арапова нѣсколько строгъ; мнѣнія членовъ комиссіи о трудахъ доктора Арапова и доктора Бурденко разошлись: проф. Ростовцевъ много мнѣній объ этихъ кандидатахъ, чѣмъ другіе члены комиссіи. Желательно заслушать отзывъ проф. Ростовцева объ этихъ кандидатахъ.

Профессоръ Курчинскій: можетъ быть проф. Ростовцевъ выскажется здѣсь о работахъ названныхъ кандидатовъ.

Профессоръ Ростовцевъ. Отзывы комиссіи о работахъ Арапова пристрастны. Предварительно надо замѣтить, что сужденіе о нихъ въ комиссіи производилось при отсутствіи самихъ трудовъ и даже при отсутствіи ихъ заглавій. Отзывъ о нихъ также кратокъ и категорично отрицателенъ и также въ нѣкоторыхъ частяхъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ, а именно о работѣ его „Гемолитическая реакція Bordet-Wassermann'a въ хирургической клиникѣ“ сказано, что эта работа представляетъ лишь критику литературы, рефератъ. Въ самомъ же дѣлѣ эта работа вполне самостоятельна, написанная на собственномъ довольно большомъ клиническомъ матеріалѣ. Какъ же это было можно сказать, что это есть рефератъ чужихъ работъ! И какъ разъ это одна изъ хорошихъ работъ по этому вопросу и притомъ вполне современная; она обнаружила въ авторѣ прекраснаго клинициста, научно образованнаго. Совершенно непонятно, какъ можно было отнестись къ этой работѣ такъ несправедливо. Затѣмъ считалъ бы заслуживающимъ болѣе снисходительнаго вниманія, чѣмъ отзывъ комиссіи по отношенію работъ доктора Арапова о тифозномъ спондилитѣ, о брюшно-тифозномъ нагноеніи, о септицеміи, вызванной кишечной палочкой. Хотя эти работы касаются казуистическихъ случаевъ, но значеніе ихъ переходитъ далеко за предѣлы простой казуистики; патогенныя свойства бактерій не патогенныхъ представляютъ большой теоретическій и практическій интересъ и въ случаяхъ доктора Арапова чрезвычайно интересно наблю-

деніе, что брюшнотифозная палочка собственно не вызывает нагноеніе, а лишь некрозь, распадъ тканей. Также нельзя не сказать хорошо объ обстоятельной и интересной работѣ „О лѣченіи острыхъ воспаленій суставовъ застойной гипереміей по способу Bier'a“. Вообще я долженъ здѣсь засвидѣтельствовать, что работы доктора Арапова производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Онѣ касаются разностороннихъ вопросовъ и обнаруживаютъ въ авторѣ опытнаго клинициста, наблюдателя, владѣющаго всѣми современными методами изслѣдованій больныхъ. Общее мое мнѣніе объ этихъ работахъ чрезвычайно лестно. Онѣ скромны, его казуистическіе случаи цѣнны. Сообщение о случаѣ септицеміи, вызванной кишечной палочкой, представляетъ большую цѣнность. Работы въ общемъ производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Араповъ вполне научно подготовленъ, отличнѣйшій клиницистъ. Профессоръ Ростовцевъ, переходя къ отцѣнкѣ работъ доктора Бурденко, остановился прежде всего на работѣ, гдѣ описывается случай подкожнаго внутрибрюшного разрыва мочевого пузыря. Проф. Ростовцевъ указываетъ, что докторъ Бурденко выдаетъ свой случай за 8-ой (восьмой). Проф. Ростовцевъ отмѣчаетъ, что докторъ Бурденко, собравши 8 (восемь) случаевъ, пропустилъ 20 случаевъ.

Профессоръ Лавровъ отмѣчаетъ, что Бурденко въ своей работѣ этого не дѣлаетъ и свой случай считаетъ 52 (пятьдесятъ вторымъ). Проф. Ростовцевъ остается при прежнемъ мнѣніи, въ виду чего проф. Чижевскій предложилъ немедленно же провѣрить заявленіе проф. Ростовцева. При справкѣ оказалось, что заявленіе проф. Ростовцева не вѣрно; объ этомъ проф. Чижевскій просилъ занести въ протоколъ.

Дальнѣйше проф. Ростовцевъ останавливается на работѣ касательно перевязки *art. hepaticae*; онъ отмѣчаетъ, что артеріи перевязывались въ два приѣма, такой приѣмъ не лишаетъ органа крови. Перевязывать артеріи, перевязывать въ два приѣма невѣжество, — эта ошибка дѣлаетъ всю работу негодною. Выводъ автора никуда не годенъ. Авторъ работалъ здѣсь неосторожно и безъ знанія дѣла. Докторъ Бурденко работалъ, прямо сказать, будучи не знакомъ съ законами васкуляризаціи и анатоміи данной области. О недостаткахъ главной работы онъ, проф. Ростовцевъ, давалъ уже свои отзывы, — онъ указалъ на малое знакомство автора съ лигатурами сосудовъ и проч. Работа о пластической операціи спинно-мозговыхъ корешковъ не самостоятельна; это не есть работа, а планъ, введеніе; она ничего не дала. Въ

ней авторъ слишкомъ смѣло относится къ вопросу о локализациі центровъ иннервациі прямой кишки и мочевого пузыря. Работа о резекціи пилорической части желудка серьезная работа, но написана не на тему; резекціи означенной не дѣлалось. Въ общемъ объ этой работѣ я хорошаго мнѣнія.

Профессоръ Цеге фонъ Мантейфель. Въ своей рецензіи о диссертациі доктора Мартынова я ошибся, — какъ мною и отмѣчено въ протоколѣ комиссіи: одинъ случай былъ его собственный. Что касается работы Бурденко о перевязкѣ артеріи печеночной съ одновременной или предварительной васкуляризацией печени салъникомъ, я долженъ замѣтить, что сущность этой работы сводится къ тому, что при перевязкѣ артеріи, питающихъ печень, печень погибаетъ, *art. phrenica* одна недостаточна для питанія и жизни печени; при обшиваніи печени салъникомъ она при означенныхъ перевязкахъ не погибаетъ. Работа „Къ вопросу о пластической операциі спинно-мозговыхъ корешковъ“ самостоятельна; она переведена на нѣмецкій языкъ такимъ специалистомъ, какъ проф. Монаковъ.

Профессоръ Курчинскій. Въ указанной работѣ упоминается и моя фамилія; она упоминается по деликатности доктора Бурденко. По поводу этой работы онъ бесѣдовалъ и со мною, какъ, можетъ быть, и съ другими членами факультета. Это упоминаніе не даетъ повода утверждать, что означенная работа доктора Бурденко не самостоятельна.

Профессоръ Ростовцевъ указалъ, что проф. Цеге фонъ Мантейфель не опровергъ его возраженій.

Профессоръ Курчинскій. Упреки проф. Ростовцева по адресу доктора Бурденко въ незнаніи законовъ васкуляризациі едва ли состоятельны. Въ высшей степени невѣроятно, что докторъ Бурденко не знаетъ такихъ элементарныхъ вещей. Едва ли онъ дѣлаетъ такія грубыя ошибки, какія отмѣчаются профессоромъ Ростовцевымъ.

Профессоръ Цеге фонъ Мантейфель. Бурденко работалъ (— перевязка *art hepaticae* съ . . .) по Haberer'у; все дѣлалось по Haberer'у. У самаго Haberer'a описаны только два случая, когда печень осталась жива (— кошка и собака). Всѣ животныя при такихъ перевязкахъ погибали, а при пришиваніи салъника животныя оставались въ живыхъ. *Art. phrenica* все равно недостаточна для развитія анастомозовъ. Упрекъ, сдѣланный проф. Ростовцевымъ Бурденко, недействителенъ.

Профессоръ Ростовцевъ отмѣчаетъ, что Бурденко въ своей работѣ цитируетъ Haberer'a, дѣлаетъ ссылки на него, но, очевидно, не понимаетъ всего этого.

Профессоръ Курчинскій. Вопросъ о питаніи печени интересенъ и сложенъ; очевидно, — это видно изъ преній, — здѣсь дѣло идетъ не объ элементахъ. Мы знаемъ элементы по этому вопросу и безъ разъясненій проф. Ростовцева. Интересно было-бы выслушать мнѣніе и самого автора работы (доктора Бурденко) по данному вопросу.

Профессоръ Ростовцевъ. Я не могу согласиться съ В. П., что для рѣшенія поднятаго мною вопроса необходимо присутствіе самого доктора Бурденко. Вѣдь вопросъ касается элементарнаго знанія и, я надѣюсь, мы компетентны рѣшить его. Дѣло вѣдь простое: докторъ Бурденко, желая лишить печень кровоснабженія изъ печеночной артеріи и ея вѣтвей, перевязываетъ ихъ всѣ, но для скорости операціи въ два пріема, съ промежуткомъ въ двѣ недѣли — этимъ онъ обнаруживаетъ свое незнаніе законовъ васкуляризаціи и коллятералей, а знаніе этихъ законовъ относится къ элементарнымъ, требуемымъ даже отъ студентовъ. Профессоръ Цеге фонъ Мантейфель, увѣряя, что въ литературѣ извѣстны лишь два животныхъ, оставшихся въ живыхъ послѣ перевязки art. hepatica, а остальные всѣ гибли, тогда какъ у доктора Бурденко многія животныя остались живы и это благодаря лишь обшиванію печени сальникомъ, приводитъ невѣрныя ссылки . . . (Здѣсь предсѣдатель не даетъ мнѣ слова, такъ какъ факультетъ находитъ вопросъ исчерпаннымъ).

Факультетъ считаетъ пренія законченными. Профессоръ Ростовцевъ проситъ приложить къ данному дѣлу, когда оно перейдетъ въ Совѣтъ, отзывы факультетской комиссіи о работахъ доктора Георгіевскаго, представленныхъ имъ при соисканіи преміи Геймбюргера.

Постановлено: „Работу комиссіи признать законченною. По данному дѣлу составить особый протоколъ. Представить матеріалъ по протоколу къ 24-му сего ноября. Назначить выборы на 25-ое сего ноября“.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Деканъ Д. Лавровъ.

## Протоколъ по дѣлу выбора профессора на кафедре оперативной хирургіи, десмургіи, и топографической анатоміи.

Присутствовали: Деканъ Профессоръ Д. М. Лавровъ, профессора: В. А. Афанасьевъ, А. С. Игнатовскій, И. Л. Кондаковъ, В. П. Курчинскій, С. Д. Михновъ, П. А. Поляковъ, А. С. Рауберъ, М. И. Ростовцевъ, Н. А. Савельевъ, В. Ф. Чижъ, В. Г. Цеге фонъ Мантейфель, Е. А. Шепилевскій и А. И. Яроцкій.

Прочитанъ протоколъ по докладу факультетской комиссіи объ ученыхъ трудахъ кандидатовъ; протоколъ признанъ составленнымъ правильно.

Заслушаны curriculum vitae кандидатовъ, при чемъ былъ прочитанъ отзывъ проф. Кадына о работѣ доктора Арапова и отзывъ профессора Рейна (Москва) о послѣднихъ работахъ доктора Георгіевскаго, послѣ чего было приступлено къ закрытой, одновременной баллотировкѣ кандидатовъ (проф. Керберъ передалъ свой голосъ декану проф. Лаврову, а проф. Дегио проф. Яроцкому).

Передъ баллотировкой проф. Ростовцевъ заявилъ, что въ случаѣ неизбрания доктора Георгіевскаго, по его мнѣнію наиболѣе подходящаго кандидата, равно какъ въ случаѣ избранія доктора Бурденко, по его мнѣнію наименѣе подходящаго кандидата, онъ подастъ особое мнѣніе, которое высказалъ передъ факультетомъ.

По произведенной баллотировкѣ оказалось, что получено:  
 Докторомъ Н. Н. Бурденко — избирательныхъ 15 шаровъ и неизбирательныхъ 1 шаръ.  
 „ И. В. Георгіевскимъ — избирательныхъ 7 шаровъ и неизбирательныхъ 9 шаровъ.  
 „ А. В. Араповымъ — избирательныхъ 2 шара и неизбирательныхъ 14 шаровъ.  
 „ А. В. Мартыновымъ — избирательныхъ 1 шаръ и неизбирательныхъ 15 шаровъ.

Постановлено считать кандидатомъ факультета доктора Бурденко, о чемъ сдѣлать представленіе въ Совѣтъ. Все дѣлопроизводство представить въ Совѣтъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Деканъ Д. Лавровъ.

## Особое мнѣніе проф. М. И. Ростовцева.

Прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, я заявляю свое особое мнѣніе на тотъ случай, если д-ръ Бурденко будетъ избранъ профессоромъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи.

Я считаю, что условія, при которыхъ происходили подготовительныя работы къ выборамъ, были крайне ненормальны, а именно пренебрегалось соблюденіемъ весьма важныхъ формальностей и обнаружилось крайне пристрастное отношеніе къ кандидатамъ: къ д-ру Бурденко не въ мѣру доброжелательное и къ остальнымъ кандидатамъ обратное. Затѣмъ д-ръ Бурденко совершенно еще не подготовленъ для занятія профессорской кафедры: онъ еще молодъ и неопытенъ. Какъ клиницистъ хирургъ его литературное реномэ покоится лишь на нѣсколькихъ самостоятельно проведенныхъ имъ случаяхъ переломовъ голени — это для клинициста профессора немного мало, а кромѣ того онъ обнаружилъ въ своихъ клиническихъ работахъ (всего 2 маленькихъ) плохую теоретическую и практическую подготовку клинициста (см. мои отзывы данные при соисканіи д-ромъ Бурденко степени приватъ-доцента, которые я прошу приложить къ дѣлу). Какъ экспериментаторъ, хотя онъ и обнаружилъ большую трудоспособность и рвеніе, но въ тоже время обнаружилъ и недостаточно продуманное и осмотрительное отношеніе къ выработкѣ методами опытовъ, чѣмъ сдѣлалъ большинство своихъ опытовъ малоцѣнными. Какъ анатомъ, у него въ прошломъ нѣтъ никакой сколько-нибудь серьезной подготовки, нѣтъ литературныхъ работъ по этой спеціальности, а изъ имѣющихся другихъ его работахъ обнаружались весьма крупные дефекты въ знаніи основныхъ данныхъ этой спеціальности.

На основаніи всего сказаннаго считаю д-ра Бурденко совершенно неподготовленнымъ для занятія кафедры оперативной хирургіи и топографической анатоміи.

Проф. М. Ростовцевъ.

## Поправка.

---

Особый протоколъ по дѣлу объ избраніи д-ра медицины Н. Н. Бурденко на кафедрѣ оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи долженъ быть дополненъ слѣдующимъ постановленіемъ Совѣта :

Постановлено: По произведенной баллотировкѣ 48 изб. противъ 2 неизб. постановлено признать избраннымъ Бурденко и ходатайствовать объ утвержденіи э. о. профессоромъ по кафедрѣ оперативной хирургіи, десмургіи и топографической анатоміи. Проф. Ростовцевъ заявилъ особое мнѣніе. По этому дѣлу, по требованію проф. Полякова, составленъ особый протоколъ. Постановлено протоколъ напечатать въ Ученыхъ Запискахъ.

---

# **Первая экскурсія студентовъ-медиковъ**

**Императорскаго Юрьевскаго Университета**

## **въ Германію**

**подъ руководствомъ А. К. Пальдрока**

**съ 13 декабря 1910 года по 17 января 1911 года.**

---



## Предисловіе.

---

Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается число устраиваемыхъ студенческихъ экскурсій. Студенчество во время какъ Рождественскихъ, такъ и лѣтнихъ каникулъ многочисленными группами посѣщаютъ тѣ или иныя мѣстности нашего обширнаго отечества. Этому въ громадной степени способствуютъ тѣ условія, въ которыя ставятся подобныя экскурсіи. Проѣзды напр. по желѣзнымъ дорогамъ удешевляется для экскурсантовъ на 75%. Помѣщенія на мѣстахъ отводятся или мѣстными городскими самоуправленіями или учебными заведеніями. Правленіями университетовъ и др. высшихъ учебныхъ заведеній весьма часто ассигновываются тѣ или иныя суммы въ пользу недостаточныхъ экскурсантовъ. Въ послѣднее время открыты даже спеціальныя, постоянныя кредиты для субсидированія чисто научныхъ экскурсій.

Цѣли преслѣдуемыя экскурсіями весьма различны. Однѣ направляются съ чисто спеціальными, весьма узкими задачами напр.: на естественныхъ отдѣленіяхъ университетовъ ежегодно устраиваются поѣздки для изученія почвы какой-нибудь мѣстности. Другія же преслѣдуютъ болѣе общія задачи, какъ напр.: избирается цѣлой рядъ городовъ и осматриваются здѣсь всѣ достопримѣчательности. Благодаря подобнымъ экскурсіямъ многіе студенты имѣютъ возможность весьма дешево и легко попадать въ такія мѣстности въ которыя едва ли они могли бы попасть безъ экскурсіи.

Нынѣ, какъ извѣстно, правилами регулирующими студенческія образовательныя и научныя поѣздки, требуется, чтобы во главѣ таковыхъ обязательно стояли лица старшаго или младшаго преподавательскаго персонала, иначе подобныя экскурсіи никакими

льготами не пользуются и университетским начальством не разрѣшаются. Поэтому сплошь и рядомъ приходится приглашать стать во главѣ экскурсантовъ тѣхъ именно лицъ, каковыя могли бы быть наиболѣе подходящими для экскурсіи.

Труды послѣдняго совершенно не оплачиваются и онъ является равнымъ членомъ со всѣми студентами. Руководителю экскурсіи значительно облегчается задача, если подборъ экскурсантовъ будетъ не слишкомъ разнообразенъ по своимъ взглядамъ, что къ сожалѣнію не было въ нашей экскурсіи. Поэтому однимъ изъ кардинальныхъ пунктовъ въ организаціи общеобразовательныхъ экскурсій является выборъ руководителя. Затѣмъ слѣдуетъ подготовка пріемовъ на мѣстахъ, отмѣченныхъ въ планѣ экскурсіи, одновременно съ вербовкой студентовъ, желающихъ участвовать въ экскурсіи, разрѣшеніе квартирнаго вопроса и пр.

Инициаторы данной экскурсіи, члены общества студентовъ медиковъ предложили своему правленію взять на себя хлопоты по организаціи послѣдней.

### Планъ экскурсіи.

Главной цѣлью нашей экскурсіи было ознакомленіе съ болѣе или менѣе выдающимися медицинскими учрежденіями Германіи, причемъ клиники занимали здѣсь первое мѣсто.

Намъ хотѣлось увидать, какъ пользуются для цѣлей преподаванія тѣмъ клиническимъ матеріаломъ, который представляетъ Берлинъ, постановку клиническаго дѣла здѣсь, старыя и новыя университетскія клиники, не забывая и больницъ, которыя не служатъ для обученія студенчества. Въ виду того, что самой новѣйшей клиникой въ Берлинѣ являлась Вирховская больница, а старѣйшей-университетскія клиники въ „Шаритѣ“, то рѣшено было остановиться лишь на посѣщеніи двухъ названныхъ учрежденій. Изъ больницъ же была выбрана городская въ „Moabit'ѣ“, въ населенной рабочими части города, ибо намъ предстояло осмотрѣть также въ Hamburg'ѣ — больницы Eppendorf'скую и St. Georg'a. Осмотръ всѣхъ перечисленныхъ учрежденій предполагался сдѣлать всѣстороннимъ.

Въ этомъ послѣднемъ городѣ необходимо было ознакомиться также съ единственнымъ въ своемъ родѣ въ мірѣ учрежденіемъ, носящимъ названіе „Institut für Schiffs- und Tropenkrankheiten“.

Въ Берлинѣ, какъ извѣстно, находятся выдающіеся частныя

ученые. Отъ одного изъ нихъ, М. Joseph'a, докторомъ А. К. Пальдрокомъ было получено разрѣшеніе осмотрѣть его поликлинику кожныхъ и венерическихъ болѣзней и присутствовать на его лекціи. Въ Дрезденѣ мы рѣшили посѣтить хорошо обставленную санаторію д-ра Ламана, гдѣ примѣняются методы физико-терапии, старающіяся въ послѣднее время занять одно изъ главныхъ мѣстъ въ медицинѣ. Рядомъ съ этимъ было представлено въ программу ознакомленіе съ разрѣшеніемъ важнѣйшихъ гигиеническихъ вопросовъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ.

Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы въ этихъ двухъ городахъ идетъ кипучая дѣятельность по введенію тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, защищающихъ жизнь населенія отъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней. Съ этой цѣлью было рѣшено осмотрѣть въ Берлинѣ поля орошенія, водокачку, систему канализаціи и біологическую станцію очистки стоячихъ водъ.

Въ Гамбургѣ эти учрежденія болѣе новы. Здѣсь же въ виду исключительнаго интереса признано было желательнымъ осмотрѣть дезинфекцію кораблей, прибывшихъ изъ зараженныхъ чумой странъ и мѣстный крематорій, являющійся однимъ изъ самыхъ лучшихъ въ Германіи.

Затѣмъ представлялъ также громадный интересъ вопросъ о снабженіи Берлина съѣстными припасами, молочными продуктами и пр. Поэтому въ программу пришлось внести осмотръ центрального рынка въ Берлинѣ и молочной фермы С. Bolle. Ознакомленіе отношенія техники къ медицинѣ представлено было въ нашей программѣ учрежденіями въ Берлинѣ въ Kaiserin Friedrich Haus и въ Ständige Ausstellung für Arbeiterwohlfahrt.

Въ Дармштадтѣ — химическимъ заводомъ Merck'a, въ Cassel'ѣ — фабрикой медицинскихъ инструментовъ Evens'a и Pistor'a. Экскурсія наша должна была состояться въ такое время, когда большая часть заграничныхъ курортовъ пустуетъ, поэтому рѣшено было внести въ программу лишь осмотръ попутныхъ модныхъ курортовъ — Aachen'a и Wiesbaden'a, причемъ послѣдній къ посѣщенію былъ необязателенъ.

Нашу программу можно было считать законченной, но чтобы не быть односторонними рѣшено было включить сюда и ознакомленіе съ тѣми или иными достопримѣчательностями, представляющими какой-либо интересъ для иностранца — туриста. Такъ напр.: ознакомленіе съ изящными искусствами, а для этого рѣшили посѣтить Національную галерею въ Берлинѣ, Художествен-

ный Музей въ Лейпцигѣ, Картинную галерею въ Дрезденѣ, Почтовой музей въ Берлинѣ, Берлинскій рейхстагъ, дворцы, зоологическіе сады въ Берлинѣ и Гамбургѣ, осмотръ океанскаго парохода въ Гамбургѣ и пр. Наша программа казалась бы не полной, если бы мы не включили сюда посѣщенія во время пребыванія во Франкфуртѣ популярнаго ученаго, интересующаго нынѣ весь міръ своимъ извѣстнымъ препаратомъ Salvarsan, профессора Р. Ehrlich'a. Само собой разумѣется, что въ университетскихъ городахъ необходимымъ считается осмотръ главныхъ зданій университета. Только имѣя передъ собой ясное понятіе того, что мы должны были осмотрѣть за границей, мы могли болѣе или менѣе приблизительно высчитать количество дней необходимое для остановокъ въ различныхъ городахъ. Причемъ Берлину, одному изъ крупнѣйшихъ медицинскихъ центровъ міра, гдѣ къ тому же нужно было осмотрѣть самое большее число учреждений, рѣшено было удѣлить и большее число дней (9 сутокъ). Затѣмъ слѣдоваль Гамбургъ — 6 дней, Köln — 1 день, Франкфуртъ — 3 дня, Ахенъ — 1 день, Darmstadt — 1 день, Heidelberg — 1 день, причемъ желающіе могли проѣхать на 1 день въ Wiesbaden, Cassel — 1 день, Лейпцигъ — 3 дня, Дрезденъ — 3 дня, Бреславль 1 день и наконецъ Варшава — 2 дня. 28 ноября отъ имени руководителя экскурсіонной комиссіи было подано прошеніе г. ректору университета во I) о разрѣшеніи 30 студентамъ медикамъ заграничной поѣздки и объ ассигнованіи изъ Университетскихъ суммъ 300 руб. въ пособіе экскурсіи, во II) о возбужденіи ходатайства а) о выдачѣ экскурсантамъ безплатныхъ заграничныхъ паспортовъ, б) о скидкѣ въ 75<sup>0</sup>/<sub>0</sub> со стоимости билетовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ с) о скидкѣ въ 50<sup>0</sup>/<sub>0</sub> со стоимости по нѣмецкимъ желѣзнымъ дорогамъ, каковое представляется студентамъ германскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Всѣ наши просьбы увѣнчались успѣхомъ.

Въ число экскурсантовъ входили лишь студенты медицинскаго факультета. Только по особому разрѣшенію г. руководителя экскурсіи и согласія комиссіи экскурсіи въ составъ послѣдней былъ допущенъ студентъ юридическаго факультета Н. Розе. Какъ было упомянуто выше въ составъ экскурсіи вошло 11, хотя желающихъ было больше (80).

три — 9 семестра  
 четыре — 8 „  
 три — 5 „  
 и 1 юристь.

По національностямъ экскурсанты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

- 3 русскихъ — Ф. Ниценко, А. Клопотовскій, К. Гордѣвъ.
- 3 еврея — Л. Юффе, М. Выховскій, М. Таль.
- 2 эстонца — А. Любекъ, Н. Розе.
- 2 армянина — З. Перкельянцъ, Т. Спандунянцъ.
- 1 полякъ — С. Сосновскій.

Заканчивая подготовительную часть даннаго отчета, не можемъ не выразить своей глубокой благодарности отъ имени экскурсантовъ: г. Попечителю Рижскаго Учебнаго Округа С. М. Прутенко за выраженное намъ сочувствіе, г. Ректору Университета В. Г. Алексѣеву, проректору А. Н. Миклашевскому, декану медицинскаго факультета Д. М. Лаврову, профессору Е. А. Шепилевскому, чинамъ канцеляріи по студенческимъ дѣламъ Университета въ лицѣ Н. А. Бѣльдюгина, вынесшихъ на своихъ плечахъ всю громадную переписку по дѣламъ экскурсіи, а также и всѣмъ лицамъ, которыя помогали экскурсантамъ совѣтомъ и дѣломъ.

### **Впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ экскурсіи.**

Эккурсія выѣхала изъ Юрьева 13 декабря 1910 года и прибыла въ Берлинъ 15 декабря.

Въ Берлинѣ мы пробыли 9 дней и за это время успѣли осмотрѣть слѣд.: 1) Институтъ для инфекціонныхъ болѣзней, 2) Больницу „Moabit“, 3) Вирховскую больницу, 4) Университетъ 5) Поликлинику Макса Йозефа, 6) Sanitas, 7) Ботанический садъ, 8) Национальную галерею, 9) Соборъ, 10) Морской музей, 11) Гигиеническій институтъ, 12) Фарфоровый заводъ, 13) Рабочую выставку, 14) Kaiserin Friedrich Haus, 15) Рейхстагъ, 16) Станцію для перекачки сточной воды въ Шарлоттенбургъ, 17) Meierei Volle, 18) Клинику Шарпфа, 19) Королевскій дворецъ, 20) Цейхгаусъ, 21) Почтовый музей, 22) Центральный рынокъ.

Изъ Берлина экскурсія отправилась въ Гамбургъ, гдѣ пробыла 5 дней и успѣла осмотрѣть слѣдующее: 1) Гигиеническій институтъ, 2) Станцію биологической очистки, 3) Эппендорфскую больницу, 4) Пароходъ Мольтка, 5) Звѣринецъ Гагенбека, 6) Больницу Св. Георгія, 7) Водоснабженіе города, 8) Канализаціонную систему, 9) Институтъ корабельныхъ и тропическихъ болѣзней, 10) Крематорій, 11) Кладбище, 12) Перевозку эмигрантовъ, 13) Ско-

тобойню, 14) Пароходъ — дезинфекторъ, 15) Ратушу, 16) Биржу, 17) Старую ратушу.

Въ другихъ городахъ экскурсанты за неимѣніемъ времени не могли удѣлять всему такъ много вниманія, какъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ. Они осмотрѣли Аахенъ, Кельнскій Соборъ, Гейдельбергскій Университетъ, Раковій Институтъ проф. Черни, Заводъ Мерка, Институтъ проф. Эрлиха, Заводъ медиц. инструментовъ въ Касселѣ, Дрезденскую Галерею картинъ, Albertinum, Санаторію Ламана (Дрезденъ).

Въ больничныхъ палатахъ обратило на себя вниманіе обиліе воздуха и свѣта, не говоря уже о чистотѣ и просторности. Новѣйшая система вентиляцій, обратившая на себя вниманіе, состояла въ слѣдующемъ: трубы центрального отопленія проведены, или подъ столами, находящимся посрединѣ палатъ или подъ поломъ. Трубы проведенныя подъ столами расширяющія здѣсь же въ печи, а проведенныя змѣеобразно подъ поломъ согрѣваютъ одинаково весь полъ. Воздухъ, соприкасаясь съ нагрѣтымъ мѣстомъ, подымается вверхъ къ куполообразному потолку и черезъ особія отверстія выходитъ наружу. Эти отверстія устроены такъ, что они могутъ быть открыты въ противоположную направленію вѣтра сторону, съ той цѣлю, чтобы вѣтеръ не дулъ въ палату, а уносилъ использованный воздухъ. Въ больницѣ св. Георгія по этому способу нагрѣваются и скамейки, расположенныя амфитеатромъ въ операціонномъ залѣ. Въ палатахъ имѣлись цвѣты, въ дѣтскихъ-игрушки, такъ что все напоминаетъ домашнюю уютную обстановку.

Операціонныя устроены изъ кафельныхъ безъ щелей стѣнъ съ отсутствіемъ рѣзкихъ угловъ. Въ стѣнахъ устроены большія матовыя стекла, за которыми помѣщены электрическія лампочки, освѣщающія съ разныхъ сторонъ операціонное поле. Потолокъ изъ такого же стекла и также освѣщенъ. Въ операціонныхъ ничего кромѣ стола нѣтъ, только въ нѣкоторыхъ находятся шкафы для инструментовъ. Все нужное для операціи готовится въ соседней комнатѣ и передается по мѣрѣ надобности черезъ особія окошки. Операціонныя дезинфицируются паромъ подъ давленіемъ двухъ атмосферъ и вентилируются фильтрованнымъ воздухомъ. Передъ операціей врачи принимаютъ ванну, потомъ переходятъ въ особую комнату, гдѣ надѣваютъ стерильное бѣлье и отсюда прямо попадаютъ въ операціонную; также готовятъ и оперируемаго больного. Особое вниманіе, изъ осмотрѣнныхъ нами

клиникъ и больницъ, обратило на себя богатство вспомогательныхъ учреждений. Вездѣ имѣлись пандеровскіе институты, кабинеты для электротерапіи, кромѣ общихъ большихъ лабораторій, для каждой палаты имѣлись отдѣльныя маленькія лабораторіи для различныхъ изслѣдованій. Кромѣ отдѣльнаго гидротералевтического отдѣленія, имѣющаго постоянныя ванны, имѣлись при палатахъ отдѣльныя ванныя комнаты, а также веранды, куда выносились выздоравливающіе больные. При каждой больницѣ имѣются патологоанатомическіе институты съ отдѣльными секціонными залами, устроенными по примѣру хирургическихъ операціонныхъ и также легко дезинфицируемыхъ съ отдѣленіями сохраняющими богатыя коллекціи паталогическихъ препаратовъ. Аудиторіи просторны и устроены амфитеатромъ, снабжены экранами для демонстрацій кинематографическихъ снимковъ и пр. Сидѣнья очень удобны съ откидными стульями и приспособленіями для записи.

Должны сознаться, что лучшія больницы мы видѣли въ Гамбургѣ. Въ Ахенѣ насъ поразило, что источникъ находится въ частныхъ рукахъ и надъ источникомъ выстроены гостинницы.

Что касается хозяйственной части, то во всѣхъ больницахъ пища готовится въ центральныхъ кухняхъ, а отсюда въ особыхъ отопляемыхъ шкапахъ-тепѣжкахъ перевозится въ отдѣльныя барачныя кухни и неостывшая передается больнымъ. Каждый баракъ имѣетъ свою посуду, которая моется и хранится въ барачной кухнѣ. Бѣлье предварительно стерилизуется въ баракахъ и только тогда поступаетъ въ общую прачешную. Новое бѣлье отмѣчается мѣткой фирмы, чтобы опредѣлить прочность и продолжительность носки. Въ больницахъ предпочитается бумажное бѣлье холщевому, какъ болѣе прочное и дешевое, удобное для стирки и не холодное при надѣваніи. Больницы имѣютъ свои спеціальныя колбасныя и пекарни, и пользуются консервами только своего приготовления.

Изъ бактериологическихъ лабораторій образцово поставлена лабораторія при гигиеническомъ институтѣ въ Гамбургѣ. Все здѣсь сдѣлано для устраненія пыли; полъ покрытъ линолеумомъ и смазанъ масломъ, мебель передвижная и вся на колесахъ для удобства уборки, каждое рабочее мѣсто снабжено особой вентиляціей, аппараты распространяющіе запахъ въ отдѣльныхъ шкафахъ подъ колпаками. Свѣтъ для удобства бактериологической работы получается съ сѣверной стороны.

Постоянная выставка въ Берлинѣ для улучшенія быта ра-

бочихъ убѣдила насъ въ томъ, что въ Германіи дѣйствительно стараются оградить рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и поставить ихъ въ лучшія гигиеническія условія. Какъ хорошо вообще заботятся о гигиеническомъ улучшеніи своихъ гражданъ, показали намъ Гамбургъ, устройствомъ своихъ фильтровъ, канализаціи, крематорія, кладбища, парохода — дезинфектора и гигиеническаго института. Кромѣ того изслѣдуютъ бесплатно первоначально воду въ колодцахъ, прежде чѣмъ разрѣшать открыть его для общаго пользованія; производятся и другія всевозможныя изслѣдованія тоже бесплатно. Мы обратили вниманіе на стараніе снабдить жителей, какъ напр. въ Берлинѣ въ Meierei Bolle, здоровымъ молокомъ, которое прежде чѣмъ поступить въ продажу химически и бактериологически изслѣдуется относительно своихъ качествъ; а также и мясо, напр. въ Гамбургской скотобойнѣ, передъ продажей микроскопически изслѣдуется.

Посѣщенныя нами университетскія зданія въ Берлинѣ и Гейдельбертѣ ничего кромѣ своего стариннаго характера не представляли; кромѣ Лейпцигскаго университета, выстроеннаго въ болѣе новомъ стилѣ.

Что же касается механическихъ медицинскихъ приспособленій, то было обращено особое вниманіе на медицинскую выставку въ Берлинѣ, гдѣ собрано все новѣйшее въ медицинѣ и намъ бросилась въ глаза тѣсная связь механики съ медициной. Обращено было также вниманіе на химическую фабрику Merck'a въ Дармштадтѣ и заводъ медицинскихъ инструментовъ въ Касселѣ. У Merck'a насъ поразила обширность постановки приготовленія лекарственныхъ веществъ, а въ Касселѣ — новѣйшіе образцы врачебной мебели, отличающіеся своей практичностью и удобствомъ.

Своей грандіозностью и художественностью картинъ произвели на насъ впечатлѣніе Дрезденская галлерей, особенно своей картиной Мадонна Рафаэля, затѣмъ музей скульптуръ Альбертинумъ — своимъ разнообразіемъ и многочисленностью статуй.

Что же касается Національной галлерей въ Берлинѣ и собора въ Кёльнѣ, то мы ожидали гораздо большаго.

Въ заключеніе можно сказать, что обширность программы не давала возможности остановиться болѣе детально на интересующихъ насъ подробностяхъ.

## Денежный отчетъ экскурси.

1) Билетъ отъ ст. Юрьевъ до ст. Эйдкуненъ со скидкой 75 <sup>0</sup> / <sub>0</sub> . . . . .	1 р. 90 к.
2) Билетъ отъ ст. Эйдкуненъ до ст. Вержболово	— 9 „
3) Круговой билетъ по Германіи со скидкой 50 <sup>0</sup> / <sub>0</sub>	22 „ 99 „
4) Билетъ отъ станціи Калишь до ст. Юрьевъ со скидкой 75 <sup>0</sup> / <sub>0</sub> . . . . .	2 „ 50 „
5) Квартира съ завтракомъ за 9 дней въ Берлинѣ	10 „ 61 „
6) 9 обѣдовъ въ Берлинѣ . . . . .	6 „ 12 „
7) Квартира съ завтракомъ за 5 дней въ Гамбургѣ	5 „ 40 „
8) 5 обѣдовъ въ Гамбургѣ . . . . .	3 „ 52 „
9) Квартира съ завтракомъ за 2 дня въ Ахенѣ .	2 „ 40 „
10) 2 обѣда въ Ахенѣ . . . . .	1 „ 47 „
11) Квартира съ завтракомъ за 1 день въ Кёльнѣ	1 „ 20 „
12) Одинъ обѣдъ въ Кёльнѣ . . . . .	— „ 71 „
13) Квартира съ завтракомъ за 3 дня въ Франкфуртѣ	2 „ 68 „
14) 3 обѣда во Франкфуртѣ . . . . .	1 „ 81 „
15) Квартира съ завтракомъ за 3 дня въ Лейпцигѣ	3 „ 53 „
16) 3 обѣда въ Лейпцигѣ . . . . .	2 „ 12 „
17) Квартира съ завтракомъ въ Дрезденѣ за 4 дня	5 „ 20 „
18) 4 обѣда въ Дрезденѣ . . . . .	2 „ 80 „
19) Квартира съ завтракомъ въ Бреславлѣ за 2 дня	2 „ 78 „
20) 2 обѣда въ Бреславлѣ . . . . .	1 „ 48 „
21) Квартира безъ завтрака за 1 ночь въ Варшавѣ	1 „ 10 „
22) 1 обѣдъ въ Варшавѣ . . . . .	1 „ — „
23) Ужины во время экскурси . . . . .	14 „ 90 „
24) Трамвайные расходы во время экскурси . . .	7 „ 45 „
25) Чай и чаевые расходы во время экскурси . .	3 „ 45 „
26) Подготовительные расходы, паспорта, телеграммы и письма . . . . .	1 „ 85 „

Итакъ расходы по экскурси обошлись каждому экскурсанту . . . . . 111 р. 06 к.

7 Октября 1911 г.

Прив.-доц. **А. К. Пальдрокъ.**



## Сантенъ и его галоидгидраты.

И. Кондакова.

Ж. Р. Х. О., т. 43, 1167. 1911.

Въ предшествующей статьѣ<sup>1)</sup> мною были приведены доказательства того, что истинный хлористый борнилъ, а также хлористый фенхиль при отнятіи отъ нихъ хлористаго водорода въ выработанныхъ мною условіяхъ<sup>2)</sup> даютъ вопреки утвердившимся взглядамъ не прямо метенкамфенъ и метенфенхенъ, а сначала смѣсь борнилена съ цикленомъ, фенхоборнилена съ фенхоцикленомъ, которые уже потомъ только изомерируются въ метенкамфенъ, изоцикленъ и изокамфенъ, фенхенъ, фенхоизоцикленъ и изофенхенъ.

Высказанное мною тогда же предположеніе, что изомеризація первой серіи соединеній во вторую происходитъ черезъ циклены, въ настоящее время можно считать уже общепризнаннымъ, такъ какъ Май<sup>3)</sup> въ своей диссертациі, сдѣланной у Бредта и появившейся въ печати долго спустя послѣ моей статьи, проводитъ тѣ же взгляды что и я.

Такъ мною было сказано дословно объ этомъ превращеніи слѣдующее: „Въ циклѣ превращеній первой группы во вторую важную роль, очевидно, играютъ циклены.“

Май на послѣдней, 80-ой страницѣ своей диссертациі говоритъ вотъ что: „Die Zwischenbildung trycyklischer Ver-

---

1) Ж. Р. Х. О., 42, 388. 1910.

2) Смотри подробности въ привилегіяхъ, взятыхъ въ Россіи, Германіи, Франціи и Англіи.

3) Beziehungen des Kamphens zur Apokamphersäure. Berlin, 1910.

bindungen bei den Umlagerungen auf dem Kamphergebiet scheint mir eine bedeutendere Rolle zu spielen, als man ihr bis jetzt zumisst . . .“

Здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно первое фактическое подтвержденіе высказанныхъ Вагнеромъ и Земмлеромъ предположеній объ образованіи метенкамфена черезъ цикленъ.

Продолжая экспериментальную провѣрку вышеперечисленныхъ изомерныхъ превращеній я въ кругъ этихъ изслѣдованій включилъ простѣйшіе члены борниловаго ряда соединений, какъ то  $\pi$ -норборнеолъ, норизоборнеолъ, норборниленъ или иначе сантенъ,  $\alpha$ -сантенъ и ихъ производныя, а также камфенилолъ, камфениленъ и ихъ дериваты.

Часть полученныхъ при этомъ фактическихъ данныхъ и составляетъ предметъ настоящей замѣтки.

$\pi$ -норборнеолъ, соотвѣтствующій борнеолу, былъ полученъ Земмлеромъ-Бартелемъ<sup>1)</sup> омылѣніемъ формиата, образовавшагося при обработкѣ муравьиной кислотой тересанталовой кислоты. Стереоизомеръ этого спирта, соотвѣтствующій слѣдовательно изоборнеолу, извѣстный подъ названіемъ сантенола или норизоборнеола былъ полученъ Земмлеромъ-Бартелемъ при возстановленіи  $\pi$ -норкамфоры<sup>2)</sup>, а затѣмъ Ашаномъ<sup>3)</sup> гидратаціей сантена способомъ Бертрама-Вальбаума.

Изъ галоидгидратовъ этихъ спиртовъ извѣстны только хлоргидраты.

Хлорангидридъ  $\pi$ -норборнеола, полученный подобно такъ называемому хлористому борнилу ( $PCl_3$ ), по указаніямъ Земмлера-Бартеля до того непрочень, что легко отщепляетъ хлористый водородъ подъ вліяніемъ спиртовой щелочи уже при обыкновенной температурѣ, а при нагрѣваніи даетъ въ короткое время норкамфенъ тождественный съ сантеномъ.

А хлористоводородный сантенъ (хлористый норизоборниль), соотвѣтствующій хлористому изоборнилу, былъ впервые приготовленъ насыщеніемъ эфирнаго раствора сантена газообразнымъ хлористымъ водородомъ Мюллеромъ<sup>4)</sup>, а затѣмъ эти опыты были повторены Ашаномъ.

Онъ уже при стояніи съ анилиномъ (Ашанъ) даетъ обратно исходный сантенъ.

1) Ber. 40, 4467. 1907; 41, 129. 1908.

2) Ber. 40, 4468. 1907.

3) Ber. 40, 4922. 1907.

4) Ag. 238, 366. 1900.

Если борнеоль даетъ при этихъ условіяхъ хлористый изоборнилъ, получающійся изъ камфена, то продукты изъ норборнеола, норизоборнеола и сантена должны бы быть по своимъ свойствамъ одинаковы, на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, они различны.

Какіе хлорангидриды получаютъ изъ третьяго члена того же ряда спиртовъ изъ такъ называемаго  $\pi$ -норизоборнеола или сантенола неизвѣстно.

Другой рядъ соединеній этой группы, стоящій по строенію близко къ фенхиловому ряду т. е. норфенхилловый рядъ, это будутъ производныя камфенилола, полученнаго восстановленіемъ камфенилона изъ камфена Ягелки <sup>1)</sup> и Компа <sup>2)</sup> Хлорангидридъ этого спирта, полученный Ягелки съ помощью  $PCl_5$ , отщепляетъ хлористый водородъ при кипяченіи съ анилиномъ (175°) и даетъ камфениленъ, углеводородъ весьма близкій къ  $\pi$ -норборнилену или сантену, но кипящій ниже его приблизительно на два градуса.

Этотъ же камфениленъ образуется при сухой перегонкѣ оксикамфенилановой кислоты <sup>3)</sup> вмѣстѣ съ дегидрооксикамфенилановой кислотой, которая здѣсь вѣроятно играетъ такую же роль, какую сѣрная или муравьиная кислоты въ превращеніи терсанталовой кислоты въ сантенъ.

Какой хлорагидратъ образуется изъ камфенилена не извѣстно.

Всѣ вышеперечисленные спирты, а также и ихъ хлорангидриды хотя и близки другъ къ другу по своимъ свойствамъ, но по своей прочности хлорангидриды  $\pi$ -норборлеона и хлористоводороднаго сантена значительно уступаютъ (Земмлеръ) хлорангидридамъ камфенилола (Ягелки). Нижеприводимые факты, хотя и противорѣчатъ прежнимъ изслѣдованіямъ, но за то даютъ несомнѣнныя фактическія данныя, сближающія норборниловыя производныя съ борниловыми.

Вся эта группа соединеній интересовала меня, во-первыхъ, потому что она имѣетъ значеніе для дополненія моихъ прежнихъ изслѣдованій, касающихся изомеризаціи галоидангидридовъ различныхъ вторичныхъ спиртовъ, во-вторыхъ, потому что представляетъ удобный матеріаль для изученія вопроса о разверзаніи діагональной связи въ простѣйшихъ полицикли-

1) Ber. 32, 1503. 1899.

2) Lieb. Ann. 366, 71. 1909.

3) Lieb. Ann. 340, 53. 1905.

ческихъ соединеніяхъ, въ третьихъ, потому что въ этомъ простѣйшемъ ряду нѣтъ фактическихъ данныхъ для допущенія изомерныхъ превращеній при переведеніи ихъ въ галоидгидраты, какъ въ борниловомъ и фенхиловомъ ряду, въ четвертыхъ, потому что здѣсь наблюдается совершенно особенная изомеризація, состоящая въ произвольномъ превращеніи хлоргидратовъ сантена, наконецъ въ пятыхъ и потому, что здѣсь можно было надѣяться уловить и тѣ промежуточные соединенія — третичные спирты и циклены, — которыя играютъ столь важное значеніе при изомеризаціяхъ въ борниловомъ ряду.

### С а н т е н ы .

Для моихъ изслѣдованій служили природные сантены: сантень, выдѣленный впервые изъ санталоваго масла Мюллеромъ <sup>1)</sup> и изъ эфирныхъ маселъ хвойныхъ, напр., изъ пихтоваго масла выдѣленный Ашаномъ <sup>2)</sup>. Эти сантены въ настоящее время считаются одинаковыми и чистыми.

Мнѣ пришлось убѣдиться, что сантень изъ пихтоваго масла выфракціонировать и получить въ чистомъ видѣ совершенно невозможно, потому что низкія фракціи пихтоваго масла содержатъ еще другой углеводородъ, кипящій ниже сантена, а сосѣднія высококипящія части заключаютъ камфенъ и пиненъ.

Въ низкихъ фракціяхъ сантена содержится углеводородъ напоминающій по нѣкоторымъ своимъ свойствамъ или нафтеневые, или предѣльные, или ароматическіе углеводороды. Углеводородъ этотъ перегоняется при  $105^{\circ}$ — $110^{\circ}$ , не измѣняется на воздухѣ и не окисляется растворами марганцевокальевой соли.

О природѣ этого углеводорода будетъ сдѣлано въ свое время болѣе подробное сообщеніе.

Подчеркну здѣсь только, что углеводородъ съ такой же температурой кипѣнія и составомъ  $C_7H_{10}$  (?) былъ полученъ Мюллеромъ при сухой перегонкѣ какъ тересанталоваго кальція, такъ и смѣси тересанталовокальціевой соли съ уксуснокальціевой.

1) *Ag.* 238, 366. 1900.

2) *Ver.* 40, 4922. 1907.

Такъ какъ въ смежныхъ высококипящихъ фракціяхъ пихтового сантена содержится углеводородъ съ лѣвымъ вращеніемъ (камфенъ и пиненъ), то отдѣлить его и отъ этихъ примѣсей при многократныхъ повторныхъ перегонкахъ, оперируя съ небольшими количествами матеріала, также не мыслимо. Поэтому возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ и изъ какихъ количествъ углеводорода Ашанъ могъ получить изъ этого источника чистый невращающій сантенъ.

Фракціи пихтового сантена у меня были такія:

- 1) 105—125°, 2) 125—142°  $\alpha_D = -1^{\circ}15'$  [ $\frac{1}{2}$  см.],
- 3) 142—147°  $\alpha_D = -6^{\circ}5'$ .

Дальнѣйшей фракціонировкой надъ натріемъ изъ второй порціи была выдѣлена часть 138°—140,5°.

$$d_{22} = 0,847. \quad \alpha_D = -3^{\circ}42' \quad n_D = 1,45649 \quad MR = 39,184.$$

$$\text{Вычисляется для } C_9H_{14} \quad 38,93 \quad C_{10}H_{16} \quad 43,533.$$

Сантенъ въ чистомъ состояніи несомнѣнно вращенія не имѣетъ, какъ было уже установлено Земмлеромъ.

### Хлористоводородный сантенъ.

При обработкѣ различныхъ фракцій этого сантена концентрированной соляной кислотой констатировано слѣдующее явленіе. Фракція 105—125° сильно бурѣетъ отъ крѣпкой соляной кислоты и превращается главнымъ образомъ въ каучукоподобную черную массу, причемъ даетъ очень мало хлоропродукта. Фракція 125°—142° при такой же обработкѣ сильно окрашивается въ желтый цвѣтъ, очевидно отъ примѣси низкокипящей порціи и даетъ жидкій при обыкновенной температурѣ хлоропродуктъ. Фракція 142°—147° при такой же обработкѣ остается совершенно безцвѣтной и даетъ смѣсь жидкихъ хлоропродуктовъ съ твердыми.

При перегонкѣ подъ уменьшеннымъ давленіемъ хлоропродуктовъ, полученныхъ изъ двухъ первыхъ фракцій сантена, былъ выдѣленъ вышеупомянутый низкокипящій углеводородъ кромѣ высококипящаго кристаллизующагося хлоргидрата. Углеводородъ, не реагирующій съ соляной кислотой, кипитъ около 108°. Кристаллизующійся хлоргидратъ плавится 55° и при 8 мм. кипитъ 63°—67°. При фракціонировкѣ хлоропродуктовъ изъ порціи сантена 142°—147° подъ давленіемъ 8 мм. были изолированы:

- 1) 72—74° т. п. 53—58° имѣеть восковидную консистенцію.
- 2) 74—93° т. п. 86° застываетъ 65° имѣеть зернистое строение.

Некристаллизующіеся хлоропродукты, отдѣленные отсываніемъ отъ кристалловъ, при охлажденіи дали опять кристаллы съ непостоянной точкой плавленія 35°—53°.

Остающаяся и послѣ отдѣленія этихъ кристалловъ жидкая часть при перегонкѣ подъ давленіемъ 8 мм. дала кромѣ углеводорода хлоропродуктъ, съ т. к. 55—65° при охлажденіи тоже кристаллизующійся. Изъ вышеприведеннаго видно, что въ низкокипящей части хлоропродукта содержится углеводородъ или ароматическій, или нафтенный, или предѣльный, а въ высококипящихъ фракціяхъ хлоргидратъ камфена, какъ то показываетъ и т. п. 86°. Это же вѣроятно было и у Ашана.

Фракціи углеводорода съ свойствами чистаго сантена даютъ, какъ видно, смѣсь хлоропродуктовъ низкоплавящихся съ высокоплавящимися, но не съ такой точкой плавленія, какая была у Мюллера и у Ашана.

Для провѣрки этихъ данныхъ былъ приготовленъ хлоргидратъ въ вышеописанныхъ условіяхъ изъ сантена санталаваго масла. Этотъ сантенъ при повторныхъ перегонкахъ надъ натріемъ даетъ двѣ фракціи: большую съ т. к. 139,5—140,5° и меньшую 140,5—147° совершенно одинаковыя по своимъ свойствамъ, если не считать нѣкоторую разность въ температурѣ кипѣнія ихъ, именно:

$$d_{18} = 0,867 \quad n_D = 1,46702 \quad MR \ 38,97 \ [38,93].$$

Этотъ сантенъ при обработкѣ его на холоду пересыщенной соляной кислотой уже черезъ часъ и максимумъ черезъ два превращается въ сплошную кристаллическую массу, долго остающуюся безцвѣтной, если реакцію вести въ темнотѣ.

При стояніи на свѣту черезъ сутки или двое появляется темная окраска и одновременно съ этимъ твердый хлоропродуктъ постепенно разжижаясь, превращается въ жидкость.

Твердый хлоропродуктъ отдѣленный тотчасъ же послѣ образованія и выдержанный между фарфоровыми пластинками, а затѣмъ перекристаллизованный изъ метиловаго спирта плавится 55—59° и подъ давленіемъ 8 мм. кипитъ 65—66°. Этотъ хлоропродуктъ при продолжительномъ храненіи не расплывается при обыкновенной температурѣ.

Подъ влияніемъ воды онъ измѣняется и даетъ спиртъ, напоминающій сантеноль.

Твердый хлоропродуктъ, превратившійся въ жидкость, при перегонкѣ подъ давленіемъ 8 мм. кипитъ 61—63° и при охлажденіи нацѣло закристаллизовывается. Кристаллы эти плавятся уже при 14—15°.

$$d_{19} = 1,014 \quad \alpha_D = 0 \quad n_D = 1,480904 \quad MR = 44,649.$$

Вычисляется для  $C_9H_{13}Cl$  44,27.

Хлоруръ этотъ, очевидно, представляетъ низкоплавящійся изомеръ или химическій, или физическій.

Высокоплавящійся хлоргидратъ подходитъ по своимъ свойствамъ къ хлористому норборнеолу [59—61°] [норизоборнеолу], полученному Земмлеромъ-Бартелемъ.

Хлористоводородный сантенъ и такъ наз. хлористый норборнилъ повидимому тождественны и плавятся при низкой темп. между прочимъ потому что состоятъ изъ смѣси низкоплавящагося изомера 14° съ высокоплавящимся (81°?).

Такое предположеніе необходимо сдѣлать, если считать хлористоводородный сантенъ, полученный Мюллеромъ и Ашаномъ съ т. п. 81° за чистый высокоплавящійся изомеръ.

Данныя Ашана о точкѣ плавленія хлоргидрата сантена пихтоваго, какъ мы видѣли выше, сомнительны. Что же касается разности въ точкахъ плавленія хлоргидрата санталоваго сантена, то можно думать, что у Мюллера и у Ашана она была выше, чѣмъ у меня вслѣдствіе неодинаковости условій его приготовленія.

Поэтому явилась необходимость провѣрить данныя Мюллера.

Для этой цѣли свѣжеперегнанный санталовый сантенъ обрабатывался точно слѣдуя указаніямъ Мюллера во-первыхъ въ эфирномъ растворѣ, а во вторыхъ въ петролейномъ эфирѣ.

При повтореніи опытовъ Мюллера выяснилось, что сантенъ въ этихъ условіяхъ при пропусканіи хлористаго водорода окрашивается въ малиновый цвѣтъ.

По отгонкѣ эфира остается твердый хлоргидратъ, выдержанный между фарфоровыми пластинками онъ имѣетъ непостоянную точку плавленія отъ 60 до 70°. При перекристаллизациі его изъ метиловаго спирта, точка плавленія его почти не измѣнялась.

Обработка того же сантена въ петролейномъ эфирѣ дала хлоргидратъ съ точкой плавленія 66°. Изъ приведенныхъ фактовъ ясно, что у Мюллера и Ашана былъ высокоплавящійся хлоргидратъ, а у Земллера и у меня смѣсь, содержащая низко-

плавящийся изомеръ, образующійся легко въ условіяхъ опыта изъ высокоплавящагося хлоргидрата. Въ двухъ состояніяхъ хлоргидратъ имѣетъ различную прочность, какъ то будетъ показано ниже.

Далѣе выяснилось, что чистый высокоплавящийся изомеръ долго сохраняется безъ измѣненія и не переходитъ въ низкоплавящийся изомеръ.

Превращеніе такое происходитъ подъ влияніемъ галоидо-водородныхъ кислотъ.

### Отношеніе хлоргидратовъ сантена къ спиртовому ѣдкому кали.

Обработка вышеописаннаго хлоргидрата сантена крѣпкой спиртовой щелочью при обыкновенной температурѣ показала, что онъ вопреки утверженіямъ Землера весьма проченъ.

При нагрѣваніи хлоргидрата съ спиртовой щелочью на водяной банѣ 5 часовъ онъ только частью разлагается и даетъ углеводородъ съ т. к.  $138,5^{\circ}$ — $142,5^{\circ}$ . Остающійся же неразложеннымъ хлоргидратъ плавится  $59^{\circ}$  и кипитъ при 10 мм.  $70$ — $72^{\circ}$ . Этотъ прочный хлоргидратъ, содержащій вѣроятно еще часть низкоплавящагося изомера, отщепляетъ хлористый водородъ только при нагрѣваніи съ крѣпкой спиртовой щелочью при  $170^{\circ}$  5 часовъ въ запаянныхъ трубкахъ и даетъ два продукта: углеводородъ съ т. к.  $137,5$ — $142^{\circ}$  и 2) эфиръ, кипящій около  $195^{\circ}$ , кромѣ промежуточной фракціи состоящей изъ смѣси этихъ веществъ. Углеводородная часть имѣетъ слѣдующія свойства:

т. к.  $138,5$ — $142,5^{\circ}$   $d_{18} = 0,8714$ .  $\alpha_D = 0$   $n_D = 1,46761$   $MR$   $38,78$ .

Вычисляется для  $C_9H_{14}F$   $38,93$ .

### Бромистоводородный сантенъ.

Сантенъ санталоваго масла при обработкѣ на холоду крѣпкой бромистоводородной кислотой уже черезъ часъ нацѣло превращается въ кристаллическій продуктъ, который часа черезъ два начинаетъ расплываться и превращается въ жидкость.

Твердый бромгидратъ, отжатый на холоду и высушенный между фарфоровыми пластинками, плавится непостоянно: въ

однихъ случаяхъ около  $25^{\circ}$ , а въ другихъ при  $18^{\circ}$ . Жидкій бромгидратъ при давленіи 8 мм. кипитъ  $79-81^{\circ}$ .

$$d_{18} = 1,273 \quad \alpha_D = 0 \quad n_D = 1,50573 \quad \text{MR. } 47,32.$$

Вычисляется для  $C_9H_{15}Br$   $47,34$ .

Этотъ жидкій изомеръ при замораживаніи его до  $-20^{\circ}$  хотя и не закристаллизовывается вслѣдствіе, вѣроятно, его низкой т. п. но несомнѣнно представляетъ изомеръ, соответствующій низкоплавящемуся хлоргидрату или же состоитъ изъ смѣси изомеровъ высокоплавящагося съ низкоплавящимся.

### Отношеніе бромистоводороднаго сантена къ спиртовой щелочи.

При обработкѣ какъ жидкаго такъ и твердаго бромгидрата крѣпкимъ спиртовымъ ѣдкимъ кали въ вышеописанныхъ при хлоргидратѣ условіяхъ получается смѣсь сантена съ эфиромъ. Сантенъ этотъ имѣетъ т. к.  $139,5^{\circ}-142,5^{\circ}$ .

$$d_{19} = 0,867. \quad \alpha_D = 0 \quad n_D = 1,46580 \quad \text{MR. } 38,64.$$

Эфиръ кипитъ тоже около  $195^{\circ}$ . Его образуется также какъ и изъ хлоргидрата мало. Онъ имѣетъ запахъ черной смородины и освѣжающій вкусъ. Какому изъ галогидратовъ отвѣчаетъ этотъ эфиръ, высоко- или низкоплавящемуся, будетъ выяснено при накопленіи матеріала.

Бромистоводородный сантенъ при разложеніи спиртовой щелочью въ отличіе отъ хлорюра даетъ въ остаткѣ незначительныя количества прочнаго бромюра.

Для выясненія строенія сантена, полученнаго изъ галогидратовъ, а въ частности для разрѣшенія вопроса о присутствіи или отсутствіи въ немъ метеной группы или циклена онъ былъ окисленъ 2% растворомъ марганцевокалиевой соли и твердымъ порошковатымъ перманганатомъ въ водно-ацетонномъ растворѣ по Земмлеру.

Часть углеводорода, остающаяся отъ окисленія при перегонкѣ надъ Na кипитъ  $137,5-142,5^{\circ}$ . Кромѣ углеводорода изъ нейтральныхъ летучихъ продуктовъ получается нѣкоторое весьма малое количество какого то пахучаго вещества.

Изъ трудно летучихъ нейтральныхъ продуктовъ изолированъ какой-то жидкій съ соропообразной консистенціей продуктъ, выдѣляющій при долгомъ стояніи сантенгликоль въ кристаллахъ.

Образующіяся при этомъ способѣ окисленія кислоты пока неразобраны.

Сантенъ санталоваго масла, параллельно окисленный съ сантеномъ изъ галоидгидратовъ даетъ твердаго гликола гораздо больше и скорѣе, чѣмъ углеводородъ синтетическій. Эта часть изслѣдованія будетъ дополнена. Наконецъ позволю себѣ привести свойства ацетата сантенола, синтезированнаго способомъ Кондакова изъ санталоваго сантена при обыкновенной температурѣ т. к. 85—89 при 8 мм.

$$d_{20} = 0,9859 \quad \alpha_D = 0^\circ. \quad n_D = 1,45929. \quad MR = 50,48.$$

$$\text{Вычисляется для } C_9H_{15}OCOCH_3. \quad 50,40.$$

Изслѣдованіе продолжается.

Іюнь мѣсяць 1911 г.

3. Основа съ носовою вставкою, еще атематическая въ индо-иранскомъ: скр. *ṛiṇákti* „оставляетъ“, *ṛiṇcánti* „оставляютъ“, и перешедшая въ тематическую въ лат. *linquō* и др.-прусск. *(ro)līnka* „остається“; эта основа, повидимому, обозначаетъ начало дѣйствія.

4. Основа винсловная (каузативъ) съ вокализмомъ \*o въ корнѣ и съ суффиксомъ \*-éye, \*loik<sup>w</sup>-éye-: скр. *reśáyati* „заставляетъ оставить“, др.-исл. *leigia* „нанимать“; ср. лит. *laikýti* „держатъ“, т. е. „заставитъ остаться“.

5. Перфектъ: гр. *ἔλοιπα*, скр. *ṛigéca* „я оставилъ“.

6. Основа на \*-ye- съ нулевымъ вокализмомъ корня, обозначающая длительное состояніе: скр. *ṛicyáte* „оставляется“.

7. Основа сигматического аориста \*lōik<sup>w</sup>s-: скр. *áraik* „онъ оставилъ“, средний залогъ *árikṣi* „я оставилъ“.

8. Сигматическое будущее (индо-евр. дезидеративъ?): скр. *rekṣyate* „оставитъ“ гр. *λέψω*; лит. *liksiu* (съ другимъ вокализмомъ); но, быть можетъ, каждая изъ этихъ трехъ формъ возникла въ этихъ языкахъ самостоятельно.

Ниодна изъ этихъ формъ не предполагаетъ существованія другихъ, и рядомъ съ ними могли существовать всякаго рода другія формы.

Вторичныя глагольныя формы, произведенныя отъ словъ существующихъ въ языкѣ, и не связанныя непосредственно съ корнями, имѣютъ только одну основу; напр. санскритскій деноминативъ *paśas-yá-ti* „поклоняется“ имѣетъ только основу настоящаго времени, и полное спряженіе, которое даютъ греческіе деноминативные глаголы, какъ *τίμαω*, аор. *ἔτιμησα*, перф. *τετίμηκα* и т. д. — есть греческое новшество. Поэтому образованіе другихъ основъ, кромѣ основы настоящаго времени, въ деноминативныхъ глаголахъ является результатомъ самостоятельнаго развитія различныхъ языковъ, и дѣйствительно, форма этихъ основъ различна въ различныхъ языкахъ: лат. *amō*, *amāui*; гот. *salbo* „мажу“, *salboda* „я помазалъ“; лит. *pāsačoju* „разсказываю“, *pāsačojuau* „я разсказалъ“; др.-сл. *дѣлмъ*, *дѣлмъ* „я сдѣлалъ“; арм. *yusaš* „надѣюсь“, *yusašau* „я надѣялся“.

Индо-европейскія временныя основы, первичныя или вторичныя, не обозначаютъ времени: греческая основа настоящаго времени обозначаетъ длительное дѣйствіе, основа ао-

риста — дѣйствіе однократное, основа perfecti — дѣйствіе совершенное, и въ этомъ отношеніи греческій языкъ сохраняетъ индо-европейское состояніе. Поскольку время выражается, оно выражается при помощи спряженія и приращенія: основа формъ *λεῖπω* и *ἔλειπον* — одна и та же; но *λεῖπω* обозначаетъ настоящее время, а *ἔλειπον* — прошедшее. Значеніе индо-европейскихъ „временныхъ основъ“ сходно, слѣдовательно, со славянскими видами, а не съ латинскими временами.

## **В. Образование и значеніе глагольныхъ основъ.**

### **1. Временныя основы.**

Временныя основы составляютъ двѣ группы весьма различнаго значенія: группу настоящего времени и аориста и группу перфекта.

#### **а. Настоящее время и аористъ.**

Типы настоящего времени и аориста различны; всѣ они принимаютъ одинаковыя окончанія (отчасти различныя, смотря по тому, имѣется ли тематическій или атематическій типъ основы) и имѣютъ тѣ же образованія причастій; и вокализмъ корня одинаковъ во всѣхъ. Различіе между настоящимъ временемъ и аористомъ заключается не въ природѣ ихъ основъ; мы называемъ основою настоящего времени такую основу, которая принимаетъ и первичныя и вторичныя окончанія, и основою аориста ту, которая допускаетъ только вторичныя окончанія (см. ниже объ окончаніяхъ).

Основы аористовъ примыкаютъ непосредственно къ корнямъ; основы настоящего времени, однѣ примыкаютъ къ корнямъ, другія происходятъ отъ именъ или другихъ глагольныхъ основъ. Но если извѣстныя типы образованія не даютъ аористовъ, то, наоборотъ, всѣ образованія аористовъ, за исключеніемъ одного, даютъ также и настоящее время.

Каждый отдѣльный корень не имѣетъ всѣхъ типовъ образованія, но почти всегда онъ имѣетъ ихъ нѣсколько.

Индо-европейскій корень самъ по себѣ не имѣетъ ни переходнаго, ни непереходнаго значенія, и глагольныя основы, примыкающія къ нему, допускаютъ, слѣдовательно, два значенія: гр. *ἔχω* обозначаетъ „держу, имѣю“, но также „дер-

жусь, чувствую себя“ напр. въ выраженіи κακῶς ἔχω „чувствую себя плохо“; φέρω значить „несу“, но διαφέρω „отличаюсь“ (дословно „я несу себя различно“), точно также въ латинскомъ ferō „несу“, а differo „отличаюсь“; лат. uorte id означаетъ „поверни это“, но uorte hās „отвернись отсюда“; лит. lėkù обозначаетъ „оставляю“, но isz-lėkù „остаюсь“ („я оставленъ внѣ“ ср. гр. ἐκ-λείπειν „переставать“); скр. vahati можетъ быть переведено одинаково и черезъ лат. uehit (aliquid) „везетъ“ и uehitur „ѣдетъ“; гот. wasjan „одѣвать“ и „одѣваться“.

Тематическія и атематическія формы того же типа были сближены потому, что присутствіе или отсутствіе тематическаго гласнаго ничего не мѣняетъ въ значеніи глагола.

1. Основы настоящаго времени и аориста съ нулевымъ суффиксомъ. — Какъ и слѣдовало ожидать, эти основы выражаютъ дѣйствіе, обозначаемое корнемъ, безъ всякаго особаго отгѣнка.

Если корень обозначаетъ длительное дѣйствіе, то мы получаемъ основу настоящаго времени, которая допускаетъ въ изъявительномъ наклоненіи и первичныя окончанія (греческіе типы глаголовъ на -μ и на -ω) и вторичныя окончанія (греческія -ν или -α и -ου): таковы скр. ádmi „ѣмъ“, imperfectum ádam „я ѣлъ“, лат. est „ѣсть“, лит. est(i), др.-сл. **ѣсть**; или гр. ἔδω „ѣмъ“ (imperf. гом. ἔδον), лат. edō, гот. ita, арм. ւեմ. Если корень обозначаетъ просто дѣйствіе, безъ отгѣнка длительности, то основа въ изъявительномъ наклоненіи обыкновенно допускаетъ только вторичныя окончанія; это — аористъ; таково скр. ásthāt = гр. ἔστη „онъ всталъ, онъ остановился“. Нѣкоторые корни имѣютъ два значенія и даютъ въ одномъ языкѣ настоящее время, въ другомъ аористъ: \*g<sub>1</sub>enə- даетъ въ скр. настоящее jānāshī „рождаю“ (также и imperf. ájanam „я рождалъ“), а въ греческомъ аористъ ἐγενόμην „я сдѣлался“. Когда основа съ нулевымъ суффиксомъ имѣетъ значеніе аориста, то основа настоящаго времени образуется инымъ способомъ, особенно часто она состоитъ изъ корня съ удвоеніемъ; такъ мы имѣемъ скр. tísthāmi „стою“, гр. ἵστημι „ставлю“, лат. sistō „ставлю“ и т. д. при скр. ásthām „я всталъ“, гр. ἔστην, или гр. γίγνομαι „рождаюсь, дѣлаюсь“ при ἔγενόμην.

Случается также, что настоящее время и аористъ, имѣющіе одинаковое значеніе, принадлежатъ различнымъ корнямъ, одному — длительнаго значенія, и другому, выражающему дѣйствіе безъ всякаго оттѣнка: такъ корень скр. *ádmi* „ѣмъ“, гр. *ἔδω*, арм. *u t e m* имѣетъ длительное значеніе и образуетъ только настоящее время; аористъ къ нему выражается различными корнями: въ санскритѣ *ághaḥ* „онъ поѣлъ“, въ греч. *ἔφαγε*, въ арм. *e k e r*. Корень \**es-* „существовать“ образовывалъ настоящее время (и perfectum), но не образовывалъ аориста, и потому во многихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ корню \**bhewə-*: скр. *ábhūt* „онъ былъ“, др.-сл. *бы* и *бысть*, лат. *fuit* и т. д. Корень \**ei-* „итти“ не образовывалъ ни аориста, ни перфекта; поэтому въ греч. *ἦλθον* и *ἔληλυθα* стоятъ рядомъ съ *εἶμι*, въ слав. *шѣдъ* — рядомъ съ *идѣ*.

α. Атематическій типъ. — Этотъ типъ въ большинствѣ языковъ представленъ небольшимъ количествомъ, но весьма употребительныхъ глаголовъ, и, съ другой стороны, примѣровъ такихъ образований въ языкѣ тѣмъ больше, чѣмъ древнѣе выглядитъ языкъ; такъ ведическій языкъ даетъ болѣе примѣровъ, нежели греческій, и литовскій языкъ, столь архаичный во многихъ отношеніяхъ, имѣетъ сравнительно много такихъ формъ, въ особенности въ старыхъ текстахъ (XVI и XVII вѣковъ). Главнѣйшіе примѣры этого типа — слѣдующіе:

\**ei-*, \**i-*: скр. *émi* „иду“, *imáḥ* „идемъ“, *yánti* „идутъ“, *áyam* „я шель“; гр. *εἶμι*, *ἴμεν*; лит. *eimi* „иду“; лат. *is*, *it*, *imus*, *itis*.

\**es-*, \**s-*: скр. *ásmi* „есмъ“, *smáḥ* „есмы“, *sánti* „суть“, *ásam* „я былъ“; гр. *εἶμι*, (лесб. *έμμι*), *ἔστι*, *εἶσι* (изъ *έντι*, за свидѣтельствовавшаго дорическимъ діалектомъ, древнѣе \**έντι*), лат. *est*, *sunt*, гот. *ist*, *sind*.

\**wel-*, \**wl-*: лит. (ра-) *velmi* „приказываю“, лат. *uolt* „хочетъ“ (изъ \**wolti*, ср. сослагат. накл. *uelim*), скр. *a-vṛ-ta* „онъ выбралъ“.

\**ed-*, \**ēd-*: скр. *ádmi* „ѣмъ“, лат. *ēst* „ѣсть“ (*ē* не вполне достоверно), лит. *ėdmi* „ѣмъ“, *ėst(i)* „ѣсть“; др.-сл. *ѣмь*, *ѣсть*.

\**bher-*, \**bhr-*: скр. *bharti* „несетъ“, лат. *fert*, гот. *fértē*; обычнѣе тематическій типъ: гр. *φέρω* и т. д.

\*reudə-, \*rudə-: скр. ródi-ti „рыдаетъ“, rudi-máh „рыдаемъ“, rud-ánti „рыдаютъ“, лит. ráudmi „плачу“.

\*weid-, \*wid-: скр. védmi „знаю“, повелит. viddhí „знай“; гр.  $\text{Ἔσθῃ}$ ; лит. vėizdi „смотри“ и vėizdmi „вижу“, др.-сл. **внѣдъ** „смотри“.

\*sthā-, sthə- (корень не имѣетъ длительного значенія и образуетъ только аористъ; настоящее время образуется отъ основы съ удвоениемъ): скр. ásthāt „онъ всталъ“, средн. зал. asthita; гр.  $\text{ἔστυ}$ .

\*dhē-, \*dhə- (корень не имѣетъ длительного значенія; настоящее время образуется отъ основы съ удвоениемъ): скр. ádhāt „онъ положилъ“, средн. зал. ádhita; арм. eð „онъ положилъ“; гр.  $\text{ἔθετο}$  (средн. зал.).

\*dō-, \*də- (корень, какъ и предыдущій, не имѣетъ длительного значенія): скр. ádāt „онъ далъ“, средн. зал. ádita; арм. et „онъ далъ“; гр.  $\text{ἔδοτο}$  (средн. зал.); ср. также лат. dāmus „даемъ“.

\*g<sup>w</sup>em-, \*g<sup>w</sup>en-: скр. ágan, арм. ekn — и \*g<sup>w</sup>ā-: скр. ágāt, гр.  $\text{ἔβῃ}$  (дор.  $\text{ἔβᾱ}$ ).

\*k<sub>1</sub>ei-: скр.  $\text{ϕέτε}$  „лежитъ“, зд. saēte = гр.  $\text{καίται}$ .

\*wes-: скр. vāste „одѣвается“, зд. vāste = гр.  $\text{Ἔσται}$ .

Приведенныя формы засвидѣтельствованы по крайней мѣрѣ двумя языками; другія, хотя и засвидѣтельствованы только однимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе тоже восходятъ къ индо-европейскому языку, и иногда мы имѣемъ тому доказательства; такъ атематическая ведическая форма vāṣmi „хочу“, uṣmāsi „хотимъ“, гат. vaṣami, usmahī, не имѣетъ соотвѣтствій внѣ индо-иранской группы; но греческое прилагательное  $\text{Ἰερόν}$  „охотный“, имѣющее удареніе на томъ же мѣстѣ, какъ и  $\text{ἰών}$  „идушій“, является причастіемъ не сохранившагося настоящаго времени, которое должно было соотвѣтствовать скр. vāṣmi.

β. Тематическій типъ. Въ противоположность предыдущему, этотъ типъ широко распространенъ, и мы видѣли на стр. 151, что основы, принадлежавшія къ атематическому типу въ своемъ развитіи вошли въ этотъ типъ, какъ, вѣроятно, гр.  $\text{ἔφρω}$  и т. д.; лат. rūdō и др.-вр.-нѣм. riuZZu „плачу“ произошли изъ атематическихъ формъ настоящаго времени съ вокализмомъ e, соотвѣтствующихъ скр. rōdīmi „рыдаю“, а лат. rūdō изъ формъ съ нулевымъ вокализмомъ:

лат. *gūdunt* почти вполне соответствует скр. *gudānti* „рыдают“.

Тематическій типъ имѣеть двѣ главныя формы: ударяемый корень съ вокализмомъ *e* и ударяемый тематическій гласный съ нулевой вокализацией корня, и эти двѣ формы имѣють и различное значеніе: если одинъ и тотъ же корень имѣеть обѣ формы, то основа съ удареніемъ на корнѣ имѣеть длительное значеніе, а основа съ удареніемъ на тематическомъ гласномъ обозначаетъ просто дѣйствіе и служитъ часто для образованія аориста; такъ:

скр. *bōdhati* „разсматриваетъ“, гом. *πεύθεσθαι* (наст. вр.) „понимать, развѣдывать“, др.-сл. *блудж*, гот. *-biuda* „приказываю“: вед. *budhānta* „они проснулись“, гр. *πυθέσθαι* (аористъ).

гр. *λείπειν* (наст. вр.) „оставлять“, лит. *lėkù* „оставляю“, гот. *leiþwa* „ссужаю“, др.-вр.-нѣм. *lihu*: гр. *λιπεῖν* (аористъ), арм. *elikh* „онъ оставилъ“, др.-вр.-нѣм. *liwi* „ты ссудилъ“.

Удареніе на тематическомъ гласномъ сохранилось въ нѣкоторыхъ греческихъ повелительныхъ, какъ (F) *ιδέ, λαβέ* и др.

Греческій языкъ противопоставляетъ также наст. вр. *δέρκεσθαι* „смотрѣть“ аористу *δρακεῖν*; но соответствующій санскритскій корень не имѣеть длительного значенія, и скр. *ádargṣat* „я увидѣлъ“ служитъ аористомъ къ настоящему времени *rāṣyatī* „вижу“, принадлежащему къ другому корню.

Настоящее время (формы какъ съ первичными, такъ и со вторичными окончаніями), образуемое отъ основы съ ударяемымъ тематическимъ гласнымъ, имѣеть значеніе, повидимому, не настолько чисто длительное, какъ настоящее время типа съ ударяемымъ корнемъ; такъ рядомъ съ скр. *tārati* „собирается пройти, переправляется“ есть форма *tirāti*, которая въ сложеніи съ предлогомъ *ra* только и можетъ быть употреблена: *prātirati* „переправляется“; скр. *girāti* „глотаетъ“ и др.-сл. *жреть* обозначаютъ дѣйствіе, не имѣющее отѣнка длительности; скр. *diṣāti* значитъ „показываетъ“ (ср. съ тѣмъ же мѣстомъ ударенія др.-норвежское *tēga* „показывать“) при лат. *dīcō* (изъ *deicō*) „говорю“, гот. *teihan* „показывать“; скр. *juṣāte* „находитъ удовольствіе“ имѣеть *imperfectum* со значеніемъ аориста въ Ригведѣ II, 37, 4, между тѣмъ какъ гр. *γεύεσθαι* есть настоящее время со значеніемъ

„отвѣдывать“ и гот. *kiusan* есть тоже наст. вр. со значеніемъ „пробовать, выбирать“.

Нѣкоторыя основы имѣютъ въ корнѣ вокализмъ *o*, такъ: гот. *malā* „мелю“, лит. *malù* при формахъ съ вокализмомъ *e*: ирл. *mēlīm* „мелю“, и съ нулевымъ вокализмомъ: кимр. *malaf*, арм. *malēm* „мелю“; *o* въ лат. *molō* можетъ восходить и къ \**e* и къ \**o*.

2. Основы настоящего времени и аориста съ удвоеніемъ и нулевымъ суффиксомъ. — Эти основы отличаются отъ предыдущихъ только присутствіемъ нормальной формы удвоенія (см. стр. 148); онѣ также даютъ и настоящее время и аористъ.

Какъ настоящее время, онѣ обозначаютъ длительное дѣйствіе въ противоположность коренному аористу: типъ гр. ἔσθημι — ἔσθην; γίγνομαι — ἐγενόμην; τίκτω „рождаю“ (изъ \**titxw*) — ἔτεχον и т. д. (ср. стр. 163). Какъ аористъ, эти основы имѣютъ либо каузативное (винословное) значеніе, либо значеніе повторяющагося дѣйствія: λαχεῖν значитъ „получить по жребію“; а λελαχεῖν „заставить получить по жребію“; скр. *ásiṣvarat* значитъ „онъ усыпилъ“. Значеніе удвоенія иногда чувствуется слабо, какъ въ скр. *ávocat* „онъ сказаль“, основа \**w e - uk<sup>w</sup> e -*, ср. гом. ἔ(F)ειπε (изъ \**é - w e - uk<sup>w</sup> e - t*).

Внѣ индо-иранской группы атематическій типъ сохранился только въ корняхъ, оканчивающихся на долгій гласный, какъ въ скр. *dádhami* „кладу“, гр. τίθημι. Но въ индо-иранскомъ сохранились основы этого рода и въ другихъ типахъ корней, какъ напр. скр. *síṣakti* „слѣдуетъ“ = зд. *hiṣhaxti* (индо-евр. корень \**sək<sup>w</sup>-*).

Въ тематическихъ формахъ корень имѣетъ нулевой вокализмъ, напр.:

скр. *sá-ṣc-atī* (наст. вр.) „слѣдуетъ“ при *sácatē* „слѣдуетъ“, гр. ἐ-σπ-έσθαи (аористъ) при ἔπειθαи „слѣдовать“.

скр. *ja-ghn-at* „убивающій“ (причастіе наст. вр.), гр. πε-φν-εῖν (аористъ) „убить“.

гр. γί-γν-ομαι „рождаюсь“, лат. *gi-gn-o* „рождаю“.

Исключеніе составляютъ нѣкоторыя индо-иранскіе аористы, какъ скр. *jíjanat* „онъ родилъ“ = зд. *zizanať*.

3. Интенсивъ. — Интенсивъ слагается изъ корня съ интенсивнымъ удвоеніемъ и нулевымъ суффиксомъ; онъ со-

хранился только въ индо-иранскомъ обыкновенно въ атематической формѣ:

скр. *dediṣ-ṭe* „показываетъ“, 3 л. мн. ч. *dēdiṣ-ate* „показываютъ“, зд. *daēdōiṣ-t* „онъ показалъ“, а изрѣдка и въ тематической формѣ:

зд. *paēniṣaiti* „очищаетъ“ (?) при скр. *nenikte* „моется“.

Если бы мы не имѣли внѣ индо-иранской области нѣсколькихъ примѣровъ этого типа, распространенныхъ вторичнымъ суффиксомъ \*-ye-, какъ др.-сл. *глаголиж*, гр. *πρρῶρω* „волнуюсь (о морѣ)“, *πρρῶνω* „сіяю“ и т. д., то можно было бы сомнѣваться въ индо-европейскомъ характерѣ этого типа. Даже и въ санскритѣ интенсивы, частые въ ведическомъ языкѣ, встрѣчаются въ позднѣйшихъ текстахъ гораздо рѣже.

Значеніе интенсива вытекаетъ изъ его образованія; онъ обозначаетъ повтореніе или усиленіе дѣйствія: санскритскія интенсивныя причастія дѣйств. зал. *gerih-at* и средняго зал. *gerih-āra-* означаютъ „лижущій въ нѣсколько приѣмовъ“; между тѣмъ какъ *rehmi* значитъ „лижу“; скр. *kānikran(t)-ti* подчеркиваетъ силу звука, обозначаемого простымъ глаголомъ *kṛāṇdati* „кричитъ, мычитъ“. Собственно интенсивное значеніе чувствовалось только тогда, когда рядомъ существовала и простая, не интенсивная форма; скр. *saṅkar-mi* „призываю, прославляю“, стоящее отдѣльно, не имѣетъ вовсе интенсивнаго значенія, точно такъ же какъ аористы гр. *ἤραρε* „онъ приладилъ“, арм. *aṅar* „онъ сдѣлалъ“.

4. Основы съ конечнымъ долгимъ гласнымъ. — Въ концѣ глагольной основы гласные \*ā, \*ē, \*ō имѣютъ двоякое значеніе. Часто они представляютъ долгій конечный звукъ двусложнаго корня, какъ напр. въ дор. *ἔτλῶν* „я вынесъ“ при *τελα-μῶν* „ремень“, *τάλας* „претерпѣвшій, несчастный“; гом. *πλήτο* „наполнился“, скр. *ārgāt* „наполнилъ“ при скр. *pūr-pāh* = лит. *pilnas* „полный“; гр. *ἔγνων* „я узналъ“, скр. *jñāyāt* „да знаетъ онъ“ при лит. *žėnklas* „зналъ“ (см. стр. 100 и 134). Въ другихъ случаяхъ \*ē и \*ā являются суффиксами, что мы узнаемъ по одному изъ слѣдующихъ признаковъ: 1) Элементы \*ē или \*ā имѣютъ опредѣленное значеніе. — 2) Корень, къ которому они присоединяются, не двусложный. — 3) Одинъ и тотъ же корень имѣетъ формы и на \*-ā- и на \*-ē-: такъ какъ \*ā не чередуется съ \*ē, то по

крайней мѣрѣ одна изъ формъ заключаетъ суффиксъ. Такъ отъ односложнаго корня \*mep- „имѣть на умѣ“ существуетъ и основа \*m<sup>o</sup>pē-, обозначающая состояніе, засвидѣтельствованная др.-сл. **мынѣти** „думать“, лит. *šinėti*, гот. *minaiþ* „думаетъ“ (и, можетъ быть, гр. *μνήσθαι*), и основа \*mpā- „вспоминать“ въ скр. желательномъ наклоненіи *mpā-yāt* „сочтетеget“ и въ производныхъ дор. *μνᾶ-σμαι* „вспоминаю“ *μῆμνᾶμαι* „помню“. Отъ односложнаго корня \*mep- „оставаться“ существуетъ также основа \*m<sup>o</sup>pē- въ лат. *manēre* „оставаться“ (ср. гр. *μεινέηκα*, образованное путемъ контаминаціи изъ \*mep-, сохраненнаго въ *μένω* „остаюсь“ и \*m<sup>o</sup>pē-) и основа на \*-ā- въ арм. *mpam* „остаюсь“ (изъ \*mpā- или \*mēpā-). Отъ двусложнаго корня \*bhewə- „дѣлаться“ съ одной стороны есть гр. *φύγειν*, др.-сл. **бѣ** (основа, выражающая состояніе), а съ другой стороны лат. -bā- въ типѣ *ambās* „ты любилъ“. Поэтому мы имѣемъ достаточно оснований для установленія суффиксовъ \*-ē- и \*-ā-.

α. Основы на \*-ē-. — Этотъ типъ основъ хорошо представленъ въ славянскомъ, балтійскомъ и германскомъ, латинскомъ и греческомъ, но его вовсе нѣтъ въ индо-иранскомъ. Въ греческомъ онъ даетъ страдательные аористы съ нулевымъ вокализмомъ корня и съ удареніемъ на η: *ἐκλάπην* „я былъ похищенъ“, *κλαπήναι*, *κλαπέεις*: *κλέπτειν* „красть“; въ славянскомъ основа на -ѣ- въ аористѣ и неопредѣленномъ наклоненіи стоитъ рядомъ съ основой наст. вр. на -и-: **мынѣ-ти** „думать“, **мынѣ-хѣ**: **мынѣ-тъ**; **бѣдѣ-ти**: **бѣдѣ-тъ** (изъ \*бѣдѣ-ти, \*бѣдѣ-тъ); **смрѣдѣ-ти**: **смрѣдѣ-тъ**; и т. д.; въ литовскомъ то же самое: основы неопр. накл. на -ė- стоятъ рядомъ съ основами наст. вр. на -i-, означающими состояніе, какъ, напр., *smird-ė-ti* „вонять“: *smird-i* „воняетъ“; но бываютъ при нихъ и другія основы настоящаго времени, какъ лит. *tek-ė-ti* „бѣжать“: *tėka* „бѣжитъ“. Въ германскомъ и латинскомъ, гдѣ противуположеніе настоящаго времени и аориста не сохранилось, суффиксъ \*-ē- далъ настоящее время: лат. *tacere* „молчать“, др.-вр.-нѣм. *dagē-n* (изъ герм. \*ḡagē-). Эти основы обозначаютъ состояніе, и ихъ значеніе прекрасно опредѣляется противуположеніемъ лат. *iacere* „бросать“ и *iacere* „лежать“, лит. *guītis* „ложиться“ и *gulėti* „лежать“. Поэтому большинство изъ нихъ имѣютъ непереходное значеніе, но это не существенно, и, напримѣръ, основа \*widē- имѣетъ пере-

ходное значеніе въ лат. *uidēre* „видѣть“, гот. *witaiþ* „наблюдаютъ“, гр. *ἰδῆ-σι* (въ дорическомъ будущемъ времени *ἰδῆ-σι*) и въ др.-сл. *видѣ-ти* (съ кореннымъ \**ei*, явившимся путемъ контаминаціи съ основою \**wēid-* съ нулевымъ суффиксомъ, ср. стр. 164); точно такъ же др.-вр.-нѣм. *habēn* „держу, имѣю“ противуполагается гот. *haf-ja* „хватая, подымаю“ (ср. лат. *cap-io* „беру“), лит. *turē-ti* „имѣть“ противуполагается *tvėr-ti* „братъ“, лат. *habē-re* „имѣть“ — др.-ирландскому *gaibim* „беру“, и греческій языкъ имѣеть *ἔχῃ-σι* „буду имѣть“ рядомъ съ *ἔχω* „имѣю“, аор. *ἔ-σχον*.

β. Основы на \*-ā-. — Основы на \*-ā- менѣе ясны, чѣмъ предыдущія и не сохранились почти нигдѣ въ своей старой формѣ. Лучшіе примѣры этихъ основъ даетъ славянскій языкъ: др.-сл. *имамь*, польск. *mam* „имѣю“ предполагаетъ \**o*m-ā при глаголѣ *мамъ* (основа \**ome-*) „беру“, выражающемъ просто дѣйствіе, и при глаголѣ длительного значенія *мамъ* (основа \**ome-*), ср. лат. *emō* „покупаю“ (*ex-imo* „вынимаю“). Можетъ быть, эта основа на \*-ā- послужила основою неопредѣленного наклоненія и аориста въ славянскихъ глаголахъ длительного вида: *пѣса-ти* (основа \**rik<sub>1</sub>-ā-*?) при настоящемъ времени *пѣшъ* (основа \**reik<sub>1</sub>-ue-*): въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ корень имѣеть нулевой вокализмъ. Тотъ же суффиксъ \*-ā- образуетъ въ славянскомъ его обычный многократный видъ съ долгимъ кореннымъ гласнымъ: *-гнѣтати* при *гнѣтъ*, *мѣтати*: латышскій языкъ имѣеть то же *mētā-t* „бросать“ и лат. *cēlā-re* „скрывать“ при (*oc-*)*culō* (изъ \**kēlō*) при др.-вр.-нѣм. *helan* „скрывать“ и др.-ирл. *celim* „скрываю“. Длительное значеніе мы находимъ еще въ лат. (*oc-*)*cupāre* „занимать“, ср. *capere* „братъ“; (*ac-*)*subāre* „прилежать“, ср. (*ac-*)*subere* „прилежать“ и т. д.; въ арм. *kean* „живу“ (и.-е. основа \**g<sup>w</sup>iya-*), гдѣ корень имѣеть нулевой вокализмъ, какъ и въ др.-слав. *пѣсати*. Вокализмъ \**o* въ др.-вр.-нѣм. *manōn* „предупреждать“ и въ лит. (*i-*)*manau* „понимаю“, (*i-*)*manavo* „понимаетъ“, повидимому, заимствованъ изъ типа на \**eue-* лат. *monēo* „увѣщаваю“, ср. лит. (*i-*)*manųti* „понимать“; арм. (*i-*)*manam* „понимаю“ имѣеть нулевой вокализмъ и предполагаетъ, быть можетъ, \**m<sup>o</sup>nā-* со значеніемъ, подобнымъ значенію окончаній средняго залога, какъ напр. въ лат. *lauāre* „мыться“ при *laue* „мыть“.

5. Суффиксъ \*-уе-: \*-i- (\*-ī-). — Балтійскій и славянскій языки имѣють рядъ атематическихъ образованій настоящего времени, обозначающихъ состояніе, которыя характеризуются въ литовскомъ -i- (короткимъ), а въ славянскомъ -и- (долгимъ, но съ восходящей интонаціей, а не съ нисходящей, какъ старое \*ī)

лит. min-i	др.-сл. мыи-и-тъ „думаетъ“
smird-i	смръд-и-тъ „воняетъ“
„	бьд-и-тъ „бодрствуетъ“

Въ латинскомъ и германскомъ почти всѣ эти образованія замѣнены формами на \*-ē-, соотвѣтствующими такимъ основамъ, какъ лит. budėti „бодрствовать“, др.-сл. бьдѣти; только латинскій сохранилъ слѣдъ этихъ основъ въ производныхъ на \*-ske-, какъ (ge-)minī-scōr, (com-)minī-scōr „вспоминаю“. Греческій и индо-иранскій языки имѣють только тематическія формы: значеніе и нулевой вокализмъ корня въ гр. χαίρω „радуюсь“, φαίνομαι „являюсь“ (аор. χαρῆ-ναι, φανῆ-ναι), совершенно отличаются отъ значенія и вокализма типа δέρω „деру“, τέλω „тяну“ и т. д. и этимъ указываютъ на образованіе, родственное балтійско-славянскому типу; въ санскритѣ родственнымъ этому типу оказывается страдательный залогъ на -уа-: budh-уá-te „пробуждается“ ясно напоминаетъ др.-сл. бьдн-тъ (изъ \*бьдн-тъ); точно также скр. pū-уа-ti „воняетъ“ образовано такъ же, какъ и лит. smirdi, др.-сл. смръднѣ: нулевой вокализмъ и значеніе соотвѣтствуютъ вполне. Не вполне ясно мѣсто ударенія: санскритъ обыкновенно имѣетъ удареніе на суффиксѣ, но иногда и на корнѣ, какъ напр. mīcya-te рядомъ съ mīcyá-te „отпускается“, и въ литовскомъ мы находимъ tūrīš „имѣющій“ рядомъ съ gegīš „видящій“. Наконецъ, надо указать на такія армянскія страдательныя формы, какъ berim „меня несутъ“ съ -ī- какъ въ балтійскомъ и славянскомъ, при беремъ „несу“.

6. Каузативы и итеративы на \*-еуе-: \*-ī- (\*-ī-). — Первичные индо-иранскіе глаголы на -ауа-, имѣющіе въ санскритѣ удареніе на первомъ а суффикса -áуа-, имѣють всегда въ корнѣ передъ сонантомъ со слѣдующимъ согласнымъ индо-иранскій вокализмъ а, какъ напр. скр. vartáyat „вращаетъ“; передъ конечнымъ согласнымъ или сонантомъ

корня они имѣють индо-иранскій вокализмъ ā, если форма имѣеть каузативное значеніе: скр. svār-āya-ti „усыпляетъ“, и вокализмъ ā, если форма имѣеть итеративное значеніе: скр. pat-āya-ti „летаетъ“ (дѣйствіе длительное и повторяющееся).

Въ греческомъ этому образованію соотвѣтствуетъ типъ φορέω „ношу“ при φέρω „несу“, φοβέω „пугаю“ при φέβομαι „боюсь“; въ лат. moneo „заставляю думать, увѣщаваю“, posco „врезаю“ (ср. пех „убійство“), spondeo „обѣщаю“ (ср. гр. σπέυδω). Въ этихъ греческихъ и латинскихъ формахъ мы имѣемъ суффиксъ \*-eue-, тематическій, какъ и въ санскритѣ, и вокализмъ корня -ō.

Въ славянскомъ вокализмъ корня тоже ō, но суффиксъ — атематическій, -и- (і съ восходящей интонаціей) кромѣ перваго лица ед. ч.: др.-сл. врати-тъ при скр. var-tāya-ti; боудн-тъ при скр. bodh-āya-ti „будить“ и т. д.; но 1 л. ед. ч. будетъ врати-тъ, боудѣ-тъ (изъ \*ворт-ѣ, \*боуд-ѣ). Латинскій имѣеть также sōpī-s „усыпляешь“ при скр. svār-āya-si, но 1 л. ед. ч. sōpīō; то же самое въ гот. (fra-)wardēiþ „губить“ (при (fra-)waigrīþ „гибнетъ“), но 1 л. ед. ч. (fra-)wardja; этотъ суффиксъ, какъ и въ санскритѣ, имѣеть на себѣ удареніе, и вокализмъ корня здѣсь тоже \*ō. Ирландскія формы guidim „прошу“ (ср. гр. ποθέω „хочу“), guirim „грѣю“ и т. д. могутъ быть объяснены и изъ \*-eue- и изъ \*-ī-.

Вокализмъ корня \*ō въ такихъ каузативахъ, какъ скр. svār-āyatī „усыпляетъ“ и лат. sōpīt „усыпляетъ“, встрѣчается также и въ славянскомъ, напр., въ (и-)блвити при скр. bhāva-yatī „заставляетъ становиться“, и въ германскомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда настоящее вр. не каузативнаго значенія имѣеть вокализмъ \*o (герм. a): др.-вр.-нѣм. fuoren (герм. \*fōrjan) „вести“ при fagan „итти“.

За исключеніемъ различій въ подробностяхъ, касающихся тематической или атематической формы суффикса и вокализма корня \*ō или \*ō, этотъ типъ глаголовъ ясенъ; примѣровъ его довольно много, такъ:

гр. (f)αχέω „вожу“, гот. (ga-)wagja „привожу въ движеніе“, др.-сл. возитѣ.

скр. lobh-āyatī „возбуждаетъ желаніе“, гот. (us-)laubjan „позволять“.

7. Сигматическій аористъ. — Сигматическій аористъ представляетъ нѣсколько своеобразныхъ особенностей:

α. Суффиксъ его \*-s- не имѣетъ никакого гласнаго звука. Звукъ \*e такихъ аористовъ, какъ гом. *ἐχέρεσσα* „я насытилъ“ не относится къ суффиксу: это второй элементъ двусложнаго корня, засвидѣтельствованный удареніемъ кореннаго слога въ лит. *szérti* „питать“ (см. выше стр. 80).

β. Корень имѣетъ ступень \*ē въ дѣйствительномъ залогѣ: скр. *ávākṣam* „я везъ“ (3 л. ед. ч. *avāt*), др.-сл. *въсьь*, лат. *uēxi*; въ среднемъ залогѣ корень имѣетъ вокализмъ \*e, какъ въ скр. *maṃsi* „я думалъ“, или нулевой вокализмъ, какъ въ скр. *ádikṣi* „я показалъ“. Такимъ образомъ корень является здѣсь не какъ элементъ, предшествующій суффиксу, и потому неизмѣнный, но какъ элементъ, предшествующій окончанію, и потому подверженный измѣненіямъ. — Нѣтъ возможности опредѣлить, представляетъ ли *ei* въ гр. *ἔδειξα* „я показалъ“, *ep* въ гр. *ἔτερφα* „я удовлетворилъ“ и т. д. отраженіе \*ēi, \*ēg или \*ei, \*eg и т. д., такъ какъ въ подобномъ положеніи \*ēi, \*ēg и т. д. и \*ei, \*eg и т. д. даютъ въ греч. одинаково *ei*, *ep* и т. д. Либо по аналогіи съ этими формами, либо вслѣдствіе распространенія вокализма средняго залога и сослагательнаго накл. дѣйств. залога, греческій языкъ не сохранилъ нигдѣ никакого слѣда вокализма \*ē въ сигматическомъ аористѣ.

γ. Даже при атематическомъ спряженіи удареніе остается неизмѣнно на элементѣ, предшествующемъ суффиксу, т. е. на корнѣ, въ формѣ безъ приращенія: такъ окончаніе средняго залога не имѣетъ ударенія въ вед. *vāmsi* „я выигралъ“, точно также не имѣетъ ударенія суффиксъ причастія въ вед. *dákṣat* „сжегшій“; ср. мѣсто ударенія въ гр. *δείξας* „показавшій“, *δείξαι* „показать“.

Аористы деноминативныхъ глаголовъ, какъ греч. *ἐτίμησα* „я почтилъ“, др.-сл. *дѣлахъ* и др.-ирл. *go charus* „я любилъ“ представляютъ результатъ самостоятельнаго развитія въ греческомъ, славянскомъ и кельтскомъ: на это указываетъ уже фонетика, такъ какъ ни σ между двумя гласными въ греч. *ἐτίμησα* и въ др.-ир. *go charus*, ни χ послѣ л въ слав. *дѣлахъ* не соотвѣтствуютъ фонетическимъ законамъ отраженія и.-е. \*s въ этихъ языкахъ.

Форма суффикса аориста \*-is- засвидѣтельствована до-

вольно многочисленными примѣрами такихъ санскритскихъ аористовъ, какъ *áprāviṣam* „я очистилъ“, *ábhāriṣam* „я несъ“, гатскимъ *xšpəvíšā* „я удовлетворилъ бы“ (сослагательное наклоненіе) и суффиксомъ *-is-* латинскаго типа *ēg-is-ti*, *ēg-is-tis*, *ēg-ēr-unt*.

8. Формы на *\*-syē-*, *\*-se-*. — Индо-иранское будущее на *-sya-*, засвидѣтельствованное скр. *vak-syā-mi* „буду говорить“, гат. *vaḥ-šyā*, слѣдуетъ сближать съ литовскимъ будущимъ: *lik-sin* „оставлю“, а также съ суффиксомъ *\*-se-* гр. *λείψω* „оставлю“, лат. *dixō* „скажу“ и т. д.; чередованіе *\*-syē-* и *\*-se-* не болѣе странно, чѣмъ чередованіе *\*-syo-* и *\*-so-* въ родит. п. ед. ч.: гат. *ḥa-hyā* „кого“ и др.-сл. *ye-so*, др.-вр.-нѣм. *hwe-s* „кого“. Это чередованіе формъ будущаго представляетъ нѣкоторыя особенности. Съ одной стороны будущее время встрѣчается очень рѣдко въ древнѣйшихъ индо-иранскихъ текстахъ: вся Ригведа имѣетъ только 15 примѣровъ личныхъ формъ будущаго времени (причастіе нѣсколько менѣе рѣдко); точно также и славянскій языкъ имѣетъ только одинъ примѣръ: причастіе **бышаштея** „будущее“. Съ другой стороны литовское будущее не соотвѣтствуетъ точно индо-иранскому будущему: спряженіе его въ различныхъ діалектахъ имѣетъ то суффикъ *-si-*, то *-s-*; напр. 1 л. мн. ч. будетъ *liksimē* или *liksmē* „оставимъ“, иначе чѣмъ въ скр. *vak-syā-maḥ* „будемъ говорить“. Мѣсто ударенія въ греч. *λείψειν*, *λείψων* не соотвѣтствуетъ мѣсту ударенія въ скр. *vakṣyāti* „будетъ говорить“, но соотвѣтствуетъ положенію ударенія въ лит. *likšęs* „который оставитъ“.

Въ латинскомъ и ирландскомъ образовании на *\*-se-* служить сослагательнымъ наклоненіемъ: лат. *faxit* „сдѣлалъ бы“, др.-ирл. *-tess* (изъ *\*steik-se-t*) „онъ шелъ бы“. Въ ирландскомъ такія основы на *\*-se-* съ удвоеніемъ обозначаютъ будущее время, напр. *gessu* „я помолился бы“ (сослаг. накл. къ *guidim*), *gigse* „я буду молиться“.

Рядомъ съ *\*-se-* существуетъ еще форма на *\*-əse-*: скр. *kaḥ-iṣyā-ti* „сдѣлаетъ“, гр. *μένέω* „останусь“.

Какъ греческое будущее отъ глаголовъ съ корнемъ, оканчивающимся на *-v*, *-p*, *-m*, *-l* образуется на *-ew* (древнее *\*-əso-*), точно такъ же санскритскій дезидеративъ образуется

суффиксомъ \*-se- послѣ согласнаго и суффиксомъ \*-әse- послѣ сонанта; при *riṛikṣati* „хочетъ оставить“, мы имѣемъ *śikīrṣati* „хочетъ дѣлать“, гдѣ -īrṣ- отражаетъ \*r + \*әs- (корень — односложный, какъ на это указываетъ *kṛtāḥ* „сдѣланный“); литовскій имѣетъ также *kláusiū* „спрашиваю“ (соб. „хочу слышать“) изъ \*klow-әs-, при *klaũso* „слышать“ изъ \*klow-s-.

Всѣмъ этимъ образованиямъ на \*-s- въ индо-европейскомъ, повидимому, было присуще дезидеративное значеніе (ср. выше стр. 161).

9. Основы съ носовымъ инфиксомъ. — Основы съ носовымъ инфиксомъ хорошо сохранились только въ индо-иранскомъ: дѣло происходитъ такъ, какъ будто элементъ \*-ne- вставляется передъ послѣднимъ звукомъ корня; корень имѣетъ нулевой вокализмъ, и, такъ какъ эти формы — атематическія, элементъ \*-ne- со слѣдующимъ конечнымъ звукомъ корня составляетъ элементъ, предшествующій окончанію, и даетъ чередованіе \*e: нуль при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ другихъ атематическихъ формахъ. Такъ напр.:

корень \*yeug-: скр. *yu-ná-k-ti* „соединяетъ“, 3 л. мн. ч. *yu-ñ-j-ánti*;

корень \*bheid-: скр. *bhi-ná-t-ti* „разсѣкаетъ“, 3 л. мн. ч. *bhi-n-d-ánti*;

корень \*leikw-: скр. *ri-ná-k-ti* „оставляетъ“, 3 л. мн. ч. *ri-ñ-c-ánti*, зд. *iri-na-x-ti* „оставляетъ“.

Какъ и всѣ подобныя формы, эти основы нигдѣ болѣе не сохранились въ своемъ атематическомъ видѣ; даже въ дальнѣйшемъ развитіи языковъ Индіи онѣ сдѣлались тематическими, и пали, напр., имѣетъ *bhindati* „разсѣкаетъ“; то же самое случилось и въ латинскомъ, гдѣ мы находимъ: *iungō* „соединяю“ (ср. лит. *jūngiu*, съ суффиксомъ \*-ye-), *findō* „раскалываю“, *linquō* „оставляю“, и въ балтійскомъ, гдѣ мы имѣемъ напр. др.-прусск. *(pо-)linka-* „остается“.

Особаго разсмотрѣнія требуютъ корни, оканчивающіеся на \*-u, какъ \*welu (лат. *uoluo* „качу“ и т. д. ср. стр. 136), этотъ корень образуетъ основу съ носовымъ инфиксомъ \*w|-ne-u-: скр. *vṛṇómi* „покрываю, заворачиваю“; отъ корня \*steru-, \*streu- (гот. *strauja* „распростираю“) — \*str-ne-u-, \*str-n-u-: скр. *strṇómi* „распространяю“, *strṇamāḥ*

„распространяемъ“, гр. στέρνυμι (съ  $\bar{u}$  вмѣсто  $\epsilon u$  подѣ влияніемъ аналогій) „стелю“, στέρνυμεν „стелемъ“; отъ корня \*(o)reu- (гр. ὀρώω „подымаюсь“) — \*r̥-ne-u- (\*or-ne-u): скр. r-ṛb-mi „привожу въ движеніе“, гр. ὄρνυμι „подымаю“. Вслѣдствіе различныхъ влияній аналогіи \*-neu-, \*-nu- стали созвѣваться, какъ суффиксы, и греческій языкъ, какъ извѣстно, замѣняетъ ими старыя атематическія формы съ носовымъ инфиксомъ: ζεύνυμι „соединяю“ при скр. yunákti, лат. iungō.

Возьмемъ еще двусложный корень, оканчивающійся долгимъ гласнымъ, чередующимся съ \* $\bar{d}$ , наприм. \*menthā-, \*m̥nthā-, засвидѣтельствованный скр. mánthi-tā „взбалтыватель“, mathā-yāti „взбалтываетъ“, mathi-tāḥ „взболтанный“, др.-сл. *матъ*; мы ожидаемъ \*m̥nth-ne-ə-, \*m̥nth-n-ə, и дѣйствительно мы имѣемъ 1 л. мн. ч. скр. math-nī-māḥ „взбалтываемъ“ (съ  $\bar{i}$  вм.  $\bar{i}$  отражающаго \* $\bar{a}$ ); что касается \*m̥nth-ne-ə-, то здѣсь мы имѣемъ такую форму, какъ будто \*eə сливается въ \* $\bar{a}$ , скр. mathnāmi; по этому поводу слѣдуетъ напомнить, что \* $\bar{u}ə$ , \* $\bar{w}ə$  отражаются въ видѣ \* $\bar{i}$ , \* $\bar{u}$  (ср. выше стр. 98) и что съ морфологической точки зрѣнія \* $\bar{a}$  играетъ ту же роль, какъ гласный + сонантъ (ср. выше стр. 132 сл.). Точно такъ же отъ \*r̥elə- (см. стр. 133) мы имѣемъ \*r̥l̥nā-, \*r̥l̥nə-: скр. r̥ñāti „наполняетъ“, r̥ñimāḥ „наполняемъ“; отъ \*r̥ewə- (см. стр. 135), \*r̥unā-, \*r̥unə-: скр. r̥unāmi „очищаю“, r̥unimāḥ „очищаемъ“; точно также въ греческомъ, дор. δάμναι „укрощаю“, δάμναμεν при гомер. ἐδάμασσα, дор. ἐδμᾶδην; πέρνυμι „просверливаю“ (перνᾶμι), πέρναμεν при ἐπέρασσα, πιπρᾶστω „продаю“; то же и въ древневерхне-нѣмецкомъ ginōm „зѣваю“ при лат. hiā-re зѣвать“, лит. žiō-ti „зіять“. — Какъ и \*-neu-, \*-nā- распространился на корни не двусложные и, напр., отъ \*bhendh- санскритъ имѣетъ badhnāti „связываетъ“.

10. Суффиксъ \*-ye-. — Изъ всѣхъ индо-европейскихъ суффиксовъ суффиксъ \*-ye- имѣлъ самое широкое распространіе: онъ далъ большинство глагольныхъ образованій, употребляющихся въ исторически засвидѣтельствованныхъ языкахъ.

Онъ образуетъ большинство глаголовъ отъ именныхъ основъ, деноминативныя глаголы; такъ

отъ основъ на \*-s-: отъ скр. ápas- „дѣло“ — apas-yáti „дѣйствуетъ“; отъ гр. τελεσ- „конецъ“ — τελείω „оканчиваю“ (изъ \*τελεσ-уω); отъ гот. riqis „тьма“ — riqiz-ja „затмеваясь“;

отъ основъ на \*-n-: отъ скр. vṛṣan- „самецъ“, vṛṣan-yá-ti „находится въ періодѣ течки“; отъ гр. \*τεκτον- (τέκτων „плотникъ“) — τεκταίνω „плотничаю“, отъ \*ονομν- (ὄνομα „имя“) — ονομαίνω „именую“; отъ гот. namīn- (namo „имя“) — namnja „называю“;

отъ основъ на \*-i-: отъ скр. janī- „женщина“ — janī-yá-ti „ищетъ женщину“, ср. др.-сл. **женитъ сѧ**; отъ гр. μῆνις „гнѣвъ“ — μῆνί-ω „гнѣваюсь“.

отъ основъ на \*-e-/\*-o-: отъ скр. vaspā- „цѣна“ скр. vaspā-yá-ti „торгуетъ“, ср. гр. ὄνος „купля“ и ὠνόμασι „покупаю“; отъ \*sene- „старый“ (скр. sánaḥ, лит. sėnas), лит. senė-jū „старѣю“, лат. sene-ō; гр. δηλώω „объясняю“ отъ δηλος „ясный“, лит. dagūju „жну“ отъ dāgas „жатва“;

отъ основъ на \*-ā-: отъ скр. pṛtanā- „сраженіе“ — pṛtanā-yá-ti; отъ гр. τίμᾱ- „честь“ — τίμᾱ-ω „почитаю“; отъ лит. (pā-)sako- „разсказъ“ — (pā-)sako-jū „разсказываю“; отъ др.-сл. **каторѧ-** „сраженіе“ — **каторѧ-нѧ** „сражаюсь“.

Сочетаніе конечнаго гласнаго основы съ суффиксомъ \*-ye- часто было принимаемо за новый суффиксъ и давало новыя образованія; такъ въ лат. мы имѣемъ operāgī „работать“ отъ opera „работа“, и по аналогіи отношенія opus „дѣло“ — operāgī было образовано vulnerāre „ранить“ къ vulnus „рана“ и т. п.

Суффиксъ \*-ye- образуетъ также производные глаголы отъ глаголовъ, verba deverbativa; такъ образуются производные:

отъ интенсивовъ, какъ скр. dediṣ-yá-te „показываетъ“ отъ dédiṣ-te „показываетъ“; очень часто первичная форма вовсе не сохранилась, какъ въ вед. soṣkū-yá-te „покровительствуетъ“; въ греческомъ и славянскомъ сохранились только формы съ вторичнымъ суффиксомъ: др.-сл. **глагол-нѧ**, гр. ποιφύσσω (изъ \*ποιφύκ-уω) „дую“, παμφαίνω (изъ \*παμφαν-уω) „сіяю“;

отъ основъ съ носовымъ инфиксомъ, какъ лит. jūng-iū „привязываю“ при скр. yunákti, лат. iungō; атт. κλίνω, лесб. κλίνω (т. е. \*κλιν-уω) „склоняю“ отъ \*klinā-, \*klinē-, ср. др.-сакс. hlinōn „опираться“;

отъ основъ на долгій гласный, какъ гр.  $\mu\upsilon\acute{\alpha}\text{-}\sigma\mu\alpha\iota$  „вспоминаю“ отъ \* $\mu\text{п}\acute{\alpha}$ - (ср. выше стр. 168) и славянскіе итеративы типа **-пѣтъ-ѣ**.

Когда \*-уе- слѣдуетъ непосредственно за корнемъ, нѣтъ основанія разсматривать вслѣдствіе этого основу, какъ первичную: такое настоящее вр., какъ скр.  $\text{p}\acute{\alpha}\varsigma\text{-}\upsilon\alpha\text{-}t\iota$  „смотреть“, лат.  $\text{s}\text{p}\text{e}\text{s-i}\bar{o}$  „смотрю“ можно разсматривать какъ деноминативъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ \* $\text{s}\text{p}\text{e}\text{k}_1$ - „смотрящій“, напр. въ лат.  $\text{a}\text{u}\text{-}\text{s}\text{p}\text{e}\text{x}$  „птицегадатель“; такое настоящее время, какъ др.-сл. **кѣ-ѣ**, гот.  $\text{w}\text{a}\text{i-a}$  „вѣю“ можетъ быть производнымъ отъ основы \* $\text{w}\bar{e}$ - съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной скр.  $\text{v}\acute{\alpha}\text{-}t\iota$  „вѣть“, гр.  $\acute{\alpha}(F)\eta\sigma$ ; гр.  $\theta\acute{\epsilon}\iota\nu\omega$  „бю“ форма производная отъ атематической формы, сохраненной въ скр.  $\text{h}\acute{\alpha}\text{n}\text{t}\text{i}$  = зд.  $\text{j}\text{a}\text{i}\text{n}\text{t}\text{i}$  „бьетъ“. Точно также можно толковать и всѣ глаголы, подобные гр.  $\text{t}\acute{\epsilon}\iota\nu\omega$  „тяну“,  $\sigma\chi\acute{\iota}\zeta\omega$  „сѣку, колю“, др.-сл. **лнжѣ**, лит.  $\text{l}\acute{e}\acute{z}\text{i}\bar{u}$  „лижу“ (отъ атематической формы, сохраненной въ скр.  $\text{r}\acute{e}\text{h}\text{m}\text{i}$ ,  $\text{l}\acute{e}\text{h}\text{m}\text{i}$ ), и т. д.; это образование особенно часто встрѣчается въ греческомъ, балтійскомъ и славянскомъ.

Такимъ образомъ, какъ показываютъ приведенные примѣры, суффиксъ \*-уе- не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: онъ служитъ просто для образованія производныхъ формъ.

Въ индо-иранскомъ, греческомъ, армянскомъ, славянскомъ и балтійскомъ суффиксъ имѣетъ постоянно тематическую форму; только въ латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ онъ имѣетъ рядомъ съ тематическими формами также и атематическія: лат.  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}\bar{o}$  „беру“,  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}\text{u}\text{n}\text{t}$  „берутъ“, гот.  $\text{h}\text{a}\text{f}\text{j}\text{a}$  „беру“,  $\text{h}\text{a}\text{f}\text{j}\text{a}\text{n}\text{d}$  „берутъ“; но лат.  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}\text{-s}$ ,  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}\text{-t}$ ,  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}\text{-m}\text{u}\text{s}$ ,  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}\text{-t}\text{i}\text{s}$ ;  $\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\text{i}\text{-s}$  „чуешь“,  $\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\text{i}\text{-t}$  (изъ \* $\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\text{i}\text{-t}$ ),  $\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\text{i}\text{-m}\text{u}\text{s}$ ,  $\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\text{i}\text{-t}\text{i}\text{s}$ ; гот.  $\text{h}\text{a}\text{f}\text{j}\text{i}\text{-s}$  „берешь“ (вм.  $\text{h}\text{a}\text{f}\text{i}\text{-s}$ ; старая форма сохранилась въ западно-германскомъ: др.-вр.-н.  $\text{h}\text{e}\text{v}\text{i}\text{s}$ , др.-сакс.  $\text{h}\text{e}\text{f}\text{i}\text{s}$ ) и т. д.,  $\text{s}\text{o}\text{k}\text{e}\text{i}\text{s}$  „ищешь“. Древнеирландскій яз. имѣетъ форму  $\text{-g}\text{a}\text{i}\text{b}$  „береть“ (изъ \* $\text{-g}\text{a}\text{b}\text{i}\text{t}$ ),  $\text{g}\text{a}\text{i}\text{b}$  „бери“ (изъ \* $\text{g}\text{a}\text{b}\text{i}$ ; ср., для конечнаго звука, лат.  $\text{c}\text{a}\text{p}\text{e}$  изъ \* $\text{c}\text{a}\text{p}\text{i}$ ) и  $\text{-l}\bar{\text{e}}\text{i}\text{c}\text{i}$  „оставляетъ“ (изъ \* $\text{-l}\bar{\text{e}}\text{c}\text{i}\text{t}$ ),  $\text{l}\bar{\text{e}}\text{i}\text{c}$  „оставь“ (изъ \* $\text{l}\bar{\text{e}}\text{c}\text{i}$ , ср. латинскій типъ  $\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\text{i}$ ); и онъ, слѣдовательно, представляетъ формы, сходныя съ германскими и италійскими.

Санскритскіе деноминативы имѣютъ обыкновенно уда-

рение на суффиксѣ, какъ напр. въ приведенныхъ примѣрахъ *ṛtaṅyāti* „сражается“ и т. д., но иногда и на предшествующемъ суффиксу элементѣ или на другомъ слогѣ именной основы: *mantrāyate* „произносить молитву“ (*māntra-*); то же мы находимъ и въ другихъ языкахъ: русск. играю отъ игра; лит. *pāsaiko-ju* „разсказываю“ отъ *pāsaika*; гр. *τιμά-ων, τιμῶν* „почитающій“ отъ *τιμή*; гдѣ суффиксѣ \*-уе- непосредственно слѣдуетъ за корнемъ, ударение лежитъ на предшествующемъ суффиксу элементѣ: скр. *rāṣ-ya-ti* „смотреть“, русск. лижетъ (основа \*лиз-је), лит. *szaũk-iaš* „кричащій“ (причастіе), гр. *τείνειν* „тянуть“, *τείνων* „тянущій“.

11. Суффиксѣ \*-ske-. — Форма этого суффикса устанавливается слѣдующимъ соотвѣтствіемъ: 1 л. ед. ч. дѣйств. зал. гр. -σχω = лат. -scō = др.-вр.-н. -sku; санскритъ имѣетъ -scha- и зендъ -sa-, напр. скр. *gāschati*, зд. *ḡasaīti* „идетъ“ при греч. *βάσχω*; скр. *ṛschāti*, зд. *ṛəšaiti* „спрашиваетъ“ при лат. *poscō* (изъ \**posc-scō*) „требую“, др.-вр.-нѣм. *forscōn* „разыскивать“, скр. *iščāti*, зд. *isaiti* „желаетъ“ при др.-вр.-нѣм. *eiscōn* „спрашивать“, умбр. *eiscurent* „*proscerint*“; скр. -sch- = зд. -s- представляютъ правильное отраженіе въ индо-иранскомъ индо-евр. \*-sk- передъ \*e; звукъ \*k этой группы есть восточное \*k (см. стр. 73 сл.), а не \*k<sub>1</sub>, такъ какъ въ славянскомъ санскритскому *iščāmi* „желаю“ соотвѣтствуетъ *искъ*; а скр. *iščāti* точно такъ же измѣняетъ свой гортанный звукъ, какъ др.-сл. *иштеть* (изъ \**ишуеть*), и въ *iščānti* „желаютъ“, гдѣ -anti восходитъ къ \*-onti, измѣненіе гортаннаго звука произошло по аналогіи съ *iščāti*.

Суффиксѣ \*-ske- вторичный: такъ въ греч. *γηρά-σχω* „старѣю“ отъ *γῆρας* „старость“, *μεθύ-σχω* „пьянѣю“ отъ *μέθυ* „вино“; производныя формы настоящаго времени отъ основъ на \*-i- (ср. выше стр. 171), какъ гр. *εὔρι-σχω* „нахожу“ рядомъ съ основами на \*-ē-, какъ *εὔρη-(σχω)*, *ἀλί-σχομαι* „меня берутъ“ рядомъ съ основами на -ω-, какъ *ἀλῶ-ναι* и т. д.; въ лат. *hiā-sce-re* „раскрываться“ отъ *hiāre* „зѣять“, *rubē-sce-re* „краснѣть“ отъ *rubēre* „быть краснымъ“, *(ob-)dormī-sce-re* „засыпать“ отъ *dormire* „спать“ и т. д.; въ иранскомъ зд. основа *γri-sa-* „просыпаться“ отъ основы на \*-i-, какъ гр. *εὔρι-σχω* и т. д.; зд. *taf-saiti* „нагрѣвается“ — производное

отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной скр. причастіемъ средн. залога *tar-ānāḥ* „грѣющийся“, между тѣмъ какъ лат. *terē-scere* „нагрѣваться“ происходитъ отъ *terere* „быть теплымъ“. Такая основа, какъ скр. *gácschati* „идеть“, зд. *ḡasaiti*, гр. *βάζω* происходитъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣтельствованной скр. *ágan*, арм. *ekn* „онъ пришелъ“; и, если мы нигдѣ не встрѣчаемъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, отъ которой произошли скр. *pr̥schāti* „спрашиваетъ“, зд. *pr̥əḡasaiti*, лат. *poscō*, арм. *harçi* „я спросилъ“ (съ *ç* отражающимъ \*sk), то это, несомнѣнно, случайность.

Что касается значенія, то суффиксъ \*-ske- во вторичныхъ образованіяхъ играетъ почти ту же самую роль, что носовый инфиксъ въ первичныхъ образованіяхъ: онъ обозначаетъ начало дѣйствія и образуетъ инхотативы; онъ встрѣчается въ такихъ корняхъ, которые представляютъ то форму на \*-ske-, то форму съ носовымъ инфиксомъ; такъ при формѣ съ носовымъ инфиксомъ скр. *jānāti* „знаетъ“, гот. *kunpan* „знать“, въ латинскомъ мы встрѣчаемъ (g)nō-scō „узнаю“ и въ гр. *γνώσκω* (и *γινώσκω*) отъ основы \*g<sub>1</sub>nō-, засвидѣтельствованной гр. *γνώσκω*; при греческой формѣ съ носовымъ инфиксомъ *κί-ν-υ-ται* „бросается, устремляется“, мы встрѣчаемъ въ zendѣ *šusaiti* (изъ иран. \*čyu-sa-) отъ основы съ нулевымъ инфиксомъ \*kue-, засвидѣтельствованной вед. *суáv-ānāḥ* „устремляющийся“ и гом. *ἔσσυτο* (изъ \*e-kyu-to) „бросился“, ср. скр. *суávate* „бросается“ и гр. *σεύω* „устремляюсь“.

12. Суффиксъ \*-ne-. — Этотъ суффиксъ служитъ для производства начинательнаго настоящаго времени отъ коренныхъ основъ, особенно отъ основъ аориста. Въ формѣ \*-ne- онъ является главнымъ образомъ въ армянскомъ, славянскомъ и германскомъ, а спорадически и въ другихъ языкахъ: арм. *dnet* „кладу“ (изъ \**dinet*), произведено отъ основы аориста *di-* = скр. *dhā-*; др.-сл. *стнѣ*, отъ *стл-* = скр. *sthā-*, дор. *στᾶ-*; гот. *fraihna* „спрашиваю“, гр. *πίνω* „пью“, лит. *aunù* „одѣваюсь“ и т. д. Форма \*-<sup>o</sup>ne- имѣетъ ту же функцію въ балтійскомъ, армянскомъ и греческомъ: лит. *būdinu* „бужу“, арм. *lkhanem* „оставляю“ отъ основы аориста \**likhe-* = гр. *λιπε-* (форма съ носовымъ суффиксомъ здѣсь

занимаетъ мѣсто старой формы съ носовымъ инфиксомъ: скр. *riṅákti* „оставляетъ“, лат. *linguō*); гр. *ἀλφάνω* „приношу“ къ *ἀλφεῖν*. Греческій языкъ присоединяетъ этотъ суффиксъ къ формѣ съ носовымъ инфиксомъ, откуда *πυνθάνομαι* „знаю“ при лит. *būndū* „просыпаюсь“. Нѣсколько формъ настоящаго вр. на \*-ne- произошли путемъ перехода формъ на \*-nā- въ тематическій типъ, напр. гр. *κάμνω* „устаю“, рядомъ съ *κάματος* „усталость“, *κμητός* (*κμητός*) „обработанный“ и съ вед. *ṣamniṣe* „стараешься“. Образованія на \*-ne- или \*-°ne-, которыя мы встрѣчаемъ въ различныхъ языкахъ, являются результатомъ сложныхъ нововеденій и не отражаютъ непосредственно индо-европейскаго состоянія.

Нѣкоторыя неясныя образованія. — Кромѣ трехъ указанныхъ вторичныхъ суффиксовъ, повидимому, существовало еще много другихъ, распространеніе и значеніе которыхъ уже не можетъ быть выяснено. Такъ въ греческомъ сохранились слѣды суффикса \*-dhe- въ видѣ -θε-: дор. *ἔσ-θω* „ѣмъ“, ср. *ἔθω* и скр. *ádmi* „ѣмъ“; *πλή-θω* „я полонъ“, ср. *ἔ-πλη-το* скр. *árgāt* „онъ наполнилъ“; *σχε-θω* (conj. aor.) „удержу“, ср. *ἔσχω*: *πελάθω* „приближаюсь“ отъ *πέλας* „вблизи“, и т. д.; то же самое \*-dhe- мы встрѣчаемъ въ гот. *walda* „владѣю“, др.-сл. *владж*, лит. *vėldu*, при др.-ирл. *flaith* „господство“ и лат. *uolō*, *uolt*, и т. д. — Суффиксъ \*-k- въ греч. *ἔθηκα* „я положилъ“ (мн. ч. *ἔθεμεν*), лат. *fē-c-i* „я сдѣлалъ“ (при скр. *ádhāt* „онъ положилъ“) и въ гр. *ῆ-κ-α* „я бросилъ“, лат. *iē-c-i* есть тоже суффиксъ вторичный, но атематическій. — Примѣровъ подобнаго рода можно было бы привести довольно много.

## b. Perfectum.

При большомъ разнообразіи образованій настоящаго времени и аориста, перфектъ представляетъ всего только одинъ типъ формъ. Перфектъ всегда примыкаетъ непосредственно къ корню, и его имѣютъ всѣ корни за рѣдкими исключеніями (напр. корень \*ei- „итти“).

Перфектъ представляетъ атематическое образованіе, которое характеризуется: 1) удвоеніемъ (см. выше стр. 148); 2) вокализмомъ корня \*o въ тѣхъ лицахъ, которыя обыкновенно въ атематическомъ типѣ настоящаго времени имѣютъ

въ предшествующемъ окончанію элементѣ вокализмъ \*e; 3) нѣкоторыми особыми окончаніями (\*-а въ 1 л. ед. ч. дѣйств. зал. и др.) и суффиксомъ причастія дѣйствит. залога. Индо-иранскій языкъ даетъ больше всего хорошихъ примѣровъ этихъ основъ, но вокализмъ ихъ яснѣе въ греческомъ:

πέιθω	πέπειθα	ГОМ. πέπιθμεν
ἐλεύσομαι	ГОМ. εἰλήλουθα	АТТ. ἐλήλυθμεν
μένος	μέμονα	μέμαμεν
πένθος	πέπονθα	ГОМ. πεπαθούη (причастіе)
φθείρω	ἔφθορα	ἔφθαρμαι
τρέφω	τέτροφα	τέθραμμαι
(F)ρήγνυμι	ἔρρωγα	
χέζω	κέχοδα	

Вокализмъ корня \*o подтверждается чередованіемъ палатальныхъ и гортанныхъ въ индо-иранскихъ формахъ: скр. *sakága* „я сдѣлалъ“, *ja gáma* „я пришелъ“, *ja g h ána* „я ударилъ“; подтверждается также и ирландскимъ языкомъ, гдѣ (*ro*) *gegon* „я ударилъ“ соотвѣтствуетъ скр. *ja g h ána* и гдѣ (*ro*) *geraig* „онъ тянулъ“ предполагаетъ \**geroge*; наконецъ, германскій тоже указываетъ на \*o: нѣкоторыя формы съ удвоеніемъ корней съ долгимъ гласнымъ имѣютъ въ перфектѣ вокализмъ *ō*:

гот. <i>leta</i> „оставляю“:	<i>lailot</i> „я оставилъ“
<i>saia</i> „сбью“:	<i>saiso</i> „я посбѣялъ“;

кромѣ того *praeterito-praesentia* и обычныя *praeterita* старыхъ первичныхъ индо-европейскихъ глаголовъ, не имѣя удвоенія, сохранили вокализмъ \*o: таковы въ готскомъ:

1 л. ед. ч. *man* „думаю“ мн. *munum* „думаемъ“.

*beida* „жду“: *baif* „я ждалъ“, *bidum* „ждали“ (ср. для формы корня гр. *πέπειθα*, *πέπιθμεν*).

*biuda* „приказываю“: *-bauþ* „я приказалъ“, *-budum*.

*binda* „вяжу“: *band* „я связалъ“, *bundum*.

Со времени индо-европейскаго періода существовало нѣсколько перфектовъ безъ удвоенія, изъ которыхъ самымъ важнымъ является:

гр. *Γοῖδα* „знаю“, *Γῖδμεν*, скр. *véda*, 1 л. мн. ч. *vidmá*, гат. *vaēdā*, гот. *wait*, *witum*, др.-сл. *вѣдѣ* (древняя форма

съ окончаніемъ средняго залога), др.-прусск. *waissei* „знаешь“, *waidimai* „знаемъ“.

Латинскій и германскій языки образовали свое прошедшее время изъ смѣшенія старыхъ индо-европейскихъ формъ перфекта и аориста: др.-вр.-н. *liwi* „ты ссудилъ“ соотвѣтствуетъ гом. *λίπες*, гот. *bitun* „они укусили“ можетъ быть 3 л. мн. ч. дѣйств. зал. атематическаго аориста, засвидѣтельствованнаго ведическимъ *bhét* „онъ разсѣкъ“, причастіе *bhidánt-* и т. д.; вліяніе этихъ формъ могло содѣйствовать утратѣ удвоенія въ формахъ перфекта съ вокализмомъ \*o, какъ др.-вр.-нѣм. *lēh* „я ссудилъ“, гот. *bait* „я укусилъ“; точно также вокализмъ \*ē въ лат. *frēgi* „я сломалъ“, др.-вр.-нѣм. *brāhhu* „они сломали“, повидимому, соотвѣтствуетъ вокализму старыхъ атематическихъ аористовъ, которые по формѣ можно сравнить съ лат. *ēst* „ѣсть“, *ēstis* „ѣдите“ (если въ этихъ формахъ дѣйствительно — ē), лит. *ēst(i)* „ѣсть“ и т. д. Тѣмъ не менѣе ā (изъ \*ō) такихъ ирландскихъ прошедшихъ, какъ *tāich* (которое переводится *confugit*) изъ \*tōke напоминаетъ, не смотря на отсутствіе удвоенія, третьи лица индо-иранскаго перфекта съ a (и-е. \*ō) въ предшествующемъ окончанію элементѣ, какъ скр. *sa-kāga* „онъ сдѣлалъ“. Есть основаніе думать, что формы безъ удвоенія, наблюдаемая въ другихъ діалектахъ, кромѣ греческаго и индо-иранскаго, представляютъ индо-европейскую діалектическую особенность.

Перфектъ обозначаетъ наличный результатъ совершившагося дѣйствія: гр. *εἶωθα* значить „я привыкъ и теперь имѣю обыкновеніе“, скр. *ϕίϕγαυα* „я оперся и остаюсь въ этомъ положеніи“ и т. д. Слѣдующій примѣръ, взятый у Гомера указываетъ точное значеніе этихъ основъ.

В 272: ὦ πόποι, ἦ δὴ μῦρ' Ὀδυσσεὺς ἐσθλὰ (F)έ(F)οργε  
βουλὰς τ' ἑξάρχων ἀγαθὰς πόλεμόν τε κορύσσω.  
νῦν δὲ τόδε μέγ' ἄριστον ἐν Ἀργείοισιν ἔρεξεν,  
ὃς τὸν λωβητῆρα (F)επεσβόλον ἔσχ' ἀγοράων.

„О! Уже много славныхъ поступковъ совершилъ Одиссей, первый подавая добрый совѣтъ или руководя битвой; но теперь еще болѣе прекрасное дѣло совершилъ онъ, удаливши изъ совѣщанія болтливаго нахала“. Поэтъ противопоставляетъ совокупность славныхъ поступковъ, которые совершилъ ((F)έ-

(F)ορϋε) Одиссей и которыми его слава была установлена, одному данному поступку, который онъ только что совершилъ (ἔρεξε): перфектъ обозначаетъ здѣсь разъ на всегда пріобрѣтенное. Рядомъ съ греческимъ перфектомъ стоитъ прошедшее время того же образования (plusquamperfectum): τέθνηκε „онъ мертвъ“ ἐτεθνήκει „онъ былъ мертвъ“, и санскритъ имѣетъ нѣсколько аналогичныхъ plusquamperfecta.

Когда обозначеніе времени пріобрѣло въ индо-европейскихъ языкахъ большее значеніе, перфектъ далъ и настоящее время и прошедшее: tutudī „я ударилъ“ — прошедшее время, но mehinī „помню“ — настоящее; гот. band „онъ соединилъ“ — прошедшее вр., но man „думаю“ — настоящее; и приведенная выше фарма перфекта безъ удвоенія гр. φοῖδα, скр. véda, гот. wait и т. д. значить только „знаю“, т. е. „я пріобрѣлъ и имѣю знаніе“; изъ этого перфекта произошло армянское настоящее время gitem „знаю“.

## 2. Основы наклоненій.

Существуютъ спеціальныя формы для слѣдующихъ трехъ наклоненій:

1. Изъявительнаго, характеризуемаго отсутствіемъ какихъ бы то ни было прибавокъ къ временнымъ основамъ, только что описаннымъ нами;

2. Сослагательнаго, характеризуемаго прибавкою къ временной основѣ тематическаго гласнаго \*-e- (\*-o-);

3. Желательнаго, характеризуемаго прибавкою вторичнаго суффикса \*-yē-: \*-ī- къ атематическимъ формамъ, а въ тематическомъ типѣ — суффикса \*-i-, образующаго дифтонгъ съ предшествующимъ гласнымъ (типъ гр. φερο-ι-).

Повелительное наклоненіе и инъюнктивъ, не характеризуются особыми формами основы, не могутъ быть поставлены рядомъ съ этими тремя наклоненіями.

1. Изъявительное наклоненіе. — Изъявительное наклоненіе служитъ для того, чтобы обозначить, что данное дѣйствіе имѣетъ или не имѣетъ мѣсто, напр. у Гомера:

А 178: εἰ μᾶλα καρτερὸς ἔσσι, θεὸς που σοὶ τὸ γ' ἔδωκεν

„если ты очень силенъ, то это, конечно, тебѣ богъ далъ“.

2. Сослагательное наклоненіе. — Образование сослагательнаго наклоненія ясно въ атематическомъ типѣ формъ:

изъявит. наст. вр. скр. *ás-ti* „есть“, лат. *es-t*: сослагательное скр. *ás-a-ti*, *ás-a-t* = зд. *añhaiti*, *añhaṭ*, лат. *er-i-t* „будеть“ (старое сослагательное служить здѣсь будущимъ временемъ);

сигматическій аористъ: сослагат. накл. скр. *néṣ-a-ti* *néṣ-a-t* „онъ велъ бы“ (со ступенью вокализма \*e, какъ въ среднемъ залогѣ, а не \*ē, какъ въ изъявительномъ дѣйств. залога скр. *ánaīṣam* „я свель“), гом. *τείσσο-μεν*, *τείσ-ε-τε* „мы (вы) отомстили бы“;

перфектъ: сослагат. накл. скр. *tatán-ati*, *tatán-a-t* „онъ потянулъ бы“, гом. *πεποιθ-ο-μεν* „мы повѣрили бы“. Вокализмъ предшествующаго окончанію слога есть \*e, какъ напр. скр. *véd-a-t* „онъ зналъ бы“, гом. (F)*εἶδ-ο-μεν*, (F)*εἶδ-ε-τε* „мы (вы) знали бы“ при (F)*οἶδα*; вокализмъ \*o гомеровскаго *πεποιθόμεν* заимствованъ изъ формы *πέποιθα*. Удареніе стоитъ на элементѣ предшествующемъ суффиксу.

Въ тематическомъ типѣ дѣло обстоитъ такъ, какъ будто характеристика наклоненія \*-e-, \*-o- сливается съ конечнымъ гласнымъ основы, что должно дать \*-ē-, \*-ō-: гр. *φέρω-μεν*, *φέρη-τε*, скр. *bhárāti*, *bhārā-t* „онъ несъ бы“, лат. *ferē-s* „будешь нести“ (старое сослагательное въ роли будущаго); вокализмъ элемента, предшествующаго суффиксу и мѣсто ударенія тѣ же, что и въ изъявительномъ наклоненіи.

Сослагательное наклоненіе обозначаетъ дѣйствіе, на исполненіе котораго разсчитываютъ, либо потому, что его желаютъ, какъ напр., вед. *agnīṃ stavāni* „я хочу прославлять Агни (огонь)“, *ṣṛṇávaḍ vácāṃsi me* „да услышитъ онъ мои слова“ и у Гомера:

υ 296: ἀλλ' ἄγε (F)οι καὶ ἐγὼ δῶ ξείνιον  
„но и я хочу ему дать гостинецъ“;

либо потому, что его просто ожидаютъ, какъ напр. вед. *vīṣ-vāñ pṛtana jayāsi* „ты будешь побѣждать во всѣхъ сраженіяхъ“, гом. Z 459: *καὶ ποτέ τις (F)εἴπησι* „и кто-нибудь могъ бы сказать“, или ε 465: *ὦ μοι ἐγὼ, τί πρόθω*; „увы, что мнѣ предстоитъ?“

3. Желательное наклоненіе. — Въ атематическихъ формахъ желательное наклоненіе характеризуется суффиксомъ \*-yē-: \*-yē- (т. е. \*-y- передъ гласнымъ и \*-ī- передъ согласнымъ); элементъ предшествующій суффиксу имѣетъ ну-



уát ráсеуиһ кравуáдам кигуиһ „если бы они пекли (мясо), они дѣлали бы (его, т. е. огонь) плотояднымъ“.

2. Желательное наклоненіе обозначаетъ желаемое дѣйствіе, какъ напр. у Гомера: Σ 98: αὐτίκα τεθνάειν „пустъ умру я сейчасъ!“ и вед. viçé са kṣatrā́ya са samádam kiguām „создать бы мнѣ вражду между народомъ (вайшьями) и знатью (кшатріями)!“ Отсюда употребленіе желательнаго наклоненія въ предписаніяхъ: вед. dá m rati aṣṇiṇyātam „пустъ хозяева оба ѣдятъ“.

Такимъ образомъ оттѣнки значенія, выражаемыя изъ-явительнымъ наклоненіемъ, сослагательнымъ и желательнымъ будутъ соотвѣтственно слѣдующіе: дѣйствіе положительно утверждаемое — ожидаемое и — только возможное. •

### С. Спряженіе глаголовъ.

Спряженіе глаголовъ выполняется при помощи трехъ факторовъ: окончаній, чередованія гласныхъ и мѣста ударенія.

#### а. Окончанія.

Система индо-европейскихъ глагольныхъ окончаній имѣетъ слѣдующій составъ.

1. Два полныхъ ряда окончаній дѣйствительнаго залога и средняго залога: дѣйствительнаго — дор. τίθε-τι (іон.-атт. τίθη-σι) и средняго — τίθε-ται.

Эти два ряда ясно сохранились только въ древне-греческомъ, готскомъ и индо-иранскомъ. Кромѣ того италійскіе языки и древне-персидскій сохранили слѣды ихъ въ различеніи глаголовъ дѣйствительныхъ и отложительныхъ (а также и въ латинскомъ страдательномъ залогѣ).

2. Въ предѣлахъ этихъ двухъ рядовъ окончаній дѣйствительнаго и средняго залога различаются еще два ряда окончаній — первичныхъ и вторичныхъ (напр. первичное — τίθε-ται, вторичное ἐτίθε-το); кромѣ того особья окончанія есть въ повелительномъ наклоненіи и въ перфектѣ.

3. Въ каждомъ изъ этихъ восьми рядовъ особую форму имѣетъ каждое лицо въ каждомъ числѣ.

Окончаніе опредѣляется указаніемъ на то, есть ли оно 1) окончаніе дѣйствительнаго или средняго залога; 2) первич-

ное или вторичное (или повелительнаго наклоненія или перфекта); 3) 1-го, 2-го или 3-го лица; 4) единственнаго, множественнаго или двойственнаго числа. Такъ окончаніе *-tai* въ гр. *τίθη-ται* есть окончаніе 3 л. — ед. ч. — средняго залога, — первичное. Сверхъ того окончанія отличаются отчасти въ зависимости отъ тематическаго или атематическаго типа образованія.

## 1. Окончанія дѣйствительнаго залога.

### α. Первичныя окончанія.

Единств. число. — 1 лицо. Въ атематическихъ образованіяхъ *\*-mi*: скр. *ás-mi* „есмь“, др.-сл. *юсмь*, гр. *εἶμι*, арм. *em*, алб. *jam*, гот. *im* (и лат. *sum*, др.-ир. *am*). — По этому окончанію атематическія настоящія называются глаголами на *\*-mi*: типъ *εἶμι*, *δίδωμι*, *τίθημι*, *ἵστημι*, *δείκνυμι*, *δάμνημι*, и т. д.

Въ тематическихъ образованіяхъ 1 лицо ед. ч. оканчивается на *\*-ō*: гр. *φέρω*, лат. *ferō*, гот. *baira*, др.-ирл. *(do-)biur* (изъ *\*-berū*); лат. *vehō* „везу“, лит. *vežù* (изъ *\*vežũ*); гат. *perəzā* „спрашиваю“, лат. *poscō* „требую“; въ санскритскомъ и въ части иранскаго сверхъ того было прибавлено еще окончаніе *\*-mi*, откуда скр. *bhāgāmi* „несу“, *vāhāmi* „везу, ѣду“, *pr̥schāmi* „спрашиваю“.

2 лицо: *\*-si*: скр. *é-ṣi* „идешь“, гр. *εἶ* (изъ *\*εἰ-σι*); гом. *ἔσ-σι* „еси“, др.-лат. *es-s* (пишется *es*, но въ стихосложеніи — долго), арм. *es* (изъ *\*essi*).

скр. *bhāra-si* „несешь“, гот. *bairis*, лат. *legis* повидимому не представляютъ индо-европейское состояніе для тематическаго типа; окончаніе было скорѣе *\*-ǵi*, на что указываютъ лит. *neszì* (изъ *\*neszǵ*) „несешь“, гр. *φέρεις*, др.-ирл. *(do-)bir* и *berì* (изъ *\*berēi-s* или *\*berēi-si*?). Какъ и въ 1 лицѣ, гр. *φέρω*, и т. д., такъ и здѣсь въ этой тематической формѣ мы не можемъ поставить черточки, отдѣляющей основы отъ окончанія.

3 лицо: *\*-ti*: скр. *ás-ti* „есть“, гр. *ἔσ-τι*, др.-рус. *юсть*, др.-лит. *es-ti*, др.-ирл. *is* (изъ *\*es-ti*), гот. *is-t*, лат. *es-t*.

скр. *vāha-ti* „везетъ, ѣдетъ“, др.-русс. *везеть*, гот. *-wigi-ḥ*, лат. *uehi-t*, др.-ирл. *berì-d* (изъ *\*bereti*) согласно указываютъ, что въ 3 л. ед. ч. первичное окончаніе было одно какъ въ тематическомъ, такъ и въ атематическомъ

типѣ; но греч. φέρει и лит. vėža „везеть“ предполагаютъ окончаніе нуль или \*-t, точно также какъ и др.-ирл. (d o-) beir; возможно, что такова и была старая тематическая форма, т. е. \*-et или \*-e; въ такомъ случаѣ въ трехъ лицахъ единственнаго числа дѣйствительнаго залога первичныя окончанія тематическаго типа отличались бы отъ окончаній атематическаго типа.

Множественное число. — 3 лицо: \*-enti (и \*-onti?) въ атематическихъ формахъ безъ удвоенія: скр. s-ánti „суть“, дор. ἐντι (вм. \*ἐντι), ион.-атт. εἶσι, умбр. s-ent, гот. s-ind, лат. s-unt, др.-сл. с-ѣтъ (др.-рус. суть).

\*-nti въ атематическихъ формахъ съ удвоеніемъ: скр. dá d-atī „даютъ“ (и.-е. \*déd-nti), др.-сл. дд-ѣтъ (др.-рус. да д-ять), дор. δίδο-ντι (и.-е. \*didə-nti), и въ формахъ тематическихъ: скр. bhāga-ntī „несутъ“, дор. φέρο-ντι (атт. φέροσι), гот. baiga-nd, лат. uehu-nt, др.-сл. везѣтъ (др.-рус. везуть).

β. Вторичныя окончанія.

Вторичныя окончанія, какъ тематическаго такъ и атематическаго типа трехъ лицъ ед. ч. и 3 лица мн. ч. отличаются отъ соотвѣтствующихъ первичныхъ атематическаго типа только отсутствіемъ \*-i.

Единственное число. — 1 лицо: \*-m или \*-n, смотря по фонетикѣ даннаго языка: скр. ábhaga-m „я несъ“, гр. ἔφερο-ν; др.-сл. пдѣ (изъ \*rōdo-n); скр. ásthā-m „я всталъ“, гр. ἔστη-ν; скр. suām „да буду я“, лат. siē-m, гр. εἶη-ν; ἔτεισ-α, др.-сл. нѣс-ѣ (съ -ѣ соотвѣтствующимъ \*-n).

2 лицо: \*-s: скр. ábhaga-h „ты несъ“, гр. ἔφερε-ς; др.-сл. пдѣ „ты палъ“ (изъ \*rōde-s); скр. ásthā-h „ты всталъ“, гр. ἔστη-ς; скр. suā-h „да будешь ты“, лат. siē-s, гр. εἶη-ς, гот. witei-s „да знаешь ты“.

3 лицо: \*-t: скр. ábhaga-t „онъ несъ“, гр. ἔφερε (взрывные въ греческомъ отпадаютъ въ концѣ слова); др.-сл. пдѣ „онъ палъ“ (изъ \*rōde-t); скр. ásthā-t „онъ всталъ“, гр. ἔστη, скр. suā-t „да будетъ онъ“, др.-лат. siē-d, гр. εἶη.

Множественное число. — 3 лицо: \*-ent и \*-nt (въ тѣхъ же условіяхъ какъ и первичныя \*-enti и \*-nti): скр. ās-an (изъ \*āsant) „они были“ — скр. ábhagan (изъ \*ábhagan-t), гр. ἔφερον; др.-сл. пдѣ „они пали“ (изъ \*rōdo-nt); конечное \*-t ясно не сохранилось нигдѣ, но на его присутствіе указы-

вають различныя фонетическія явленія сочетанія словъ въ ведическомъ языкѣ, а также и славянскія формы.

Различіе первичныхъ и вторичныхъ окончаній въ другихъ формахъ не отличается той же опредѣленностью.

Для 1 лица мн. ч. индо-иранская группа различаетъ первичное вед. -masi = зд. -mahī, скр. -mah и вторичное вед. -mā = зд. -ma; во всѣхъ другихъ языкахъ полное смѣшеніе: въ греч. -με; въ дорическомъ, -μεν въ другихъ діалектахъ; въ латинскомъ -mus; въ славянскомъ по діалектамъ различныя формы болѣе или менѣе загадочнаго происхожденія: -мъ (форма др.-слав.) -мо, -ме, -мы; въ лит. -ме; и т. д.

Для 1 лица двойств. ч. есть нѣкоторое соотвѣтствіе между индо-иранскимъ и готскимъ: первичное скр. -vah, зд. -vaḥī, гот. bidjos „мы (оба) просимъ“, и вторичное: скр. -vā, зд. -va, гот. magu „мы (оба) можемъ“, sitaiwa „сядемъ мы (оба)“; др.-сл. всюду имѣеть -въ, лит. -va.

Для 2 лица мн. ч. индо-иранскій языкъ дѣлаетъ различіе между первичнымъ и вторичнымъ окончаніемъ, и это различіе заключается въ противоположеніи звуковъ th и t: первичное окончаніе скр. -tha = гат. θā, вторичное — скр. -ta = гат. -tā. Такъ какъ \*th и \*t во всѣхъ остальныхъ языкахъ не различаются, то мы не можемъ ничего различить: гр. -τε, др.-сл. -те и т. д. являются одновременно и первичными и вторичными окончаніями, и мы не можемъ сказать, соотвѣтствуетъ ли гр. φέρετε, др.-сл. берете санскритскому bhāgatha (первичное) или bhāgata (вторичное). Латинскій языкъ имѣеть -tis.

Во второмъ и третьемъ лицѣ двойств. ч. мы находимъ весьма различныя окончанія: скр. различаетъ 2 л. -tvaḥ и 3 л. -taḥ, какъ первичныя, и 2 л. -tam, 3 л. -tām, какъ вторичныя; греч. имѣеть во 2 л. -των для обоихъ видовъ, но въ 3 л. первичное -των, а вторичное — дор. -τᾶν (атт. -την); готскій и литовскій имѣють только 2 лицо: гот. -ts и лит. -ta безъ различія первичнаго и вторичнаго окончанія; др.-сл. имѣеть во 2 л. -та, какъ первичное и вторичное, а въ 3 л. -те и -та безъ различія въ значеніи (-те было устранено во 2-омъ лицѣ, такъ какъ оно совпадало со 2 л. мн. ч.); слѣдовательно, мы находимъ только одну форму специально вторичнаго окончанія 3 л. дв. ч. \*-tā съ носовымъ или безъ

носового въ концѣ; эта форма по аналогіи была распростра-  
нена и на 2 л. въ греческомъ отчасти, въ литовскомъ и сла-  
вянскомъ вполнѣ.

## 2. Окончанія средняго залога.

### α. Первичныя окончанія.

Окончанія трехъ лицъ единственнаго числа и 3 лица мн. ч. въ среднемъ залогѣ отличаются отъ соотвѣтствующихъ окон-  
чаній дѣйствительнаго залога дифтонгомъ \*-ai, стоящимъ  
на мѣстѣ звука \*-i окончаній дѣйствительнаго залога.

Единственное число. — 1 лицо: гр. -μαι (тематическое  
и атематическое) и атематическое окончаніе балтійскаго языка,  
др.-прус. -mai, лит. -mi (изъ \*-mē): гр. ἴστα-μαι, φερο-μαι,  
др.-прус. as-mai „есмь“, лит. es-mi (изъ \*es-mē); балтій-  
скія формы — малодоказательны, такъ какъ форма дѣйстви-  
тельнаго залога атематическаго типа не сохранилась; въ  
индо-иранскомъ окончаніе имѣетъ форму \*-ai: скр. bhuv-é  
„говорю“; тематическое окончаніе есть тоже \*-ai, какъ напр.  
въ скр. bhāge „несу“.

2 лицо: \*-sai: скр. -se, гр. -σαι, лит. -si (изъ \*-sē),  
гот. -za; скр. dhat-sé „кладешь“, гр. τίθε-σαι, лит. de-si  
(изъ \*det-sē); скр. bhāga-se „несешь“, гр. φέρε-αι, гот.  
baiga-za „тебя несуть“.

3 лицо: \*-tai: скр. φέ-τε „лежитъ“, зд. saēte, гр.  
κεῖ-ται; скр. bhāga-te „несетъ“, гр. φέρε-ται, гот. baiga-da;  
въ индо-иран. встрѣчается также -ai, напр. вед. ῥαυ-е „онъ  
лежитъ“.

Множественное число. — 3 лицо: \*-ntai: скр. ῥάυ-ατε  
„лежать“, гом. κέ-αται; скр. bhāga-nte „несуть“, гр. φέρο-νται,  
гот. baiga-nda (замѣняетъ также 1 и 2 л. мн. ч.).

1 лицо: греческое -μεθα формъ κεῖ-μεθα, φερό-μεθα есть  
одновременно и первичное и вторичное окончаніе: индо-иран-  
скій противопоставляетъ первичное окончаніе \*-madhai (скр.  
-mahe, напр. вед. dad-mahe „даемъ“, зд. -maide) вторич-  
ному \*-madhi (скр. -mahī, гат. -maidī) изъ и.-е. \*-medhə,  
что можетъ быть нововведеніемъ этого діалекта. Латинскія  
формы отложительныхъ глаголовъ loquimur „говоримъ“ и  
др.-ирл. labrimmir, -labrammar „говоримъ“ — новообра-  
зованія, созданныя по образцу соотвѣтствующихъ формъ дѣй-  
ствительнаго залога.

2 лицо: первичное окончание въ индо-иранскомъ \*-dhwai: скр. -dhve, гат. -duuē; вторичное окончание — \*-dhvam: скр. -dhvam, гат. -dūm, зд. -ḍwəm; греческій имѣть (-θηε) -θηε; первичное и вторичное. Латинское loquiminī — именная форма: др.-ирл. labhrithe, -labraid „говорите“ совпадаютъ съ формами дѣйствительнаго залога. Западные діалекты, германскій, кельтскій, италійскій не даютъ никакой спеціальной формы 1-го или 2-го лица мн. ч. средняго залога.

Двойственное число. — Индо-иранскій и греческій имѣютъ различныя формы, на которыхъ видно вліяніе и окончаній двойств. числа дѣйств. залога и множ. числа средняго залога.

β. Вторичныя окончанія.

Многія вторичныя окончанія имѣютъ \*-o (и \*-e?) тамъ, гдѣ первичныя окончанія сред. залога имѣютъ \*-ai.

Единственное число. — 1 лицо. Греческій и индо-иранскій не совпадаютъ, какъ и для соотвѣтствующаго первичнаго окончанія. Греческій имѣть дор. -μα̃ν, іон.-атт. -μην: дор. ἐθέ-μα̃ν, ἐφερό-μα̃ν, іон.-атт. ἐθέ-μην, ἐφερό-μην. Индо-иранскій имѣть -i: скр. á-ktī „я сдѣлалъ“, гат. aoḵī „я сказалъ“; это -i образуеъ дифтонгъ съ предшествующимъ тематическимъ гласнымъ: \*(a)bhaga-i: скр. ábhage „я несъ“, зд. baige, что, повидимому, указываетъ на и.-е. \*-i; но въ желательномъ наклоненіи — окончание -a, что представляетъ въ индо-иранскомъ правильное отраженіе и.-е. \*a послѣ \*y: скр. bhágey-a, зд. baḡay-a „да нону я“. Поэтому индо-европейское состояніе не можетъ быть выяснено.

2 лицо: гр. -σο въ ἐτίθη-σο, ἔθη-ο, ἐφερέ-ο и т. д.; индо-иранск. \*-sa въ сослагат. накл. гат. dāñhā „далъ бы ты“ (изъ \*dā-sa), зд. baḡaē-ṣa „да несешь ты“; лат. -re (изъ \*-se?) въ sequere „слѣдуй“, ср. гом. ἔπε-ο. — Санскритъ во всѣхъ случаяхъ употребляетъ окончание -tḥāḥ, которое напоминаетъ скр. окончание 2 л. ед. ч. дѣйств. зал. перфекта -tḥa, и др.-ирл. отложительный по labrither „говоришь“. Такимъ образомъ латинскій здѣсь согласуется съ иранскимъ, а ирландскій съ санскритомъ; одно окончание, повидимому, было окончаніемъ тематическа, а другое — атематическаго типа.

3 лицо: \*-to (и вѣроятно \*-te): скр. ádi-ta „онъ

даль“, гр. ἔδο-το; скр. ábhara-ta „онъ носилъ“, гр. ἐφέρε-το; лат. sequi-tu-r, осск. uincte-r „conuincitur“.

Множественное число. — 3 лицо: \*-nto (и \*-nte): скр. śáyu-ata „они лежали“, гом. хѣ-ατο; скр. ábhara-nta „они несли“, гр. ἐφέρο-ντο; лат. sequo-ntu-r, ср. гом. ἔποντο; осск. karante-r „uescuntur“.

Спеціальныя окончания перфекта.

Дѣйствительный залогъ.

Единственное число. — 1 лицо: \*-а: скр. véd-а „знаю“, гр. φοῖδ-α, гот. wait; др.-ирл. sechan въ forroichan „я научилъ“ предполагаетъ первоначальную форму съ окончаніемъ \*-а или \*-о и исключаетъ возможность \*-е и \*-η.

2 лицо: скр. -tha: vét-tha „знаешь“; гот. -t (правильное отраженіе только въ извѣстныхъ спеціальныхъ случаяхъ): wais-t; гр. -θα: φοῖσ-θα; ср. также -t- въ лат. vidis-t-ī. Греч. θ предполагаетъ индо-евр. \*dh, между тѣмъ какъ остальные языки указываютъ на \*th.

3 лицо: \*-е: скр. véd-а „знаетъ“, гр. φοῖδε, гот. wait; др.-ирл. sechain предполагаетъ въ концѣ передненебный звукъ, подобный \*-е.

Множественное число. — Индо-иранскій языкъ имѣетъ окончания, отличныя отъ окончаній настоящаго времени: во 2 лицѣ \*-а: скр. vid-á „знаете“ (при греч. φίσ-τε) и въ 3 лицѣ: скр. -uḥ (-ur), скр. vid-úḥ „знаютъ“, ср. гат. -агəḥ, зд. -агə.

Средній залогъ.

Первое лицо имѣло окончаніе \*-ai, судя по скр. tutud-é „я толкнулъ“, лат. tutud-ī и др.-сл. вѣд-ѣ „знаю“. — Индо-иранскій имѣетъ то же \*-ai и въ 3 лицѣ: скр. tutud-é „онъ толкнулъ“.

Повелительное наклоненіе (дѣйствительнаго и средняго залога).

Окончанія повелительнаго наклоненія присоединяются къ основѣ изъявительнаго; поэтому съ морфологической точки зрѣнія повелительное наклоненіе не можетъ быть сравниваемо съ желательнымъ или сослагательнымъ, имѣющими свои особыя основы; что касается значенія, то повелительное наклоненіе выражаетъ рѣшительное приказаніе и такимъ

образомъ по значенію примыкаетъ къ утвердительному значенію изъявительнаго наклоненія, къ которому оно принадлежитъ и по формѣ.

2 лицо единств. ч. дѣйствит. зал. характеризуется нулевымъ окончаніемъ:

атематическій типъ: основа \*ei-: гр. ἔξ-ει „выходи“, лат. ī „иди“ (ex-ī „выходи“), лит. eĩ-k „иди“ (съ частицею -ki, -k); основа \*str̥neu-: скр. str̥nu „распростирай“, гр. στóρνῶ.

тематическій типъ: скр. bhāga „неси“, гр. φέρει, арм. ber, гот. baír, др.-ирл. ber; скр. ája „веди“, гр. ἄγε, лат. age, арм. ac.

Атематическія образования могутъ также принимать окончаніе \*-dhi: основа \*ei-: скр. i-hí (изъ \*i-dhi) „иди“, зд. i-ði, гр. ἴθ-ι; основа \*es-: зд. z-dī „будь“, гр. ἴσ-θι; основа \*weid-: скр. vid-dhī „знай“, гр. (F)ίσ-θι. Другое окончаніе повелительнаго-есть: скр. -tāt, др.-лат. -tōd, лат. класс. -tō, гр. -τω; въ санскритѣ и въ латинскомъ оно служитъ окончаніемъ и для 2-го и для 3-го лица, а въ греческомъ только для третьяго, но въ нѣкоторыхъ діалектахъ получаетъ еще въ концѣ -ς для обозначенія 2-го лица, какъ напр. по свидѣтельству Гезихія, на Саламинѣ говорили ἐλθεταις; вм. ἐλθέ; скр. bhāratāt „неси, пусть несетъ“, гр. φερέτω; скр. váhātāt „поѣзжай, пусть ѣдетъ“, лат. vehi-tō; скр. vit-tāt „знай, пусть знаетъ“; лат. es-tō „будь, пусть будетъ“. Можно думать, что это и.-е. окончаніе \*-tōt, которое присоединяется къ формѣ съ нулевымъ окончаніемъ, было отдѣльное слово, быть можетъ аблативъ указательнаго и.-е. мѣстоименія \*to-; \*-dhi, быть можетъ, представляетъ старую частицу; поэтому единственное дѣйствительное окончаніе повелительнаго наклоненія есть нулевое окончаніе 2-го лица ед. ч. дѣйств. залога. Это и понятно, такъ какъ 2 лицо ед. ч. повелит. накл. въ большинствѣ языковъ склонно къ образованию особенно короткихъ формъ глагольной основы.

Окончаніе 2 лица мн. ч. дѣйств. зал. повелительнаго наклоненія не отличается отъ вторичнаго окончанія 2 лица: скр. bhāga-ta „несите“, φέρει-τε, лат. fer-te.

Различные индо-европейскіе языки имѣютъ въ ед. ч. средняго залога и во мн. и дв. ч. дѣйств. и средн. залога особыя окончанія повелительнаго наклоненія, но между собою не имѣющія соотвѣтствій.

Окончания на \*-г-.

Индо-иранские и итало-кельтские диалекты имѣютъ окончанія на \*-г-.

Санскритъ имѣетъ въ 3 лицѣ множ. числа въ дѣйствительномъ залогѣ окончаніе -uḥ (-ur передъ гласной) и въ среднемъ залогѣ -ge, -ige; въ зендѣ имъ соотвѣтствуютъ -are и -əgəš въ дѣйств. залогѣ и -ge въ среднемъ: скр. ās-úḥ „они были“, зд. ānh-arə; скр. cikit-úḥ „они замѣтили“, зд. śikōit-əgəš; скр. śé-ge, зд. sōi-ge „они лежали“; скр. -uḥ можетъ отражать либо \*-g, либо \*-gš въ концѣ слова; оно употребляется также въ повелительномъ, въ аористѣ и въ желательномъ, какъ напр. sy-úḥ „да будутъ“; въ среднемъ залогѣ скр. -gaḥ является вторичнымъ окончаніемъ въ нѣкоторыхъ формахъ, какъ напр. ádḡḡ-gaḥ „они видѣли“.

Въ британскомъ языкѣ формы на -ir, -ār, -er имѣютъ значеніе безличное, а лицо обозначается дополненіемъ, выраженнымъ мѣстоимѣніемъ: коренное en tas a nef um gylwug „меня называютъ отцомъ небеснымъ“, бретонское nem gueler „меня не увидятъ“, или ez consa serer „тебя посвящаютъ“. — Въ древне-ирландскомъ соотвѣтствующія формы имѣютъ значеніе 3 лица страдат. залога: бериг „его несутъ“; къ нимъ были образованы формы 3 лица мн. ч., какъ напр. bertir „ихъ несутъ“ и даже въ единств. числѣ -г присоединяется иногда къ формѣ, имѣющей окончаніе, какъ напр. gaibthi-г „его поютъ“ (ср. gaibim „пою“); одиный отложительный глаголъ создалъ отсюда полное спряженіе съ -г въ большинствѣ личныхъ формъ. — Въ италійскомъ умбрское сослагательное fegar „понесутъ“ и умбрское изъявительное настоящаго времеои ier „идутъ“ свидѣтельствуютъ о существованіи безличной формы, соотвѣтствующей кельтской; въ латинскомъ -г является только въ формахъ, уже имѣющихъ окончанія въ 3 л. ед. ч. uehi-tu-г, при 3 лицѣ ед. ч. вторичнаго окончанія средняго залога въ вед. váha-ta; точно также въ 3 л. мн. ч. uehu-ntu-г, а также и въ другихъ лицахъ: uehog и uehimur; это спряженіе на -г заступаетъ мѣсто старыхъ окончаній средняго залога; отложительные глаголы лат. sequitur и др.-ирл. sechithet соотвѣтствуютъ основамъ имѣющимъ всегда окончанія средняго залога гр. ἕπεται, скр. śácate „слѣдуетъ“.

Возможно, что \*-г являлось признакомъ индо-европей-

ской безличной формы: въ лат. 3 лицо ед. ч. на -г часто имѣеть безличное значеніе: *ītur* „идуть“. — Исчезновение формъ на \*-г въ большинствѣ діалектовъ можно было бы объяснить неправильнымъ характеромъ формы, которая стояла особнякомъ въ идно-европейской системѣ спряженія и которая не сохранила почти нигдѣ своего стараго значенія.

### в. Вокализмъ элемента, предшествующаго окончанію.

Въ тематическомъ типѣ конечный гласный основы имѣеть чередование \*е: \*о; это чередование сохраняется передъ первичными окончаніями дѣйствительнаго залога въ слѣдующихъ парадигмахъ (пропущены формы уже измѣнившіяся въ этомъ отношеніи):

греч.	гот.	лат.	др.-слав.
ἔχω	-wiga	uehō	<b>ВЕЖА</b>
ἔχεις	-wigis	uehis	<b>ВЕЖИИ</b>
ἔχει	-wigiþ	uehit	<b>ВЕЖЕТЬ</b>
ἔχομεν	-wigan		
ἔχετε	-wigiþ		<b>ВЕЖЕТЕ</b>
дор. ἔχοντι	-wiganđ	uehuut	<b>ВЕЖАТЬ</b>
ἔχετον			<b>ВЕЖЕТА</b>
ἔχετον			<b>ВЕЖЕТА</b>

и передъ вторичными окончаніями дѣйствительнаго залога:

греч.	др.-слав.
ἔφερον	<b>ПАДЪ</b> „я упалъ“ (-ъ изъ *-on)
ἔφερες	<b>ПАДЕ</b> (-е изъ *-es)
ἔφερε	<b>ПАДЕ</b> (-е изъ *-et)
ἐφέρομεν	<b>ПАДОМЪ</b>
ἐφέρετε	<b>ПАДЕТЕ</b>
ἔφερον	<b>ПАДЖ</b> (-ж изъ *-ont)
ἐφέρετον	<b>ПАДЕТА</b>
ἐφερέτην (дор. -τᾶν)	<b>ПАДЕТА</b>

Древнѣйшій ирландскій текстъ, Камбрейская (Cambrai) проповѣдь, имѣеть еще о въ 3 лицѣ мн. ч. *tuthegot* „(которые) приходятъ“.

Точно также и въ среднемъ залогѣ: гр. *φέρομαι*, *φέρεις*, *φέρεται*, *φερόμεθα*, *φέρεσθε*, *φέρονται* и *ἐφέρομαι*, *ἐφέρεο*, *ἐφέρετο*, *ἐφερόμεθα*, *ἐφέρεσθε*, *ἐφέροντο*. Такимъ образомъ тематическій гласный имѣеть тембръ \*о въ 1 лицѣ единств. числа, въ 1

и 3 мн. ч., а тембрь \*е во 2 и 3 лицъ единств. ч., во 2 мн. ч. и во 2 и 3 л. двойств. числа.

Въ атематическомъ типѣ элементъ, предшествующій окончанію имѣеть вокализмъ \*е (или, въ перфектѣ, \*о) въ трехъ лицахъ единств. числа дѣйств. залога при первичныхъ и вторичныхъ окончаніяхъ и въ нѣкоторыхъ формахъ повелительнаго съ нулевымъ окончаніемъ, въ остальныхъ формахъ вокализмъ — нуль. Такъ напр. при первичныхъ окончаніяхъ дѣйств. залога:

	скр.	греч.
ед. ч.	é - m i	εἶ-μι
	é - ṣ i	εἶ (изъ *εἰ-si)
	é - t i	εἶ-σι (изъ *εἶ-τι)
мн. ч.	i - m á ḥ	ἴ-μεν
	i - t h á	ἴ-τε
	y - á n t i	ἴ-ᾶσι
дв. ч.	i - t h á ḥ	ἴ-τον
	i - t á ḥ	ἴ-τον
повел. н.		εἶ
	i - h í	ἴ-θι

Или, точно также, въ образованіи на \*-nā- скр. ṛṇāmi „наполняю“, дор. δάμναμι, атт. δάμνημι „укрошаю“:

	скр.	дор.	атт.
ед. ч.	- n ā - m i	-vā-μι	-vḡ-μι
	- n ā - s i	-vā-ς	-vḡ-ς
	- n ā - t i	-vā-τι	-vḡ-σι
мн. ч.	- n ī - m á ḥ	-vα-μες	-vα-μεν
	- n ī - t h á	-vα-τε	-vα-τε
	- n - á n t i	-vα-ντι	-vāσι
дв. ч.	- n ī - t h á ḥ		-vα-τον
	- n ī - t á ḥ		-vα-τον

Или въ перфектѣ

	скр.	гр.	гот.
ед. ч.	véd - a „знаю“	Ἔοιδ-α	wait
	vét - t h a	Ἔοισ-θα	wais - t
	véd - a	Ἔοιδ-ε	wait
мн. ч.	vid - m á	Ἔιδ-μεν	wit - um
	vid - á	Ἔισ-θε	wit - u ḥ
	vid - ú ḥ	(Ἔισ-ᾶσι)	wit - un

или въ перфектахъ съ удвоеніемъ: скр. *ja gr á bh - a* „я схватилъ“, *ja gr bh - m á* „мы схватили“; гр. *μέμολα* „я устремился“, *μέμα-μεν*.

Въ 1 и 2 лицѣ мн. ч. при вторичныхъ окончаніяхъ, въ индо-иранскомъ и греческомъ мы встрѣчаемъ часто вокализмъ \*е тамъ, гдѣ по общему правилу мы ожидали бы вокализмъ нулевой, который и является дѣйствительно въ 3 лицѣ: такъ напр. скр. *á g ā t* „онъ пришелъ“, дор. *ἔβᾶ*, атт. *ἔβη*, 3 л. мн. ч. скр. *á g - u ḥ* „они пришли“ (съ нулевымъ вокализмомъ), но скр. *á g ā ma* „мы пришли“, гр. *ἔβημεν*; скр. *á ka r* „онъ сдѣлалъ“ и *á kr - a n* „они сдѣлали“, но 1 л. мн. ч. *á ka r - ma*, 2 мн. ч. *á ka r - ta*; скр. *su ā - t* „да будетъ“ и *su - ú ḥ* „да будутъ“, но 1 л. мн. ч. *su ā - ma*, 2 л. мн. ч. *su ā - ta*. И даже въ настоящемъ времени при скр. *s - th á* „есте“ мы находимъ: гр. *ἔσ-τε*, др.-сл. *ѣс-тѣ*, лат. *es - tis* съ вокализмомъ \*е, при дор. *ἐντι*, др.-сл. *с-жтъ*, лат. *s - unt*.

Нѣкоторыя основы съ нулевымъ суффиксомъ имѣютъ сверхъ того слѣды чередованія \*ē: \*ě; такъ напр. вед. *tāṣṭi* „строить“ 3 л. мн. ч. *tá kṣ a t i* „строятъ“ (встрѣчается всего одинъ разъ); лат. *ē st* „ѣсть“: *edunt* „ѣдятъ“ (однако *ē* въ лат. *ē st* не вполне достовѣрно); одна изъ формъ основы стремится сдѣлаться общей: скр. имѣть *á t ti* „ѣсть“ по образцу *adánti* „ѣдятъ“, а русск. *ѣдятъ* (др.-сл. *ѣдѣтъ*) по образцу *ѣсть*.

При первичныхъ и вторичныхъ окончаніяхъ средняго залога элементъ, предшествующій окончанію, имѣетъ нулевой вокализмъ, именно въ коренныхъ настоящихъ съ удвоеніемъ, въ настоящемъ съ носовымъ инфиксомъ, и въ перфектахъ; такъ въ типѣ на \*-nā- скр. *ṛṇāṣi*, гр. *ῥάμνησι*:

	скр.	гр.
Первичн. оконч. ед. ч.	-n-é	-να-μαι
	-nī-ṣé	-να-σαι
	-nī-té	-να-ται
мн. ч.	-nī-máhe	-να-μεθα
	-n-até	-να-υται
Вторичн. 3 л. ед. ч.	-nī-ta	-να-το

Различіе вокализма элемента, предшествующаго окончанію, въ дѣйствительномъ и среднемъ залогѣ ясно выражена въ санскритѣ:

	дѣйств. зал.	средн. зал.
первичн. оконч.	<i>bravī-ti</i> „говорить“	<i>brū-té</i>
	<i>juhó-ti</i> „совершаетъ возліяніе“	<i>juhū-té</i>
	<i>yunák-ti</i> „соединяетъ“	<i>yunūk-té</i>
	<i>açnó-ti</i> „достигаетъ“	<i>açnu-té</i>
вторичн. оконч.	<i>āçnə-t</i> „онъ достигъ“	<i>āçnu-ta</i>
	<i>ákar-(t)</i> „онъ дѣлалъ“	<i>ákr-ta</i>
	<i>brūyā-t</i> „да говоритъ онъ“	<i>bruvī-tá</i>
перфектъ	<i>cikét-a</i> „онъ замѣтилъ“	<i>cikit-é</i>

Та же самая противоположность видна и въ греческомъ въ слѣдующихъ формахъ:

первичн. оконч.	<i>τίθη-μι</i>	<i>τίθε-μεν</i>
вторичн. оконч.	<i>ἐτίθη-ν</i>	<i>ἐτιθέ-μεν</i>
перфектъ	<i>τέτροφ-α</i>	<i>τέτροφ-αμι</i>

Однако нѣкоторыя простыя коренныя основы, допускающія только окончанія средняго залога, имѣли вокализмъ \*e въ предшествующемъ окончанію элементѣ:

скр. <i>çé-te</i> „лежитъ“	гр. <i>κεῖται</i>
<i>vás-te</i> „одѣвается“	(F) <i>έσ-ται</i>
<i>ās-te</i> „сидитъ“	<i>ἵσ-ται</i>

и точно также гр. *κρέμαμαι* „вишу“, *στειναι* „хвалится“ и т. д., зд. *staota* „онъ прославилъ“.

### с. Мѣсто ударенія.

Каждая глагольная форма, смотря по ея положенію и роли въ предложеніи, могла быть ударяемой или неударяемой; это состояніе сохранилось еще въ ведическомъ языкѣ, и постоянное перенесеніе ударенія, какъ можно дальше отъ конца въ глагольной формѣ въ греческомъ объясняется этимъ же явленіемъ. Такъ какъ удареніе всегда могло отсутствовать, то оно должно быть признано вспомогательнымъ элементомъ спряженія.

Въ тематическомъ типѣ удареніе всегда стоитъ на одномъ изъ слоговъ основы, во всемъ спряженіи на томъ же слогѣ въ данной основѣ, какъ напр. скр. *bhára-ti* „несетъ“, *bhára-nti* „несутъ“: *srjá-ti* выпускаетъ“, *srjá-nti* „выпускаютъ“, *srjá-tha* „выпускаете“.

Наоборотъ, въ атематическомъ типѣ удареніе можетъ стоять или на основѣ, или на окончаніи, и мѣсто его мѣняется съ измѣненіемъ формы. Въ большинствѣ санскритскихъ и германскихъ формъ, которыя даютъ намъ свѣдѣнія о мѣстѣ стараго ударенія, элементъ, предшествующій окончанію, имѣетъ удареніе въ трехъ лицахъ единств. числа дѣйств. залога:

скр. é - mi „иду“	i - máḥ „идемъ“
véd - a „знаю“	vid - má „знаемъ“
yu ná k - ti „соединяетъ“	yu ŋj - ánti „соединяютъ“
ja gr á bh - a „я схватилъ“	ja gr bh - má „мы схватимъ“

Точно также др.-вр.-нѣм. zēh (изъ герм. \*taih) „я показалъ“ при скр. didé-ṣa, и др.-вр.-нѣм. zig-un „они показали“ при скр. didiṣ-úḥ, предполагаютъ \*doík<sub>1</sub>-a: \*dik<sub>1</sub>-ŋt.

Въ настоящемъ времени съ удвоеніемъ удареніе лежитъ то на удвоеніи, то на окончаніи: скр. bíbhag-mi „ношу“, bíbhṛ-máḥ „носимъ“; dádhā-mi „кладу“, dadh-máḥ „кладемъ“, dádh-ati „кладутъ“.

Въ греческомъ спряженіи мѣсто ударенія регулируется общимъ правиломъ и потому ничего не указываетъ относительно стараго ударенія; только именныя формы, причастія и неопредѣленныя наклоненія, сохраняютъ слѣды стараго ударенія: ἰ-ών „идушій“ соотвѣтствуетъ по мѣсту ударенія скр. i - máḥ „идемъ“, τιθεῖς „кладущій“ — скр. dadh - máḥ и т. д. Если, поэтому, въ санскритскомъ сигматическомъ аористѣ удареніе постоянно остается на основѣ, какъ напр. въ средн. залогѣ váṃ - s - i „я выигралъ“, и если въ греческомъ соотвѣтствующія причастія и неопредѣленныя наклоненія имѣютъ всегда удареніе на корнѣ (τεῖσσι, τεῖσας, а не \*τεῖσαι, \*τεῖσαῖς), то отсюда мы можемъ заключить, что и въ индоевропейскомъ удареніе сигматическаго аориста не переходило на окончанія (см. стр. 173).

Что касается окончаній средняго залога, то въ санскритѣ они обыкновенно имѣютъ на себѣ удареніе, какъ напр. yu ŋ k té „соединяетъ“, ja gr bh é „онъ схватилъ“; однако типъ céte имѣетъ удареніе на начальномъ слогѣ, какъ и греч. причастіе κείμενος, между тѣмъ, какъ мѣсто ударенія причастія λελεήμενος указываетъ на древность скр. ударенія въ пер-

фектѣ *ja gr bh é* на послѣднемъ слогѣ; въ типѣ настоящаго съ удвоениемъ гр. *δίδωσθαι, δίδόμενος* соотвѣтствуютъ скр. *dāde* „даю“ и показываютъ, что передвиженіе ударенія происходило не между предшествующимъ окончанію элементомъ и окончаніемъ, а между началомъ слова и окончаніемъ.

#### d. Приращеніе.

Приращеніе состоитъ изъ элемента \*e-, который можетъ быть помѣщенъ передъ формами изъявительнаго склоненія, имѣющими вторичныя окончанія.

Оно встрѣчается только въ индо-иранскомъ, армянскомъ и греческомъ; другія языки его не знаютъ; въ ведическомъ оно носитъ удареніе въ ударяемыхъ формахъ:

вед. *á-bharat* „онъ несъ“ арм. *e-ber* „онъ несъ“ гр. *ἔ-φερε*  
*á-dhāt* „онъ положилъ“ *e-d* „онъ положилъ“ *ἔ-θηκε*  
 скр. *a-ricat* „онъ оставилъ“ *e-likh* „онъ оставилъ“ *ἔ-λιπε*

Иногда, особенно передъ \*w приращеніе имѣетъ форму \*ē, какъ напр. вед. *ā-vṛṇak* „онъ повернулъ“, гом. *ἦ(F)εἶδε* „ты зналъ“.

Когда основа начинается гласнымъ въ собственномъ смыслѣ, приращеніе сливается съ нимъ уже въ индо-европейскую эпоху:

основа \*es-: скр. *āh* „онъ былъ“, дор. *ἦς*;

основа \*áǵ<sub>1</sub>e-: скр. *ājat* „онъ вель“, дор. *ἄγε*, атт. *ἦγε*, арм. *ac* „онъ провель“ (арм. *a* можетъ отражать и старое \*ā и старое \*ǎ).

Приращеніе не составляетъ части глагола; въ гомеровскомъ и ведическомъ языкѣ употребленіе приращенія факультативно, и мы находимъ въ одинаковомъ смыслѣ формы какъ гом. *ἔφερε* и *φέρει*, др.-кипр. *κα-θι* и *κατ-εθιζαν* „они положили“, вед. *ábhārat* и *bhārat* „онъ несъ“; въ армянскомъ приращеніе употребляется только въ тѣхъ формахъ аориста, которыя безъ этой прибавки были бы односложны: *e-ber* „онъ несъ“ противопоставляется *ber-i* „я несъ“; даже у Гомера, въ ведическомъ языкѣ и въ иранскихъ нарѣчіяхъ присутствіе или отсутствіе приращенія стоитъ въ связи съ длиной слова: мы всегда читаемъ у Гомера *ἔσχε*, никогда не \**σχε*.

Индо-европейское приращеніе, по всей вѣроятности, было особою частицей, обозначающей прошедшее время; дѣйстви-

тельно, въ греческомъ правилу, по которому удареніе не можетъ отступать назадъ далѣе первой приставки (*παρ-έν-θες*, а не \**παρ-εν-θες*), примѣняется также и къ приращенію, и мы находимъ форму *παρ-έ-σχον*, а не \**παρ-ε-σχον*, *έν-ησαν*, а не \**έν-ησαν*. Съ этой точки зрѣнія приращеніе въ греческомъ разсматривается, какъ предложная приставка, т. е. какъ первоначально самостоятельное слово.

### е. Значеніе глагольныхъ формъ.

Каждая изъ категорій, различаемыхъ въ морфологіи, имѣетъ свое особое значеніе.

1. Число. — Индо-иранскій, древне-славянскій, а также литовскій и нѣкоторые греческіе діалекты (главнымъ образомъ древне-аттическій) сохранили различіе трехъ индо-европейскихъ чиселъ: единственнаго, множественнаго и двойственнаго.

Для выраженія числа достаточно одной глагольной формы: *φέρεις* относится только къ одному лицу, *φέρετε* — къ неограниченному числу лицъ, *φέρετον* — къ двумъ; никакого мѣстоименія къ формѣ нѣтъ надобности прибавлять.

2. Лицо. — Какъ и число, индо-европейская глагольная форма выражаетъ и лицо безъ прибавки мѣстоименія. Тамъ, гдѣ мѣстоименіе является въ предложеніи, оно имѣетъ значеніе отдѣльнаго самостоятельнаго слова: лат. *amas at esurio* значитъ „ты любишь, а я голодаю“, а *tu amas at ego esurio* „ты — любишь, а я — голодаю“.

Съ точки зрѣнія современнаго человѣка такой безличный глаголь, какъ гр. *ἕει* „дождь идетъ“ означаетъ, что „дождь падаетъ“, но древнее значеніе было другое: такъ какъ каждое явленіе природы считалось результатомъ дѣятельности какого-нибудь божества, то *ἕει* означало „божество дождить“; и дѣйствительно, у Гомера нѣтъ формы *ἕει*, но только дважды (М 25 = ξ 457) слѣдующее выраженіе:

*ἕει δ' ἄρα Ζεὺς* „а Зевсъ дождалъ“.

Латинскій языкъ имѣетъ выраженіе *Ioue tonante* „когда Юпитеръ гремѣлъ“ и т. д. Еще характернѣе ведическое выраженіе *vāto vāti* „вѣтеръ вѣетъ“. Явленія природы обозначаются, слѣдовательно, не безличными глаголами, а тре-

тѣми лицами, подлежащія къ которымъ — болѣе или менѣе смутно представляемыя божества — точно необозначены. — Единственные дѣйствительно безличныя индо-европейскіе глаголы были безъ сомнѣнія тѣ, на существованіе которыхъ указываютъ изученныя нами формы на \*-r- (ср. стр. 195 сл.).

3. Дѣйствительный и средній залогъ. — Окончанія дѣйствительнаго залога представляютъ подлежащее просто производящимъ дѣйствіе: скр. *sárpati*, гр. *ἔρπει* значать „ползеть“; окончанія средняго залога показываютъ, что подлежащее лично заинтересовано въ дѣйствіи: скр. *váste*, гр. (F) *ἔσται* „одѣвается“; гр. *θύω* значить „я приношу жертву“, *θύομαι* „я приношу жертву, чтобы получить что-либо“; жрецъ, который совершаетъ жертвоприношеніе для другого говоритъ скр. *uájati* „я приношу жертву“; человекъ, который вмѣстѣ съ жрецомъ принимаетъ участіе въ жертвоприношеніи въ своихъ интересахъ, говоритъ скр. *uáje* „я приношу жертву (для себя)“; гр. *ἄγει*, скр. *ájati* значить „ведетъ“, *ἄγεται*, *ájate* „ведетъ для себя, съ собою“, такъ напр. у Гомера

Δ 19: *αὖτις δ' Ἀργείην Ἑλένην Μενέλαος ἄγοιτο*

„тогда пусть Менелай беретъ съ собою Аргивскую Елену“. Въ греческомъ формѣ *λούω* „мою“ противуполагается *λούεται* *τὰς χεῖρας* „моетъ себѣ руки“ и точно также вед. *rāñí áva penikte* „моетъ себѣ руки“. Дѣйствительный зал. скр. *gáschati* „идетъ“ противуполагается среднему *sám gacchate* „сходится, встрѣчается съ...“. Средній залогъ, слѣдовательно, не совпадаетъ съ возвратнымъ, но выражаетъ часто значенія близкія къ возвратному. Оттѣнокъ значенія, отличающій средній залогъ отъ дѣйствительнаго, ясно выступающій въ приведенныхъ примѣрахъ, иногда становится очень неуловимымъ, и мы не можемъ сказать, почему, напр., гр. *ἔσομαι* служить будущимъ къ *εἶμι*, *ἔδομαι* къ *ἔσθίω* и т. д.

Окончанія средняго залога служатъ и для обозначенія страдательнаго залога; *φέρω* и *φέρομαι* оба означали и „несу“ и „несусь“, какъ мы видѣли это на стр. 162 сл.; форма *φέρομαι*, благодаря своему особому значенію, являлась удобною для выраженія страдательнаго залога; формы съ окончаніями средняго залога дали страдательный залогъ въ готскомъ: *nasjada* „онъ спасень“; рѣже встрѣчается такое значеніе въ индо-иранскомъ.

Вслѣдствіе своего значенія нѣкоторыя глагольныя основы получили исключительно или почти исключительно окончанія средняго залога, какъ напр. скр. *sácate* „слѣдуетъ“, зд. *haçaitē*, гр. *ἔπειται*, лат. *sequitur*, др.-ирл. *-sechethar* (типъ латинск. и др.-ирл. отложительнаго глагола въ сочетаніи съ окончаніями на \*-r).

4. Значеніе первичныхъ и вторичныхъ окончаній и приращенія. — Противуположность первичныхъ и вторичныхъ окончаній не можетъ быть сведена къ простой формулѣ, подобно окончаніямъ дѣйствит. и средняго залоговъ.

Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло только съ изъявительнымъ наклоненіемъ; желательное наклоненіе имѣетъ только вторичныя окончанія: скр. *suāt* „да будетъ онъ“, гр. *εἴη*; въ сослагательномъ наклоненіи греческій языкъ имѣетъ только первичныя окончанія, какъ напр. *φέρω*, *φέρωσι*, а индо-иранскій даетъ формы и съ первичными и съ вторичными окончаніями: вед. *ásati* и *ásat*, зд. *añhāti* и *añhat* „онъ былъ бы“, безъ замѣтнаго различія въ значеніи.

Въ изъявительномъ наклоненіи первичныя окончанія обозначаютъ что-либо, дѣйствительно существующее въ тотъ моментъ, когда говорятъ, будетъ ли это имѣть мѣсто только въ данную минуту, какъ гр. *φέρω* „несу“, или вообще всегда, какъ напр. лат. *homo mortalis est* „человѣкъ смертенъ“. Форма съ первичнымъ окончаніемъ можетъ быть употреблена въ скр. съ *rigā* „раньше“, а у Гомера съ *πάρως* „раньше“ для обозначенія чего-либо, дѣйствительно существующаго съ опредѣленнаго времени и не прекратившаго ея еще и въ моментъ рѣчи; напр.

Δ 264: ἀλλ' ὄρσευ πλόεμόνδ' οἷος πάρος εὔχεαι εἶναι

„но ступай въ бой (такимъ), какимъ ты себя считаешь давно“.

Вторичныя окончанія часто показываютъ прошедшее время: вед. *bhāgati*, гом. *φέρει* значать „несетъ“, вед. *bhāgat*, гом. *φέρει* значать „онъ несъ“; гом. *λίπε* „онъ оставилъ“; и т. д. Но такъ какъ вторичныя окончанія употребляются не только въ этомъ значеніи, то это выраженіе прошедшаго времени было двусмысленно; поэтому оно могло быть точнѣе обозначено приращеніемъ, но только въ группѣ сосѣднихъ діалектовъ: индо-иранскомъ, армянскомъ и греческомъ; тамъ, гдѣ вторичное окончаніе сопровождается приращеніемъ,

форма обозначаетъ только прошедшее время: такъ скр. *ábhāgat* значить „онъ несъ“, гр. *ἔφερε*, арм. *eber* „онъ снесъ“; гр. *ἔλιπε*, арм. *elikh* „онъ оставилъ“. Когда одна и та же основа допускаетъ и первичныя и вторичныя окончанія, формы съ первичными окончаніями представляютъ настоящее время въ собственномъ смыслѣ: скр. *bhāgati* „несетъ“, гр. *φέρει*, и формы съ вторичными окончаніями и съ приращеніемъ образуютъ преходящее (*imperfectum*): скр. *(á)bhāgat* „онъ несъ“, гр. *(ἔ)φερε*. Въ славянскомъ языкѣ, гдѣ приращенія нѣтъ, существуютъ формы изъявительнаго наклоненія съ вторичными окончаніями, выражающія обыкновенно прошедшее время: таковъ напр. др.-сл. аористъ *иде* (съ *-e* изъ *\*-e-t*) при *идеть*. Слѣдовательно, индо-европейскій языкъ противопологалъ настоящему прошедшее время главнымъ образомъ при помощи вторичныхъ окончаній и — только въ одной группѣ діалектовъ — также при помощи приращенія.

Въ ведическомъ языкѣ формы изъявительнаго наклоненія съ вторичными окончаніями, но безъ приращенія допускаютъ также значеніе почти тождественное со значеніемъ сослагательнаго наклоненія: *bhāgat* „несъ бы онъ“, въ особенности съ запретительнымъ отрицаніемъ *mā*: *mā bhāgaḥ* „не носи“, *mā bhāgat* „пусть онъ не несетъ“; то же самое мы встрѣчаемъ и въ иранскомъ, въ гатахъ Авесты; такое употребленіе этихъ формъ называютъ инъюнктивомъ. Быть можетъ и греческій языкъ сохранилъ слѣдъ этихъ формъ, въ такихъ повелительныхъ, какъ *(ἐπί-)σχε-ς* „останови“ (*ἐνί-)σπε-ς* „скажи“ и т. д. Употребленіе вторичныхъ окончаній въ формахъ изъявительнаго наклоненія, служащихъ для выраженія желанія или запрещенія соотвѣтствуетъ употребленію тѣхъ же окончаній въ желательномъ наклоненіи и, отчасти, въ сослагательномъ.

Замѣчаніе относительно значенія основъ настоящаго и аориста. — Обыкновенно каждый корень въ индо-иранскомъ, греческомъ, армянскомъ и славянскомъ даетъ одно или нѣсколько настоящихъ и одинъ аористъ, при чемъ каждое время имѣетъ особую основу: напр. греч. *φεύγειν*, *φύγειν*; *μένειν* и *μίμνειν*, *μείναι*; *γίγνεσθαι*, *γενέσθαι*; *ἄγειν*, *ἄγαγειν*; *γράφειν*, *γράψαι*; *δεικνύναι*, *δείξαι*; *τιθέναι*, *θεῖναι*; и т. д.; въ ведическомъ: *riñákti* „оставляетъ“, *āraik* „онъ оставилъ“

(съ приращеніемъ ā-); dádhāti „кладеть“, ádhāt „онъ положилъ“; и т. д.; въ армянскомъ агнеш „дѣлаю“, агагі „я сдѣлалъ“; luапаш „мою“ (ср. гр. λóβω, лат. laubō), luасі „я вымылъ“; въ славянскомъ: **сташь**, **сташь** и т. д. Но съ морфологической точки зрѣнія аористъ характеризуется не формою основы, такъ какъ, за исключеніемъ сигматическихъ образованій, всѣ типы основы, употребляемые въ аористѣ, встрѣчаются и въ настоящемъ времени; основою аориста въ каждомъ языкѣ, какъ мы видѣли выше на стр. 163, является такая основа, которая въ изъявительномъ склоненіи имѣетъ только вторичныя окончанія; въ такихъ языкахъ, какъ славянскій и армянскій, которые имѣютъ преходящее время, характеризуемое особымъ суффиксомъ, та же основа можетъ образовывать съ первичными окончаніями настоящее время, а со вторичными — аористъ: арм. берē (изъ \*bhere-ti) значить „несеть“, а старое преходящее e-ber (изъ \*e-bhere-t) „онъ понесъ“; др.-сл. наст. вр. **идеть** (наст. вр. совершеннаго вида имѣетъ значеніе будущаго) и аористъ **иде** (старое преходящее). — Такимъ образомъ и индо-европейскую основу настоящаго времени мы опредѣлимъ въ противоположность основѣ аориста, какъ основу, которая въ изъявительномъ склоненіи допускаетъ и первичныя и вторичныя окончанія; перфектъ, имѣющій особыя окончанія не есть настоящее время; наоборотъ, основа съ носовымъ инфиксомъ, какъ скр. śr̥ṇóti „слышитъ“ и такой каузативъ, какъ скр. śr̥āváyati „заставляетъ слышать“ суть формы настоящаго времени, потому что можно образовать отъ тѣхъ же основъ и формы со вторичными окончаніями: á śr̥ṇót „онъ слышалъ“, á śr̥āváyat „онъ заставлялъ слышать“.

Хотя аористъ опредѣляется только исключительнымъ употребленіемъ вторичныхъ окончаній, однако не всѣ типы основъ способны образовывать аористы; аористы образуются только отъ коренныхъ типовъ основъ, какъ гр. θεῖναι, λιπεῖν, πεπιθεῖν, отъ основъ на \*-s- и на \*-ā- и \*-ē-, какъ μανῆ-ναι. Но основы съ носовымъ инфиксомъ, производныя основы на \*-ye-, \*-ske-, \*-ne-, каузативы на \*-eye- образуютъ только настоящее время. По отношенію къ настоящему, аористъ обыкновенно является формою болѣе короткою, и болѣе

легкою, какъ напр. греч. настоящимъ  $\pi\epsilon\upsilon\theta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$  и  $\pi\upsilon\nu\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$  соотвѣтствуетъ аор.  $\pi\upsilon\theta\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota$ .

Основы настоящего времени образуютъ: 1) изъявительное наклоненіе, состоящее изъ настоящего въ собственномъ смыслѣ, преходящаго и повелительнаго — 2) сослагательное наклоненіе — 3) желательное наклоненіе, напр. греческое  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$  ( $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\iota\varsigma$ ),  $\xi\lambda\epsilon\iota\pi\omicron\nu$ ,  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon$  —  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$  ( $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\eta\varsigma$ ) —  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omicron\mu\iota$ , слѣдовательно пять рядовъ формъ. Основы аориста образуютъ также: 1) изъявительное наклоненіе, состоящее изъ аориста въ собственномъ смыслѣ и повелительнаго — 2) сослагательное наклоненіе — 3) желательное наклоненіе: греч.  $\xi\lambda\iota\pi\omicron\nu$ ,  $\lambda\acute{\iota}\pi\epsilon$  —  $\lambda\acute{\iota}\pi\omega$  —  $\lambda\acute{\iota}\pi\omicron\mu\iota$ , слѣдовательно четыре ряда формъ. Тоже самое въ ведическомъ языкѣ: настоящее время, изъявительное: настоящее въ собственномъ смыслѣ  $\text{çṛṇóti}$  „слышать“, преходящее  $\acute{a}\text{çṛṇot}$  „онъ слышалъ“, повелительное  $\text{çṛṇudhí}$  „слушай“; сослагательное  $\text{çṛṇávat}$  „слышалъ бы онъ“; желательное  $\text{çṛṇu\acute{a}t}$  „да слышитъ онъ“; — аористъ  $\acute{a}\text{çṛot}$  „онъ услышалъ“, повелительное  $\text{çṛudhí}$  „услышь“; сослагательное  $\text{çṛavat}$  „услышалъ бы онъ“; желательное  $\text{çṛ\acute{u}á\acute{t}$  (пишется через  $\acute{u}$ ) „да услышитъ онъ“.

Основы настоящаго и аориста не обозначаютъ различныхъ временъ: преходящее  $\xi\lambda\epsilon\iota\pi\omicron\nu$ , относящееся къ основѣ настоящаго, и аористъ  $\xi\lambda\iota\pi\omicron\nu$  оба обозначаютъ прошедшее время; а сослагательное наклоненіе аориста  $\lambda\acute{\iota}\pi\omega$ , какъ сослагательное настоящаго  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ , уже вовсе не обозначаетъ прошедшаго времени. Традиционное названіе настоящаго времени не должно вводить насъ въ заблужденіе: мы должны различать всегда систему настоящаго времени, содержащую различныя формы, въ томъ числѣ одно прошедшее, какъ  $\xi\lambda\epsilon\iota\pi\omicron\nu$ , сослагательное, какъ  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$  ( $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\eta\varsigma$ ), прилагаемое главнымъ образомъ къ будущему времени, и настоящее въ собственномъ смыслѣ  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$  ( $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\iota\varsigma$ ), которое только одно обозначаетъ наличный фактъ, и отъ котораго вся система получила свое названіе.

Основа настоящаго времени обозначаетъ дѣйствіе, разсматриваемое въ его развитіи, въ его теченіи; основа аориста — одно только чистое дѣйствіе: первое можетъ быть символически обозначено линіею, второе — точкой. Эта противоположность настоящаго и аориста ясно проявляется въ греческомъ; возьмемъ слѣдующую фразу Ксенофонта

(Hell. I, 1, 3): ἐμάχοντο μέχρι οἱ Ἀθηναῖοι ἀπέπλευσαν смыслъ ея таковъ: „они сражались (дѣйствіе представляемое въ его развитіи, теченіи, поэтому преходящее), пока Аѳиняне не отплыли“ (обращается вниманіе только на одинъ фактъ отплытія, потому употребленъ аористъ). Всѣ особенности употребленія настоящаго времени и аориста сводятся къ этимъ общимъ ихъ значеніямъ; такъ ἄρχειν значитъ „быть начальникомъ“ (длительное значеніе), ἄρξει между прочимъ обозначаетъ „принять начальство“ (просто чистый фактъ). Аористомъ часто обозначается дѣйствіе, которое длилось, но которое обозначается въ своей совокупности какъ цѣлое безъ выраженія отгѣнка длительности, такъ напр. у Геродота II, 157: ἡ Ἄζωτος ἀπασέων πολίων ἐπὶ πλείστον χρόνον πολιορχεομένη ἀνέσχε „Азотъ сопротивлялся осадѣ (фактъ, представляемый, какъ цѣлое) долѣе всѣхъ другихъ городовъ“. Аористъ можетъ обозначать даже общій фактъ, если только мы не представляемъ его въ его развитіи, но только какъ фактъ, могущій повторяться безконечное число разъ: Θεογνιδῆς 329:

καὶ βραδύς εὐβουλος εἶλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων

„и медленный, да хитрый человекъ догонитъ быстрого“. Такое же противуположеніе настоящаго и аориста можно наблюдать, хотя и менѣе ясно, въ армянскомъ, еще менѣе ясно — въ индо-иранскомъ и въ слабой мѣрѣ — въ славянскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта особенность индо-европейскаго глагола оказала наиболѣе сильное вліяніе на послѣдующее развитіе системы глагольнаго спряженія.

Въ предшествующемъ общемъ обзорѣ мы могли обращать вниманіе только на формы, установленныя согласнымъ свидѣтельствомъ по крайней мѣрѣ двухъ языковъ, и большое количество глагольныхъ образованій не было даже упомянуто. Тѣмъ не менѣе и эти указанія даютъ представленіе о томъ, насколько сложна была система индо-европейскаго глагола съ ея разнообразіемъ основъ и богатствомъ спряженія: сотнями считаются формы, которыя можно образовать отъ одного корня въ ведическомъ или гомеровскомъ языкѣ, если проспрягать глаголь по всѣмъ основамъ во всѣхъ числахъ, лицахъ, залогахъ и по всѣмъ видамъ окончаній: первичныхъ, вторичныхъ и повелительнаго наклоненія. Такъ напр. скр. корень bhāg- „нести“ даетъ въ Ригведѣ: настоящее bhāgati

„несеть“ (и атематическую форму bhārti), настоящее съ удвоениемъ bíbharti, интенсивное настоящее bhāribharti, будущее bhāriṣyati, перфектъ jabhāga (измѣненное изъ babhāga, которое тоже встрѣчается), сигматическій аористъ ábhār (1 лицо ábhārṣam) и настоящее на -ya- bhriyate, и каждый изъ этихъ типовъ допускаетъ болѣе или менѣе многочисленныя формы различныхъ наклоненій, различныхъ лицъ и т. д. всего приблизительно 40 формъ (или 80, если считать дѣйствительный и средній залогъ, гдѣ они существуютъ одновременно), т. е. всего отъ пяти до шести сотъ формъ, къ которымъ нужно еще прибавить причастія, принадлежащія къ каждой основѣ. Эта огромная сложность, слѣды которой въ большей или меньшей степени сохранили всѣ языки, съ течениемъ времени въ каждомъ отдѣльномъ діалектѣ упростилась и съ наибольшей ясностью сохранилась только въ санскритѣ, древне-иранскомъ и греческомъ.

## Глава шестая.

### Имя.

Индо-европейскій языкъ имѣлъ три разряда именъ различныхъ и по значенію и по формѣ:

А. Существительныя и прилагательныя.

В. Мѣстоименія указательныя, вопросительныя и другія сходныя съ ними.

С. Мѣстоименія личныя.

Кромѣ числа, которое свойственно всѣмъ измѣняемымъ словамъ, эти три разряда словъ имѣютъ общее имѣ всѣмъ склоненіе, т. е. падежное измѣненіе формъ, и представляютъ, насколько это допускаетъ ихъ значеніе, слѣдующіе восемь падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, аблативъ, дательный, творительный и мѣстный.

#### А. Существительныя и прилагательныя.

Прилагательныя не имѣютъ особаго склоненія, отличающаго отъ склоненія существительныхъ; единственная черта, характеризующая прилагательныя, это присутствіе трехъ родовъ: они имѣютъ рядомъ съ основою мужскаго и средняго рода основу женскаго рода, и основа мужскаго и средняго рода допускаетъ формы какъ мужскаго такъ и средняго рода въ тѣхъ трехъ падежахъ, гдѣ эти склоненія расходятся, между тѣмъ какъ существительныя имена имѣютъ только одну изъ этихъ двухъ основъ, по крайней мѣрѣ въ единств. числѣ; употребленіе формы одного изъ трехъ родовъ прилагательнаго обуславливается существительнымъ, къ которому оно относится. Но такъ какъ образованіе женскаго рода и скло-

неніе мужескаго и средняго въ прилагательныхъ не имѣтъ никакихъ особенностей, то нѣтъ причины прилагательныя отдѣлять отъ существительныхъ въ особый отдѣлъ, и мы будемъ изучать ихъ вмѣстѣ съ существительными.

### а. Образованіе основъ.

Первичныя именныя основы стоятъ въ такой же связи съ корнями, какъ и первичныя глагольныя основы; и роль ихъ очень похожа на роль отглагольныхъ именъ новѣйшихъ языковъ. Такъ напр. въ санскритѣ имя дѣйствующаго лица (попеч. *agentis*) на *-tar-* можетъ соединяться съ винительнымъ падежомъ, какъ и соотвѣтствующій глаголъ *dāta vāsu* „податель блага“; лат. *dator* тоже первичное образованіе, хотя и измѣненное подъ вліяніемъ вокализма глагола *dare*; по образцу этихъ первичныхъ именъ были образованы такія отглагольныя имена, какъ *pugnator* отъ *pugnare* „сражаться“ и т. д.: образованіе такого рода отглагольныхъ именъ есть характерная черта почти всѣхъ исторически извѣстныхъ индо-европейскихъ языковъ; такъ вмѣсто первичнаго имени на *\*-tēi-*, засвидѣтельствованнаго скр. *jūṣṭiḥ* „благосклонность, удовлетвореніе“, гот. *(ga-)kusts* „проба“, которое въ греч. имѣло бы форму *\*γυστις*, греческій языкъ имѣетъ *γῆστις*, произведенное отъ *γῆω* „пробую“; эти отглагольныя имена въ нѣкоторыхъ случаяхъ унаслѣдовали отъ первичныхъ именъ нѣкоторыя ихъ свойства, и въ латинскомъ, напр., мы находимъ ихъ въ сочетаніи съ винительнымъ падежомъ, какъ напр. у Плавта: *quid tibi hanc curatio strem?* „что тебѣ до этого за дѣло?“ — Этимъ объясняется то обстоятельство, что неопредѣленныя наклоненія, развившіяся въ различныхъ языкахъ, производятся отъ первичныхъ основъ, какъ напр. скр. *ájē* „чтобы вести“ есть дательный падежъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ *\*ag<sub>1</sub>-* „вести“; скр. *vid māne* „чтобы знать“ — дательн. пад. отъ основы *\*wid mēn-* „знаніе“; и т. д.

Число типовъ именныхъ образованій очень велико. Одинъ только корень *\*mēn-* „думать“ представляетъ слѣдующія основы, засвидѣтельствованныя по крайней мѣрѣ двумя языками:

*\*mēnes-*: скр. *mānaḥ* (род. п. *mānasaḥ*) „мысль“, зд. *manō*, гр. *μένος* (род. п. *μένεος*).

\*mén-ten-: скр. *mánna* (*mánnaṇaḥ*) „мысль, молитва“, др.-ирл. *menme* „духъ“; ср. латышск. *mīma* „загадка“.

\*m<sup>o</sup>n-ei: скр. *múniḥ* „вдохновенное лицо“, гот. *munis* (вин. п. мн. ч. *munins*) „мысль“.

\*men-ter-: скр. *manṭā* „думающий“, гр. *Μέντωρ*, лат. *mentor*, *commentor* „изобрѣтатель“.

\*mén-tro-, \*mén-tlo-: скр. *mántraḥ* „религиозная формула“, зд. *māθrō* (то же значение), лит. (ра-) *mėiklas* „памятникъ“.

\*m<sub>n</sub>-tó-: скр. *matáḥ* „подуманный“, зд. *matō*, лит. *miñtas*, гот. *munds*, лат. (com-) *mentus*, можетъ быть гр. (αὐτό-) *ματος*.

\*mén-tho- (или \*men-to-?): лат. (com-) *mentum* „вдумка“; гот. (ga-) *minþi* „память“ (съ вторичнымъ суффиксомъ \*-iyō-).

\*m<sub>n</sub>-tei-: скр. *matih*, *mátiḥ* „мысль“, лат. *mens*, др.-сл. (на-) *мать*, лит. (at-) *mintis* „память“, гот. (ga-) *munds* „память“.

И, вѣроятно, только случайно не засвидѣтельствованы двумя языками основы \*mén-teu- скр. *mántuḥ* „мышление“ и основа \*m<sup>o</sup>n-o- лит. - *manas*.

Достаточно будетъ въ видѣ примѣра дать обзоръ нѣкоторыхъ главныхъ типовъ образования именныхъ основъ.

1. Основы съ нулевымъ суффиксомъ; атематическій типъ. — Предшествующій окончанію элементъ, въ которомъ происходитъ чередование гласныхъ при склоненіи, представляетъ корень, и потому эти слова иногда являются въ различныхъ видахъ въ различныхъ языкахъ:

\*ped- „нога“: скр. *pāt*, имен. п. мн. ч. *pādaḥ*, род. п. ед. ч. *padáḥ*; гр. дор. *πῶς*, *πόδες*, *ποδός* (звукъ ε въ корнѣ въ лесбосск. нарѣчій *πέδα* „послѣ“); арм. *отп* (имен. и вин. п., происшедшій изъ винительнаго), им. п. мн. ч. *otkh*; лат. *pēs*, *pedēs*, *pedis*; гот. *fotus*, образованное по вин. пад. ед. ч. *fotu*. Индо-европейское склонение: им. п. ед. ч. \*p<sup>o</sup>ts, им. п. мн. ч. \*p<sup>o</sup>d-es, род. п. и аблат. ед. ч. \*ped-és, \*ped-ós.

\*wek<sup>w</sup>- „слово“: скр. *vāk*, зд. *vāxš* (твор. п. *vaśa*); лат. *uōx*; гом. род. п. *ὀπός*, вин. п. *ὄπα*.

\*weik<sub>1</sub>- „кланъ, деревня“: скр. вин. п. ед. ч. *viśam*, др.-перс. *viθ-*, др.-сл. *вьсь*; гр. *Γοίχα-δε* значить „домой“;

лит. *vėsz(-pats)* „господинъ“ (дословно „родоначальникъ“); др.-прусск. *wais(-pattin)* „госпожа“.

\**rēgī-* „царь“: скр. *rāj-* (им. п. ед. ч. *rā́t*); лат. *rēx*, *rēgis*; др.-ирл. *rī*, *rīg*; галлск. *-rīg-* напр. въ *Dumno-rīx* т. е. „начальникъ долины“.

\**sneigh-* „снѣгъ“: гр. вин. п. ед. ч. *νίφα*, лат. *nix*, *niuem*.

\**leuk-* „свѣтъ“: скр. *ruk-*, дат. п. ед. ч. *ruce-é*; лат. *lūx*, *lūcis*.

гр. *κῆρ*, арм. *sirt*, др.-прусск. *sīran* „сердце“; лат. *cor*, *cordis*; лит. род. п. мн. ч. *szirdų*.

скр. *kṣāḥ* „земля“, вин. п. ед. ч. *kṣāmat*, мѣстн. п. ед. ч. *kṣāmi*, род. п. ед. ч. *jmāḥ* (изъ индо-иран. \**gǝhmas*); гр. *χθών*, *χθόνα*; зд. *zā*, род. п. ед. ч. *zəṃō* (\**zṃō* — одно-сложное), мѣстн. п. ед. ч. *zəmi* (\**zami* — двусложное), ср. гр. *χαμαί*. Чередованіе гр. *χθ* (= скр. *kṣ*): *χ* (= зд. *z*) въ словѣ *χθών*: *χαμαί* вполне соотвѣтствуетъ чередованію гр. *κτ* (= скр. *kṣ*, иран. *š*): *k* (= иран. *s*) въ словѣ *ἄρκτος* (= скр. *ṛkṣaḥ*, зд. *agəšō*, см. выше стр. 77): *ἄρκτος* (= перс. *xirs*).

скр. *gāuḥ* „быкъ, корова“, вин. п. ед. ч. *gām*, мѣстн. п. ед. ч. *gāvi*; гр. *βοῦς*, вин. п. ед. ч. дор. *βῶν*; дат. (мѣстн.) ед. ч. *βο(F)ί*; лат. (заимствованное изъ провинціального не латинскаго діалекта) *bōs*, *bovis*; др.-ирл. *bō*; др.-сакс. *kō*; арм. *kov* „корова“.

скр. *mūḥ* „мышь“, им. п. мн. ч. *mūṣaḥ*; гр. *μῦς*, *μύς*; лат. *mūs*, *mūris*; др.-вр.-нѣм. *mūs*; др.-сл. *мышь* (старый вин. п.). Никакого чередованія гласныхъ въ этомъ словѣ не засвидѣтельствовано; тоже самое и въ слѣдующемъ словѣ; такое употребленіе одной только нулевой ступени вокализма часто встрѣчается въ случаѣ долгихъ сонантовъ.

скр. *bhrūḥ* „бровь“, род. п. ед. ч. *bhrunāḥ*; гр. *ὄφρυς*, *ὄφρυος*; др.-сл. *бръвь* (старый вин. п. ед. ч.).

гр. *θῆρ* (эол. *φῆρ*), *θηρός* „звѣрь“; лит. вин. п. ед. ч. *žvėrį*; ср. тематическую форму лат. *fērus* „дикій“.

Основы съ нулевымъ суффиксомъ часто встрѣчаются въ индо-иранскомъ; греческій языкъ еще даетъ нѣкоторое количество примѣровъ этихъ основъ, какъ напр. *πτῶξ*, *πτωκός* „трусливый“, и *πτάξ*, *πτακός* (происшедшее изъ стараго склоненія *πτῶξ*, *πτακός*) при глаголѣ *πτήσσω* „пригибаюсь, прячусь“; *κλώψ*, *κλωπός* „воръ“, при *κλέπτω* „краду“; *λίψ*, *λιβός* „капаю-

щій, источникъ“, при  $\lambda\epsilon\acute{\iota}\beta\omega$  „лью“ или внѣ связи съ глаголами  $\gamma\acute{\upsilon}\psi$ ,  $\gamma\ddot{\upsilon}\pi\acute{o}\varsigma$  „коршунъ“;  $\kappa\acute{\iota}\varsigma$ ,  $\kappa\acute{\iota}\acute{o}\varsigma$  „мучной червь“; и т. д. Мы находимъ такія основы особенно часто во второй части сложныхъ словъ, какъ напр. въ гр.  $\chi\acute{\epsilon}\rho\text{-}\nu\acute{\iota}\psi$ ,  $\chi\acute{\epsilon}\rho\text{-}\nu\acute{\iota}\beta\omicron\varsigma$  „вода для умовенія рукъ“ при  $\nu\acute{\iota}\zeta\omega$  „мою“, будущее  $\nu\acute{\iota}\psi\omega$ , ср. скр.  $\text{pi}\acute{g}\text{-}\eta\acute{\iota}\text{j-}$  „украшеніе“;  $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}\text{-}\tau\epsilon\zeta$  „роженица“ (съ вин. пад.  $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}\text{-}\tau\omicron\chi\alpha$  у Геродота и др.) при  $\tau\epsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\nu$  „родить“; лат.  $\text{tub}\acute{\iota}\text{-}\text{c}\text{e}\text{n}$  „трубачъ“ при  $\text{c}\text{a}\text{n}\acute{o}$  „пою“;  $\text{a}\text{u}\text{-}\text{s}\text{p}\text{e}\text{x}$  „птицегадатель“ при  $\text{s}\text{p}\text{e}\text{c}\acute{\iota}\acute{o}$  „смотрю“, ср. скр.  $\text{s}\text{r}\text{a}\check{\text{c}}$  - „смотрящій“; и т. д. Часто индо-европейская основа съ нулевымъ суффиксомъ бываетъ засвидѣтельствована только косвенно — существованіемъ основъ со вторичными суффиксами; такъ и.-е. основа  $\text{*m}\acute{o}\text{u}\text{s-}$  „муха“ предполагается на основаніи производныхъ: лат.  $\text{m}\text{u}\text{s-}\text{c}\text{a}$ , лит.  $\text{m}\text{u}\text{s-}\acute{e}$ , гр.  $\mu\acute{\upsilon}\alpha$  (изъ  $\text{*}\mu\acute{o}\mu\text{-}\eta\alpha$ ), др.-сл.  $\text{мъш-нц}\acute{\alpha}$  (изъ  $\text{*}\text{m}\text{u}\text{s-}\acute{\imath}\text{-k}\acute{\alpha}$ ); арм.  $\text{m}\text{u}\text{p}$  (изъ  $\text{*}\text{m}\text{u}\text{s-}\text{p}\acute{o}$ -); др.-сл.  $\text{моу}\acute{x}\text{a}$  (изъ  $\text{*}\text{m}\acute{o}\text{u}\text{s-}\acute{\alpha}$ ); др.-слав.  $\text{моу}\acute{x}\text{a}$ , напр., точно такъ же произведено изъ  $\text{*}\text{m}\acute{o}\text{u}\text{s-}$ , какъ др.-сл.  $\text{ю}\acute{x}\text{a}$  „уха“ отъ формы съ вокализмомъ  $\text{*o}$  и съ нулевымъ суффиксомъ, засвидѣльствованной лат.  $\text{i}\ddot{u}\text{s}$  скр.  $\text{y}\acute{u}\check{\text{h}}$  „похлебка, супъ“ и имѣющей свои производныя въ лит.  $\text{j}\acute{u}\text{s}\%-\acute{e}$  „супъ“, др.-прусск.  $\text{j}\acute{u}\text{s}\acute{e}$ .

Основы съ нулевымъ суффиксомъ атематическаго типа оказываются представленными въ языкѣ тѣмъ лучше, чѣмъ древнѣе историческая форма даннаго языка, и въ историческое время онѣ быстро исчезаютъ. Среди именныхъ образований онѣ занимали въ индо-европейскомъ самое важное мѣсто.

2. Основы, характеризующія тематическимъ гласнымъ.— Этотъ типъ отличается отъ предыдущаго только присутствіемъ тематическаго гласнаго вслѣдъ за корнемъ: этотъ гласный совершенно мѣняетъ весь обликъ образованія, такъ какъ влечетъ за собою неподвижность вокализма корня и неподвижность ударенія въ склоненіи.

Самый важный случай такого образованія представляютъ основы съ кореннымъ вокализмомъ  $\text{*o}$  и съ удареніемъ на корнѣ, обозначающія дѣйствіе; онѣ часты въ индо-иранскомъ, въ славянскомъ, балтійскомъ и греческомъ; въ западныхъ діалектахъ: германскомъ, италійскомъ, кельтскомъ — онѣ встрѣчаются рѣдко. Примѣры:

гр.  $\sigma\acute{\tau}\acute{o}\nu\omicron\varsigma$  „стонъ“, русск.  $\text{стонъ}$ , род.  $\text{ст}\acute{o}\text{н}\text{a}$ ; ср. гр.  $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\nu\omega$ , др.-сл.  $\text{стенн}\acute{\alpha}$ .

скр. *jánaḥ* „народъ“ (основа *jána-*), гр. *γόνος* „рожде-  
ние“, ср. скр. *jánate* „родить“, гр. *γενέσθαι*.

зд. *takō* „потокъ“, др.-сл. **токъ** (род. п. ед. ч. русск.  
*тѡка*), ср. др.-сл. **тенъ**.

Это типъ гр. *φόρος* „подать“, *φέρω*; *λόγος* „слово“, *λέγω*;  
*πλό(φ)ος* „плаваніе“, *πλέω* „плыву“; *στοῖχος* „рядъ“ *στείχω* „по-  
дымаюсь“; и т. д. Часто онъ служить названіемъ предме-  
товъ, какъ напр. скр. *jámbhaḥ* „зубъ“, др.-сл. **зѡбъ** (род. п.  
ед. ч. русск. *зѡба*), лит. *žambas*, гр. *γόμφος*, др.-вр.-нѣм.  
*kamb* „гребень“ при скр. *jámbhate*, др.-сл. **зѡбеть** „разры-  
ваетъ“, или др.-сл. **вожъ** (род. п. русск. *вѡза*), гр. (Ф)*όχος* при  
др.-слав. **вѡжъ**.

Тѣ же основы съ удареніемъ на тематическомъ глас-  
номъ обозначаютъ производителя дѣйствія или результатъ  
дѣйствія и часто имѣютъ характеръ прилагательныхъ: гр.  
*τομός* „рѣжущій“ рядомъ съ *τόμος* „рѣзаніе, сѣченіе“, ср. *τέμνω*  
„рѣжу“; *τροχός* „колесо“ рядомъ съ *τρόχος* „бѣгъ“, ср. *τρέχω*  
„бѣгу“; *λοιπός* „остальной“, ср. *λείπω* „оставляю“; *σχοπός* „сто-  
рожъ“, ср. *σκέπτομαι*; *ὄλκος* „ремень, воротъ“, ср. *ἔλκω* „тащу“;  
скр. *varáḥ* „женихъ“, рядомъ съ *vágaḥ* „выборъ“; *φοκάη*  
„блестящій“ рядомъ съ *φοκάη* „блескъ“; скр. *ghanáḥ* „па-  
лица“ рядомъ съ гр. *φόνος* „убійство“, русск. **гонъ** (род. п.  
*гѡна*) и т. д. (ср. выше стр. 116). Лат. *procius* „женихъ“  
(ср. *prociēs*) имѣетъ индо-европейскую основу этой формы.  
Удареніе на концѣ слова повидимому характеризуетъ вообще  
значеніе прилагательнаго, конкретное значеніе, въ противу-  
положность словамъ абстрактнаго значенія, которыя имѣютъ  
удареніе на корнѣ, т. е. въ началѣ слова.

Основы, имѣющія удареніе на тематическомъ гласномъ,  
допускаютъ и другой вокализмъ корня, кромѣ вокализма  
\*ō, напр. нулевой вокализмъ, какъ въ скр. *yugám* „яrho“,  
гр. *ζυγόν*, лат. *iugum*, гот. *juk* — скр. *dīrgháḥ* „длинный“  
др.-сл. **дльгъ** — и т. д.; вокализмъ \*e въ гр. *λευκός* „бѣлый“  
(рядомъ съ *λοβόσον* „бѣлая сердцевина ели“ и *ἀμφι-λύκη* „су-  
мерки“) или вокализмъ \*ō, какъ напр.: гр. *σφρός* „куча“ ря-  
домъ съ *σορός* (относительно \*ō ср. лит. жен. р. *tvorá* „из-  
городъ“; корень \*tweǵə- значить „хватать, обнимать“); *ὠμός*,  
скр. *āstháḥ*, арм. (h)um „сырой“ (рядомъ съ ирл. om, съ \*ō);  
др.-сл. **нагъ** (русс. им. п. ж. р. *нагá*), лит. *pūgas*; гот. *froþs*  
(дат. п. ед. ч. *frōdama*) „умный“ рядомъ съ *fraþjan* „по-

нимать“; скр. *pāyāḥ* „проводникъ“ рядомъ *pāyaḥ* „поведеніе“; *bhāgāḥ* „грузъ“ рядомъ съ *bhāgaḥ* „ношеніе“, гр. *φόρος* „налогъ“. Основы съ нулевымъ вокализмомъ корня встрѣчаются во второй части сложнаго слова, какъ въ гр. *νεο-γυνό-ς* „новорожденный“; и.-е. \**ni-zdó-* (скр. *nīdāḥ* „гнѣздо“, арм. *nist*, лат. *nīdus*, др.-вр.-нѣм. *nest*) отъ корня \**sed-* „сидѣть“.

Часто тематическія основы имѣютъ видъ производныхъ отъ атематическихъ, какъ напр. скр. *padām* „шагъ, слѣдъ“, зд. *padāṣ* „слѣдъ“, гр. *πέδον* „почва“, др.-исл. *fet* „шагъ“, арм. *het* „слѣдъ шага“ отъ \**ped-* „нога“; скр. *himāḥ* „зима“, лат. *hiemus* (изъ \**bi-himos*) „двухъ лѣтъ“, отъ \**g<sub>1</sub>h<sub>2</sub>uem-*, засвидѣтельствовавшаго лат. *hiems* „зима“, зд. *zuā* (род. п. ед. ч. *zimō*) „зима“; гр. *πῆρος*, *πῆαρός*, скр. *pīvarāḥ* „жирный“, рядомъ съ гр. *πῆαρ* „жиръ“; скр. *udgāḥ*, зд. *udgō* „водяное животное“, *ῥδρος*, др.-исл. *otr* „выдра“ рядомъ съ гр. *ῥδωρ*, др.-вр.-нѣм. *wazzaar* „вода“; и т. д. Нужно отмѣтить въ восточныхъ діалектахъ производныя отъ числительныхъ, употребляемая съ именами, не имѣющими единств. числа: скр. *trayaḥ*, др.-сл. *трон*, лит. *treji*, а также собирательныя средняго рода: др.-сл. *трою*, русск. *трѣе*; др.-сл. *усткори*, русск. *четверо*, скр. *catvarām* „четыреугольное пространство“. Въ этихъ производныхъ ни вокализмъ предшествующаго окончанію элемента, ни мѣсто ударенія не являются опредѣленными: часто встрѣчаются несоотвѣтствія между отдѣльными языками. — Индо-иранскій діалектъ широко развилъ производныя этого рода съ долгимъ вокализмомъ (который по-санскритски называется *vṛddhi*) начальнаго элемента слова: скр. *mānasāḥ* „относящійся къ духу“ отъ *mānaḥ* „духъ“, *saindhavāḥ* „относящійся къ Инду“, отъ *sīndhuḥ* „рѣка, Индъ“. Въ индо-иранскаго удлиненіе начальнаго элемента слова встрѣчается рѣдко; однако есть нѣсколько примѣровъ главнымъ образомъ въ балтійскомъ и славянскомъ.

Много тематическихъ словъ не подходятъ ни подъ какую опредѣленную категорію, какъ напр. скр. *vīkaḥ* „волкъ“, зд. *vāhṛkō*, др.-сл. *влькъ* (род. п. русск. *в ъ л к а*), лит. *vīlka*; скр. *sānaḥ* „старый“, лит. *sėnas*, др.-ирл. *sen*, арм. *hin*, гр. *ἔνος*; или, съ различіемъ въ вокализмѣ: \**e* въ гр. *Γέρων*, др.-вр.-нѣм. *were* „дѣло“, \**o* въ арм. *gore* „дѣло“ (ср. *δη-*

μουργός изъ \**ḍāmo*-*Forγos* „ремесленникъ“), нулевой вокализмъ въ гот. *waurk*; — короткий звукъ въ скр. *ǰarhāh* „копыто (лошади)“ и зд. *safo*, долгій въ др.-исл. *hófr* и др.-вр.-нѣм. *huof*.

3. Суффиксъ \*-es-. — Суффиксъ \*-es- образуетъ первичныя отвлеченныя имена средняго рода, съ вокализмомъ \*e въ корнѣ и съ удареніемъ на элементѣ, предшествующемъ суффиксу:

\**k<sub>1</sub>leu-*: скр. *ǰávanah* „слава“ (род. п. ед. ч. *ǰávanasah*), гр. *κλέ(F)ος*; зд. *sgavan-* „слово“, др.-сл. *слово* (съ *o*, происшедшемъ изъ *e* передъ *vo*), русск. *слово*.

\**g<sub>1</sub>pnə-*: скр. *jápanah* „родъ“, гр. *γένος*, лат. *genus*.

Точно также въ словахъ съ менѣе яснымъ корнемъ:

скр. *nábhah* „туча“, гр. *νεφός*, др.-сл. *нево*, русск. *небо*.  
скр. *rájah* „темнота“, гр. *ἔρεβος*, гот. *gīqis* „темнота“, арм. *erek* „вечеръ“ (перешедшее въ основы на \*-o-).

Нулевой вокализмъ греч. *θάρσος*, *θράσος* „смѣлость“ возникъ подъ вліяніемъ прилагательнаго *θαρρός*, *θρασός*, и эолическое собственное имя *Ἴππο-θέρσης* сохранило старый вокализмъ \*e; вокализмъ \*o гомеровскаго *ἔχεα* „коленица“ *ἔχεσφιν* возникъ подъ вліяніемъ (F)*όχος*, и Гесихій приводитъ ожидаемую форму *ἔχεσφιν* въ одной глоссѣ; o латинскаго *pondus* „вѣсъ“ (ср. глаголъ *pondō*) происходитъ отъ основы \**pond-*, сохраненной въ аблативѣ *pondō*; и т. д.

Рядомъ съ отвлеченными существительными средняго рода съ удареніемъ на корнѣ, были и прилагательныя съ удареніемъ на суффиксѣ, — явленіе, вполне напоминающее противуположеніе *τόμος* „отрѣзокъ, кусокъ“ и *τομός* „рѣзущій“ (стр. 215); такъ скр. *arāh* „дѣятельный“ рядомъ съ *ārah* „дѣло“, гр. *ψευδής* „лживый“ рядомъ съ *ψευδος* „ложь“. Типъ этотъ встрѣчается чаще всего въ сложении, гдѣ прилагательное на \*-és- противуполагается прилагательному не сложному другого образованія, какъ напр.:

скр. <i>cétah</i> „блескъ“	<i>citrāh</i> „блестящій“	<i>acetāh</i> „лишонный блеска“
<i>práthah</i> „ширина“	<i>prthúh</i> „широкій“	<i>sapráthah</i> „имѣющій ширину“
гр. <i>πλάτος</i> (по образцу <i>πλατύς</i> )	<i>πλατύς</i>	<i>ἀπλατύς</i> „неимѣющій ширины“
зд. <i>drajō</i> „длина“	<i>darəγō</i> „длинный“	<i>zānu-drajā</i> „имѣющій длину колѣна“

Есть также нѣсколько отвлеченныхъ именъ мужскаго и женскаго рода съ ударяемымъ суффиксомъ, имѣющимъ въ имен. п. ед. ч. и въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ тембръ \*o:

скр. uṣāḥ „заря“, гом. ῥῶς, атт. ἔως (изъ \*āusōs); ср. лат. производное augōga.

гр. вин. п. ед. ч. αἰῶ изъ \*αιFóħα; мѣст. п. αἰ(F)ές и αἰ(F)εί (изъ \*αιFεħi) „всегда“.

гр. αἰδώς „стыдъ“, ср. прилагат. ἀν-αἰδής „безстыдный“ и производный глаголъ αἰδέομαι „стыжусь“, гомер. будущее αἰδέσομαι.

лат. angor „удушь“ (и angus-tus „тѣсный“) при скр. áṃhaḥ (ср. р.), зд. aṣō „стѣсненное положение, нужда“ и лит. aĩk-sz-tas „узкій“.

Формы мужскаго (и женскаго) рода могли существовать рядомъ съ формами средняго рода, какъ о томъ свидѣлствуютъ лат. decus и decor „приличіе“, tenus „растянутый шнурокъ“ и tenor „непрерывность, связь“.

4. Суффиксъ \*-eu-. — Суффиксомъ \*-eu- образуются многочисленныя прилагательныя, имѣющія удареніе на суффиксъ, вокализмъ корня обыкновенно — нулевой ступени, такъ:

скр. gur-ú-ħ „тяжелый“, гр. βαρ-ύ-ς, гот. kaur-u-s (ирл. baír); ср. лат. grauis (изъ \*grə-w-is; см. стр. 100).

скр. tr̥ṣ-ú-ħ „томимый жаждой“, гот. þaurusus „сухой“ (съ s по аналогіи глагольной формы -þairsan; древнее z, отразившееся въ видѣ r, сохранилось въ др.-исл. þurr, др.-вр.-нѣм. durri.)

гр. βαθ-ύ-ς „глубокій“ при βένθος „глубина“.

Въ другихъ случаяхъ корень имѣетъ вокализмъ \*o:

гр. πολ-ύ-ς „многій“, др.-англ. feal-a, при скр. pur-ú-ħ „обильный“, и при неожиданномъ вокализмѣ \*e въ гот. fil-u „много“, др. ирл. íl.

Существительныя на \*-eu- не образуютъ единой категоріи ни по смыслу, ни по формѣ (многія принадлежатъ даже къ не извѣстнымъ въ другихъ языкахъ корнямъ):

скр. paśúḥ (муж. р.) и páṣu (ср. р.) „стадо“, гот. faihu „имущество, деньги“, лат. pecus и pecu „скотъ“, др.-лит. pekus.

скр. hánuḥ „челюсть“ (относительно начальнаго h см. стр. 142), гр. γένος, гот. kinpus, др.-ирл. gin (род. п. geno), лат. genu-(in)us „челюстной“.

скр. *ketúh* „явление, знак“ съ вокализмом \*o въ корнѣ и съ ударяемымъ суффиксомъ, какъ и гот. *haidus* „способъ“.

др.-сл. *домъ*, род. п. *домоу*, лат. *domus*, род. п. *domūs* могли заимствовать свой вокализмъ изъ основы \**dómo-*скр. *dámaḥ* „домъ“, гр. *δῶμος*), съ которой они и чередуются въ склоненіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ суффиксъ \*-*eu-* имѣетъ видъ вторичнаго суффикса; напр. скр. *manúh* „гнѣвъ“ = зд. *mainuś* „духъ“ имѣетъ видъ производнаго слова отъ основы \**m<sup>o</sup>nēi-*, засвидѣтельствованной гот. *munś* „мысль“; греческія слова на -*ηυ-* типа *φορέύς*, *φορη(F)ός* (атт. *φορέως*) „носитель“ по правилу суть производныя отъ тематическихъ основъ, ср. гр. *φόρος*.

5. Суффиксъ \*-*yo-* (\*-*iyō-*). — Вторичный суффиксъ \*-*yo-* (\*-*iyō-*) образуетъ прилагательныя и производныя отвлеченныя имена существительныя отъ именъ.

\**g<sup>w</sup>ow-* „корова“: скр. *gáv-ya-h* „коровій“, зд. *gao-ya-*, арм. *kog-i* „масло“, гр. (*ἐννεά-*)*βροίος* (изъ \*-*βoF-yo-*).

Конечный гласный основы тематическаго типа не сохраняется передъ этимъ суффиксомъ:

скр. *svárp-(i)ya-m* „сновидѣніе“ отъ *svárpa-h* „сонъ“, лат. *somn-ia-m* „сновидѣніе“ отъ *somnus* „сонъ“, др.-сл. *сны-ые* отъ *сны*, гр. (*ἐν-*)*ὕπνιον* отъ *ὕπνος*.

скр. *áçv-ia-h* „лошадиный“ отъ *áçva-h* „лошадь“, гр. *ἵπν-ιος* отъ *ἵππος*.

Суффиксъ \*-*yo-* (\*-*iyō-*) продолжалъ образовывать слова въ индо-иранскомъ, греческомъ, славянскомъ, латинскомъ и т. д.; какъ напр. гр. *τέλειος* (\**τελεσ-yo-*) отъ *τέλος* „конецъ“, *θελκτήρ-ιο-ν* „волшебство“ отъ *θελκτήρ* „волшебникъ“ и т. д.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ суффиксъ образуетъ какъ будто первичныя основы, какъ греч. *στυγ-ιος* „ненавистный“, др.-сл. *лжъ* „лгунъ“ (\**лж-ю*), на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ производныя отъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ \**stug-*, \**lugh-*, которыя случайно не засвидѣтельствованы.

Суффиксъ \*-*yo-* (\*-*iyō-*) означаетъ противоположеніе между многими лицами или вещами, тогда какъ \*-*ero-*, \*-*tero-* обозначаетъ противоположеніе двухъ; такъ напр.: *al-yo-* „другой“ въ гр. *ἄλλος*, лат. *alius*, гот. *aljis*,

др.-ирл. *aile* и \**an-yo-* въ скр. *anuyáh* „другой“, зд. *anub*, при лат. *alter* и гот. *anþar*, лит. *añ-tra-s* „другой (изъ двухъ), одинъ (изъ двухъ)“.

Поэтому гр. *δεξιό-ς* и лат. *dex-ter* „правый“ оба имѣютъ суффиксы, означающіе противоположеніе, но съ первоначально различными оттѣнками значенія. — Въ скр. *páv-ya-h* „новый“, лит. *paũ-ja-s*, гот. *niu-ji-s*, галлск. *nov-io-* суффиксъ \**-yo-* служитъ для обозначенія „новаго“ въ противоположность всему, что уже не ново.

Въ именительномъ падежѣ ед. ч. тематическій гласный можетъ отсутствовать; им. п. ед. ч. иранской основы *āhuru-a-* „ахуровъ“ въ зендскомъ имѣетъ форму *āhur-i-š*; им. п. ед. ч. литов. основы *žirp-ja-* „горохъ“ (производное отъ \**g<sub>1</sub>ṛno-*: лат. *grānum*, др.-сл. *зръно* и т. д.) будетъ *žirp-i-s* и им. п. ед. ч. отъ лит. основы *ož-ja-* „козелъ“ (производное отъ \**āg<sub>1</sub>-*, \**ag<sub>1</sub>-*) — *ož-ĩ-s*; им. п. ед. ч. отъ гот. *har-ja-* „войско“ и *haird-ja-* „пастухъ“ — *harjis* (вм. \**har-i-s* съ *j* изъ другихъ падежей) и *haird-ei-s*; кимр. *aíl* „второй“ происходитъ отъ \**ali-*, а не отъ \**alyo-* и т. д. Въ латинскомъ, им. п. ед. ч. *-is* обыкновенно влечетъ за собою переходъ слова во всѣхъ формахъ въ атематическое склоненіе основъ на \**-ei-*, откуда *imberb-i-s* „безбородый“, *exsomn-i-s* „бодрствующій“ и т. д. Чередованіе \**-yo-* и \**-ĩ-* въ этихъ вторичныхъ образованияхъ совершенно сходно съ чередованіемъ \**-yo-* и \**-ĩ-* въ такихъ образованияхъ, какъ лат. *sōpiō*, *sōpis*; гот. *satja* „ставлю“, *satjis* (измѣнено изъ \**satis*); и т. д. (ср. стр. 178 и 172).

6. Суффиксъ \**-en-*. — Какъ и предшествующій, суффиксъ \**-en-* — вторичный; такъ гот. *guma*, род. ед. *gumins* „человѣкъ“, лат. *homō*, *hominis* — производныя отъ основы \**g<sub>1</sub>hem-* зд. *zəm-* „земля“, гр. *χαι-αί* лит. *žēm-ė* „земля“, лат. *hum-n-s*: *человѣкъ* есть существо „земное“ въ противоположность „небеснымъ“ богамъ; скр. *gāj-an-* „царь“ (им. п. ед. ч. *gājā*, род. п. *gājñah*) — производное отъ *gāj-*, ср. лат. *gēx*. Все германское слабое склоненіе содержитъ этотъ вторичный суффиксъ, такъ напр. (*heri-*)*zogo* „воевода“ род. п. (*heri-*)*zogen*, при лат. *duc-* (им. п. *dux*). Сливаясь съ конечнымъ гласнымъ тематической основы, суффиксъ даетъ долгій гласный въ гр. *στράβων* род. п. *στρά-*

βωνος, отъ στραβός „кривой“, въ зд. παθηγαп- „произносящій молитву, — святаыя слова“ отъ παθηга- „молитва“ и т. д. (Типъ этотъ распространился далеко за свои старыя предѣлы).

Нѣсколько отдѣльныхъ словъ, повидимому, производныхъ отъ основъ съ нулевымъ суффиксомъ, имѣють этотъ суффиксъ; таковы:

скр. tákṣ-ап- „плотникъ“, зд. taš-ап-, гр. τέχτ-ον-;

скр. ukṣ-án- „быкъ“, гот. auhз-in-;

зд. arš-ап- „самецъ“, гом. ἄρσ-εν-, юн. ἔρσ-εν-;

скр. у́ív-ап- „молодой“, зд. у(и)ν-ап-, лат. juu-en-(is).

7. Суффиксъ \*-по-. — Яснѣ всего употребленіе суффикса, какъ вторичнаго, засвидѣтельствованное такими образованиями, какъ лат. аѣпис „мѣдный“ (изъ \*ауес-по-с) отъ аес „мѣдь“, еbur-пи-с „слоновой кости“ отъ еbur-; гр. ἀλγεινός „тяжкій“ (\*αλγεσ-νο-ς) отъ ἄλγος „боль“; σελήνη, дор. σελάνα, ласб. σελάνα (\*σελασ-να) „луна“ (собств. „блестящая“) отъ ἐέλας „блескъ“ и т. д.; индо-европейскій примѣръ:

зд. гаохš-па- „блестящій“, др.-прусск. laux-nos „звѣзды“, лат. lūna (losna въ діалектѣ Пренесте), др.-ирл. lūan, др.-сл. лѹма, т. е. основа \*louks-по-; гр. λύχ-νος „свѣтильникъ“ отражаетъ \*luks-по-с; въ обѣихъ формахъ мы имѣемъ дѣло съ производными отъ основы \*leuk-es-, засвидѣльствованной др.-перс. гауśаh- „день“, зд. гаоśаh- „свѣтъ“.

Часто также ударяемый суффиксъ \*-по- присоединяется къ нулевой ступени корня и образуетъ прилагательныя одного значенія съ прилагательными на \*-то- типа скр. çrutá-ḥ „слышанный“, гр. κλυ-τό-ς „славный“, лат. (in-)clutus, которыя мы рассмотримъ ниже на стр. 225; напр.

скр. pūr-ṇá-ḥ „полный“, др.-сл. пль-нь, лит. pil-па-с, гот. fulls (изъ \*ful-па-з), др.-ирл. lān; ср. лат. plē-пи-с, съ другимъ вокализмомъ (см. стр. 133).

Этотъ типъ часто встрѣчается въ санскритѣ: tīr-ṇá-ḥ „переправившійся“, bhīn-ṇá-ḥ „разсѣченный“ и т. д.; точно также гр. στυγ-νό-ς „ненавистный“.

Тотъ же суффиксъ, присоединенный къ ударяемому корню (или вѣрнѣе къ основѣ съ нулевымъ суффиксомъ) съ различными степенями вокализма, но чаще — съ вокализмомъ \*о, образуетъ имена, означающія дѣйствія (nomina actionis):

\*swóp-по- въ лит. sār-па-с „сонъ“, арм. khun, скр.

svár-n-aḥ, лат. som-nu-s (два послѣднія слова могутъ также отражать \*swép-no-, какъ др.-исл. suef-n „сонъ“); \*súr-no- въ гр. ὕπνο-ς, др.-сл. съ-нѣ, др.-ирл. sū-an, кимр. hūn „сонъ“.

скр. dá-na-m „даръ“, лат. dō-nu-m.

скр. sthā-na-m „мѣсто отдыха“, лит. stó-na-s „положеніе“.

Или съ суфф. \*-nā-:

\*kwoi-nā-: зд. kaē-na „месть“, др.-сл. цѣ-на, гр. ποι-νή.

Вокализмъ \*o въ корнѣ обыченъ въ греческихъ словахъ типа: χό(F)-ανο-ς „плавильный тигель“, ср. χέ(F)-ω; (F)όρυ-ανο-ν „орудіе“, ср. (F)έρρον „дѣло“; и т. д.

Суффиксъ прилагательнаго допускаетъ также форму \*-eno- въ гот. fulg-in-s „скрытый“ при filha „скрываю“ и въ славянскихъ причастіяхъ типа др.-сл. вѣх-енѣ при глаголѣ вѣнѣ, лит. velkù, и форму \*-ono- въ германскихъ причастіяхъ типа гот. bit-an-s „разсѣченный“ при beita „разсѣкаю“ (ср. выше приведенное скр. bhin-ná-ḥ) др.-вр.-нѣм. (gi-)wort-an „ставшій“. — Форма \*-ono- образовывала также и существительныя, давшія германскія неопредѣленныя наклоненія: гот. itan „ѣсть“, ср. скр. ádana-m; греческій языкъ имѣетъ суффиксъ \*-onā-, напр. въ словѣ ἡδονή „удовольствіе“; при ἡδύς „сладкій, пріятный“. Форма \*-eno- находится также, напр., въ гот. aigin „собственность“, арм. lusin „мѣсяць“.

8. Суффиксъ \*-mo-. — Суффиксомъ \*-mo- образуются вторичныя прилагательныя, какъ гр. βᾶσι-μος „проходимый“, ἔτι-μο-ς „дѣйствительный“ (ср. ἔτε(F)ός „истинный“), лит. artu-ma-s „близкій“, скр. ruk-mā-ḥ „блестящій“ (отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ \*leuk-: лат. lūx, скр. guc-); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ гр. θερ-μός „горячій“, арм. jerg-m (и зд. garə-ma- „горячій“, лат. for-mu-s, ирл. gor-m „блестящій“ съ вокализмомъ \*o въ корнѣ) первичная основа, отъ которой произведено прилагательное на \*-mo-, случайно не засвидѣтельствована. — Какъ и суффиксъ \*-uo-, этотъ суффиксъ означаетъ противоположеніе между болѣе чѣмъ двумя предметами, напр. лит. pir-ma-s „первый“, гот. fruma, лат. primus, гр. πρόμος „предводитель, глава“.

Кромѣ того, тотъ же суффиксъ образуетъ существительныя, одни — явно вторичныя, какъ напр.:

скр. *drū-mā-ḥ* „дерево“, гр. *δρυ-μά* „лѣсъ“; ср. скр. *dāru*, род. п. *drūṇaḥ* „дерево“ и гр. *δόρυ* „копье“, *δρῦς* „дубъ“; другія — не поддающіяся точному анализу, какъ:

скр. *dhū-mā-ḥ* „дымъ“, лит. *dū-mai* (мн. ч.), др.-сл. *дымъ*, лат. *fū-tu-s*.

скр. *īr-mā-ḥ* „рука“, зд. *agə-ṣa-*, гот. *ar-m-s*, лат. *ar-tu-s*, др.-сл. *рѣ-мо* „плечо“, др.-прусск. *ir-mo* „рука“.

др.-исл. *halmr* „солома“, лат. *culmus*, латыш. *salms*, др.-сл. *слама*, русск. *солóма*, серб. *сла̑ма* (славянскій суффиксъ здѣсь \*-mā-) съ вокализмомъ \*o въ первомъ элементѣ двухсложнаго корня, примѣрно \**k<sub>1</sub>oləmo-*, и гр. *κάλαμος*, *καλάμη* — съ нулевымъ вокализмомъ корня.

Наконецъ, типъ отвлеченныхъ существительныхъ на \*-smo-, съ вокализмомъ \*o въ элементѣ, предшествующемъ суффиксу, и съ удареніемъ на суфф. \*-smo-, засвидѣтельствованъ такими литовскими словами, какъ *laĩk-sma-s* „складываніе“, ср. *lėnkiù* „складываю“, *vaĩk-sma-s* „волоchenіе“, ср. *velkù* „волочу“, и греческими *πλοχμός* „коса (волось)“ (изъ \**πλοχ-σμο-ς*), ср. *πλέχω*; *σχισμός* „отдѣленіе“ (изъ \**σχιδ-σμο-ς*), ср. *σχίζω*; и т. д.

9. Суффиксъ \*-er-. — Этотъ суффиксъ повидимому уже въ древнее время пересталъ образовывать новыя основы. Онъ образуетъ:

α. Имена родства, не поддающіяся анализу:

скр. *svāsā* „сестра“ (основа *svāsar-*), зд. *hvañhar-*, арм. *khoyr* (изъ \**swesōr*, дающаго \**khehur*, \**kheur*, откуда *khoyr*), лит. *sesū* (род. п. *sesėĩs*), лат. *soror*, др.-ирл. *siur*, гот. *swistar*.

скр. *devā* „деверь“ (основа *devār-*), гр. *δᾶτήρ*, арм. *tauyr*, лит. *dėveris*, др.-сл. *дѣверь*.

β. Именительный и винительный падежи средняго рода единственнаго числа именъ, остальныя формы которыхъ имѣютъ суффиксъ \*-en-:

скр. *ūdhar* „вымя“, род. п. *ūdhnaḥ*, гр. *οὐθαρ*, *οὐθατος*; лат. *ūber*, др.-вр.-нѣм. *ūtār*.

Производныя этихъ именъ имѣютъ также \*-r-:

гр. *πι(F)ρ* (рядомъ съ *πίων*, скр. *ṛivā* „жирный“):

(πῖF)ερός, скр. rīvaḡāḥ „жирный“ и женскій родъ: гр. πῖ(F)εῖρα, скр. rīvaḡī.

γ. Нарѣчія, обозначающія противоположеніе двухъ вещей: скр. ur-áḡ-i „выше“, гр. ὕπ-ερ, лат. sup-er, при скр. uramáḥ „высшій“, лат. summus.

зд. αδ-air-i „внизу“ при скр. adhamáḥ, лат. (діалектическаго происхожденія) infimus.

Отсюда произошли прилагательныя на \*-ero-, обозначающія сравненіе двухъ вещей:

скр. úr-ara-ḥ „высшій“, греч. ὕπ-ερος „пестъ“, лат. sup-er-u-s.

скр. ádh-araḥ „нижній“, лат. (діалектическое) inf-er-u-s.

10. Суффиксъ \*-ro-. — Суффиксъ \*-ro- (или \*-ero-) служитъ для образованія прилагательныхъ того же значенія какъ и суфф. \*-eu-, какъ напр. гр. κρατ-ύς и κρατ-ερός „сильный“; онъ часто бываетъ вторичнымъ, какъ въ гр. λιγυ-ρός „звонкій, звучный“, φοβε-ρός „страшный, трусливый“ и т. д.: но онъ присоединяется къ корнямъ и непосредственно, и тогда вокализмъ корня бываетъ \*o или нуль: гот. bait-r-s „горькій“ (дословно „кусающій“) изъ \*bhoid-ró-s и др.-вр.-нѣм. bittar „горькій“ изъ \*bhid-ró-s; др.-вр.-нѣм. heitar „блестящій“, изъ \*kwoit-ró-, и скр. cit-ráḥ „блестящій“; нулевой вокализмъ встрѣчается чаще всего: скр. çū-ráḥ „сильный“, зд. sū-rō, гр. (ἄ)χυ-ρος „недѣйствительный“; ср. скр. çáv-aḥ „сила“.

11. Суффиксъ \*-lo-. — Суффиксъ \*-lo- служитъ только распространеніемъ того слова, отъ котораго онъ образуетъ производное, въ скр. baḥu-lá-ḥ „обильный“, гр. παχυ-λός „толстоватый“ отъ скр. baḥúḥ, гр. παχύς; скр. nābhī-la-m „пупъ“, гр. ὀμφα-λός, лат. umbi-l-(īcus), др.-вр.-нѣм. nabolo и т. д. Гот. sit-l-s „сидѣніе“ (ср. лат. sella „кресло“, лаконск. ἔλλα) можетъ считаться производнымъ отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ \*sed-, ср. скр. вин. п. ед. ч. sád-am, дат. sád-e „чтобы сидѣть“ и лат. сложное слово (praе-)ses „предсѣдатель“, какъ гр. ὀμαλός „ровный“ происходитъ отъ ὀμός, и лат. similis „похожій“, ирл. samail „сходство“ отъ \*sem- „одинъ, одинаковый“ (гр. εἷς, ἕν).

Суффиксъ \*-lo- образовывалъ имена дѣйствующихъ

слѣднее. Оно<sup>1)</sup> состоитъ изъ двухъ частей: повѣствованія собственно о жизни и убіеніи Бориса и Глѣба и разсказа объ ихъ чудесахъ. Если сопоставить первую часть этого произведенія съ упомянутымъ сочиненіемъ на ту же тему, приписываемымъ Іакову-мниху, то большого сходства, которое указывало бы на прямую связь обоихъ произведеній въ смыслѣ заимствованія, между ними нѣтъ или оно имѣетъ слишкомъ общій характеръ; что же касается второй части, то она представляется у Нестора болѣе схожей съ аналогичными мѣстами въ житіи, приписываемомъ Іакову-мниху, чтó можетъ быть объясняемо какъ общностью темы, такъ и общими приемами обоихъ авторовъ, весьма естественными въ ту эпоху и при тогдашней зависимости отъ византійскихъ образцовъ; б. м. даже, оба автора пользовались однимъ источникомъ, до насъ не дошедшимъ<sup>2)</sup>. Интереснымъ представляется самый фактъ возникновенія въ довольно раннюю пору нашей письменности двухъ произведеній отдѣльныхъ авторовъ на одну и ту же тему; кромѣ того, были еще и другія произведенія на тему о Борисѣ и Глѣбѣ<sup>3)</sup>. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что самый сюжетъ о двухъ братьяхъ-мученикахъ, дававшій возможность распространяться объ идеальной братской любви, въ виду возможности его живого примѣненія къ тогдашнимъ родственнымъ междукняжескимъ усобицамъ, былъ весьма популяренъ и привлекателенъ.

Гораздо выше „Житія Бориса и Глѣба“ стоитъ въ литературномъ отношеніи „Житіе Θεодосія“. Талантъ инокъ-повѣствователя тутъ значительно окрѣпъ послѣ его, повидимому, перваго литературнаго опыта; кромѣ того, самый сю-

1) Издано И. И. Срезневскимъ въ книгѣ: Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. СПб. 1860. О другихъ изданіяхъ см. у Н. К. Никольскаго: Матеріалы. 1906, стр. 399.

2) Макаріѣй. Исторія русской церкви. Т. II. 1868, стр. 159—162.

3) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 271—289.

жетъ былъ ему ближе и, безъ сомнѣнiя, матеріаль обильнѣе и свѣжѣе своей непосредственностью: Несторъ если, б. м., самъ и не зналъ Θεодосiя и не жилъ въ монастырѣ подъ его руководствомъ, однако во время писанiя своего труда окруженъ былъ многими живыми свидѣтелями дѣятельности знаменитаго игумена. Когда именно написано Житiе Θεодосiя, опредѣляется, по предположенiю, различно: Срезневскiй — не позже 1113 года, Погодинъ — послѣ 1108 года, Голубинскiй — до 1090 года, Чаговецъ — между 1088 и 1091, Шахматовъ и Бѣльченко — между 1079 и 1088; къ послѣднему мнѣнiю примыкаетъ и Никольскiй<sup>1)</sup>. Текстъ этого памятника сохранился въ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора XII в. и по этому списку изданъ былъ два раза: сначала Бодянскимъ въ 1858 году, а потомъ Шахматовымъ и Лавровымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1899. II<sup>2)</sup>. Число позднѣйшихъ списковъ какъ въ отдѣльномъ видѣ, такъ и въ составѣ Печерскаго Патерика очень велико<sup>3)</sup>, что указываетъ на чрезвычайную популярность этого произведенiя въ древне-русской читающей средѣ. Выше уже было указано (стр. 33) на предполагаемую<sup>4)</sup> литературную зависимость Житiя Θεодосiя отъ Житiя Саввы Освященнаго, написаннаго Кирилломъ Скиеопольскимъ. Специальное изученiе Житiя Θεодосiя съ этой стороны показываетъ многiя черты совпаденiя у Нестора еще съ цѣлымъ рядомъ другихъ греческихъ произведенiй житiйнаго характера — въ трудахъ Палладiя, Аѳанасiя Александрiйскаго, Василия Амасiйскаго, Иоанна Мосха и др.<sup>5)</sup>; однако эти факты совпаденiя нисколько

1) Матерiалы. 1906, стр. 403.

2) Тамъ же, стр. 403—404.

3) Тамъ же, 404—410.

4) Шахматовъ. Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житiи Θεодосiя. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. 1896, кн. 1, стр. 46—65; Д. И. Абрамовичъ. Къ вопросу объ источникахъ Несторова Житiя Θεодосiя Печерскаго: тамъ же, Т. III. 1898, кн. 1, стр. 243—246.

5) Д. И. Абрамовичъ. Исслѣдованiе о Кiево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. СПб. 1902, стр. 142—175.

не нарушаютъ общаго впечатлѣнія большой самостоятельности труда Нестора и оригинальности его выполненія; первое проистекало изъ характера источниковъ, которыми пользовался авторъ, второе — изъ его литературнаго дарованія. Авторъ дорожитъ фактомъ; онъ является передъ нами именно какъ реалистъ-повѣствователь, особенно по сравненію съ другими агиографическими трудами болѣе поздняго времени, когда главное вниманіе обращалось на восхваленіе святого и этой идеѣ нерѣдко приносились въ жертву или игнорировались факты. Однако, съ другой стороны, было бы заблужденіемъ думать, что сочиненіе Нестора о Θεодосіи совершенно чуждо идеализаціи; эта идеализація иногда проглядываетъ въ противорѣчіяхъ, которыя допускаетъ авторъ. Для примѣра можно указать на свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ о происхожденіи Θεодосія: съ одной стороны, Θεодосій происходитъ отъ простыхъ родителей — это для того, чтобы подготовить читателя къ описанію будущихъ подвиговъ и заслугъ святого, которыми онъ сталъ въ число знаменитѣйшихъ людей своей родины, а съ другой — нѣсколько далѣе — сообщается противорѣчащее этому извѣстіе о родовитой гордости и спѣси матери Θεодосія, даже о томъ, что у нея были, повидимому, рабы, — и все это съ цѣлію выставить на видъ, что, не смотря на знатность рода и богатство, Θεодосій, увлекаемый высшими идеалами и будущими подвигами пустынно-жительства, предпочелъ всѣмъ благамъ этого міра скромную жизнь простого монаха<sup>1)</sup>.

Произведеніе Нестора о Θεодосіи, насквозь проникнутое благоговѣйнымъ отношеніемъ къ святому, не заключаетъ въ себѣ однако же особой, т. е. формальной „похвалы“ съ лирическимъ характеромъ содержанія и изложенія; отсутствіе здѣсь такой „похвалы“, составлявшей позднѣе неотъ-

1) Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора. Выпускъ первый. Изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899, стр. 42—44.

емлемую часть житійнаго повѣствованія, указываетъ на реальный и чрезвычайно цѣнный для насъ характеръ труда Нестора; здѣсь кстати упомянуть впрочемъ, что эта сторона дѣла была восполнена трудомъ другого, неизвѣстнаго автора, написавшаго „Похвалу Св. Θεодосію“, которую предположительно относить къ 1093—1096 годамъ<sup>1)</sup>).

---

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906. стр. 435—438.

#### 4. Лѣтопись.

Многосторонняя важность и интересъ этого памятника. — Происхождение лѣтописи; лѣтописные своды. — Составъ Начальной Лѣтописи: погодныя записи; иноземные и туземные письменные источники; народные преданія. — Литературные элементы, принадлежащіе лѣтописцу: предметы его вниманія и хронологическій способъ изложенія; религиозное міровоззрѣніе; искренность и спокойный тонъ.

Древняя русская лѣтопись представляетъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій литературной жизни на Руси въ старую эпоху. Хотя важнѣйшая цѣнность лѣтописей должна быть отнесена на долю собственно гражданской и церковной исторіи, однако и историкъ литературы найдетъ для себя въ этомъ памятникѣ крайне интересный, богатый и до сихъ поръ еще не вполне изученный матеріалъ. Наша древняя лѣтопись далеко не исчерпывается погодной записью событій или попытками установленія между ними извѣстной связи и причинности; она, кромѣ того, включаетъ въ себя еще и элементъ поучительный, что роднитъ ее по духу съ разсмотрѣнными ранѣе произведеніями древнерусской письменности, и элементъ поэтической — цѣлый рядъ историческихъ сказаній и преданій, почерпнутыхъ какъ изъ письменныхъ источниковъ, такъ и изъ народныхъ устъ. Высокое не только историческое, но и литературное значеніе древней лѣтописи было впервые съ надлежащей выразительностью отмѣчено еще въ самомъ началѣ XIX вѣка Шлёцеромъ, и съ тѣхъ поръ оно нашло себѣ подтвержде-

ніе и богатую научную разработку въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій, въ трудахъ Строева, Срезневскаго, Сухомлинова, Костомарова, Бестужева-Рюмина и др., а въ послѣднее время въ особенности въ выдающихся работахъ акад. А. А. Шахматова.

**Происхожденіе Лѣтописи.** Говоря о лѣтописи въ числѣ литературныхъ произведеній первыхъ двухъ столѣтій нашей письменности, мы имѣемъ въ виду памятникъ, который условимся называть Древнѣйшей или Начальной Лѣтописью (сводомъ) и который излагаетъ событія кончая 1110 годомъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что вообще древне-русское лѣтописаніе, поскольку оно намъ извѣстно, велось путемъ наслоенія на повѣствованіе болѣе ранняго времени позднѣйшихъ сообщеній и сведенія болѣе или менѣе элементарныхъ разсказовъ въ форму общаго повѣствованія, захватывающаго все болѣе и болѣе широкіе хронологическіе и территоріальныя предѣлы. Т. о., даже въ самомъ древнемъ своемъ видѣ, по рукописямъ XIII—XV вв., наши лѣтописи представляются сводами; эта мысль впервые въ нашей наукѣ высказана была въ 1820 году П. М. Строевымъ при изданіи имъ т. наз. „Софійскаго Временника“. Съ того времени усилія изслѣдователей направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы путемъ научнаго анализа вскрыть эти наслоенія, опредѣлить степень и характеръ зависимости однихъ лѣтописныхъ сводовъ отъ другихъ и выяснитъ исторію развитія нашей лѣтописи по возможности съ самыхъ первыхъ шаговъ ея существованія. Насколько теперь можно судить по состоянію этого вопроса въ наукѣ, отъ насъ навсегда утрачены первичныя элементы лѣтописнаго дѣла въ Россіи, и самыя древніе лѣтописныя тексты представляютъ собою все-таки своды, предполагающіе болѣе элементарныя части, которыя нѣкогда существовали самостоятельно.

Стремясь опредѣлить основныя моменты возникновенія Лѣтописи въ древнѣйшую эпоху, Шахматовъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно главнѣйшихъ изъ на-

слоеній лѣтописнаго текста. Первые слѣды русскаго лѣтописанія слѣдуетъ искать въ Новгородѣ, гдѣ въ 1017 году новгородскія власти, во главѣ съ посадникомъ и епископомъ, вписали новгородскую Правду въ лѣтопись; послѣдняя заключала въ себѣ первоначально самыя краткія свѣдѣнія и въ видѣ свода можетъ быть отнесена лишь къ 1050 году, когда, въ ознаменованіе построенія новаго храма св. Софіи, новгородскій владыка Лука и князь Владиміръ положили основаніе лѣтописному своду. Между тѣмъ въ Кіевѣ сводъ появился еще въ 1039—1040 году, одновременно съ учрежденіемъ митрополіи и построеніемъ Софійскаго храма; кіевскій лѣтописный сводъ вскорѣ же оказалъ свое вліяніе и на характеръ дальнѣйшаго развитія лѣтописнаго свода въ Новгородѣ. Центральное политическое и культурное положеніе Кіева отдало въ его руки судьбу русскаго лѣтописнаго дѣла: въ серединѣ XI вѣка возникаетъ въ Кіевѣ „Древнѣйшій лѣтописный сводъ“ (по терминологіи Шахматова), отличавшійся отъ послѣдующихъ сводовъ, между прочимъ, отсутствіемъ какихъ бы то ни было хронологическихъ опредѣленій, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей своей части. Далѣе, около 1095 года былъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ, отчасти въ связи съ новыми лѣтописными работами въ Новгородѣ, другой лѣтописный сводъ, который Шахматовъ называетъ „Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ“ и въ основаніе котораго положенъ былъ предшествующій лѣтописный сводъ, дополненный вставками, между прочимъ, хронографическихъ статей и хронологическихъ опредѣленій. Этотъ Начальный Кіевскій сводъ и послужилъ основой для „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, текстъ которой мы уже знаемъ не предположительно, а въ цѣломъ рядѣ дошедшихъ до насъ списковъ<sup>1)</sup>. Эти домыслы Шахматова являются результатомъ произведеннаго имъ анализа нѣкоторыхъ изъ существующихъ лѣто-

1) Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. СПб. 1908, стр. 11—12. 97—99. 107—108. 181—182. 416. 418—419. 508—516.

писныхъ текстовъ путемъ выдѣленія изъ нихъ позднѣйшихъ наслоеній, при чемъ изслѣдователь шелъ въ своей работѣ по направленію въ глубину вѣковъ<sup>1)</sup>. Слѣдя за этими соображеніями изслѣдователя, мы находимся пока только въ области весьма остроумныхъ и правдоподобныхъ, но все-таки теоретическихъ построеній, и впервые становимся на прочную почву интересныхъ для историка литературы фактовъ лишь въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, являющейся непосредственнымъ результатомъ „Начальнаго Кіевскаго свода.“

Когда же „Повѣсть“ была составлена и что она собою представляетъ?

Такъ какъ непосредственный ея источникъ, Начальный кіевскій сводъ, составленъ въ концѣ XI вѣка, а „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ мы знаемъ лишь въ спискахъ не ранѣе XIV вѣка, то естественно предположить, что мы не имѣемъ передъ собой этого памятника въ его первоначальномъ видѣ, а лишь съ позднѣйшими наслоеніями. Анализируя эти наслоенія по разнымъ спискамъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, Шахматовъ находитъ возможнымъ установить двѣ редакціи этого памятника, появившіяся на разстояніи короткаго промежутка времени; указаніе на первую изъ этихъ редакцій, доведенную до 1110 года, имѣется въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Московско-Академическомъ; указаніе на вторую редакцію можно видѣть въ Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ: она оканчивается въ изложеніи событій 1117 годомъ. Дошедшіе до насъ списки „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ не представляютъ въ чистомъ видѣ ни одну изъ этихъ редакцій, а даютъ только извѣстный матеріалъ для ихъ опредѣленія, представляя собою компилятивную сводку обѣихъ редакцій этого памятника. Первая редакція была составлена, по мнѣнію Шахматова, Выдубицкимъ

1) Ср. его первоначальныя изслѣдованія, получившія потомъ значительное видоизмѣненіе, въ трудѣ: Сказаніе о призваніи варяговъ. СПб. 1904, стр. 11—27.

игуменомъ Сильвестромъ, какъ это можно заключать изъ его извѣстной записи подъ 1116 годомъ. Въ дальнѣйшемъ, обѣ редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ вошли въ основаніе нѣсколькихъ болѣе позднихъ сводовъ, составленныхъ въ разныхъ городахъ: Кіевѣ, Новгородѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Ростовѣ и др., и есть основаніе думать, что въ началѣ XIV вѣка при дворѣ Московскаго митрополита Петра возникла мысль составить мѣстные русскіе лѣтописные своды, чтобы создать изъ нихъ сводъ общерусскій, и отраженіемъ именно этого общерусскаго свода, хотя не полнымъ и не точнымъ, можно признать Лаврентьевскій списокъ, оканчивающійся 1305 годомъ, т. е. годомъ смерти предшественника Петра, митрополита Максима<sup>1)</sup>.

Какъ можно видѣть изъ представленнаго Шахматовымъ обзора основныхъ моментовъ въ исторіи нашего древняго лѣтописанія съ первыхъ его начатковъ въ половинѣ XI вѣка и до появленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ рукописяхъ XIV—XV вв., автору этого построенія приходилось наряду съ фактами нерѣдко довольствоваться „указаніями“ и „отраженіями“ ихъ въ длинной вереницѣ изслѣдованныхъ имъ лѣтописныхъ текстовъ. Конечно, для общаго историка Россіи такіе дефекты гораздо менѣе чувствительны, чѣмъ для историка литературы, котораго какъ разъ интересуютъ самые тексты, нѣкогда закрѣпившіе эти моменты въ развитіи нашей лѣтописи и нынѣ, вѣроятно, навсегда утраченные. Поэтому, принимая въ соображеніе указанные выводы изъ изслѣдованій Шахматова, приходится однако же стоять на почвѣ лишь „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и только на этой фактической основѣ наблюдать составъ нашей старейшей лѣтописи, несомнѣнно претерпѣвшей измѣненія отъ цѣлаго ряда наслоеній и переработокъ позднѣйшаго времени на протяженіи не менѣе трехъ столѣтій.

1) Тамъ же, стр. 28—31. 32.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ Лаврентьевскій списокъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, писанный въ предѣлахъ Суздальской земли въ 1377 году, какъ древнѣйшій представитель первой изъ намѣченныхъ Шахматовымъ редакцій этого памятника. Основываясь на записи этого списка подъ 1110 годомъ („Игумень Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Киевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта“), нѣкоторые изслѣдователи, и въ томъ числѣ Шахматовъ, считаютъ авторомъ - редакторомъ Начальнаго Киевскаго свода этого самаго игумена (Выдубицкаго Михайловскаго монастыря, въ Киевѣ) Сильвестра, между тѣмъ какъ въ другомъ, болѣе позднемъ, списокѣ (т. наз. Хлѣбниковскомъ, XVI вѣка) въ заголовкѣ „Повѣсти“ поставлено имя „Нестора-черноризца“, и это указаніе — въ связи съ нѣкоторыми другими данными<sup>1)</sup> — давно уже было поводомъ къ признанію права на авторство Начальной Лѣтописи за Несторомъ, авторомъ агиографическихъ трудовъ о Θεодосіи и о Борисѣ и Глѣбѣ: отсюда и традиціонное, теперь уже въ значительной степени отжившее, но находящее себѣ въ самое послѣднее время новыхъ сторонниковъ названіе „Несторовой Лѣтописи“ и „Нестора-лѣтописца“. Конечно, въ вопросѣ о составѣ Начальной Лѣтописи едва ли имѣетъ большое значеніе то, кто именно долженъ быть признанъ однимъ изъ ея редакторовъ-составителей.

Что касается состава „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, то она представляетъ собою рассказъ о событіяхъ сначала библейскихъ — очень кратко, потомъ о расселеніи славянъ вообще и въ частности славянъ русскихъ, объ образованіи

1) А. Архангельскій. Первые труды по изученіи Начальной русской лѣтописи. Казань 1886, стр. 49—62; А. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Вып. I, стр. 179—185.

у нихъ государства и о событіяхъ въ его жизни до 1110 года включительно. Событія вложены въ опредѣленную хронологическую сѣть. Основной особенностью этой лѣтописи является ея общерусскій характеръ, но когда наложенъ былъ этотъ характеръ на „Повѣсть“ — въ началѣ ли XIV вѣка, при митрополитѣ Петрѣ, или же онъ отличалъ нашу лѣтопись уже въ болѣе отдаленную фазу ея существованія, на это трудно теперь дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ по выше указаннымъ причинамъ относительно состоянія нашихъ источниковъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ пользоваться названіями „древнѣйшей“ или „начальной“ лѣтописи (свода), имѣя въ виду этотъ памятникъ, какъ несомнѣнно существовавшій въ ту эпоху русской литературы XI—XII вв., о которой теперь идетъ рѣчь, но въ смыслѣ текста подъ этими именами вездѣ, конечно, должна быть подразумѣваема „Повѣсть временныхъ лѣтъ“: къ этой неточности вынуждаетъ самое положеніе вопроса объ историческомъ развитіи нашего лѣтописанія.

При такомъ положеніи дѣла, когда мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь вѣрными шагами подойти къ самому источнику, къ дѣйствительному началу лѣтописанія въ древней Руси, мало имѣютъ значенія и гаданія о томъ, какими именно техническими особенностями обставлено было возникновеніе русской Лѣтописи: было ли тутъ подражаніе греческимъ (т. е. византійскимъ) образцамъ или средневѣковымъ западно-европейскимъ (напр., англо-саксонскимъ), служили ли въ этомъ дѣлѣ „пасхальныя таблицы“, описанныя и разработанныя въ свое время М. И. Сухолиннымъ (О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. 1856) — это въ сущности для изученія вопроса о русской Лѣтописи въ историко-литературномъ отношеніи почти безразлично. Интереснѣе было бы разрѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ собственно велась первоначальная

работа надъ лѣтописями на Руси, въ городахъ или въ монастыряхъ, въ свѣтской средѣ или въ духовной, но и тутъ мы имѣемъ только одни предположенія и разногласія въ мнѣнiяхъ такихъ знатоковъ дѣла, какъ С. М. Соловьевъ и И. Е. Забѣлинъ<sup>1)</sup>. Гораздо болѣе положительныхъ результатовъ можетъ обѣщать разсмотрѣнiе вопроса о составѣ нашего Начальнаго свода въ томъ видѣ, въ какомъ мы его фактически имѣемъ, т. е. опредѣленiе тѣхъ источниковъ, которыми пользовался нашъ лѣтописецъ. По этому вопросу наибольшее значенiе изъ старыхъ трудовъ имѣетъ упомянутое изслѣдованiе Сухомлинова, а изъ новыхъ — изысканiя акад. А. А. Шахматова.

**Составъ Начальной Лѣтописи.** Вопросъ о составѣ Начальной Лѣтописи сводится къ опредѣленiю слѣдующихъ ея элементовъ. Во-первыхъ, погодныя записи съ разнаго рода свѣдѣнiями изъ русской исторiи. Во-вторыхъ, заимствованiя изъ письменныхъ источниковъ, въ видѣ внесенiя въ текстъ лѣтописи небольшихъ замѣтокъ или цѣлыхъ рассказовъ, поученiй и разсужденiй. Эти письменные источники были съ одной стороны иноземными, а съ другой — своими, туземными. Въ-третьихъ, народныя преданiя, взятая изъ устнаго источника. Въ-четвертыхъ, собственно исходящiй отъ составителя Свода литературный элементъ въ видѣ связи между отдѣльными частями повѣствованiя, иногда разсужденiй и соображенiй, хронологiи и пр.

1. Что касается погодныхъ записей со свѣдѣнiями о событiяхъ русской жизни, то этотъ основной элементъ Лѣтописи есть результатъ постепеннаго наслоенiя лѣтописныхъ сообщенiй ранѣе составленiя Начальнаго Свода, опредѣлить которыя съ желаемой точностью, какъ уже сказано, въ настоящее время не представляется пока возможнымъ; тутъ остается мѣсто лишь для однихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположенiй.

1) А. Пыпинъ. Исторiя русской литературы. Т. I, 275—282.

2. Въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится опредѣленіе второго отмѣченнаго элемента — заимствованій изъ письменныхъ источниковъ.

Сухомлиновъ, въ III гл. своего изслѣдованія (стр. 51—116) далъ слѣдующій перечень и объясненіе заимствованій изъ письменныхъ источниковъ: иноземные — книги св. Писанія; Палея; Исповѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила-Синкелла; Паннонскія Житія св. Кирилла и Меѳодія; Договоры русскихъ князей съ греками; Хроника Георгія Амартола; Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, и туземные — Житіе св. Владиміра; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ; Поученія Θεодосія; Разказъ Василія.

Въ настоящее время въ этотъ перечень можно внести кое-какія исправленія на основаніи изысканій по этому вопросу въ трудахъ послѣдующихъ ученыхъ.

Что касается книгъ св. Писанія, то цитаты изъ нихъ у составителя Начальной Лѣтописи едва ли могутъ быть отнесены къ числу собственно заимствованій изъ письменнаго иноземнаго источника; съ одной стороны, онѣ входятъ въ составъ болѣе обширныхъ заимствованій изъ другихъ источниковъ, и, т. о., ихъ выборки принадлежатъ уже авторамъ этихъ послѣднихъ, а не нашему лѣтописцу; съ другой же стороны, нашъ лѣтописецъ пользуется краткими изрѣченіями изъ св. Писанія по памяти, и потому такія мѣста, служа для характеристики литературныхъ приемовъ и міровоззрѣнія лѣтописца, скорѣе должны быть отнесены къ четвертому изъ перечисленныхъ выше элементовъ. Шахматовъ указываетъ нѣсколько заимствованій текстовъ Св. Писанія черезъ посредство Паремійника<sup>1)</sup>.

Далѣе идетъ Палея. Въ то время, когда Сухомлиновъ писалъ свое изслѣдованіе о Лѣтописи, вопросъ о Палеѣ еще совсѣмъ не былъ разработанъ. Первая научная по-

1) Разысканія, стр. 164—167.

становка вопроса объ этомъ важномъ памятникѣ принадлежить Н. С. Тихонравову, работавшему надъ нимъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, но результаты его изслѣдованій свое- временно не были въ полномъ видѣ опубликованы: они находили себѣ мѣсто лишь въ лекціяхъ покойнаго профессора, въ его устныхъ рефератахъ и косвенно въ печатныхъ работахъ по другимъ вопросамъ; цѣликомъ выводы Тихонравова были опубликованы лишь послѣ его смерти<sup>1)</sup>. Затѣмъ, эти работы нашли себѣ продолжателей въ лицѣ В. Успенскаго, И. Н. Жданова, Истрина, Шахматова и др. Въ конечномъ результатѣ этихъ изслѣдованій получается по вопросу объ отношеніи Палеи къ Начальной Лѣтописи два совершенно противоположныхъ мнѣнія, изъ которыхъ представителемъ одного является А. А. Шахматовъ, другого — В. М. Истринъ. Шахматовъ въ общемъ поддерживаетъ традицію, идущую отъ Сухомлинова, т. е. признаетъ возможнымъ заимствованіе Начальной Лѣтописи изъ Палеи (т. наз. Толковой Палеи, въ отличіе отъ Исторической), но степень этого заимствованія, а равно и исторію возникновенія этой Толковой Палеи, которую онъ считаетъ памятникомъ древне-болгарской литературы, Шахматовъ представляетъ совершенно иначе<sup>2)</sup>, чѣмъ Сухомлиновъ. Истринъ, напротивъ, держится<sup>3)</sup> того мнѣнія, что Толковая Палея есть памятникъ русскаго происхожденія, возникшій въ XIII в. на сѣверо-востокѣ Россіи, изъ чего, конечно, сама собою вытекаетъ невозможность заимствованія изъ нея Древнѣйшей Лѣтописью какихъ-либо свѣдѣній и необходимость предполагать другой источникъ. П. А. Заболотскій, пользуясь отчасти новыми изслѣдованіями въ этой области

1) Сочиненія Н. С. Тихонравова. Т. I. 1898, стр. 156—170, примѣч. стр. 13—14. 110—122.

2) Толковая Палея и русская Лѣтопись. СПб. 1904.

3) Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. Вып. I—II. СПб. 1897—98. Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. СПб. 1906.

и условно становясь на точку зрѣнія Сухомлиновской традиціи по данному вопросу, сводить возможность предположенія о заимствованіи изъ Толковой Палеи въ Лѣтопись къ слѣдующему перечню отдѣльныхъ мѣстъ послѣдней: 1) Сказаніе о столпотвореніи, 2) О вѣрѣ Бохмитской, 3) О твореніи міра и паденіи Сатанаила, 4) Объ убіеніи Авеля и погребеніи его, 5) Объ Авраамѣ и Аронѣ, 6) О Моисеѣ, 7) О вселенскихъ соборахъ и 9) О Петрѣ Гугнивомъ<sup>1)</sup>. Сдѣлавъ сопоставленіе этихъ мѣстъ съ соотвѣтствующими мѣстами въ Толковой Палей (изданной по Коломенскому списку 1406 года учениками Тихонравова: М. 1892), авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ: „ни одно изъ разсмотрѣнныхъ лѣтописныхъ сказаній не заставляеть съ логической необходимостью выводить его непременно изъ Палеи; цѣлый рядъ лѣтописныхъ сказаній, признаваемыхъ обыкновенно за заимствованія изъ Палеи, отнюдь не допускаеть такого заключенія при болѣе основательномъ сличеніи параллельныхъ свидѣтельствъ Лѣтописи и Палеи; значительная часть разсмотрѣнныхъ лѣтописныхъ сказаній заставляеть заключать объ общемъ или общихъ для Лѣтописи и Палеи, но неизвѣстныхъ еще источникахъ“, при чемъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно опредѣленіе характера этихъ неизвѣстныхъ источниковъ“ въ видѣ легендарно-апокрифическихъ или полемическихъ произведеній<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, при новыхъ изслѣдованіяхъ какъ надъ Толковой Палей, такъ и надъ Начальной Лѣтописью оказывается, что и эта часть Сухомлиновской традиціи утрачиваетъ подъ собою твердую почву — даже въ той въ высшей степени осторожной формулировкѣ, въ какой она была первоначально выражена; окончательнаго разрѣшенія этого вопроса, поскольку оно окажется вообще возможнымъ, при-

1) Къ вопросу объ иноземныхъ письменныхъ источникахъ Начальной Лѣтописи. Варшава, 1901, стр. 8.

2) Стр. 18.

ходится ожидать отъ дальнѣйшихъ разысканій въ этой области.

По вопросу о Символѣ вѣры, преподанномъ в. кн. Владимиру при крещеніи (въ Лѣтописи подъ 988 годомъ), Сухомлиновъ выразился совершенно опредѣленно въ смыслѣ сокращеннаго заимствованія его изъ „Исповѣданія вѣры“ Михаила-Синкелла (этотъ Михаилъ былъ „синкелломъ“, т. е. состоялъ въ одной изъ церковныхъ должностей при Іерусалимскомъ патріархѣ Ѳомѣ), при чемъ въ качествѣ посредника этого заимствованія указалъ на славянскій текстъ Исповѣданія въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года. Это положеніе въ общемъ остается приемлемымъ и въ настоящее время — съ той поправкой, что, въ виду имѣющихся разногласій между лѣтописнымъ текстомъ Символа вѣры и Исповѣданіемъ Михаила-Синкелла въ Святославовомъ Сборникѣ, приходится предполагать пользованіе со стороны лѣтописца другимъ какимъ-либо текстомъ, намъ пока неизвѣстнымъ<sup>1)</sup>.

Въ достаточной степени устойчивымъ оказывается и указаніе Сухомлинова на Хронику Георгія Амартола (IX в.), какъ на источникъ свѣдѣній лѣтописца относительно событий изъ всеобщей исторіи (на начальныхъ страницахъ Лѣтописи, затѣмъ подъ 912 годомъ), причемъ самъ лѣтописецъ однажды ссылается: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи“<sup>2)</sup>. Вопросъ о самой хроникѣ Георгія Амартола, этомъ чрезвычайно важномъ историческомъ памятникѣ славянской переводной литературы, представляется въ настоящее время мало выясненнымъ, и, несмотря на цѣнные указанія В. М. Истрина<sup>3)</sup>, мы ничего не знаемъ какъ разъ о той стадіи въ исторіи этого памятника на славянской почвѣ, когда имъ могъ пользоваться нашъ лѣтописецъ.

1) Заболотскій, стр. 25—30.

2) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. 1872, стр. 13.

3) Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, стр. 404—407.

На Мееодія Патарскаго, какъ на литературный источникъ, мы имѣемъ также ссылку со стороны самого лѣтописца подъ 1096 годомъ, гдѣ онъ рассказываетъ о „безбожныхъ сынахъ Измаиловыхъ“ и о томъ, что ихъ потомки, будучи „заклѣплены въ горѣ“ Александромъ Македонскимъ, выйдутъ оттуда „къ кончинѣ вѣка“. Дѣйствительно, въ числѣ произведеній, приписываемыхъ византійскому писателю III—IV в. Мееодію Патарскому, есть одно, называемое въ славянскихъ переводахъ „Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ“, „Указаніе истое о царехъ и о послѣднихъ лѣтѣхъ“ или просто извѣстное подъ именемъ „Откровенія“. Этому памятнику, имѣвшему весьма широкое распространеніе какъ въ греческомъ подлинникѣ и его передѣлкахъ, такъ въ латинскихъ и славянскихъ переводахъ разныхъ редакцій, посвящено специальное изслѣдованіе В. М. Истрина<sup>1)</sup>. По мнѣнію этого автора, переводъ „Откровенія“ перенесенъ былъ на Русь „во всякомъ случаѣ до XII вѣка“<sup>2)</sup>, т. е., надо полагать, въ XI вѣкѣ. Уже Сухомлиновъ отмѣтилъ два „разряда списковъ“ славянскаго перевода „Откровенія“ — одинъ болѣе близкій къ греческому подлиннику и другой болѣе отъ него отдаленный, причѣмъ лѣтописный текстъ онъ поставилъ въ связь именно съ первымъ „разрядомъ списковъ“, между тѣмъ какъ послѣдующія изслѣдованія указываютъ на заимствованіе Начальной Лѣтописью изъ „Откровенія“ скорѣе по второй, нежели по первой редакціи<sup>3)</sup>.

Т. наз. „паннонскія житія“ Кирилла и Мееодія, указанныя Сухомлиновымъ въ качествѣ источника для начального лѣтописца, послужили послѣднему для разсказа, подъ 898 годомъ, объ изобрѣтеніи Кирилломъ и Мееодіемъ славянской

1) Откровеніе Мееодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славяно-русской литературахъ. М. 1897.

2) Стр. 238—239.

3) Заболотскій, стр. 19—21.

азбуки и о совершенномъ ими переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; при этомъ самъ Сухомлиновъ прибавлялъ, что сходство лѣтописнаго повѣствованія съ житіями можетъ быть установлено лишь „въ общихъ чертахъ“, что „даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу“<sup>1)</sup>. Дѣйствительно, въ лѣтописномъ разсказѣ есть такія отличія и прибавки (напр., въ разсказѣ о бесѣдѣ византійскаго императора съ однимъ изъ братьевъ-первоучителей; въ болѣе подробномъ, сравнительно съ житіями, перечнѣ переведенныхъ на славянскій языкъ книгъ), которыя заставили въ свое время Н. И. Костомарова признать, что разсказъ лѣтописца лишь „принадлежитъ къ паннонскому циклу“, заключая въ себѣ „отличительныя подробности“, не вполне объясняемыя одними житіями; эту послѣднюю точку зрѣнія усваиваетъ и новѣйшая критика по данному вопросу<sup>2)</sup>. Въ результатъ — вопросъ остается не совсѣмъ выясненнымъ, однако же въ основной своей части прочно стоящимъ на точкѣ зрѣнія, установленной Сухомлиновымъ и другими изслѣдователями, напр. А. В. Горскимъ.

Наконецъ, незыблемымъ остается и фактъ заимствованія лѣтописцемъ свѣдѣній, помѣщенныхъ подъ 907, 912, 945 и 971 годами о договорахъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ греками, на что еще ранѣе Сухомлинова было указано Н. А. Лавровскимъ (1853); но опредѣлить съ документальной точностью этотъ источникъ въ настоящее время не представляется пока возможнымъ, такъ какъ самые тексты этихъ договоровъ еще не отысканы.

Переходя къ вопросу о туземныхъ письменныхъ источникахъ, которыми пользовался начальный лѣтописецъ, внося

---

1) О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, стр. 72.

2) Заболотскій, стр. 23.

ихъ въ составъ своего свода, мы вступаемъ на почву, представляющую также немало трудностей. Подъ этими туземными письменными источниками слѣдуетъ понимать отдѣльныя литературныя произведенія, возникшія ранѣе работы лѣтописца надъ даннымъ сводомъ и независимо отъ нея: таковы — сказанія или повѣсти<sup>1)</sup>, житія, поученія. Можно ранѣе сказать, что для разсматриваемаго времени количество ихъ не могло быть особенно велико, когда и вообще произведений письменности было немного. Одни изъ этихъ произведений извѣстны въ отдѣльномъ отъ лѣтописи видѣ, относительно другихъ этого сказать пока нельзя, и въ первомъ случаѣ, смотря по состоянію рукописнаго матеріала, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, кто отъ кого заимствовалъ — лѣтописецъ отъ автора житія, сказанія и т. п. или наоборотъ, а во второмъ случаѣ и вообще, въ самомъ своемъ основаніи, вопросъ лишается необходимыхъ документальныхъ данныхъ для своего разрѣшенія; иногда представляется весьма труднымъ выдѣлить изъ состава лѣтописи такое произведеніе, отдѣльное существованіе котораго можно предположить и которое однако же не представлено въ отдѣльномъ видѣ ни однимъ спискомъ.

Въ Сухомлиновскомъ перечнѣ туземныхъ источниковъ

---

1) И. П. Хрущовъ въ своемъ сочиненіи „О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст.“ (Кіевъ, 1878) пытается точно опредѣлить термины „сказанія“ и „повѣсти“: „Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивостью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти . . . Мы усвоимъ произведеніямъ близкимъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ названіе сказаній; названіемъ же повѣстей обозначимъ произведенія, писанныя съ цѣлію воскресить или прославить давно минувшее событіе“ (стр. 10. 11). Мы, со своей стороны, считаемъ совершенно невыполнимымъ провести такую разницу на дѣлѣ, потому что относительно многихъ произведений этого рода весьма трудно было бы опредѣлить не только цѣль ихъ написанія и степень близости автора къ описываемому событію, но и мѣру его вдохновенія, не говоря уже объ условности этихъ признаковъ относительно различія поименованныхъ терминовъ.

значатся четыре, какъ было выше указано: Житіе Владиміра, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Поученія Θεодосія и разсказъ Василія. Первые два — и есть тѣ произведенія, которыя связаны съ предположительнымъ авторствомъ Іакованниха; вопросъ о заимствованіи лѣтописцемъ изъ этихъ произведеній рѣшается въ настоящее время отрицательно и даже въ томъ смыслѣ, что, наоборотъ, самыя произведенія эти основаны на данныхъ лѣтописи и, б. м., другихъ источниковъ<sup>1)</sup>; о далеко не полномъ совпаденіи лѣтописнаго текста съ текстомъ названныхъ произведеній уже отмѣчено было и Сухомлиновымъ<sup>2)</sup>. Что касается поученій Θεодосія, то въ Лѣтописи помѣщены (подъ 1068 и 1074 годами) отрывки изъ тѣхъ именно поученій игумена Θεодосія („о казняхъ божіихъ“ и др.), принадлежность которыхъ этому автору ставится новѣйшей критикой подъ сомнѣніемъ.

Разсказъ нѣкоего Василія (о которомъ имѣется догадка Шахматова, что онъ былъ монахъ Выдубицкаго монастыря, редактировавшій Начальный Кіевскій Сводъ<sup>3)</sup>, объ ослѣпленіи Теробовльскаго князя Василька Ростиславича, помѣщенный въ Лѣтописи подъ 1097 годомъ (по Ипатскому списку, изд. 1871 года, стр. 167—174), относится уже къ числу тѣхъ отдѣльныхъ и внесенныхъ въ лѣтопись сказаній свѣтскаго характера, число которыхъ въ настоящее время, послѣ Сухомлиновскаго перечня, можно значительно пополнить. Таковы: рядъ сказаній (подъ 1068, 1093 и 1096 годами) о нападеніи половцевъ на русскую землю, причемъ именно къ первому изъ нихъ и присоединено то приписываемое Θεодосію поученіе „о казняхъ божіихъ“, о которомъ было упомянуто выше; рядъ разсказовъ, подъ 1071 годомъ, о появленіи волхвовъ въ Кіевѣ, въ Ростовской землѣ и въ Чудской области; разсказъ новгородца Гюряты Роговича

1) А. А. Шахматовъ. Разысканія, стр. 13—41.

2) Стр. 75—78.

3) Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. СПб. 1906, стр. 104.

о Югрѣ (подъ 1096 годомъ) и др. Отношеніе этихъ сказаній къ Лѣтописи не всегда можетъ быть съ точностію опредѣлено: съ одной стороны, можетъ возникать сомнѣніе о томъ, не заимствовалъ ли составитель отдѣльнаго сказанія свой сюжетъ у болѣе ранняго составителя Лѣтописи, и, т. о., позднѣйшій лѣтописецъ могъ внести въ свой сводъ такую новую редакцію разсказа, которой первоначальный видъ трудно и даже невозможно услѣдить по недостатку документальныхъ данныхъ, какъ это, быть можетъ, и имѣетъ мѣсто относительно разсказа Василя<sup>1)</sup>; съ другой стороны, нѣкоторые разсказы могли быть взяты лѣтописцемъ не изъ письменнаго источника, а изъ народныхъ устъ, какъ то, напр., можно думать относительно разсказовъ о волхвахъ.

На основаніи изслѣдованій Шахматова, въ число письменныхъ источниковъ Древнѣйшей Лѣтописи должны быть внесены и разсказы о крещеніи и кончинѣ Ольги<sup>2)</sup>, о походахъ Святослава<sup>3)</sup>, извѣстный разсказъ о крещеніи Владиміра (подъ 986—988 годами), который прежніе изслѣдователи, напр. Костомаровъ, склонны были выводить изъ области устнаго народнаго преданія. Шахматовъ выдѣляетъ изъ этого обширнаго повѣствованія лѣтописца двѣ части или два отдѣльныхъ разсказа: одинъ — о проповѣди греческаго миссіонера и объ испытаніи Владиміромъ разныхъ вѣръ, а другой — объ окончательной его рѣшимости креститься и о крещеніи въ Корсуни. Источникомъ перваго разсказа Шахматовъ считаетъ предполагаемое болгарское сказаніе о крещеніи болгарскаго царя Бориса-Михаила<sup>4)</sup>; другой же разсказъ выводитъ изъ т. наз. житія Владиміра особаго состава, при чемъ оба эти источника должны были, въ рядѣ наслоеній лѣтописнаго текста,

1) Сухомлиновъ, назв. соч., стр. 84.

2) Разысканія, стр. 116—117.

3) Тамъ же, стр. 120—124, при чемъ авторъ склоненъ видѣть тутъ литературные слѣды греческаго или болгарскаго происхожденія.

4) Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра, въ „Сборникъ въ честь М. С. Дринова“ (Харьковъ, 1904), стр. 63—74.

подвергнуться значительной переработкѣ. Если даже предполагаемые Шахматовымъ источники лѣтописнаго разсказа и не имѣютъ всей силы достовѣрности<sup>1)</sup>, однако, на основаніи представленнаго имъ анализа этого разсказа, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что источникъ его былъ именно письменный, а не устный.

О внесеніи въ Лѣтопись подъ 1096 годомъ „Поученія“ Владиміра Мономаха къ своимъ дѣтямъ и его посланія къ князю Олегу Святославичу (Лаврентьевскій списокъ, изд. 1872 года, стр. 232—246) было уже говорено въ своемъ мѣстѣ (стр. 43).

Наконецъ, къ числу письменныхъ источниковъ Древнѣйшей Лѣтописи могутъ быть отнесены и мѣстныя лѣтописи, возникавшія въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ, имѣвшія небольшой объемъ и касавшіяся какой-либо спеціальной группы интересовъ. Такова была, напр., Печерская Лѣтопись, появившаяся въ нѣдрахъ Печерскаго монастыря и передававшая о событіяхъ начальной исторіи этой обители. Весьма вѣроятными остатками или частями этой лѣтописи, внесенными въ Древнѣйшую Лѣтопись, слѣдуетъ признать свѣдѣнія о началѣ Печерскаго монастыря (подъ 1051 годомъ) и о перенесеніи мощей Θεодосія, съ приложеніемъ „похвалы“ лѣтописца этому святому (подъ 1091 годомъ). Отдѣльно отъ Начальнаго Свода эта лѣтопись до насъ не дошла, какъ не дошло, напр., и несомнѣнно существовавшее древнее житіе Антонія, основателя Кіево-Печерскаго монастыря, и потому мы не имѣемъ возможности точно судить о ея составѣ. Весьма правдоподобныя догадки по этому вопросу дѣлаеть А. А. Шахматовъ<sup>2)</sup>, для котораго нѣтъ никакого сомнѣнія

1) Въ окончательномъ видѣ, съ нѣкоторыми частичными уклоненіями отъ ранѣе высказанныхъ предположеній, мнѣніе это изложено авторомъ въ „Разысканіяхъ“, стр. 133—161.

2) Житіе Антонія и Печерская Лѣтопись. Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3, стр. 115—117.

въ томъ, что упомянутые остатки Печерской лѣтописи, помѣщенные въ Начальномъ Сводѣ подъ 1051 и 1091 годами, принадлежать перу Нестора, автора „Житія“ Θεодосія Печерскаго и „Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ“<sup>1)</sup>, и весьма вѣроятнымъ представляется старое мнѣнiе Костомарова о томъ, что и вообще авторомъ Печерской лѣтописи былъ никто иной, какъ Несторъ. Быть можетъ, именно этимъ отношенiемъ Нестора къ Печерской лѣтописи опредѣляется и вообще традиционное обозначенiе Повѣсти временныхъ лѣтъ „Несторовой лѣтописью“, тогда какъ дѣйствительнымъ составителемъ этого Свода скорѣе всего могъ быть игумень Сильвестръ<sup>2)</sup>. Разсматривая этотъ вопросъ изъ исторiи нашей Начальной Лѣтописи, Шахматовъ приходитъ къ такимъ заключенiямъ: „Въ послѣдней четверти XI столѣтiя было составлено обширное Житiе Антонiя, гдѣ рассказывалось о первыхъ подвижникахъ печерскихъ, объ устроении Антонiемъ Печерскаго монастыря и объ основанiи церкви Святой Богородицы. Въ концѣ XI ст. Несторъ, авторъ Житiя Θεодосія, составилъ двѣ статьи, относящiяся до исторiи Печерскаго монастыря: „Сказанiе чтб ради прозвася Печерскiй монастырь“ и рассказъ о перенесенiи мощей Θεодосія, къ которому онъ присоединилъ краткую похвалу святому подвижнику. Въ началѣ XII ст. неизвѣстный намъ по имени монахъ собралъ письменныя свидѣтельства и устныя преданiя, относящiяся до Печерскаго монастыря и, помѣстивъ ихъ въ задуманную имъ монастырскую лѣтопись, продолжилъ ее цѣлымъ рядомъ погодныхъ записей; послѣдняя запись была сдѣлана въ 1110 году; между прочимъ, въ Печерскую Лѣтопись вошли названныя сочиненiя Нестора и многiя заимствованiя изъ Житiя Антонiя; нерѣдкое упоминанiе имени

1) Кiево-Печерскiй Патерикъ и Печерская Лѣтопись. Изв. II Отд. Акад. Наукъ. Т. II (1897), кн. 3, стр. 824—826.

2) Ср. у Шахматова: Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3, стр. 145.

Нестора, какъ автора, на страницахъ Печерской Лѣтописи легло въ основаніе преданія о томъ, что вся Лѣтопись написана Несторомъ . . . Игумень Михайловскаго монастыря Сильвестръ пользовался этою Лѣтописью въ числѣ другихъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ продолжилъ и дополнилъ лѣтописный сводъ, составленный еще до него въ послѣдней четверти XI столѣтія<sup>1)</sup>.

3. Переходя теперь къ вопросу о народныхъ преданіяхъ Древнѣйшей Лѣтописи, включенныхъ въ нее изъ устнаго источника, мы вступаемъ въ область, еще мало разработанную ученой критикой. Кромѣ того, самъ по себѣ вопросъ этотъ представляетъ большія трудности. Въ самомъ дѣлѣ, какой критерій имѣемъ мы для того, чтобы съ большей или меньшей увѣренностью выдѣлить изъ лѣтописнаго текста подлинный элементъ т. наз. „народнаго преданія“? Когда рѣчь идетъ о выдѣленіи изъ состава лѣтописи письменныхъ источниковъ — иноземнаго или русскаго происхожденія, — то вопросъ для изслѣдователей сводится къ тому, чтобы или отыскать документальное доказательство независимаго отъ лѣтописи существованія того или другого памятника, внесеннаго въ лѣтопись, или — если это оказывается невозможнымъ по наличности имѣющихся данныхъ — привести теоретическіе доводы въ пользу того, что извѣстныя мѣста лѣтописнаго повѣствованія не могли быть продуктомъ самостоятельнаго авторскаго творчества лѣтописца; при этомъ еще нерѣдко могло возникать сомнѣніе въ томъ, не составляетъ ли предполагаемое заимствованное мѣсто результатъ знакомства лѣтописца съ какой-либо народной легендой, заимствованной имъ путемъ устной передачи. Это послѣднее затрудненіе цѣликомъ переходитъ и въ поставленный теперь общій вопросъ о заимствованіяхъ въ лѣтописи изъ народнаго преданія. Затѣмъ: что собственно нужно

1) Тамъ же, стр. 148.

разумѣть подъ народнымъ преданіемъ, какъ особымъ литературнымъ элементомъ, въ отличіе отъ источника письменнаго? Фантастичность содержанія? Но этой особенностью, съ одной стороны, могло отличаться и всякое произведеніе, дошедшее до насъ въ письменномъ видѣ, а съ другой — и подлинное народное преданіе могло включать въ себя реальныя и историческія черты. Поэтичность формы и языкъ, близкій къ живому, народному употребленію? Однако и тутъ остается мѣсто для самыхъ произвольныхъ предположеній и заключеній. Отрицательный признакъ, т. е. отсутствіе письменной записи, также не можетъ имѣть большого значенія: если мы не имѣемъ записи, т. е. отдѣльнаго текста извѣстнаго произведенія, это еще не значитъ, что ея вообще не было. Наконецъ, развѣ подлинное народное преданіе, будучи облечено къмъ-либо въ литературную форму и затѣмъ внесенное въ лѣтопись (конечно, эти случаи могли быть въ старину очень рѣдки), перестаетъ отъ этого оставаться тѣмъ же народнымъ преданіемъ, т. е. непосредственнымъ продуктомъ народной фантазіи, и переходитъ уже въ область письменныхъ источниковъ, наряду съ житіями, поученіями, посланіями и т. п.? Могутъ сказать: народное преданіе въ лѣтописи — это то, что недостоверно, выдуманно, не составляетъ историческаго факта. Но, какъ извѣстно, въ лѣтописи очень многое не можетъ быть подтверждено другими самостоятельными источниками или отвергнуто такими теоретическими соображеніями, которыя бы не оставляли послѣ себя никакого сомнѣнія.

Итакъ, мы должны признать, что въ этомъ вопросѣ мы стоимъ на весьма шаткой почвѣ и нерѣдко вынуждены довольствоваться одними предположеніями и догадками.

Сухомлиновъ, въ своемъ упомянутомъ уже не разъ трудѣ о Лѣтописи (1856), совсѣмъ обошелъ вопросъ о народныхъ преданіяхъ. Когда ему сдѣланы были съ разныхъ сторонъ упреки по поводу этого упущенія (напр., Бу сла е-

вымъ въ ст. „О народности въ древне-русской литературѣ и въ искусствѣ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 № 15), то онъ отвѣтилъ на это дополнительной къ своему изслѣдованію статьей „О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи“, напечатанной въ „Основѣ“ 1861 № 6. Но болѣе цѣльное обозрѣніе этого матеріала дано было Н. И. Костомаровымъ въ его работѣ „Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ“, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1873 №№ 1—3 (перепечатано потомъ въ XIII томѣ его „Монографій“). Тутъ авторъ указываетъ, въ длинномъ перечнѣ, огромную массу народно-легендарнаго матеріала, внесеннаго лѣтописцемъ въ свой трудъ, по мнѣнію историка, изъ устнаго источника. Въ настоящее время ученая критика внесла уже кое-какія исправленія въ этотъ переченьъ, указавши относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ преданій (напр. о призваніи варяговъ, объ Олегѣ, о крещеніи Владиміра и пр.) наличность или вѣроятность существованія письменныхъ источниковъ, которыми могъ пользоваться лѣтописецъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ преданій.

На первыхъ страницахъ Лѣтописи, еще до введенія событій въ хронологическія рамки (по Лаврентьевскому списку, изд. 1872, стр. 7—8), помѣщенъ рассказъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ. Ап. Андрей, проповѣдывавшій евангеліе по берегамъ Чернаго моря, пришелъ однажды изъ Синопа въ Корсунъ и здѣсь узналъ, что недалеко находится устье Днѣпра. Эту дорогу по Днѣпру избралъ онъ для своего путешествія въ Римъ. Поднявшись по Днѣпру нѣсколько вверхъ, апостолъ однажды остановился для ночлега у берега подъ горами; это были тѣ самыя горы, на которыхъ потомъ былъ построенъ Кіевъ. Утромъ апостолъ показалъ ученикамъ на эти горы и высказалъ пророчество, что на нихъ нѣкогда будетъ построенъ великій городъ и многія

церкви; затѣмъ онъ благословилъ эти горы и поставилъ на нихъ крестъ. Идя далѣе, ап. Андрей пришелъ въ Новгородъ, гдѣ увидаль странный обычай жителей — мыться и париться въ баняхъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ варягамъ и наконецъ прибылъ въ Римъ, гдѣ, между прочимъ, рассказывалъ о видѣнномъ имъ въ Новгородѣ, въ землѣ славянской, и римляне, слушая этотъ рассказъ, дивились, а апостолъ, побывъ въ Римѣ, снова вернулся въ Синопъ. — Народнымъ преданіемъ въ этомъ рассказѣ отзываются не только крайне случайныя географическія представленія, въ силу которыхъ ап. Андрею приходится идти отъ Чернаго моря въ Римъ черезъ Новгородъ, но въ особенности тотъ шуточный и даже сатирический характеръ повѣствованія, въ духѣ котораго ап. Андрей рассказываетъ въ Римѣ о новгородскихъ баняхъ. Эти легендарныя подробности отражаютъ собою соперническія отношенія между областями, которыя, подобно нашему времени, существовали и въ древности и заставляли жителей одной области подсмѣиваться надъ обычаями другой. Конечно, редакція этого рассказа, помѣщенная въ Лѣтописи, имѣетъ южно-русское, кievское происхождение; сѣверно-русскій Новгородъ подвергнутъ въ ней осмѣянію; но въ позднѣйшее время, выходящее уже за предѣлы работъ надъ Начальной Лѣтописью, возникла и новгородская редакція этого сказанія, въ которой умалчивается о баняхъ, вызвавшихъ насмѣшливое удивленіе римскихъ собесѣдниковъ ап. Андрея, и сообщается о томъ, что этотъ апостолъ проповѣдывалъ въ Новгородской области слово Божіе и оставилъ тамъ на благословеніе свой жезлъ. Въ той и другой редакціи, конечно, совершенно ясна тенденція возвеличить то Кіевъ, то Новгородъ внесеніемъ въ ихъ древнѣйшую исторію имени апостола Андрея. Голубинскій полагаетъ, что нѣкоторымъ поводомъ къ возникновенію легенды могли служить греческія сказанія объ апостолѣ Андрѣѣ, что ему досталось въ удѣлъ проповѣдывать христіанство въ Скиѣи,

территорія которой совпадала съ мѣстомъ значительной части славянскихъ поселеній въ древности<sup>1)</sup>. Интересно отмѣтить, что разсказъ этотъ удерживалъ свой авторитетъ достовѣрности въ глазахъ гораздо болѣе позднихъ поколѣній: именно царь Иванъ Грозный, въ своей бесѣдѣ съ извѣстнымъ Антоніемъ Поссевиномъ въ XVI в., а затѣмъ Арсеній Сухаповъ въ бесѣдахъ съ греками въ XVII в. указывали на преданіе объ Андреѣ, какъ на доказательство, что русскіе приняли христіанство не отъ грековъ, а изъ гораздо болѣе отдаленнаго и авторитетнаго источника. Что касается самаго разсказа, внесеннаго въ Начальную Лѣтопись, то Голубинскій, считая болѣе вѣроятнымъ этотъ разсказъ за „произведеніе общепароднаго творчества“, не отвергаетъ также возможности и книжнаго его происхожденія<sup>2)</sup>.

Послѣ разсказа объ апостолѣ Андреѣ, въ Лѣтописи помѣщенъ (по Лавр. сп., стр. 8—9) разсказъ о трехъ братьяхъ Кій, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди. Каждый братъ жилъ на особой горѣ; всѣ они вмѣстѣ основали городъ, которому, въ честь старшаго брата, дали имя Кіевъ. Далѣе, лѣтописецъ входитъ въ критику одной подробности слышаннаго имъ преданія: „ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ“; на это лѣтописецъ возражаетъ: „аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду, но се Кій княжаше въ родѣ своемъ“, и затѣмъ, въ подтвержденіе царскаго сана Кія, лѣтописецъ передаетъ, что Кій былъ у византійскаго императора, принялъ отъ него „велику честь“ и на возвратномъ пути хотѣлъ основать городокъ при Дунаѣ, чтобы тутъ „сѣсти съ родомъ своимъ“, но это не дали ему исполнить „близъ живущи“; тогда онъ вернулся въ свой родной Кіевъ, гдѣ и скончался; тамъ же скончались его сестра и братья. — Это сказаніе о трехъ

1) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., стр. 21—22.

2) Тамъ же, стр. 19.

братьяхъ-родоначальникахъ носить на себѣ типическія черты народной легенды. Относительно такихъ родоначальниковъ имѣются свѣдѣнія и у другихъ славянскихъ народовъ: сербовъ, чеховъ, поляковъ; они возникаютъ и въ болѣе позднее время, напр. городъ Харьковъ будто бы получилъ свое названіе отъ нѣкоего казака Харько, перваго его основателя. Насколько въ преданіи о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ есть элементъ историческій, сказать трудно; Костомаровъ допускалъ, что Кій былъ лицо дѣйствительно существовавшее, а его братья и сестра являются лишь плодомъ народной фантазіи<sup>1)</sup>. Въ народномъ эпосѣ отъ всѣхъ этихъ лицъ осталось лишь имя сестры Лыбеди въ поэтическомъ образѣ „бѣлой Лебеди“<sup>2)</sup>.

Подъ 862 годомъ помѣщенъ рассказъ о призваніи варяговъ, составляющій отправную точку нашей гражданской исторіи. Подобно повѣсти объ апостолѣ Андреѣ, составляющей т. ск. начало нашей церковной исторіи, рассказъ этотъ носить на себѣ несомнѣныя черты легенды — если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ. Это сказаніе подѣломъ перомъ лѣтописцевъ-редакторовъ потерпѣло рядъ измѣненій, и Шахматовъ, которому принадлежитъ специальное изслѣдованіе этого вопроса, устанавливаетъ три версіи сказанія. Первая имѣла мѣсто въ Начальномъ Сводѣ; она возникла въ Новгородѣ и рассказываетъ о томъ, какъ новгородскіе Словѣне, Кривичи и Меря, платившіе варягамъ дань, сбросили это иго общими силами, но когда стали жить самостоятельно, то перессорились между собою и рѣшили снова обратиться къ варягамъ, чтобы просить ихъ придти и править ими; тогда къ нимъ явились три варяжскихъ брата-князя, съ родственниками и дружиной, и разсѣлись Рюрикъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ;

1) Монографіи, XIII, стр. 40.

2) М. Халанскій. Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. Ж. М. Н. Пр. 1902 № 8, стр. 295.

по смерти двухъ послѣднихъ, Рюрикъ сдѣлался единымъ правителемъ. Вторая версія сказанія, помѣщенная въ первой редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, отличается отъ первой главнымъ образомъ тѣмъ, что тутъ варяги отождествлены съ Русью; въ этомъ, по мнѣнію Шахматова, сказалось, южное происхожденіе второй версіи: „составитель южной версіи руководствовался при этомъ, конечно, мѣстнымъ народнымъ преданіемъ, которое помнило не только объ иноземномъ варяжскомъ происхожденіи княжескаго дома и княжескихъ дружинниковъ, но также объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи самаго имени Русь“. Третья версія занесена во вторую редакцію „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и имѣетъ ту особенность, что по ней князья-братья прежде всего строятъ вмѣстѣ Ладогу, въ которой поселяется старшій братъ Рюрикъ; по смерти своихъ братьевъ онъ отправляется къ озеру Ильмену и здѣсь, надъ Волховомъ, основываетъ Новгородъ. Такъ какъ вторая редакція „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ составлена также на югѣ, то новую версію въ ней сказанія о призваніи князей Шахматовъ объясняетъ тѣмъ, что составитель этой редакціи „въ 1114 году посѣтилъ Новгородскій сѣверъ и былъ даже въ Ладогѣ, гдѣ слышалъ изъ устъ посадника Павла и другихъ ладожанъ рядъ интересныхъ разказовъ; среди нихъ могли быть и историческія преданія объ основаніи Ладоги и народныя сказанія, противоположавшія древность забытой Ладоги славѣ Великаго Новгорода“<sup>1)</sup>. Шахматовъ признаетъ во всѣхъ этихъ версіяхъ также участіе и домысла „позднѣйшихъ книжниковъ“, имѣвшихъ на то свои опредѣленныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ дальнѣйшихъ версіяхъ сказанія, послѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, продолжало жить и развиваться вокругъ того же сюжета также и народное преданіе<sup>2)</sup>, несомнѣнно составляющее главную основу всего сказанія.

1) Сказаніе о призваніи варяговъ, стр. 50—52.

2) Тамъ же, стр. 53.

На дальнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ, внесенныхъ въ Лѣтопись, мы останавливаться не станемъ, ограничиваясь простымъ перечнемъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Подъ 882—885, 907 и 912 годами помѣщена группа преданій объ „Олегѣ-вѣщемъ“: подчиненіе Олегу славяно-русскихъ племенъ (кривичей, древлянъ, сѣверянъ, радимичей), походъ на Византію и смерть Олега. Подъ 941 и 944 годами — о двухъ походахъ Игоря противъ грековъ. Подъ 945 и 946 годами — о смерти Игоря и о мести за эту смерть со стороны Ольги. Подъ 955 годомъ — о путешествіи Ольги въ Царьградъ. Подъ 968, 971 и 972 годами имѣется группа рассказовъ о Святославѣ: несчастіе съ Кіевомъ въ его отсутствіе, походъ Святослава на грековъ и смерть Святослава. Подъ 985, 992 и 997 годами — о вел. кн. Владимірѣ: походъ на болгаръ, война съ печенѣгами и осада печенѣгами Бѣлгорода въ отсутствіе князя Владиміра. Конечно, нельзя утверждать съ полной увѣренностью, чтобы подъ нѣкоторыми изъ этихъ рассказовъ или отдѣльными частями ихъ не могли лежать какіе-либо письменные источники, въ той или иной формѣ сдѣлавшіеся доступными лѣтописцу, но общій характеръ этихъ рассказовъ и нѣкоторыя параллели къ нимъ изъ области народнаго творчества<sup>1)</sup> говорятъ также и за ихъ народно-легендарное происхожденіе.

**Характерныя черты лѣтописца и его изложенія.** Наконецъ, мы должны теперь нѣсколько остановиться на тѣхъ литературныхъ элементахъ, которые въ большей или меньшей степени принадлежатъ самому составителю Начальной Лѣтописи и могутъ служить для характеристики его писательской индивидуальности или вообще его литературныхъ пріемовъ. Въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку и не должны упускать изъ виду, что характеристика лѣто-

1) Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. XIII, стр. 66—207.

писца на основаніи этого матеріала по необходимости должна быть въ извѣстномъ смыслѣ условной, такъ какъ является совершенно неосуществимымъ желательное для нашей цѣли выдѣленіе изъ „Повѣсти“ самаго текста, т. е. литературной формы Начальной Лѣтописи.

Главнѣйшій предметъ вниманія лѣтописца составляетъ русская земля. Правда, на первыхъ страницахъ „Повѣсти“ имѣются общія свѣдѣнія о расселеніи племенъ, начиная съ потомковъ Ноя, и затѣмъ переданы нѣкоторыя событія изъ византійской исторіи, но это является лишь подражаніемъ приѣмамъ византійской хронографіи, и въ дальнѣйшемъ изложеніи лѣтописца ссылка даже на отдѣльныя событія иноземной исторіи является рѣдкимъ исключеніемъ. Сосредоточившись на событіяхъ русской исторіи, лѣтописецъ всего болѣе упоминаетъ о событіяхъ т. ск. внѣшняго характера — государственныхъ, общественныхъ, административныхъ; онъ рассказываетъ о походахъ князей въ чужія земли, объ ихъ междоусобныхъ войнахъ, о нашествіяхъ на русскую землю иноземцевъ — по преимуществу печенѣговъ и половцевъ: затѣмъ, онъ немало вниманія удѣляетъ построенію церквей и монастырей, рассказываетъ о поставленіи митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ; упоминаетъ о стараніяхъ духовной и свѣтской власти насадить просвѣщеніе, умножить количество книгъ. О жизни внутренней, о нравахъ и обычаяхъ лѣтописецъ говоритъ гораздо рѣже, хотя и тутъ у него встрѣчаются весьма цѣнныя указанія, напр. о появленіи волхвовъ въ разныхъ мѣстахъ, о совершеніи браковъ у древлянъ, полянъ, сѣверянъ. Далѣе, есть упоминанія о явленіяхъ природы, но природа интересуетъ лѣтописца не съ эстетической и даже не съ экономической стороны, а лишь съ нравственно-религіозной: онъ ставитъ ее въ связь съ духовнымъ міромъ человѣка и видитъ въ ней орудіе пророческихъ указаній высшей силы. Внутренній міръ человѣка интересуетъ лѣтописца не столько отвлеченно, сколько

для характеристики или опредѣленія понятій и взглядовъ отдѣльныхъ личностей, цѣлыхъ группъ, сословій; основа этихъ воззрѣній лѣтописца зиждется на его христіанскихъ вѣрованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ нерѣдко говоритъ о слабости народной массы къ суевѣріямъ, хотя въ то же время и самъ онъ, очевидно, не свободенъ отъ подобныхъ суевѣрій.

Лѣтописецъ ведетъ свой рассказъ въ хронологической послѣдовательности происходившихъ событій: онъ излагаетъ событія по годамъ, а имѣвшія мѣсто въ одинъ годъ — по мѣсяцамъ; если событіе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то рассказъ о немъ нерѣдко разрывается на части, которыя и помѣщаются подъ соотвѣтствующими годами. Однако у лѣтописца есть стремленіе къ установленію нѣкоторой связи событій, и потому, сознавая неудобства хронологическаго изложенія, онъ старается восполнить въ извѣстныхъ случаяхъ нарушеніе такой связи стилистическими вставками внѣшняго характера: онъ соединяетъ посторонній эпизодъ съ продолжающимся, на время прерваннымъ повѣствованіемъ такими словами: „но мы на предняя возвратимся, яко же бяхомъ прежде глаголали“, „мы же на предлежащее возвратимся“, „скажемъ же“, „и се да скажемъ“, „се же хочу сказати“ и т. п.

Но, при всемъ преобладаніи хронологическаго порядка, лѣтопись наша вовсе не можетъ быть почтена произведеніемъ исключительно формальнымъ, сухимъ, лишеннымъ живости и извѣстнаго настроенія. Конечно, у лѣтописца нѣтъ сколько-нибудь широкихъ обобщеній или указаній на внутреннюю причинную связь событій, но онъ не упускаетъ случаевъ высказывать свое мнѣніе объ отдѣльныхъ событіяхъ, свою оцѣнку извѣстныхъ лицъ или свои чувства по тому или иному поводу. Онъ, напр., не разъ высказываетъ мысль о томъ, что походы, предпринимаемые князьями за предѣлы русской земли или въ ея предѣлахъ, достойны порицанія, такъ

какъ въ основѣ ихъ часто лежитъ властолюбіе или чрезмѣрная жажда добычи. По взгляду лѣтописца, Богъ является высшей и первоначальной причиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Онъ влагаетъ въ умы князей „мысль добру“ на совершеніе доблестныхъ дѣлъ — защиту родины, поставленіе достойнаго іерарха; Онъ поражаетъ страхомъ сердца „невѣрныхъ“, враждующихъ съ русскими, и содѣйствуетъ т. о. ихъ пораженію; Онъ же, желая отворотить христіанъ отъ злыхъ дѣлъ и направить ихъ къ спасительному покаянію, посылаетъ на русскую землю различныя бѣдствія. Съ другой стороны, всѣ дурные помыслы являются по навѣту дьявола, который завидуетъ благополучію добраго христіанина и является постояннымъ врагомъ его будущаго спасенія; но вліяніе дьявола простирается на человѣка лишь постольку, поскольку онъ обнаруживаетъ шаткость въ вѣрѣ, и на людей твердо вѣрующихъ дьяволъ подѣйствовать не можетъ. Какъ внушенія Бога являются черезъ посредство добрыхъ людей съ ихъ хорошими совѣтами, такъ козни дьявола находятъ себѣ путь въ формѣ совѣтовъ людей злыхъ. Однако, при всемъ своемъ вліяніи на людей, дьяволъ не знаетъ человѣческихъ помышленій, которыя извѣстны одному Богу. Ближайшее участіе божественнаго Промысла лѣтописецъ не ограничиваетъ сферою человѣческихъ дѣйствій, но простираетъ его и на явленія природы: тамъ также нѣтъ случайностей, какъ нѣтъ ихъ и въ дѣлахъ людскихъ. Поэтому, разныя необыкновенныя явленія природы — солнечное и лунное затмѣнія, появленіе кометы, чрезмѣрно обильные дожди или засухи и т. д. — получаютъ въ глазахъ лѣтописца особый пророческій смыслъ, являются знаменіями: „знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро“ (по Лавр. сп., стр. 266). Иногда рядомъ съ предсказаніемъ помѣщается и фактъ самаго его исполненія; такъ, подъ 1063 годомъ читаемъ: „В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5, се же знаменьє не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ“

(стр. 159). Такого рода взглядъ на явленія природы раздѣляли въ то время люди всѣхъ сословій и разныхъ степеней образованія. Однако не всѣмъ формамъ суевѣрій касательно природы давалъ лѣтописецъ цѣну истины или достовѣрности: напр., подь 1064 годомъ онъ сообщаетъ, что народъ объяснялъ солнечныя затмѣнія тѣмъ, будто солнце съѣдено, но лѣтописецъ отвергаетъ такую выдумку, называя повторяющихъ ее „невѣгласи“ (стр. 160). Въ общемъ же, знаменія природы являются, по представленію лѣтописца, скорѣе на зло, нежели на добро. Эта вѣра въ знаменія и пророчества, вытекавшая изъ желанія найти смыслъ и усмотрѣть цѣлесообразность въ отношеніяхъ физическаго и духовнаго міра, иногда заставляла лѣтописца придавать вѣру даже предсказаніямъ волхвовъ: по крайней мѣрѣ, онъ съ удивленіемъ признаетъ дѣйствительность чародѣйства по поводу предсказанія волхва о смерти Олега, и въ доказательство этой дѣйствительности чародѣяній приводитъ изъ Георгія Амартола свѣдѣнія о волхвѣ Аполлоніи Тіанскомъ (подь 912 годомъ, стр. 38—40). Въ разсказѣ о волхвахъ подь 1071 годомъ, приведя разговоръ новгородца съ кудесникомъ объ ихъ богахъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что — такова бѣсовская сила: ею прельщаются некрѣпкіе въ вѣрѣ, а въ особенности падки на волхвованіе женщины, такъ какъ издавна бѣсъ прельстилъ жену, а она мужа (стр. 175). Пытливая любознательность лѣтописца, сказавшаяся въ подобнаго рода объясненіяхъ, составляетъ вообще одну изъ характерныхъ его особенностей; онъ старается по возможности все уяснить и привести къ пониманію. Таковы, напр., его объясненія названій славянскихъ племенъ, расселившихся по восточно-европейской равнинѣ: Бужане названы такъ „зане сѣдоша по Бугу“, Древляне — „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“, Поляне — „зане же въ полѣ сѣдяху“; другіе, какъ Радимичи и Вятичи, назвались такъ по имени своихъ родоначальниковъ Радима и Вятко; городъ Переяславль названъ такъ потому, что на мѣстѣ его нѣкогда

русскій силачь „перее славу“ у печенѣжскаго исполина въ единоборствѣ (стр. 121).

Вмѣстѣ съ сужденіями лѣтописца, являющимися плодомъ его мысли, мы встрѣчаемся въ Лѣтописи и съ выраженными имъ чувствами — радостными и печальными, сообразно поводамъ, по которымъ они высказаны. Такъ, онъ высказываетъ чувство участія и душевнаго умиленія по отношенію къ княгинѣ Ольгѣ, которая, сдѣлавшись христіанкой, первая изъ русскихъ вошла въ царствіе Божіе: „Си бысть предтекущая крестьянствѣи земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ чловѣцѣхъ свѣтящеса аки бисерь въ калѣ . . . Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси“ (подъ 909 годомъ, стр. 66—67). Какъ Владиміръ вызываетъ сочувствіе лѣтописца за просвѣщеніе русскихъ Христовой вѣрой, такъ подобное же отношеніе обнаруживаетъ онъ и къ Ярославу за его заботы о школахъ, явившихся необходимымъ продолженіемъ дѣла его предшественника; по поводу попеченія Ярослава о книжномъ просвѣщеніи, лѣтописецъ высказываетъ свои мысли и чувства о пользѣ „книжныхъ словесъ“. Лѣтописца радуеть миръ и братская любовь между князьями; высшей похвалы съ его стороны заслуживаетъ тотъ, кто „положи главу свою за брата своего“; наоборотъ, онъ выражаетъ чувство печали по поводу междоусобій въ княжеской семьѣ, когда братья или родственники враждовали другъ съ другомъ „хотя власти овъ сея, овъ же другое“. Чувство горечи овладѣваетъ лѣтописцемъ и по поводу внѣшнихъ нападеній на русскую землю, которыя, по его убѣжденію, посылаются христіанамъ за грѣхи и должны вызвать ихъ къ покаянію.

Замѣчательной чертой, проникающей лѣтописца, является его глубокая искренность; его трудно поймать на какой-либо задней мысли или на стороннихъ побужденіяхъ. Отсюда истекаетъ его объективность, которая не исключаетъ глубо-

кой любви къ русской землѣ, но обезпечиваетъ лишь правдивость повѣствованія и независимость сужденій. Лѣтописецъ не замалчиваетъ въ своемъ разсказѣ отрицательныхъ фактовъ въ русской жизни, упоминаетъ о дурныхъ поступкахъ князей, равно какъ отдаетъ справедливость и врагамъ, напр. польскому королю Болеславу, о побѣдѣ котораго надъ Ярославомъ разсказывается подъ 1018 годомъ (стр. 139—140).

Манера изложенія лѣтописца отличается спокойствіемъ и ровностью. Его описанія кратки, повѣствованія образны и выразительны; у него нѣтъ лишнихъ подробностей и искусственныхъ украшеній рѣчи, которой, напротивъ, свойственны простота, ясность и точность. На стилѣ лѣтописца замѣтны черты народно-поэтическаго склада въ меньшей мѣрѣ, какъ и языка книгъ Св. Писанія. Лѣтописецъ внесъ въ свое повѣствованіе не только народныя преданія, но и нѣкоторыя пословицы, поговорки и другія формы народно-поэтическаго выраженія: напр. „аще ся въводитъ волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его“ (подъ 945 годомъ, стр. 53), „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмѣль почнетъ тонуть“ (подъ 985 годомъ, стр. 82), „есть притча въ Руси и до сего дне: погибоши аки Обрѣ“ (стр. 11) и пр. Русскій языкъ лѣтописца заключаетъ въ себѣ значительную примѣсь церковно-славянскаго элемента и образуетъ этой смѣсью одинъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ тогдашней книжной рѣчи<sup>1)</sup>.

1) Болѣе подробную характеристику лѣтописца, его міровоззрѣнія, способа изложенія, языка и пр. см. у Сухомлинова: О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, стр. 147—222.

## 5. Историческая повѣсть: Слово о Полку Игоревѣ.

Открытие Слова и его научная разработка. — Содержаніе памятника. — Происхожденіе Слова. — Историческое и литературное значеніе Слова; его основная идея.

При разсмотрѣніи вопроса о составѣ Начальной Лѣтописи было указано на наличность такого рода повѣстей и сказаній историческаго содержанія, которыя были вносимы въ лѣтописные своды и, не будучи извѣстны въ особомъ видѣ, продолжали тамъ свое дальнѣйшее существованіе. Нѣкоторые изъ такихъ историческихъ сюжетовъ своими отдѣльными элементами могли входить въ составъ народно-поэтическаго творчества той эпохи, но слѣды этого рода созданій народной фантазіи до насъ не дошли или растворились въ неуловимомъ для историка дальнѣйшемъ процессѣ ея дѣятельности. Единственнымъ средствомъ сохраненія этихъ поэтическихъ сказаній для будущаго могло быть закрѣпленіе ихъ на письмѣ, но, вслѣдствіе малаго количества литературныхъ силъ, слабаго развитія литературнаго сознанія и преобладанія церковно-религіознаго настроенія письменности, случаи такого закрѣпленія въ кievскій періодъ нашей литературы могли быть лишь крайне рѣдки. Мы располагаемъ для даннаго времени однимъ такимъ произведеніемъ, представляющимъ поэтическую обработку историческаго сюжета: это — Слово о Полку Игоревѣ, замѣчательнѣйшій

памятникъ личнаго поэтическаго творчества конца XII вѣка на русской почвѣ, интереснаго не только своей рѣдкостью, но и высокими поэтическими достоинствами.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду подробнаго разбора С. о П. И. въ историко-литературномъ отношеніи, а остановимся лишь — съ одной стороны на изложеніи главнѣйшихъ фактовъ исторіи разработки этого памятника въ научной литературѣ, а съ другой — на формулировкѣ важнѣйшихъ выводовъ общаго характера относительно С. о П. И., явившихся результатомъ упомянутой разработки.

**Открытие Слова и его научная разработка.** Научная разработка С. о П. И., имѣющая уже болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію, представляетъ, независимо отъ своего спеціальнаго значенія, также и немалый общій интересъ, такъ какъ отражаетъ собою въ главныхъ чертахъ ходъ развитія самой науки исторіи русской литературы и рядъ смѣнявшихся одинъ за другимъ методовъ ея изученія<sup>1)</sup>.

Первое извѣстіе о С. о П. И. было сообщено въ печати Н. М. Карамзинымъ въ 1797 году въ гамбургскомъ журналѣ „Spectateur du Nord“, но честь открытія памятника принадлежитъ графу А. И. Мусину-Пушкину, извѣстному любителю и собирателю русскихъ древностей въ концѣ XVIII и нач. XIX ст. Мусинъ-Пушкинъ владѣлъ богатымъ собраніемъ старинныхъ рукописей, монетъ и прочихъ рѣдкостей, цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи. Ему достались многія книги и бумаги Дмитрія Ростовскаго, Татищева, Болтина,

1) Труды, посвященные С. о П. И., не разъ уже служили предметомъ общаго обзорѣнія. Главнѣйшія изъ этихъ обзорѣній: Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I. М. 1887, стр. 1—212 (первоначально въ Ж. М. Н. Пр. 1876 №№ 9—10); А. Смирновъ. О Словѣ о Полку Игоревѣ. I. Литература Слова со времени открытія его до 1876 года. Воронежъ 1877; И. Ждановъ. Литература Слова о Полку Игоревѣ. Кіевъ 1880; П. Владиміровъ. Литература Слова о Полку Игоревѣ со времени его открытія по 1894 годъ. Кіевск. Унив. Извѣстія 1894 № 4 и отд. Вып. I. Кіевъ 1894.

Елагина и др.; императрица Екатерина II передала ему много интересныхъ матеріаловъ касательно русской исторіи и для изданія важнѣйшихъ изъ нихъ предоставила въ его распоряженіе одну изъ казенныхъ типографій; со своей стороны и Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ отъ императрицы порученіе доставлять ей выписки и разнаго рода матеріалы для ея „Записокъ касательно російской исторіи“. Назначенный въ 1791 году на должность оберъ-прокурора Св. Синода и принявъ, т. о., въ свое вѣдѣніе церковныя и монастырскія книгохранилища, Мусинъ-Пушкинъ получилъ еще болѣе широкую возможность къ отыскиванію памятниковъ русской старины. Въ 1795 году одинъ изъ комиссіонеровъ Мусина-Пушкина купилъ у архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря Іоилія, вмѣстѣ съ другими рукописями, сборникъ, подъ названіемъ Хронографъ, заключавшій между другими памятниками письменности и Слово о Полку Игоревѣ. Какъ впоследствии сообщалъ самъ Мусинъ-Пушкинъ, въ письмѣ отъ 31 дек. 1813 года къ К. Θ. Калайдовичу, рукопись Слова писана была „на лощеной бумагѣ довольно чистымъ письмомъ“; онъ полагалъ, что „по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка“; далѣе Мусинъ-Пушкинъ сообщаетъ, что въ рукописи „не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія“. Эти сообщенія сдѣланы были уже послѣ гибели рукописи и послужили для позднѣйшихъ ученыхъ основаніемъ для важныхъ заключеній о времени ея написанія и отчасти о самой подлинности найденнаго памятника. Повидимому, немедленно послѣ открытія памятникъ сообщенъ былъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ копіи императрицѣ, но Екатерина II, доживая послѣдній годъ своей жизни, не успѣла воспользоваться этимъ матеріаломъ для своего историческаго труда, и доставленный ей списокъ нашелъ себѣ мѣсто лишь въ

числѣ другихъ документовъ, которые посылались ей съ разныхъ сторонъ многими лицами <sup>1)</sup>. Между тѣмъ, Мусинъ-Пушкинъ прилежно работалъ надъ изученіемъ драгоцѣнной находки, пользуясь содѣйствіемъ своихъ ученыхъ друзей, особенно А. Ѳ. Малиновскаго и Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Результатомъ этой коллективной работы, изъ которой весьма трудно выдѣлить долю участія отдѣльныхъ лицъ, но инициативу которой несомнѣнно удерживалъ за собой самъ Мусинъ-Пушкинъ, явилось выпущенное въ 1800 году въ Москвѣ первое изданіе этого памятника, подъ заглавіемъ: „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Съ поколѣнной росписью Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ. М. 1800“ <sup>2)</sup>.

Еще до своего изданія, С. о П. И., сдѣлавшись извѣстнымъ въ ученыхъ кругахъ, послужило предметомъ разносторонняго интереса и оживленныхъ толковъ объ этомъ памятникѣ. Пораженные невиданными въ старой русской письменности поэтическими достоинствами Слова, многіе не вѣрили въ его подлинность, по крайней мѣрѣ не находили возможнымъ относить его къ XII вѣку. Эти были первые „скептики“ въ отношеніи Слова, но въ то время, какъ одни изъ нихъ, напр. акад. Шлёцеръ, послѣ изданія памятника признали его подлинность, другіе — напротивъ — оставались, уже послѣ утраты подлинной рукописи, до конца при своихъ сомнѣніяхъ: такъ, графъ Н. П. Румянцевъ считалъ его сочиненнымъ въ XVIII вѣкѣ, а митр. Евгеній относилъ

1) Сочиненія императрицы Екатерины II. Подъ ред. А. Н. Пыпина. Т. XI, стр. 404. 427—453.

2) Изданіе это, безъ перемѣнъ, перепечатано было А. С. Суворовымъ: Слб. 1904 и П. В. Владиміровымъ въ его книгѣ: Древняя русская литература Кіевского періода XI—XIII в. Кіевъ 1901.

къ XV—XVI в. Запутанности и неясности вопроса о С. о П. И. въ сильной степени содѣйствовала гибель единственной его рукописи, послужившей оригиналомъ для изданія Мусина-Пушкина, въ московскіе пожары 1812 года, когда жертвою огня сдѣлалась и вся московская библіотека Мусина-Пушкина — въ томъ числѣ не только рукописный сборникъ, содержавшій Слово, но и значительная часть печатныхъ экземпляровъ перваго изданія. Однако еще до пожара извѣстное число этихъ экземпляровъ успѣло распространиться въ публикѣ и накопиться даже нѣкоторая литература объ этомъ памятникѣ, въ томъ числѣ переводы Слова, сдѣланные И. Сѣряковымъ (Спб. 1803), А. Шишковымъ (Спб. 1805) и А. Палицынымъ (Харьковъ 1807). Послѣ исчезновенія рукописи, какъ только наступили, по уходѣ французовъ, сколько-нибудь нормальныя условія мирной жизни, интересъ къ С. о П. И. въ ученыхъ кругахъ возросъ еще болѣе. Стали собирать о немъ свѣдѣнія по живымъ слѣдамъ. На Мусина-Пушкина посыпались съ разныхъ сторонъ запросы, однимъ изъ отвѣтовъ на которые было упомянутое письмо къ Калайдовичу. Результаты своихъ наблюденій надъ памятникомъ и разспросовъ о немъ Калайдовичъ заносилъ въ свой дневникъ, опубликованный много позднѣе (1859). Другимъ лицомъ, чрезвычайно интересовавшимся С. о П. И., былъ проф. Р. Ѳ. Тимковскій, открывшій около этого времени „Пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ“ которая имѣла важное значеніе въ вопросѣ о Словѣ и косвенно подтверждала его подлинность. О занятіяхъ Тимковскаго Словомъ позднѣе (1836) сообщалъ М. А. Максимовичъ, что имъ приготовлено было новое изданіе этого памятника, въ текстѣ котораго будто бы только три мѣста оставались для издателя неясными; но эти труды Тимковскаго безвозвратно погибли во время Петербургскаго наводненія 1824 года.

Обширная литература о Словѣ о Полку Игоревѣ, рав-

ной которой не привлекалъ къ себѣ ни одинъ памятникъ древней русской письменности, явилась результатомъ столько же исторической важности и литературныхъ достоинствъ этого произведенія, сколько и его загадочности, обусловленной главнымъ образомъ внѣшней судьбой его единственного списка. Въ литературѣ этой можно отмѣтить три періода, отразившіе на себѣ послѣдовательные шаги въ развитіи самой исторической науки касательно памятниковъ литературы.

Первый періодъ, съ 1800 и приблизительно до конца 40-хъ годовъ, въ отношеніи къ изслѣдованіямъ Слова можетъ быть охарактеризованъ съ одной стороны филологическими гаданіями касательно темныхъ мѣстъ текста, отличавшимися ненаучностью и полнымъ произволомъ, а съ другой — взглядомъ на этотъ памятникъ, какъ на литературное произведеніе, подобное эпическимъ поэмамъ ложноклассической литературы и стремленіемъ съ этой точки зрѣнія обсуждать его историко-литературное значеніе. Эта послѣдняя точка зрѣнія, воплотившаяся въ признаніемъ и даже энергической защитой подлинности Слова, казалась тѣмъ болѣе приемлемой, что знакомство съ памятниками древней русской литературы и языка было въ ту пору, особенно непосредственно послѣ открытія памятника, еще совершенно ничтожнымъ, и не было никакой возможности ни исторически обосновать объясненія т. наз. темныхъ мѣстъ Слова, ни поставить этотъ памятникъ въ его цѣломъ въ надежно обставленную документальными данными историческую перспективу. Главное вниманіе обращено было на объясненіе текста Слова, вызвавшее рядъ отдѣльныхъ изданій этого памятника, съ переложеніемъ на современный русскій языкъ и примѣчаніями: таковы были, кромѣ упомянутой работы Шишкова, еще труды Я. О. Пожарскаго (1819), Н. Θ. Грамматина (1821. 1823), М. А. Максимовича (1837) и Д. Дубенскаго (1844); особенное значеніе имѣли труды послѣднихъ двухъ авторовъ, занимавшихся Словомъ уже въ то время, когда значительно

оживился интересъ къ изученію нашего литературнаго прошлаго и когда они могли располагать уже кое-какимъ фактическимъ матеріаломъ для сравненій и сопоставленій. Главная заслуга Максимовича, читавшаго даже въ 1835 году о Словѣ специальный курсъ въ Кіевскомъ университетѣ, заключалась въ томъ, что онъ первый сопоставилъ языкъ и стиль Слова съ соотвѣтствующими элементами народной поэзи (его статьи въ Ж. М. Н. Пр. 1836—1837), а изданіе Дубенскаго удерживало свой авторитетъ вплоть до Тихонравовскаго изданія 1866 года, благодаря обширнымъ примѣчаніямъ и сопоставленіямъ съ другими памятниками древней русской литературы, среди которыхъ были не только лѣтописи, но также Задонщина и Даниилъ Заточникъ. Въмѣстѣ съ этимъ, высказались о Словѣ и представители скептическаго къ нему отношенія: Каченовскій (мнѣнія его переданы другими), Сенковскій (1837), Бѣликовъ (1834), Давыдовъ (1834), причемъ первые два видѣли въ С. о П. И. произведеніе XVIII вѣка, возникшее подъ вліяніемъ Оссіана, а вторые считали его памятникомъ русской литературы XVI вѣка, составленнымъ, быть можетъ, по какой-либо старинной записи грека или норманна.

Второй и третій періоды въ изученіи С. о П. И. не могутъ быть разграничены строго хронологически; одинъ изъ нихъ заходитъ въ другой, и нѣкоторое время оба они являются лишь разными направленіями въ изученіи этого памятника. 50-ые годы XIX в. являются, какъ извѣстно, временемъ подъема въ историческомъ изученіи книжной русской старины: было открыто и обследовано много новыхъ памятниковъ древней русской литературы; послѣдняя стала изучаться въ связи съ народной поэзіей, этнографіей, языкомъ; кругъ наблюденій значительно увеличился, и Слово оказалось возможнымъ поставить въ болѣе широкія рамки историческихъ и литературныхъ данныхъ. И такъ какъ въ историческомъ изученіи русской литературы обнаружилось

два теченія — одно „миѳологическое“, а другое въ пользу т. наз. „теоріи заимствованія“ — то и Слово о Полку Игоревѣ одни стали изучать съ точки зрѣнія заключающихся въ немъ чертъ народнаго міровоззрѣнія и миѳологическихъ элементовъ, а другіе искали въ немъ отраженія иноземныхъ мотивовъ или даже цѣлыхъ поэтическихъ образцовъ. Въ первомъ направленіи шли, напр., многочисленныя работы Ѳ. И. Буслаева и О. Ѳ. Миллера, а представителями второго являются кн. П. П. Вяземскій, Вс. Ѳ. Миллеръ, А-ръ Н. Веселовскій. Работы Буслаева („Русская поэзія XI и нач. XII вѣка“, „Объ эпической поэзіи“ и др., въ сборникѣ „Историческіе очерки“. Т. I. 1861) имѣли цѣлію выяснить миѳологическую стихію Слова, которую онъ считалъ душой всего этого произведенія; имъ обращено было также много вниманія на эпическій складъ этого памятника и объяснено его отношеніе къ народному пѣснотворчеству; ему же принадлежатъ и два изданія Слова (въ „Исторической Христоматіи“ 1861 и въ „Русской Христоматіи“ 1870). Взглядъ на Слово О. Ѳ. Миллера примыкаетъ къ основной точкѣ зрѣнія Буслаева (Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Ч. I. 1865), при чемъ авторомъ сдѣлано сравненіе Слова о П. И. съ Краледворской рукописью и обнаружены черты сходства, которыя онъ объясняетъ единствомъ эпическаго мировоззрѣнія обоихъ авторовъ. На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ кн. П. П. Вяземскій (Замѣчанія на Слово о П. И., во „Временникѣ Общ. Ист. и Др.“ 1851—1853 и затѣмъ, въ распространенномъ видѣ, отдѣльно: Спб. 1875); онъ разсматривалъ Слово въ связи съ произведеніями не только русской, но и иностранной литературы и пришелъ къ выводу, что памятникъ этотъ является произведеніемъ, созданнымъ подъ вліяніемъ древне-классическихъ литературныхъ преданій, что подъ Бояномъ надо разумѣть Гомера, подъ тропой, землей и вѣками Трояна — отзвуки Троянской войны, подъ Дѣвой Обидой — Елену и т. п. По методу и по основной

точкѣ зрѣнія, къ этому труду кн. Вяземскаго примыкаетъ оригинальное сочиненіе проф. Вс. Миллера: Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. М. 1877. Авторъ выводитъ наше Слово изъ глубины византійскихъ литературныхъ преданій и обращаетъ ему ищетъ въ поэмѣ о Дигенисѣ; онъ даже предполагаетъ наличность у автора Слова готовой болгарской обработки упомянутой поэмы, которой впрочемъ тотъ воспользовался весьма неуклюже. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ присоединилъ новое изданіе Слова съ примѣчаніями къ нему. Выводы В. Θ. Миллера были сочувственно встрѣчены акад. А. Н. Веселовскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1877 № 8).

Въ третьемъ періодѣ изученія С. о П. И. наблюдается съ одной стороны филологическо-палеографическое отношеніе къ памятнику, а съ другой — стремленіе къ обзорнѣю пройденнаго пути изученія и къ сводкѣ въ одно цѣлое добытыхъ этимъ изученіемъ результатовъ. Толчокъ къ палеографическому изученію Слова данъ былъ въ 1864 году акад. П. Пекарскимъ, который опубликовалъ<sup>1)</sup> списокъ Слова, найденный имъ, между бумагами императрицы Екаторины II., въ Государственномъ архивѣ и доставленный ей, какъ уже было упомянуто, А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Не смотря на то, что опубликованный Пекарскимъ текстъ не имѣлъ самостоятельнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе въ немъ оказались нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста, подавшія поводъ къ сравненію. Первымъ, воспользовавшимся этимъ (т. наз. „архивнымъ“ или „петербургскимъ“) спискомъ для критики текста Слова, былъ Н. С. Тихонравовъ, выпустившій въ 1866 г. изданіе Слова, съ введеніемъ, примѣчаніями, приложеніями и словаремъ. Тутъ былъ впервые поставленъ на научную

1) Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. V, прил. 2. Въ болѣе точномъ видѣ текстъ этотъ воспроизведенъ П. К. Симономъ въ XIII томѣ „Древностей“ Моск. Археол. Общества, вмѣстѣ со статьею И. И. Козловскаго „Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о Полку Игоревѣ“: М. 1890.

почву вопросъ о вѣкѣ погибшей рукописи и рѣшенъ издателемъ въ пользу XVI вѣка. Второе изданіе этого труда Тихонравова вышло въ М. 1868. Специально палеографическимъ, но съ большой дозой ни на чемъ не основанныхъ гаданій, является и трудъ кн. П. П. Вяземскаго: Изслѣдованіе о варьянтахъ. Спб. 1877, при чемъ по вопросу о вѣкѣ погибшей рукописи авторъ примыкаетъ къ мнѣнію Тихонравова. Въ 1878 году вышелъ трудъ проф. А. А. Потебни: Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. (первоначально былъ напечатанъ въ Воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“ 1877—1878). Въ противоположность кн. Вяземскому, Вс. Миллеру и нѣк. др., Потебня считаетъ Слово проникнутымъ въ высшей степени народно-поэтическими мотивами, хотя и принадлежащимъ по своей композиціи одному лицу; поэтому, при установленіи текста онъ сильно пользуется именно произведеніями народной словесности. Потебня не высказывается точно о вѣкѣ погибшей рукописи, но допускаетъ, что она вела свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками, поправками и т. п., что и было главной причиною неисправности дошедшаго до насъ текста, составленнаго вполнѣ произвольно на основаніи этого матеріала позднѣйшимъ переписчикомъ. Такая точка зрѣнія на процессъ образованія текста Слова даетъ Потебнѣ основаніе въ высшей степени свободно обращаться съ послѣднимъ, что онъ и дѣлаетъ въ своемъ изданіи. Это составляетъ, конечно, условную сторону цѣлности изданія, которое, впрочемъ, съ другой стороны, представляетъ множество остроумныхъ догадокъ и предположеній въ пониманіи разныхъ темныхъ мѣстъ Слова. Изъ памятниковъ народной словесности, для освѣщенія Слова, Потебня пользовался преимущественно южно-русскими, оставляя сѣверно-русскіе въ сторонѣ. Этотъ послѣдній пробѣлъ восполненъ былъ въ трудѣ А. И. Смирнова: О Словѣ

о Полку Игоревѣ. В. 2. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Воронежъ 1879. Въ этомъ сочиненіи данъ, кромѣ того, анализъ языка Слова по изданію 1800 года. По вопросу о времени написанія погибшей рукописи авторъ высказывается въ пользу конца XIV или начала XV вѣка. Наконецъ, какъ бы завершеніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ о Словѣ является капитальный трудъ Е. В. Барсова: Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Т. I—II. М. 1885—1887 (въ III т. 1889 помѣщено начало словаря къ Слову; предположенный еще IV томъ не выходилъ изъ печати). Въ сочиненіи этомъ можно найти, прежде всего, пространную и почти исчерпывающую, хотя б. м. и не вездѣ объективную, оцѣнку научной и художественной литературы о Словѣ, затѣмъ — обширное историко-литературное изслѣдованіе о Словѣ, подробныя примѣчанія къ т. наз. „темнымъ мѣстамъ“ памятника и новые опыты ихъ объясненія, переводъ Слова на современный русскій языкъ. Кромѣ огромнаго количества печатнаго матеріала, Барсовъ привлекъ къ своему изслѣдованію и немало рукописнаго — какъ древняго, такъ и новаго: къ первому нужно отнести, напр., древне-русскій переводъ Повѣсти Флавія о разореніи Иерусалима, приведеніе котораго въ литературную связь съ С. о П. И. составляетъ несомнѣнную заслугу Барсова; изъ второй категоріи особенно цѣнными считаетъ самъ авторъ найденныя имъ черновыя бумаги А. Ѳ. Малиновскаго, сотрудника Мукина-Пушкина по разбору и изданію погибшей рукописи Слова; эту находку использовалъ авторъ въ своемъ трудѣ до мельчайшихъ подробностей, отчасти преувеличивая ея абсолютное значеніе. Несомнѣнно, трудъ Барсова — выдающійся по богатству матеріала, написанный съ большой любовью къ дѣлу и съ одушевленіемъ, безусловно необходимый для всякаго, интересующаго Сл. о П. И.; но онъ страдаетъ недостаткомъ строгой критики, особенно въ области лингви-

стическихъ и палеографическихъ сопоставленій и изслѣдованій. Погибшую рукопись Слова Барсовъ относить къ XVI вѣку.

Послѣдующіе труды о Словѣ, которое не переставало и не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, не внесли ничего особенно существеннаго въ общее пониманіе этого памятника, хотя нѣкоторые изъ нихъ, напр. сочиненіе А. В. Лонгинова (Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половецъ въ 1185 году. Одесса 1892), довольно значительны по объему и интересны по постановкѣ вопроса. Изъ частныхъ изслѣдованій послѣдняго времени слѣдуетъ отмѣтить работу П. М. Меліоранскаго: Турецкіе элементы въ языкѣ С. о. П. И. (Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ 1902 № 2 и 1905 № 2). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ дальнѣйшемъ такой выдающійся памятникъ, какъ С. о. П. И., не останется въ сторонѣ отъ новыхъ попытокъ его объясненія и изученія, но, кажется, нельзя ожидать безусловно новыхъ шаговъ въ этомъ изученіи безъ какихъ-либо важныхъ фактическихъ находокъ. Въ общемъ можно признать, что вопросъ о Словѣ о Полку Игоревѣ въ научной литературѣ достаточно выясненъ.

Въ дальнѣйшемъ мы ограничимся указаніемъ на содержаніе этого памятника и изложеніемъ, въ краткихъ чертахъ, тѣхъ выводовъ, на которые уполномочиваютъ добытые въ научной литературѣ результаты.

**Содержаніе Слова.** Содержаніемъ Сл. о П. И. является поэтическое изображеніе несчастнаго похода („полку“) Новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ Половецъ въ 1185 году. Кромѣ Игоря Святославича, сына Черниговскаго князя Святослава Ольговича, въ походѣ принимали участіе: братъ его Всеволодъ Святославичъ, князь Курскій и Трубчевскій; ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ, князь Рыльскій, и сынъ Игоря Владиміръ Путивль-

скій. Походъ окончился не только неудачей, но и захватомъ Половцами въ плѣнъ самого Игоря Святославича; однако вскорѣ Игорю удалось бѣжать. Эти историческія событія нашли себѣ описаніе въ Лѣтописи — подъ 1185 годомъ въ Ипатской и подъ 1186 (ошибочно) годомъ въ Лаврентьевской. Въ Словѣ можно отмѣтить слѣдующія части: I. Вступленіе, въ которомъ авторъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи рассказать о походѣ Игоря „по былинамъ сего времени“, а „не по замышленію Бояню“, т. е. по современнымъ событіямъ, соотвѣтственно дѣйствительности, а не по фантастическимъ домысламъ пѣвца вродѣ Бояна. Т. о., авторъ обѣщаетъ держаться въ своемъ трудѣ дѣйствительныхъ фактовъ. II. Основная часть, заключающая въ себѣ рассказъ о походѣ Игоря и его сподвижниковъ. Эта часть можетъ быть раздѣлена, въ свою очередь, на три отдѣла: 1. Описаніе похода Игоря. Выступленіе изъ Новгородъ-Сѣверска. Остановка въ Путивлѣ, ожиданіе брата Всеволода. Дальнѣйшее движеніе княжескихъ дружинъ по степи. Дурныя предзнаменованія: тьма, стонъ птицъ, свистъ звѣрей. Первая встрѣча съ Половцами, пойманными врасплохъ: Половцы разбиты. Затѣмъ — вторая встрѣча съ Половцами, въ которой русскіе были совершенно разбиты, не смотря на выдающуюся храбрость князей и ихъ войска. Высокопоэтическое описаніе этой битвы; сочувствіе несчастію русскихъ со стороны самой природы. Жалоба автора поэмы на княжескія междоусобія, какъ причину ихъ слабости. 2. Сонъ Киевскаго великаго князя Святослава и объясненіе его боярами: этотъ сонъ былъ знакомъ несчастія, постигшаго русскія войска въ походѣ противъ Половцевъ. Святославъ плачетъ, вспоминая бывшую силу русской земли, которая смѣнилась теперь слабостью, благодаря соперничеству князей между собою. Поэтической плачъ Ярославны, супруги Игоря, на стѣнахъ города Путивля: обращеніе къ вѣтру, къ Днѣпру, къ солнцу. 3. Возвращеніе Игоря изъ плѣна. Половецкіе князья Гзакъ и Кончакъ

преслѣдуютъ его, но Игорю покровительствуетъ сама природа, и онъ благополучно достигаетъ родной земли, принося собою радость и веселье. III. Краткое заключеніе: похвала князьямъ и дружинѣ за ихъ подвиги противъ „поганныхъ“.

**Происхожденіе Слова.** Хотя нѣкоторыми нашими учеными, исходящими, повидимому, изъ разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло (напр., Владиміровъ, Е. В. Барсовъ, Истринъ), и допускается теоретически существованіе въ старину другихъ, даже „многихъ“ произведеній, подобныхъ Сл. о П. И., однако фактически совершенно своеобразное и почти одиночное положеніе Сл. о П. И. въ нашей древней литературѣ разсматриваемаго періода дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ сколько-нибудь опредѣленное разрѣшеніе вопроса объ его происхожденіи. Несомнѣннымъ является то, что это памятникъ книжный и въ первоначальномъ видѣ, котораго, вѣроятно, мы не знаемъ, есть результатъ единоличнаго поэтическаго творчества, насквозь пропитанный, впрочемъ, мотивами народнаго гнѣсотворчества.

Мы не знаемъ въ точности — ни гдѣ возникло Сл. о П. И., ни кто былъ его авторъ. Въ общемъ господствуетъ предположеніе, что памятникъ этотъ кievскаго происхожденія и что авторомъ его былъ кievлянинъ; съ особенной настойчивостью высказывается въ пользу этого мнѣнія проф. Владиміровъ. Но доказать это такъ трудно, какъ и то, что онъ возникъ, напр., въ Черниговщинѣ, болѣе близкой къ главному герою поэмы Игорю Святославичу, чѣмъ Кіевъ: этого мнѣнія держится Е. В. Барсовъ<sup>1)</sup>. Приводимое въ пользу кievскаго происхожденія Сл. соображеніе, что автору „близки и дороги интересы всей Руси“<sup>2)</sup>, не можетъ имѣть большой доказательной силы потому, что въ такой же мѣрѣ

1) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I, стр. 275—276.

2) Владиміровъ, П. Древняя русская литература, стр. 305.

подобныя чувства могъ питать и кто-нибудь изъ не-кїевлянъ, а ссылка на упоминаніе въ концѣ Сл., что Игорьъ по возвращеніи изъ плѣна идетъ къ „святой Богородицѣ Пирогощей“, находившейся тогда въ Кїевѣ, вовсе не предполагаетъ, что авторъ Слова лично видѣлъ тамъ Игоря Святославича, не говоря уже о томъ что видѣть его въ Кїевѣ могъ и не-кїевлянинъ. Проф. Владиміровъ предполагаетъ вполне увѣренно, что авторъ Слова былъ „одинъ изъ тѣхъ княжескихъ дьяковъ, которые вносили въ лѣтописи живыя свѣдѣнія о походахъ, знали и красивыя выраженія, умѣли къ мѣсту употребить народную или книжную пословицу“<sup>1)</sup>, но въ такой же степени вѣроятно, что авторомъ его могъ быть и кто-нибудь изъ дружинниковъ князя Игоря или даже Святослава, выдававшійся своимъ талантомъ, образованіемъ и начитанностью; однако едва ли можно думать, чтобы это былъ кто-нибудь изъ участниковъ несчастнаго похода, такъ какъ такой фактъ навѣрное нашелъ бы себѣ какое-нибудь отраженіе въ поэмѣ, чего мы въ дѣйствительности не видимъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что произведеніе написано современникомъ изображенныхъ въ Словѣ событій.

„Поэтика“ неизвѣстнаго автора является для насъ несовсѣмъ ясной. Передъ его воображеніемъ стояло пѣснотворчество „вѣщага Бояна“. Кого нужно разумѣть подъ этимъ Бояномъ — дѣйствительное ли лицо русскаго народнаго пѣвца стараго времени, какъ желаетъ доказать это Барсовъ<sup>2)</sup>, отзвукъ ли славы какого-нибудь чужеземнаго, б. м. даже фантастическаго поэта, или просто отвлеченный поэтическій идеалъ, мы не знаемъ, но лицо это, нарисованное авторомъ Слова, при всей краткости его изображенія, носить на себѣ вполне отчетливыя черты: онъ „растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ

1) Тамъ же, стр. 306.

2) Назв. соч. I, стр. 333—340.

облаками“; онъ помнилъ и зналъ старину, воспѣвая славные эпизоды прошлаго. Пѣвецъ Слова хочетъ быть, повидимому, ближе, нежели Боянъ, къ дѣйствительности: онъ хочетъ воспѣвать своего героя Игоря Святославича „по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню“. Надо отдать справедливость автору Слова, что хотя онъ и не началъ такъ изда лека, какъ обѣщаль („отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря“), однако въ общемъ выполнилъ свое намѣреніе и далъ поэтическое произведеніе на вполнѣ исторической подкладкѣ, опозитизироваль событія дѣйствительно происходившія. Его произведеніе есть, т. о., историческая поэма и можетъ быть подвергнуто изученію какъ со стороны изображенныхъ въ ней фактовъ (исторической), такъ и ихъ поэтической обработки (литературной).

**Историческое и литературное значеніе Слова.** Для освѣщенія вопроса объ исторической сторонѣ Сл. о П. И. мы находимся въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ. Историческое событіе, послужившее предметомъ изображенія въ Словѣ, нашло себѣ подробное описаніе въ лѣтописи, причемъ описаніе Ипатской лѣтописи гораздо пространнѣе, нежели Лаврентьевской. Оба лѣтописные разсказа различаются между собою также и въ другихъ отношеніяхъ; разсказъ Лаврентьевской лѣтописи вовсе не есть простое сокращеніе Ипатской и, при всей своей краткости, содержитъ въ себѣ такія подробности, которыхъ въ послѣдней нѣтъ. Изъ сравненія лѣтописнаго разсказа со Словомъ вытекаетъ, во 1-хъ, то, что въ общемъ авторъ Слова держался дѣйствительныхъ событій въ своемъ поэтическомъ изображеніи, а во 2-хъ, что разсказъ лѣтописи о походѣ Игоря носитъ на себѣ такія эпическія черты, которыя трудно было бы объяснить однимъ только общимъ характеромъ лѣтописнаго повѣствованія, не чуждымъ поэтическихъ приемовъ и особенностей, а нужно предполагать, что на повѣствованіе лѣтописца имѣли сильное вліяніе народныя разсказы о несчаст-

номъ походѣ, б. м. особыя пѣсни или былинны объ этомъ; однако слѣдствъ непосредственнаго вліянія нашего памятника на лѣтописный разсказъ установить нельзя, какъ нельзя установить и обратнаго вліянія лѣтописи на Сл. о П. И.

Слѣдуетъ думать, что Сл. о П. И. написано его авторомъ не на основаніи лѣтописнаго разсказа, даже въ смыслѣ фактическаго изложенія событій. Если сравнить Слово съ Ипатской лѣтописью, съ которой у него вообще гораздо больше близости, чѣмъ съ Лаврентьевской, то топографическія подробности похода Игоря по лѣтописному разсказу окажутся далеко не вполне совпадающими съ таковыми же подробностями въ Словѣ<sup>1)</sup>. Это заставляетъ предполагать, что составитель Слова въ обработкѣ фактической стороны своей поэмы руководился какой-нибудь иной версіей разсказа о походѣ Игоря, не нашедшей себѣ мѣста въ лѣтописи, или, б. м., пренебрегалъ подробностями лѣтописной версіи, считая это неважнымъ или ненужнымъ для своихъ цѣлей.

Вѣрность пѣвца Сл. о П. И. исторической основѣ не исчерпывается одной только фавулой его поэмы. Она переходитъ и на подробности въ изображеніи дружиннаго, боярскаго и княжескаго быта. Обращенія Игоря къ своей дружинѣ, братьевъ-участниковъ похода другъ къ другу, великаго князя Святослава въ своимъ боярамъ — все это бытовыя картинки, нашедшія въ Словѣ высоко-поэтическое выраженіе. Бытовыя черты оставили свой слѣдъ и на подробностяхъ поэтическаго стиля: напр., изъ многихъ мѣстъ Слова можно усмотрѣть пользованіе автора образами соколиной охоты на гусей, лебедей и другую птицу или на туровъ, что было отраженіемъ самой дѣйствительности. Особенно обильное отраженіе въ Словѣ нашли, конечно, подробности военной жизни того времени: вооруженіе, приемы

1) Владиміровъ, назв. соч., стр. 315—316.

нападенія и защиты, переходъ по степи, по лѣсамъ и болотамъ; но, рядомъ съ этимъ, мимоходомъ отразились подъ перомъ автора и картины мирной жизни въ селахъ и городахъ -- свадебный пиръ, работа надъ пашней и т. п., вплоть до благочестиваго паломничества спасагося изъ плѣна Игоря къ чтимой кievской святынь Богородицѣ-Пирогощей въ благодарность за благополучное возвращеніе.

Переходимъ теперь къ литературной сторонѣ Слова. Будучи произведеніемъ оригинальнымъ и книжнымъ, С. о. П. И. въ то же время имѣетъ связь, по своимъ литературнымъ особенностямъ, съ другими памятниками литературы и народной словесности. Одиночное положеніе Сл. о П. И. было отчасти причиной возникновенія гипотезъ объ иноземныхъ источникахъ его происхожденія — византійскихъ, южнославянскихъ и даже скандинавскихъ, какъ въ свое время, напр., думалъ М. П. Погодинъ. Въ дѣйствительности, все сходство между этими произведеніями и Словомъ заключается въ немногихъ частностяхъ содержанія, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и въ такихъ общихъ чертахъ, которыя, составляя достояніе широкаго круга литературныхъ явленій, не могутъ имѣть большой доказательной силы въ рѣшеніи вопроса о специальной зависимости одного литературнаго произведенія отъ другого: таково отношеніе Слова и къ византійской поэмѣ о Дигенисѣ, гипотеза о первоисточникѣ которой относительно Сл. о П. И. была выдвинута Вс. О. Миллеромъ и нашла себѣ рѣшительный отпоръ, между прочимъ, со стороны Барсова<sup>1)</sup>. Съ другой стороны, можно найти весьма много точекъ соприкосновенія Слова съ другими произведеніями современной ему русской литературы — поученіями, житіями и въ особенности съ лѣтописями<sup>2)</sup>, что, въ свою очередь, отводитъ насъ къ несомнѣнному для

1) Назв. соч. I, стр. 308—330.

2) Владиміровъ, назв. соч., стр. 311—312. 317—318.

того времени факту общности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, міровоззрѣнія и литературныхъ приемовъ у авторовъ произведеній съ самыми противоположными сюжетами и тенденціями. Тутъ мы должны имѣть по преимуществу въ виду то могучее, хотя и далеко не всегда очевидное, вліяніе, которое исходило на первыхъ нашихъ писателей изъ нѣдръ ихъ непосредственной близости къ народному быту и міросозерцанію, отсутствія школьнаго воздѣйствія и общей слабости умственныхъ и культурныхъ теченій въ тогдашней русской общественной средѣ. Это обстоятельство однако же нисколько не становится въ противорѣчіе съ той мыслью, что Сл. о П. И., по своимъ высокимъ литературнымъ достоинствамъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди другихъ памятниковъ современной ему литературы; если внѣшнія средства, употребленныя авторомъ при созданіи своего произведенія, не были чѣмъ-нибудь невиданнымъ и небывалымъ, то тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе яркая талантливость этого человѣка, сумѣвшего, при помощи доступныхъ и другимъ его современникамъ литературныхъ приемовъ, написать произведеніе, поражающее насъ изяществомъ построенія, необыкновенной поэтичностью, сжатостью при разнообразіи и проникающей его глубокой основной идеей.

Еще болѣе у Сл. о П. И. точекъ соприкосновенія съ народной поэзіей. Но и это соприкосновеніе слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что авторъ Слова пользовался произведеніями древне-русскаго пѣснотворчества въ видѣ литературнаго источника, а лишь такъ, что, будучи сыномъ своего времени, онъ носилъ въ себѣ элементы народной поэзіи и знакомство съ ея приемами какъ свое собственное достояніе, и, слѣд., внесеніе этихъ элементовъ и приемовъ въ Слово было дѣломъ непосредственнымъ и сопровождало совершенно самостоятельное отношеніе къ своему труду. Потѣбня, Смирновъ, Барсовъ, Владиміровъ и др. предста-

вили въ своихъ трудахъ длинный рядъ сопоставленій отдѣльныхъ мѣстъ Сл. о П. И. съ соответствующими сходными мѣстами изъ народнаго эпоса и лирики какъ великорусской, такъ и малорусской; однако черты этого частичнаго сходства прибавляютъ только новыя доказательства того положенія, что въ своемъ цѣломъ Слово является произведеніемъ книжнымъ, хотя авторъ его и пропитанъ былъ духомъ народной поэзіи своего времени, бывшей тогда живымъ органомъ общественности, и въ полной мѣрѣ владѣлъ ея средствами. Ему, несомнѣнно христіанину, было свойственно также и міровоззрѣніе, которое въ ту пору мирилось въ головахъ русскихъ людей съ христіанскими догматами и церковностью; это было то своеобразное „двоевѣріе“, которое у однихъ выражалось въ одновременномъ поклоненіи иконамъ и какимъ-нибудь явленіямъ природы, а у другихъ, людей болѣе образованныхъ и книжныхъ, входило лишь въ сферу ихъ поэтическихъ вкусовъ и умственныхъ настроеній. Присутствіе въ Словѣ такихъ именъ, какъ Дажь-богъ, Хорсъ и Велесъ, должно быть объясняемо именно указанной наличностью міеологическаго міровоззрѣнія; это не было ни язычествомъ автора-книжника, ни простой риторической фигурой, подобно позднѣйшимъ ложноклассическимъ Зевсамъ и Аполлонамъ XVIII вѣка, чтó хотѣли видѣть у автора нашего Слова скептики вродѣ Сенковского.

Изъ болѣе обширныхъ эпизодовъ Слова, въ которыхъ чувствуется художественное сочетаніе индивидуально-поэтическаго домысла съ элементами народной поэзіи, особенно обращаютъ на себя вниманіе сонъ великаго князя Святослава въ Кіевѣ и т. наз. плачь Ярославны, супруги Игоря, въ Путивлѣ на городской стѣнѣ. Поскольку великокняжескій сонъ, его толкованіе боярами и послѣдовавшее затѣмъ „золотое слово“ Святослава отводятъ читателя въ область легендарныхъ сказаній разныхъ временъ и народовъ, съ весьма оригинальнымъ присоединеніемъ къ этому высо-

ко-патріотическаго и гуманнаго обращенія къ русскимъ князьямъ по поводу ихъ междоусобиць, постольку „плачь“ Ярославны, обращающейся къ вѣтру, Днѣпру и солнцу съ нѣжной жалобой и мольбой о мужѣ, является перломъ, взятымъ изъ глубины подлинно-народной лирики.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ близостью автора Слова къ народному пѣснотворчеству находится и внѣшній складъ его произведенія: при внимательномъ анализѣ его текста съ этой стороны, Слово оказывается написаннымъ стихами, съ явственной наличностью ритма, и только кое-гдѣ напоминаетъ прозу<sup>1)</sup>.

Замѣчательной чертой Сл. о П. И. является также и вложенная въ него авторомъ идея. Старая наша письменность вообще далеко не лишена идейности, но эта идейность нерѣдко граничитъ съ явной тенденціей. Въ Словѣ же нѣтъ тенденціозности, потому что его основная мысль находится въ гармоническомъ сочетаніи съ художественностью произведенія и сама собою вытекаетъ изъ послѣдней, безъ всякой натяжки. Мысль эта, впрочемъ, не является принадлежащей исключительно Слову; мы находимъ ее и въ другихъ памятникахъ русской литературы того времени, особенно въ Лѣтописи: это — необходимость князьямъ блюсти интересы родной земли въ ея цѣломъ, не увлекаясь эгоистическими побужденіями, соперничествомъ и легкомысленной жаждой опасныхъ приключеній. Правда, эта въ основѣ своей гуманная и мирно-культурная идея облечена въ форму разсказа о военномъ походѣ противъ дикихъ кочевниковъ, но въ ту героическую пору зачатковъ русской гражданственности и не могло быть иного выхода для поэта даже съ самыми широкими литературными горизонтами. За эту идею не разъ поднимали свой голосъ болѣе идеально на-

1) Новѣйшую попытку изученія Слова съ этой стороны представляетъ трудъ акад. *Ф. Е. Корша*: Слово о Полку Игоревѣ (Изслѣдованія по русскому языку. Т. II, в. 6). Спб. 1909.

строенные князья, вродѣ Владиміра Мономаха, но сила вещей брала свое: тѣмъ болѣе цѣнной представляется защита этой идеи авторомъ Слова, роднящая его въ этой роли также и съ авторомъ житійныхъ „сказаній“ о Борисѣ и Глѣбѣ, братская любовь которыхъ выставлялась назидательнымъ примѣромъ для подражанія.

Въ настоящее время уже не можетъ быть мѣста скептическому отношенію къ подлинности Слова о П. И., какъ памятника русской литературы конца XII вѣка. Трудями цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдователей раскрыты и выяснены хотя и не всѣ, но многія „темныя мѣста“ этого произведенія, и если въ установкѣ самаго текста памятника изслѣдователи и не пришли къ единодушію, то это явилось неизбежнымъ результатомъ совершенно необыкновенной судьбы единственной рукописи Слова; Сл. о П. И. поставлено въ историческую перспективу другихъ явленій русской письменности и народной поэзіи, подробно изученъ его языкъ и стиль; однимъ словомъ, сдѣлано вполне достаточно, чтобы судить и объ историческомъ значеніи этого памятника русской литературы древнѣйшей эпохи. Значеніе это очень велико. Это — единственный памятникъ „свѣтской“ поэзіи того времени, совершенно свободный отъ вліянія церковности. Какъ своего рода „историческая поэма“, онъ даетъ намъ яркое представленіе о тогдашней жизни княжеской, боярской и дружинной. Какого-нибудь болѣе широкаго поэтическаго горизонта, имѣя въ виду аналогичныя явленія западно-европейскихъ литературъ, мы не можемъ требовать отъ автора столь отдаленной эпохи. Мы находимъ въ немъ великолѣпное описаніе одного изъ многочисленныхъ походовъ русскихъ князей на степныхъ кочевниковъ, картины природы, изображенія душевнаго состоянія дѣйствующихъ лицъ,

ихъ радостей и печалей, ихъ мыслей и идеаловъ, и все это сочувственно объединено живымъ настроеніемъ автора, вложено въ рамки поэтической работы высокой цѣнности. Уже одна наличность такого памятника не можетъ быть дѣломъ мало-важнымъ въ глазахъ историка-наблюдателя нашей литературной старины. Она даетъ яркій просвѣтъ на всю эту эпоху, устанавливая значительное богатство ея литературнаго содержанія, хотя, безъ сомнѣнія, и въ очень узкихъ рамкахъ небольшого круга лицъ, принимавшихъ активное участіе въ духовной жизни на Руси той эпохи. Свѣтъ, бросаемый Словомъ о П. И., простирается и на послѣдующія столѣтія русской литературы, давая прочную базу для историческаго изученія другихъ, менѣе блестящихъ, обработокъ историческихъ сюжетовъ, напр. цикла сказаній о Куликовской битвѣ. Наконецъ, историкъ русской жизни и быта, государственности и культуры можетъ почерпнуть изъ Сл. о П. И. богатый матеріалъ, благодаря реализму этого произведенія, разнообразію наблюдательности его автора, глубинѣ и ясности его поэтическаго міросозерцанія.

---

## 6. Паломническая литература.

Путешествія русскихъ людей въ святыя земли и древнія извѣстія о нихъ. — „Хожденіе“ игумена Даниила; свѣдѣнія о личности автора и обстоятельствахъ его путешествія; литературная сторона этого произведенія, легендарныя и апокрифическіе его элементы; роль „Хожденія“ въ послѣдующіе вѣка древне-русской письменности. — „Паломникъ“ архіепископа Антонія; характеръ его изложенія, литературная и историческая цѣнность.

Среди другихъ проявленій литературныхъ интересовъ на Руси въ рассматриваемую эпоху видное мѣсто принадлежитъ описаніямъ путешествій въ святыя земли. Имѣя подъ собою реальную подкладку, описанія эти заключаютъ въ себѣ и занимательность повѣствованія о далекихъ краяхъ, и поучительность содержанія изъ области религіознаго благочестія въ соединеніи съ элементами народнаго вымысла, апокрифа и легенды. Характерной особенностью этихъ описаній является также и то, что, касаясь предметовъ, интересовавшихъ и западныхъ нашихъ сосѣдей того времени, они выходятъ по своему историческому интересу за предѣлы собственно русской письменности и, въ извѣстныхъ частяхъ, являются цѣннымъ достояніемъ общеевропейской паломнической средневѣковой литературы.

Хожденія русскихъ людей за предѣлы своего отечества съ благочестивою цѣлью поклоненія святынямъ ведутъ свое начало съ очень давняго времени. По преданію, преподобный Антоній, основатель Кіево-Печерскаго монастыря, совершилъ въ первой половинѣ XI вѣка путешествіе на Афонъ,

принявъ здѣсь постриженіе и благословеніе аеонскаго игумена на труды по распространенію пустынножительства въ русскихъ предѣлахъ. Θεодосій Печерскій мечталъ о путешествіи въ святія земли, но это желаніе не получило осуществленія; есть извѣстіе, что современникъ Θεодосія, игумень Печерскій Варлаамъ совершилъ въ 1062 году паломничество въ Палестину. Въ XII вѣкѣ подобные случаи паломничества сдѣлались настолько часты, что вызвали даже осужденіе къ нимъ со стороны духовной власти: именно, въ извѣстномъ „Вопрошаніи“ Кирика, Саввы и Ильи (1130—1156) къ Новгородскому архіепископу Нифонтѣ имѣются вопросы перваго и послѣдняго изъ нихъ о томъ, какъ смотрѣть на слишкомъ частыя путешествія къ святымъ мѣстамъ, на что Нифонтъ отвѣтилъ категорическимъ ихъ осужденіемъ: такія путешествія „губятъ“ землю, пріучая людей къ праздности и тунеядству<sup>1)</sup>. Конечно, Нифонтъ и его совопросники имѣли извѣстное основаніе смотрѣть такимъ образомъ на дѣло, но нельзя упускать изъ виду также и другой его стороны: путешествія въ чужія земли были въ ту пору важнымъ средствомъ общенія съ другими людьми, отвѣчали живой любознательности, будили мысль и расширяли опытъ. Едва ли можно сомнѣваться, что Нифонтъ имѣлъ въ виду т. ск. профессиональныхъ паломниковъ, особый типъ тѣхъ „каликъ переходящихъ“, которымъ народная поэзія придаетъ иногда столь внушительный, фантастическій образъ, но которые въ дѣйствительности нерѣдко бывали простыми нищими безъ роду и племени, безъ семьи и хозяйства, побиравшимися именемъ Христовымъ, но въ массахъ небезопасными по пустыннымъ дорогамъ и во всякомъ случаѣ бесполезными для нормальной гражданской жизни. Въ силу внѣшнихъ общеній, самое имя „паломники“ и „ка-

---

1) Памятники древне-русскаго каноническаго права. Ч. I. Спб. 1880, ст. 27. 61—62.

лики“ иноземнаго происхожденія: первое находится въ связи съ западнымъ названіемъ „palmati“, „palmarii“, какъ назывались тамъ эти путешественники, потому что приносили съ собою изъ путешествія на память о святыхъ мѣстахъ пальмовыя вѣтви, а второе ведетъ свое начало, вѣроятно, отъ названія (caligae, *καλίκα*) обуви „калига“, извѣстнаго въ старомъ русскомъ языкѣ и помимо примѣненія его въ паломничествѣ<sup>1)</sup>.

Путешествія русскихъ людей къ святымъ мѣстамъ, главнымъ образомъ въ Палестину и до половины XV вѣка въ Царьградъ, проходятъ длинной цѣпью черезъ рядъ вѣковъ, захватывая собою даже XVIII столѣтіе; описанія этихъ путешествій, сдѣланныя людьми самаго разнообразнаго общественнаго положенія, образуютъ собою ту паломническую литературу, которая является однимъ изъ самыхъ устойчивыхъ видовъ въ литературной жизни старой Руси. Въ этомъ стремленіи русскихъ людей заглянуть за предѣлы своей земли, къ религіознымъ побужденіямъ, съ теченіемъ времени, присоединяется торговая предприимчивость, какъ у Аѳанасія Никитина въ XV вѣкѣ, или соображенія государственной необходимости, какъ это было въ самомъ концѣ XVII в., дѣлая ареной путешествій уже совсѣмъ другія мѣста чужеземнаго міра.

Памятниками паломнической литературы XII вѣка являются труды игумена Даніила, побывавшаго въ Палестинѣ, и архіепископа Новгородскаго Антонія, совершившаго путешествіе въ Царьградъ.

**Хожденіе игумена Даніила.** Игуменъ Даніилъ оставилъ намъ свое „Хожденіе“, въ которомъ описываетъ совершенное имъ путешествіе черезъ Царьградъ въ Святую Землю и обратно; путь по русской землѣ не входитъ въ это описаніе, которое касается только Царьграда, главнымъ образомъ

1) Срезневскій, И. Словарь, I. 1181—1182.

Палестины и морскаго пути въ ту и другую сторону, съ городомъ Ефесомъ, о. Кипромъ и т. п.

Мы почти ничего не знаемъ о жизни этого перваго нашего писателя-паломника, кромѣ того, что онъ былъ игуменомъ какого-то монастыря или, какъ онъ называется въ рукописяхъ Хожденія, „русскія земли игумень“. По упоминанію въ его описаніи рѣки Снови, первый изслѣдователь этого писателя митр. Евгеній (въ журналѣ „Другъ Просвѣщенія“ Ч. I. 1806, мартъ, стр. 266—267) сдѣлалъ догадку, что онъ происходилъ изъ Черниговской области, такъ какъ рѣка съ этимъ именемъ имѣется недалеко отъ Чернигова; однако рѣка съ такимъ именемъ есть, напр., и въ нынѣшней Воронежской губерніи. При поминовеніи о здравіи русскихъ князей, Даніиль, наряду съ главными князьями, упоминаетъ и незначительныхъ князей Полоцко-Минскихъ, что также могло бы дать намекъ на какое-нибудь отношеніе его къ Полоцко-Минскому княжеству, находившемуся въ сосѣдствѣ съ Черниговской областью. Еще менѣе опредѣленно другое указаніе: въ описаніи чуда, совершившагося въ ночь на Пасху при святомъ гробѣ, Даніиль ссылается, между прочимъ, на случившихся тутъ „новгородцевъ“ и „кіянъ“, противопоставляя ихъ своей „дружинѣ“. Это можетъ указывать развѣ только на то, что онъ не былъ ни изъ Кіева, ни изъ Новгорода. Впрочемъ, Даніиль въ путешествіи по чужимъ землямъ, повидимому, и самъ на время забылъ о какомъ-либо мѣстномъ своемъ происхожденіи: вездѣ онъ чувствуетъ себя просто „рускимъ“: съ разрѣшенія „князя Балдвина“ онъ ставитъ у гроба Господня „кандило“ „отъ всея русскія земли“. Время странствованія Даніила скорѣе поддается опредѣленію: по мнѣнію М. В. Веневитинова, Даніиль былъ въ Палестинѣ между 1106 и 1108 годами<sup>1)</sup>. По собственному свидѣтельству Даніила, онъ пробылъ въ Іеруса-

1) Православный Палестинскій Сборникъ. Т. I, вып. 3, стр. 149.

лимѣ 16 мѣсяцевъ, живя въ лаврѣ св. Саввы, пользуясь тамъ гостепріимнымъ пріютомъ и совершая оттуда небольшія путешествія по святымъ мѣстамъ.

Изъ описанія путешествія можно заключить, что игумень Даніиль былъ далеко не дюжиннымъ паломникомъ въ Св. Землю. Путешествовалъ онъ не одинъ, а со свитой („дружиной“), которую, повидимому, взялъ съ собою изъ Россіи; изъ этой дружины онъ упоминаетъ нѣсколько разъ о какомъ-то Сѣдеславѣ Иванковичѣ. Изъ текста Хожденія не видно, чтобы Даніиль былъ кѣмъ-нибудь посланъ въ Палестину; вѣроятно же, что онъ отправился туда по собственному побужденію. Въ Палестинѣ онъ поставилъ себя, въ глазахъ властей, въ положеніе выдающееся и почетное; онъ не разъ упоминаетъ, что видѣлъ много такого, чего не надѣялся увидѣть; его пускали туда, куда другихъ не пускали. Самъ король Іерусалимскій Балдуинъ (1100—1118), во власти котораго находилась въ то время Палестина, оказывалъ ему особое вниманіе и, напр., на торжествѣ чудеснаго „исхожденія св. Духа“ поставилъ его въ церкви возлѣ себя, на весьма почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ немногими другими. Даніиль располагалъ вполнѣ достаточными денежными средствами въ путешествіи и не жалѣлъ денегъ на раздачу проводникамъ за ихъ труды и сообщенія. Кромѣ того, ему посчастливилось въ лаврѣ св. Саввы найти „мужа святого и стараго деньми и весьма книжнаго“, который полюбилъ русскаго паломника и принесъ ему великую пользу въ ознакомленіи съ Іерусалимомъ и всей Св. Землей.

Хожденіе Даніила представляетъ собою въ литературномъ отношеніи памятникъ весьма замѣчательный. Услѣдить полный процессъ его обработки представляется очень труднымъ, такъ какъ памятникъ дошелъ до насъ во множествѣ рукописей довольно позднихъ, не старѣе XV вѣка, и, вѣроятно, подвергся значительной переработкѣ сравнительно съ первоначальнымъ своимъ видомъ. Повидимому,

игумень вель, по мѣрѣ движенія въ дорогѣ, путевыя замѣтки и потомъ уже придавъ имъ окончательную форму. Судя по этой формѣ, насколько мы ее знаемъ, авторъ не ставилъ передъ собою какого-либо опредѣленнаго литературнаго плана въ своемъ произведеніи; его сочиненіе производитъ впечатлѣніе отрывочности и несоразмѣрности въ частяхъ, но это — порядокъ самый естественный для такого содержанія, съ какимъ является передъ нами трудъ игумена Даніила. Самой обширной статьёй является рассказъ „О свѣтѣ святомъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню“; другія имѣютъ меньшій объемъ и расположены въ общемъ согласно топографическому порядку отдѣльныхъ моментовъ путешествія. Придерживаясь этого порядка въ своемъ рассказѣ, Даніилъ мѣряетъ болѣе крупныя разстоянія „верстами“, а мелкія — какъ „двадцати дострѣлити гораздо“ или „яко можно доверечи (добросить) каменемъ малымъ“ и т. п. Обозначенія эти сдѣланы были описателемъ съ величайшей добросовѣстностью и получили впоследствии большую цѣну для топографическаго изученія Палестины, существенно дополняя собою свѣдѣнія о тѣхъ же предметахъ, переданныя западными путешественниками, вродѣ Аркульфа, Виллибальда, Елифанія, Зевульфа и др.<sup>1)</sup>

Кругъ интересовъ нашего путешественника, поскольку онъ отразился въ Хожденіи, по преимуществу религіозный: онъ говоритъ о святыхъ мѣстахъ и предметахъ, приводитъ соотвѣтствующія о нихъ воспоминанія и рассказы. Но нельзя сказать, чтобы другіе предметы его совершенно не интересовали. Напр., объ островѣ Ахіи онъ замѣчаетъ, что „въ томъ островѣ рождается мастика и вино доброе и овощъ

1) См. о Даніилѣ, какъ писателѣ, отзывъ проф. I. H. Zappa: *Neue architectonische Studien und historisch-topographische Forschungen in Palästina*. 1867. (Пыпинъ, И. Р. Л. I, 372). Столь же высоко оцѣниваетъ трудъ Даніила и новѣйшій англійскій изслѣдователь: *The oldest monument of russian travel*, by C. Raymond Beazley. *Transactions of the Royal Historical Society. New series. Vol. XIV (1900), стр. 175—185.*

всякій“ (по изд. Веневитинова, стр. 6); на Фаворской горѣ онъ отмѣтилъ „смоковь, рожьци и масличіе много зѣло“ (стр. 110); въ окрестностяхъ Іерихона „земля добра и многоплодна, и поле красно и равно и около его финици мнози стоятъ высоци и всякая дрѣвеса многоплодовита суть“ (стр. 50), а о горѣ Хевронѣ онъ выразился такимъ образомъ: „поистинѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога всѣмъ добромъ: пшеницею и виномъ и масломъ и всякимъ овощомъ обильна есть зѣло, и скотомъ умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтомъ, и пчелами увязло ту есть въ каменіи по горамъ тѣмъ краснымъ; суть же и виногради мнози по пригоріемъ тѣмъ и дрѣвеса многоовощная стоятъ безъ числа, масличіе, смокви, и рожьци, и яблони, и черешни, инородія (гроздія) и всякій овощъ ту есть; и есть овощъ тѣ лучи и болій всѣхъ овощей сущихъ на земли подъ небесемъ, нѣсть такого овоща нигдѣ же“ (стр. 72—73). Тутъ уже прямо виденъ челоувѣкъ неравнодушный къ хозяйству.

Условія собиранія Даниломъ свѣдѣній о священныхъ мѣстахъ и предметахъ, время, когда онъ жилъ, и самая личность паломника были причиною того, что въ эти рассказы въ значительной степени внесень легендарный и апокрифическій элементъ, что придаетъ „Хожденію“ Даниила высокій интересъ, какъ памятнику литературы. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что немалую долю легендарно-апокрифическаго элемента внесъ въ его рассказы „книжный“ и опытный спутникъ Даниила изъ монастыря св. Саввы. Рассказы эти вращаются вокругъ главнѣйшихъ лицъ и событій какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ<sup>1)</sup>.

1) Подробный обзоръ ихъ сдѣланъ въ статьѣ П. Заболотскаго „Легендарный и апокрифическій элементъ въ Хожденіи иг. Даниила“: Русскій Филологическій Вѣстникъ 1899 № 1—2 стр. 220—237, № 3—4 стр. 237—273.

Конечно, въ центрѣ этихъ разсказовъ стоитъ личность Иисуса Христа. Авторъ сообщаетъ о поклоненіи волхвовъ въ пещерѣ — тогда какъ евангелисты помѣщаютъ это событіе просто въ домѣ — и о томъ, что въ моментъ посѣщенія волхвовъ Христу уже было два года, о чемъ евангелисты совершенно умалчиваютъ; первое указаніе находится въ распространенномъ на славянской почвѣ апокрифическомъ „Первоевангеліи Іакова“, второе въ т. наз. „Псевдо-Матѳеѣ“. Разсказывается далѣе о томъ, что Иисусъ собственными руками совершилъ погребеніе Іосифа-Обручника, о возвращеніи Іордана вспять въ моментъ крещенія Господня; опредѣляется точно мѣсто искушенія Христа дьяволомъ (пещера „въ горѣ Гаваонской“, вмѣсто евангельской „пустыни“); указывается мѣсто предательства Христа Іудой также въ особой „пещерѣ“, вмѣсто сада. Эти указанія на „пещеры“, не во всемъ подтверждаемыя извѣстными доселѣ памятниками апокрифической письменности, но распространенныя среди русскихъ и иноземныхъ паломниковъ позднѣйшаго времени, возникали, вѣроятно, на мѣстѣ, удобно локализуя на опредѣленныхъ мѣстахъ тѣ или другія событія при разсказѣ о нихъ благочестивымъ путешественникамъ. Точно также несогласно съ евангельскимъ текстомъ передаются и другіе моменты изъ жизни Спасителя — его чудеса, страданія и смерть. Изъ распространеннаго круга прообразовательныхъ апокрифическихъ сказаній мы встрѣчаемъ у Даниила разсказъ о видѣнномъ имъ камнѣ, подъ которымъ лежитъ „глава первозданнаго Адама“; посреди этого камня высѣчена скважина, въ которой водруженъ былъ крестъ Господень, и когда Христосъ висѣлъ на крестѣ, то истекавшая изъ тѣла кровь и вода омыли главу Адама, а вмѣстѣ съ нею и грѣхи всего человѣчества. Лицеврѣніе храма, построеннаго на мѣстѣ воскресенія Христа, вызываетъ у Даниила сообщеніе о „пупѣ земли“, который будто бы находится внѣ стѣны, за алтаремъ этого храма. Цѣлый рядъ

сказаній, передаваемыхъ Данииломъ, касается Богородицы: напр., недалеко отъ Назарета Данииль указываетъ на колодець, у котораго Дѣвѣ Маріи впервые явился архангелъ, что также имѣется въ „Первоевангеліи“ Іакова; рассказываетъ о подробностяхъ ночлега Св. Семейства во время бѣгства въ Египеть, о смерти Богородицы и пр. Въ меньшей степени, но все-же останавливали на себѣ вниманіе Даниила и событія-воспоминанія изъ Ветхаго Завѣта: о Мельхиседекѣ, Даниилѣ, Моисеѣ, Давидѣ и т. д. Вообще съ этой стороны рассказъ игумена Даниила чрезвычайно богатъ содержаніемъ, глубоко интересовавшимъ его современниковъ и читателей „Хожденія“.

Впрочемъ, въ трудѣ Даниила привлекало читателей не одно содержаніе, но и самая личность автора, его замѣчательная искренность, чистосердечіе и глубоко-прочувствованный тонъ всего рассказа (ср., напр., вступительныя слова передъ описаніемъ Іерусалима: стр. 14—15; описаніе Содомскаго или Мертваго моря: стр. 56; описаніе труднаго и опаснаго пути къ Хеврону: стр. 69).

Какую цѣль имѣлъ Данииль, рѣшившійся не ограничиться посѣщеніемъ святыхъ мѣстъ, а сдѣлать имъ подробное описаніе? На это онъ самъ даетъ вполне опредѣленный отвѣтъ: съ одной стороны, онъ пожелалъ закрѣпить письмомъ свои впечатлѣнія, „дабы не забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному“, а съ другой — онъ надѣялся, что его трудъ прочтутъ и другіе „вѣрніи люди“ „на спасеніе своей души“ и „пріимуть равную мзду отъ Бога“ съ тѣми, кто, какъ онъ самъ, удостоились личнаго посѣщенія Св. Земли, причемъ онъ пользуется случаемъ высказать тутъ свое осужденіе по адресу тѣхъ изъ паломниковъ, которые, „вознесшеса умомъ своимъ“, поставляютъ себѣ въ какую-то особую личную заслугу подобное путешествіе (стр. 2—3).

Заслуживаетъ вниманія судьба этого памятника въ на-

шей древней литературѣ. „Хожденіе“ (или иначе „Странникъ“, „Паломникъ“, „Сказаніе“, „Житіе и хожденіе“) дошло до насъ въ огромномъ количествѣ списковъ, писанныхъ на протяженіи XV—XIX вѣковъ; число ихъ теперь насчитывается до 90<sup>1)</sup>. Въ отдѣльномъ видѣ по рукописямъ памятникъ этотъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко, являясь почти исключительно въ разнаго рода сборникахъ. Наблюдая составъ этихъ сборниковъ, мы получаемъ довольно отчетливое представленіе о той роли, которую играло „Хожденіе“ въ разное время среди древне-русскихъ читателей: въ XV вѣкѣ и, вѣроятно, раньше оно служило какъ бы справочной книжкой или гидомъ для богомольцевъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ; въ XVI в. взглядъ на него колебался между понятіемъ справочной книжки и исторической записи о Палестинѣ, такъ какъ практическимъ требованіямъ богомольцевъ гораздо лучше удовлетворяли уже болѣе современныя описанія Палестины, напр. сочиненіе Трифона Коробейникова, получившее чрезвычайное распространеніе; въ XVII и XVIII вв. этотъ взглядъ на Даниилово Хожденіе, какъ на историческую записку, уже окончательно устанавливается, и съ этой цѣлью назидательнаго чтенія продолжаютъ заносить его въ свои рукописные сборники любители такого рода занятій; въ XIX вѣкѣ къ этому памятнику возбуждается уже научный интерес<sup>2)</sup>, и въ 1837 году появляется первое его изданіе.

Лучшее изданіе „Хожденія“ игумена Даниила принадлежитъ М. В. Веневитинову, составляя 3 вып. I-го тома „Православнаго Палестинскаго Сборника“ (СПБ. 1883); изъ болѣе раннихъ имѣетъ наибольшую цѣну изданіе Археографической Комиссіи, подъ редакціей А. С. Норова (СПБ. 1864). Веневитинову же принадлежитъ и очень хорошее,

\* 1) Владиміровъ. Др. русск. лит., стр. 213—214.

2) См. объ этомъ: Рузскій, Н. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ Хожденіе въ Святую Землю русскаго игумена Даниила въ нач. XII вѣка. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1891, кн. 3.

впрочемъ не оконченное, изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ, въ „Лѣтописяхъ Занятій Археографической Комиссіи“, вып. VII (1884), стр. 1—138.

**Паломникъ архіепископа Антонія.** „Паломникъ“ Антонія, архіепископа Новгородскаго, также представляетъ собою памятникъ довольно замѣчательный, хотя по своимъ размѣрамъ, характеру изложенія и по своей литературной судьбѣ онъ не можетъ равняться съ произведеніемъ игумена Даниила.

Личность Антонія въ церковной исторіи Новгорода достаточно извѣстна. До поступленія въ монашество онъ носилъ имя Добрыни Ядрейковича (Андрейковича) и, какъ одинъ изъ благочестивыхъ обывателей Новгорода, находился, повидимому, въ дружескихъ отношеніяхъ съ преп. Варлаамомъ Хутынскимъ. Свое путешествіе въ Царьградъ онъ совершилъ, еще въ свѣтскомъ званіи, въ 1200 году. Сколько времени пробылъ путешественникъ въ Царьградѣ, съ точностью опредѣлить невозможно: одни предполагаютъ, что не менѣе года, другіе — до 1204 года, третьи до 1211 года. Никакихъ свѣдѣній о самомъ пути Добрыни отъ Новгорода до Царьграда и обратно, а равно и о времени его возвращенія въ Новгородъ мы не имѣемъ; правда, I Новгородская лѣтопись говоритъ о возвращеніи Добрыни подъ 1211 годомъ, но текстъ этого сообщенія не достаточно ясенъ и вызываетъ сомнѣнія относительно его толкованія. Вернувшись изъ Царьграда, Добрыня черезъ нѣкоторое время удалился въ Спасскій Хутынскій монастырь и принялъ здѣсь постриженіе подъ именемъ Антонія. Когда въ 1211 году Новгородскій архіепископъ Митрофанъ былъ лишенъ своей каѳедры, на его мѣсто былъ избранъ, очевидно уже сдѣлавшійся довольно извѣстнымъ къ тому времени, Антоній. Служеніе его въ санѣ Новгородскаго архіепископа было не прочно: ему пришлось нѣсколько разъ покидать свою каѳедру вслѣдствіе переменъ въ новгородскихъ симпатіяхъ къ нему, пре-

тензіи на это мѣсто другихъ кандидатовъ и вмѣшательства Кіевскаго митрополита; послѣ троекратнаго вступленія во власть, Антоній въ 1227 году, уже больной, окончательно удалился въ свой любимый Хутынскій монастырь на покой и умеръ здѣсь 8 октября 1231 года.

Первое извѣстіе о сочиненіи Добрыни-Антонія сообщено было П. М. Строевымъ въ „Журн. М. Н. Пр.“ въ 1834 году, но самый текстъ „Паломника“ изданъ впервые лишь въ 1872 году П. И. Савваитовымъ на средства Археографической Комиссіи. Издателю извѣстенъ былъ только одинъ списокъ этого памятника, писанный — по опредѣленію Савваитова — не позже пачала XV вѣка. Съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ еще пять списковъ „Паломника“, на основаніи которыхъ и появилось новое, превосходное въ научномъ отношеніи, изданіе этого памятника въ 51-мъ выпускѣ „Православнаго Палестинскаго Сборника“, подъ редакціей и съ обширной вводной статьёй Х. М. Лопарева (Спб. 1899). Новый издатель считаетъ время написанія списка, послужившаго оригиналомъ для изданія Савваитова, не ранѣе XVI вѣка; другіе списки онъ относитъ къ XVI—XVIII вв., а въ основу своего изданія кладетъ списокъ А. И. Яцимирскаго XVI вѣка, пользуясь другими списками для варьянтовъ. „Паломникъ“ Добрыни-Антонія, сравнительно съ трудомъ игумена Даниила, очень кратокъ по содержанію и сухъ по изложенію, что и дало поводъ Е. Е. Голубинскому произнести надъ нимъ весьма суровый приговоръ. Этотъ историкъ полагаетъ, что сочиненіе Антонія есть не описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя, а лишь указатель къ обзорѣнію святыхъ послѣдняго, да и то — указатель „немудреный“, не представлявшій ни малѣйшаго интереса для чтенія<sup>1)</sup>. Но едва ли можно присоединиться въ полной мѣрѣ къ такому

1) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., стр. 837—838.

отрицательному отзыву. „Паломникъ“, правда, интересуется исключительно святынями Царьграда, описываетъ ихъ весьма сжато, почти въ видѣ простаго перечня, но въ археологическомъ отношеніи его извѣстія имѣютъ высокую цѣну: Антоній посѣтилъ Царьградъ не задолго до взятія его крестоносцами (съ 1204 году), видѣлъ знаменитый храмъ св. Софіи во всемъ его блескѣ, со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ драгоценностей, и описаніе послѣднихъ занесъ въ свое сочиненіе по мѣрѣ разумѣнія; показанія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются даже единственными. Другія части его описанія не чужды замѣтокъ и указаній, подавшихъ поводъ — подобно труду игумена Даниила — къ любопытнымъ соображеніямъ и домысламъ изъ области литературной, въ частности апокрифической старины: напр., чудеса 17 февраля и 21 мая 1200 года, имѣвшія мѣсто въ церкви Богородицы и въ храмѣ св. Софіи въ Царьградѣ, преданіе касательно чернеца Константина, легенда о св. Зотикѣ. Наконецъ, онъ даетъ нѣсколько единственно у него имѣющихся свѣдѣній о разныхъ историческихъ лицахъ частью изъ византійской, а главнымъ образомъ изъ русской исторіи: объ Ольгѣ, Борисѣ и Глѣбѣ, о русской княгинѣ Ксеніи, о посольствѣ въ Царьградъ Волынскаго князя Романа и др. <sup>1)</sup>

Конечно, Добрыня-Антоній является въ своемъ трудѣ такимъ же благочестивымъ паломникомъ, проникнутымъ благоговѣйнымъ чувствомъ ко всему имъ видѣнному по части святынь, какъ и Даниилъ. Но, съ одной стороны, царьградскія святыни не могли заключать въ себѣ такого глубоко захватывающаго интереса, какъ палестинскія, а съ другой — и самая натура Добрыни-Антонія, менѣе экспансивная и восторженная, сдѣлала его рассказъ въ значи-

---

1) Предисловіе X. М. Лопарева къ его изданію „Паломника“, стр. XXXVII—CXIII.

тельной степени лишеннымъ тѣхъ качествъ, которыя создаютъ популяриность въ широкой средѣ читателей. Кромѣ того, цѣльности впечатлѣнія отъ памятника могло вредить и то, что онъ созданъ — какъ надо думать — въ два приѣма, имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ одна написана до взятія Царьграда крестоносцами въ 1204 году, а другая — рукою самого же автора — составлена послѣ того, когда онъ узналъ объ этомъ событіи, и повидимому не была имъ окончена<sup>1)</sup>. М. б., этими обстоятельствами и слѣдуетъ объяснить гораздо меньшую распространенность „Паломника“ Добрыни-Антонія сравнительно съ трудомъ игумена Даніила. Оба эти труда, посвященные двумъ главнѣйшимъ пунктамъ благочестиваго паломничества русскихъ людей въ старую эпоху, Царьграду и Іерусалиму, являются вмѣстѣ съ тѣмъ типическими выразителями двухъ приѣмовъ или манеръ въ нашей паломнической литературѣ древняго періода: пространнаго, воодушевленнаго, не чуждаго лиризма, цѣннаго въ литературномъ отношеніи разказа — съ одной стороны и нѣсколько сухого отчета о видѣнномъ, краткаго и важнаго преимущественно въ историческомъ отношеніи — съ другой.

---

1) Предисловіе Х. М. Лопарева, стр. XIX—XXI.

---

## 7. Нѣсколько замѣчаній о переводной литературѣ. Апокрифы.

Переводная литература. — Апокрифы и отреченныя книги. — Индексъ въ южно-славянской и русской письменности. — Трудность хронологическаго приуроченія апокрифовъ и отреченныхъ книгъ на русской почвѣ. — Общія заключенія о литературѣ древнѣйшей эпохи.

До сихъ поръ въ нашемъ обзорѣни рѣчь шла о такихъ памятникахъ, происхожденіе которыхъ на русской почвѣ является болѣе или менѣе достовѣрнымъ. Но оригинальныя произведенія въ рассматриваемую эпоху составляли лишь небольшую часть всего объема русской письменности; гораздо больше было переводовъ. И это вполне естественно: разнообразныя умственные и нравственно-религіозныя потребности вызваннаго со введеніемъ христіанства къ новой жизни русскаго народа потребовали сразу и довольно обширной литературы, которая не могла быть создана на мѣстѣ, и на помощь этому пришла Византія — черезъ посредство южныхъ славянъ, гдѣ уже былъ богатый запасъ разнаго рода переводовъ съ греческаго, особенно въ Болгаріи въ знаменитую эпоху царя Симеона въ X вѣкѣ. Усвоеніе этого запаса, въ виду общности литературнаго языка, не представляло для русскихъ людей большой трудности; кое-что переведено было съ греческаго и въ Россіи. Количество этихъ переводовъ, оказавшихся въ распоряженіи русскаго читателя въ первые вѣка русской письменности, было такъ значительно, что, напр. по мнѣнію А. И. Соболев-

скаго, въ это время русскіе уже могли читать „почти всё тѣ южно-славянскіе переводы IX—X вѣковъ, которые мы знаемъ по дошедшимъ до насъ спискамъ“<sup>1)</sup>. Однако подсчитать, хотя бы съ приближительной точностью, какія литературныя переводныя произведенія имѣли мы, напр., къ концу XII вѣка, представляется въ настоящее время невозможнымъ. Въ общемъ обзорѣніи этого отдѣла нашей литературы хронологическія грани приходится оставить въ сторонѣ, и въ такомъ именно видѣ распредѣленія лишь по отдѣламъ относительно содержанія обзоръ переводныхъ произведеній первыхъ вѣковъ нашей письменности (до - монгольской) данъ у П. В. Владимірова<sup>2)</sup>. Тутъ мы находимъ: книги Св. Писанія, сочиненія отцовъ церкви (Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Ефремъ Сиринъ, Теодоръ Студитъ, Теодоръ Кирскій, Никонъ Черногорецъ и др.), хронографы (Іоаннъ Малала, Георгій Амартолъ, Константинъ Манассія и пр.), минеи, прологи, патерики<sup>3)</sup>, „Физиологъ“, „Пчелу“ и т. п. Впрочемъ, хронологическія рамки этого перечня далеко не являются безспорными. Несомнѣнными свидѣтелями наличности переводовъ, кромѣ текстовъ Св. Писанія, прологовъ и пр., являются для XI—XII вв. такія произведенія нашей письменности, какъ оба Изборника Святослава 1073 и 1076 гг., извѣстный сборникъ Успенскаго Собора XII в. и т. п.

Большая часть переводныхъ произведеній русской письменности XI—XII вв. стоитъ въ сторонѣ отъ интересовъ историко-литературнаго изученія, отходя въ исторію языка или въ область различныхъ вопросовъ церковной исторіи, права; въ крайнемъ случаѣ, историкъ литературы можетъ

1) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. СПб. 1903, стр. V.

2) Древняя русская литература, стр. 10—52.

3) Болѣе подробный перечень ихъ см. у Абрамовича: Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, стр. 131—141.

включить ихъ въ кругъ своего наблюденія лишь съ точки зрѣнія литературныхъ приѣмовъ нашихъ старыхъ книжниковъ-переводчиковъ или общаго характера тогдашнихъ потребностей въ области книжныхъ интересовъ. Но есть среди переводныхъ произведеній одинъ отдѣлъ, литературная цѣнность котораго весьма велика. Это т. наз. „апокрифы“ и „отреченныя книги“. Въ предшествующемъ обзорѣ оригинальныхъ произведеній письменности намъ не разъ приходилось, въ отдѣльныхъ случаяхъ, указывать на этотъ родъ литературы, напр. при опредѣленіи письменныхъ источниковъ Начальной Лѣтописи или при характеристикѣ „Хожденія“ игумена Даниїла. Будучи весьма популярными, апокрифы входили частями или въ цѣломъ въ произведенія оригинальнаго происхожденія; нерѣдко они оставляли въ нихъ свои слѣды отдѣльными фразами, едва замѣтными отбѣнками, которые могутъ быть открыты лишь при весьма внимательномъ наблюденіи. Такая роль апокрифовъ въ произведеніяхъ древнѣйшей нашей письменности являлась преимущественно результатомъ усвоенія апокрифическаго содержанія на память, подобно памятникамъ народной поэзи, въ которую апокрифы также входили, какъ составная часть.

Но что надо разумѣть подъ самымъ названіемъ „апокрифа“ и „отреченной книги“?

Названія эти отнюдь не тождественны по своему значенію: не всякій апокрифъ есть отреченная книга и не всякая отреченная книга есть апокрифъ. „Апокрифъ“ (*ἀποκρυφος*) первоначально обозначалъ нѣчто скрытое, тайное, таинственное. Тайное или таинственное въ книжной области имѣлось еще и до христіанства, а въ первые вѣка христіанства это понятіе получило широкое приложеніе: апокрифами или апокрифическими книгами стали называться очень рано такія произведенія, которыя, касаясь церковныхъ сюжетовъ, по разнымъ причинамъ не почитались на ряду съ т. наз. богодухновенными книгами. Точнаго опредѣленія, въ отноше-

ніи содержания, апокрифическихъ книгъ церковь не установила; разными лицами или авторитетами и въ разное время однѣ и тѣ же книги считались апокрифическими и не считались. Апокрифическія книги издавна были и въ Вѣтхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ. Весьма рано также назрѣла потребность официально признать нѣкоторые апокрифы т. е. вредными для христіанина-читателя, поставить ихъ въ число книгъ „запрещенныхъ“ или „отреченныхъ“ (ἀπόρρητα), „ложно написанныхъ“ (ψευδοπύραφα): такъ возникъ знаменитый впоследствии „индексъ“ подобныхъ книгъ, имѣвшій свою длинную и весьма любопытную исторію. Итакъ: апокрифъ — это всякая книга, рассказывающая о ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ событіяхъ и не признанная въ составъ „канона“, а отреченная — это книга, признанная церковнымъ авторитетомъ вредной и потому внесенная въ „индексъ“; но въ индексъ входили и въ собственномъ смыслѣ неапокрифическія книги, равно какъ и нѣкоторые апокрифы не нашли себѣ мѣста въ „индексѣ“.

„Канонъ“ священныхъ книгъ, т. е. совершенно опредѣленный кругъ сочиненій богодухновенныхъ, не былъ наслѣдіемъ апостольскаго вѣка, какъ это было бы естественно думать. Онъ начинается слагаться лишь со II вѣка христіанской эры. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ этому были ереси, волновавшія христіанскую церковь особенно въ II—IV вѣкахъ, когда была постоянная нужда въ авторитетныхъ ссылкахъ, а между тѣмъ появлялись сочиненія явно „ложно-написанныя“. Многіе отцы церкви (напр., Евсевій, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Богословъ) посвящали свои труды опредѣленію этого „канона“, при чемъ всякая не упомянутая въ немъ книга должна была считаться „ложной“ и „отреченной“. вмѣстѣ съ этимъ очень рано возникли попытки и перечня „апокрифическихъ“ книгъ — въ смыслѣ ихъ ложности и отреченности сравнительно съ книгами по-длинно каноническими: однимъ изъ самыхъ раннихъ явля-

ется перечепь, приписываемый Анастасію Синаиту (VI в.). Затѣмъ, оба эти перечня соединялись, для удобства пользования ими и для наглядности, въ одно произведеніе, и т. о. получался „индексъ книгъ истинныхъ и ложныхъ“. Это т. ск. двустороннее произведеніе имѣло свое главное распространеніе на славянской почвѣ, куда, съ просвѣщеніемъ славянъ христіанской вѣрой, широкимъ потокомъ нахлынули вмѣстѣ съ „истинными“ книгами и многія „ложныя“, не только какъ источники вѣры, но и какъ средства просвѣщенія и какъ памятники литературы.

Въ связи съ упомянутымъ перечнемъ Анастасія Синаита находится и древнѣйшій южно-славянскій индексъ апокрифическихъ и отреченныхъ книгъ, возникшій, вѣроятно, не позднѣе первой половины XI вѣка: въ немъ есть замѣчательная ссылка на обличительное посланіе константинопольскаго патріарха Сисинія (994—997) противъ болгарскаго „попа Іереміа“—еретика. Этотъ древнѣйшій славянскій индексъ имѣется въ Номоканонѣ XIV в. изъ собранія Погодина № 31 и оттуда впервые напечатанъ А. Н. Пыпинымъ въ I вып. „Лѣтописи Занятій Археографической Комиссіи“ (Спб. 1862), стр. 26—27. Списокъ или „канонъ“ однѣхъ только истинныхъ книгъ встрѣчается на русской почвѣ гораздо раньше, напр. въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года; но и для списка ложныхъ или отреченныхъ книгъ мы вправѣ предполагать болѣе раннее его существованіе, чѣмъ XIV вѣкъ, такъ какъ уже въ первые три вѣка русской церковной жизни нужда въ такомъ перечнѣ несомнѣнно ощущалась.

Весьма замѣчательно, что этотъ древнѣйшій изъ южно-славянскихъ индексъ ложныхъ книгъ обнаруживаетъ черты значительной независимости отъ подобныхъ же произведеній византійской литературы: въ немъ есть указаніе на такія книги, упоминанія которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ греческихъ индексъ, напр. Вопросы Іоанна

Богослова къ Аврааму на горѣ Елеонской, Епистолія о недѣлѣ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Прѣніе дьявола со Христомъ, О Соломонѣ и Китоврасѣ басни и кошуны и пр. <sup>1)</sup>).

Южно-славянскій индексъ послужилъ точкой отправленія для не менѣ самостоятельнаго развитія подобнаго индекса на русской почвѣ и примѣнительно къ условіямъ русскаго литературнаго развитія. Въ Молитвенникѣ митрополита Кипріана (XIV в.) къ южнославянскому перечню, извѣстному по Погодинскому Номоканону, прибавленъ еще отдѣлъ „боготметныхъ и ненавидимыхъ“ книгъ, подъ которыми разумѣются гадательныя книги. Это уже весьма существенное измѣненіе въ содержаніи индекса: къ неканоническимъ книгамъ церковнаго содержанія присоединены и свѣтскія; т. о., къ книгамъ неканоническимъ приравнивались разнаго рода суевѣрія вродѣ „громовника“, гаданія по полету птицъ и пр. Въ дальнѣйшей исторіи развитія русской „статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ эта особенность удерживается до конца. Что послужило Кипріану источникомъ для внесенія въ свой индексъ упомянутыхъ гадательныхъ книгъ — реальныя ли условія южно-славянской и русской литературной жизни или подобныя же греческіе перечни — это еще вопросъ, который можно разрѣшать двояко. Къ концу XV вѣка относится „Сказаніе Изосимы митрополита русскаго (1490—1494) о отреченныхъ книгахъ“, въ которомъ статья Кипріана о ложныхъ книгахъ читается безъ всякихъ измѣненій. Въ многочисленныхъ индексахъ XVI в. этотъ отдѣлъ „ложныхъ книгъ“ значительно разростается, принимая въ себя „астрономію“, „землемѣріе“ и т. п. и, наконецъ, закрѣпляется въ знаменитой „Кирилловой Книгѣ“ 1644 года, гдѣ также находится и самая подробная редакція перечня книгъ „истинныхъ“; въ числѣ послѣднихъ фигурируютъ уже не только неканоническія книги греческаго происхо-

1) Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. Т. I, стр. 142.

ждения, вродѣ „Житія Василя Новаго“, но и русскія сочиненія, напр. „Странникъ“ игумена Даниила<sup>1)</sup>.

Такъ создавалась постепенно „статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, имѣвшая въ литературной и культурной жизни древней Руси громадное значеніе; невѣжественная масса вѣрила въ букву этого перечня. А между тѣмъ самый перечень былъ полонъ неясностей и внутреннихъ противорѣчій. Перечень предостерегалъ, напр., отъ вѣры въ апокрифическіе рассказы объ Енохѣ, Адамѣ, Ламехѣ, о видѣнной Іаковомъ лѣстницѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ — и въ то же время помѣщалъ въ число „истинныхъ“ книгъ Палею, въ которой многія изъ „ложныхъ“ книгъ и сказаній систематически собраны были вмѣстѣ; перечень называлъ въ числѣ истинныхъ книгъ „12 миней-четыихъ“, — но въ этихъ самыхъ минеяхъ помѣщались и „Слово отъ книгъ Еноха Праведнаго“, и „Сказаніе Афродитіана“, и „Хожденіе Зосимы къ Рахманамъ“, и многія другія апокрифическія сочиненія.

Впрочемъ, несмотря на всяческія запрещенія и предостереженія отъ „ложныхъ“ книгъ, послѣднія читались и переписывались чрезвычайно усердно; росла и умножалась также и болѣе или менѣе самостоятельная работа въ этомъ направленіи, какъ плодъ дѣятельности фантазіи, любознательности и невѣжества. Въ результатѣ получилась огромная масса этихъ то „апокрифическихъ“, то „отреченныхъ“ произведеній, которыя составляютъ, въ своей совокупности, одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ нашей старой письменности.

Историческое изученіе „апокрифовъ“ и „отреченныхъ книгъ“ представляетъ очень большія трудности, и въ наукѣ сдѣлано еще слишкомъ мало для того, чтобы можно было хотя съ нѣкоторой точностью прослѣдить время появленія

1) Тамъ же, I, стр. 143—149. Сводный перечень книгъ, которыя „древнею Россіею въ различныя времена считались ложными и отреченными“, напечатанъ Н. С. Тихоновымъ въ предисловіи къ его „Памятникамъ отреченной русской литературы“ (I, стр. I—X).

на русской почвѣ каждаго подобнаго произведенія и начертить картину развитія этого отдѣла нашей литературы. Поэтому, не покидая принятыхъ нами хронологическихъ рамокъ изложенія, мы затрудняемся дать свѣдѣнія о содержаніи отреченной и апокрифической литературы для XI—XII вѣковъ и внесли предыдущія разсужденія въ рамки этого періода лишь на томъ основаніи, что возникновеніе названнаго отдѣла памятниковъ относится все-таки къ первой эпохѣ русскаго литературнаго развитія; дальнѣйшая же жизнь его падаетъ на послѣдующее время — вплоть до конца XVII вѣка. Съ содержаніемъ апокрифовъ и отреченныхъ книгъ древняго періода русской литературы, внѣ строгаго ихъ хронологическаго приуроченія, можно ознакомиться по изданіямъ Н. С. Тихонравова<sup>1)</sup>, А. Н. Пыпина<sup>2)</sup>, И. Я. Порфирьева<sup>3)</sup> и др.

Сводя теперь вмѣстѣ полученныя ранѣе наблюденія надъ отдѣльными памятниками русской литературы XI—XII вв., мы можемъ вкратцѣ охарактеризовать „древнѣйшую эпоху“ слѣдующими чертами. Съ внѣшней стороны, литература этого времени сосредоточивается главнымъ образомъ въ Кіевѣ, и примыкающіе къ нему другіе литературные центры не обнаруживаютъ сколько-нибудь замѣтной оригинальности. По содержанію и по формѣ, литература эта довольно разнообразна, явившись таковою изъ Византіи черезъ по-

1) Памятники отреченной русской литературы. Т. I—II. Спб. и М. 1863.

2) Ложныя и отреченныя книги русской старины. Пам. стар. русской л-ры. Изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко. Вып. III. Спб. 1862. См. объ этомъ изд. критическую статью Тихонравова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1862 № 1 (и въ „Сочиненіяхъ“ I, прим. стр. 14—23).

3) Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сб. II Отд. А. Н. Т. 17. Спб. 1877; Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сб. II Отд. А. Н. Т. 52. Спб. 1890.

средство южно-славянской письменности. Общій ея характеръ — удовлетвореніе практическимъ потребностямъ времени и нравственно-религіознымъ запросамъ народа, только что обращеннаго въ христіанскую вѣру; отсюда — назидательный тонъ литературы и значительное единство общаго настроенія. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ въ XII вѣкѣ мы замѣчаемъ уже и слѣды самостоятельной жизни, отраженіе реальныхъ условій дѣйствительности — любовь у русскихъ авторовъ къ родной землѣ и стремленіе обсуждать ея общіе интересы; таковы въ особенности Начальная Лѣтопись и Слово о Полку Игоревѣ. Хотя литературу этого времени нельзя считать совершенно космополитичной и лишенной патріотическаго настроенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя наблюдать въ ней и той яркой идейности въ общественномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, которая отличаетъ литературныя явленія позднѣйшей эпохи. Въ собственно литературномъ отношеніи, мы замѣчаемъ въ „древнѣйшую эпоху“ еще значительную слабость литературнаго сознанія, неясность и наивность воззрѣній авторовъ на сущность, характеръ и значеніе литературнаго труда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды писателей выдѣляются нѣсколько выдающихся по своимъ литературнымъ дарованіямъ лицъ, обнаруживающихъ сравнительно большое напряженіе писательской энергіи и обусловившихъ впечатлѣніе свѣжести и непосредственности того литературнаго возбужденія, которое несомнѣнно наблюдается въ эпоху первыхъ двухъ столѣтій нашей литературной жизни.

### III. Средніе вѣка (XIII—XVI ст.).

---

Переходимъ къ „среднимъ вѣкамъ“ нашей литературы, обнимающимъ собою время съ XIII по XVI ст. Здѣсь мы встрѣчаемся не только съ бѣльшимъ количествомъ памятниковъ, весьма разнообразныхъ по своему содержанію и по формѣ, но и съ наличностью болѣе ярко выраженныхъ настроеній, съ идейностью литературныхъ явленій, съ фактами болѣе тѣснаго соотношенія литературы и живой дѣйствительности. Причины указанныхъ обстоятельствъ лежатъ, гл. обр., въ общихъ условіяхъ тогдашней русской политической и общественной жизни, въ ростѣ культурныхъ интересовъ страны, въ умноженіи книжности и количества лицъ, посвящавшихъ себя литературному труду.

---

#### А. Литература Сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв.

##### 1.

Паденіе Кіева и возникновеніе новыхъ литературныхъ центровъ. — За-рожденіе литературы на сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII в.

Самымъ крупнымъ и характернымъ явленіемъ, имѣвшимъ весьма значительное вліяніе на ходъ литературы въ

первую половину „среднихъ вѣковъ“ и не оставшимся безъ вліянія на нее также и въ послѣдующее время, было перемѣщеніе главнаго культурнаго центра изъ Кіева на сѣверо-востокъ, потомъ въ Москву и вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе другихъ, менѣе значительныхъ мѣстныхъ центровъ просвѣщенія и литературы. Какъ уже было указано, и въ „кіевскій“ періодъ не одинъ Кіевъ принималъ участіе въ созданіи литературы: таковы, напр., были Туровъ, Галичъ, Новгородъ, Смоленскъ. Отъ Галича остались намъ почти исключительно памятники церковной письменности, интересные для исторіи языка; съ Туровомъ, и то весьма не ясно, связана дѣятельность Кирилла Туровскаго. Новгородъ даетъ намъ не только спорнаго Луку Жидяту, но и замѣчательные зачатки лѣтописанія въ очень раннюю эпоху, напр. Іоакимовскую Лѣтопись въ XI в.<sup>1)</sup> или Лѣтопись священника Германа Вояты въ XII ст., описанія путешествія Антонія въ XII—XIII в. и т. п. Смоленскъ, по извѣстіямъ XII вѣка, является, б. м. благодаря своей близости къ западу, со слѣдами значительнаго по тому времени просвѣщенія: князь Романъ Мстиславичъ, внукъ Владиміра Мономаха (1160—1181), основалъ здѣсь училище, въ которомъ, по преданію, учили не только по-славянски, но и по-гречески и по-латыни. Родомъ изъ Смоленской области былъ извѣстный кіевскій митрополитъ Климентъ Смолятичъ въ половинѣ XII вѣка; лѣтописи отзываются о немъ какъ о „книжникѣ“ и „философѣ“, какого не бывало въ русской землѣ. Съ большой достовѣрностью приписывается ему Посланіе къ пресвитеру Ѳомѣ, обнаруживающее въ авторѣ недюжинную образованность и намекающее на другія его произведенія, писанныя „отъ Омира, отъ Аристотеля и отъ Платона“<sup>2)</sup>. Для доказательства налич-

1) Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вв. Ж. М. Н. Пр. 1900 № 11, стр. 183—186.

2) К. Никольскій. О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка. СПб. 1892, стр. 104.

ности книжныхъ интересовъ въ Смоленскѣ въ старую эпоху обыкновенно указывается также на житіе Авраамія Смоленскаго (занимавшагося изслѣдованіемъ таинственныхъ „глубинныхъ книгъ“), написанное его ученикомъ, инокомъ Ефремомъ, при чемъ время жизни Авраамія разными изслѣдователями опредѣлялось различно: то въ XI, то въ XII, то въ XIV вѣкѣ. Послѣднія изслѣдованія въ этомъ вопросѣ г. Кадлубовскаго дѣлаютъ весьма убѣдительнымъ предположеніе о подвигахъ этого святого не ранѣе XIV вѣка<sup>1)</sup>, но этотъ выводъ, не лишая Смоленскъ репутаціи мѣстнаго центра просвѣщенія и книжности, лишь отодвигаетъ упомянутый доводъ къ болѣе позднему времени.

Паденіе Кіева, какъ литературнаго и просвѣтительнаго центра, даваго обширную разсмотрѣнную нами литературу, готовится уже со второй половины XII вѣка: въ 1169 году Кіевъ подвергается разгрому со стороны Андрея Боголюбскаго, не задолго передъ тѣмъ оставившаго его и поселившагося во Владимірѣ на Клязьмѣ; братъ и преемникъ его, Всеволодъ III Большое Гнѣздо, продолжаетъ его политику въ томъ же направленіи, а въ 1240 году Кіевъ является жертвой окончательнаго разгрома со стороны татаръ, отъ которыхъ владимірскій князь Ярославъ Всеволодовичъ получаетъ уже титулъ великаго князя, связанный прежде всегда съ Кіевомъ. Съ конца XIII в. изъ Владиміро-Суздальскаго княжества выдѣляется и дѣлается замѣтнымъ Московское княжество, основанное сыномъ Александра Невскаго Даніиломъ, а въ XIV вѣкѣ уже вполне опредѣляется его политическое преобладаніе на сѣверо-востокѣ. Съ перенесеніемъ политическаго центра изъ Кіева, оттуда уходитъ на сѣверо-востокъ, вмѣстѣ съ князьями и духовенствомъ, значительная часть грамотнаго и книжнаго люда, нуждав-

1) Арс. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава 1902, стр. 1—43.

шагося для своей дѣятельности въ покровительствѣ, поощреніи и безопасности; вмѣстѣ съ ними перешла изъ Кіева во Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Муромъ и, наконецъ, въ Москву также и литература.

Однако покончить съ Кіевомъ, какъ литературнымъ и культурнымъ центромъ, было не такъ легко, какъ съ центромъ политическимъ. Кіевъ былъ колыбелью русскаго христіанства и перваго русскаго просвѣщенія; въ немъ создались и успѣли упрочиться извѣстныя литературныя традиціи; въ немъ пребывалъ полуразоренный, но все же сильный своей духовной мощью, славой и подвижничествомъ Печерскій монастырь; вокругъ него находились мѣста, освященные воспоминаніями прошлаго, дорогими сердцу всякаго русскаго человѣка, независимо отъ политическихъ симпатій. Со вѣмъ этимъ порвать было трудно да и не нужно: поэтому первыя попытки литературной дѣятельности на сѣверо-востоцѣ въ началѣ XIII вѣка обнаруживаютъ на себѣ тѣсную связь съ Кіевомъ по содержанию и духу произведеній, по внѣшнимъ приемамъ, по личности самихъ дѣятелей. Т. о., на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ — „древнѣйшей“ и „средневѣковой“ — стоитъ нѣсколько литературныхъ произведеній, которыя съ извѣстнымъ основаніемъ можно отнести какъ къ Кіеву, такъ и къ сѣверо-востоку. Мы остановимся на трехъ изъ нихъ: зачаткахъ Кіево-Печерскаго Патерика, проповѣднической дѣятельности Серапіона Владимірскаго и т. наз. Моленіи Даніила Заточника.

## 2.

Кіево-Печерскій Патерикъ; его основные элементы; посланія Симона и Поликарпа; историческая обстановка возникновенія Патерика и его историко-литературная цѣнность.

Кіево-Печерскій Патерикъ (или „Отечникъ“), представляющій собою собраніе рассказовъ о жизни и чудесахъ

печерскихъ подвижниковъ, былъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ древней русской письменности; если отдѣльные житія такъ сильно привлекали вниманіе читателей, являясь вмѣстѣ занимательнымъ чтеніемъ и источникомъ духовно-нравственнаго назиданія и подражанія, то тѣмъ большую цѣну могъ имѣть цѣлый сборникъ такого рода рассказовъ, объединенныхъ именемъ знаменитой Печерской обители. Сборникъ этотъ, составленный по образцу и по идеѣ многихъ переводныхъ „отечниковъ“ иноземнаго происхожденія, имѣетъ довольно длинную исторію. Онъ получилъ свой окончательный видъ лишь въ XVII вѣкѣ, когда, пройдя цѣлый рядъ рукописныхъ переработокъ<sup>1)</sup>, былъ напечатанъ въ 1661 году въ Кіевѣ „повелѣніемъ и благословеніемъ“ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской Лавры Иннокентія Гизеля, по почину и въ при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ Кіевского митрополита Сильвестра Коссова. Но возникновеніе основной части Кіево-Печерскаго Патерика относится къ первой четверти XIII вѣка. По заключенію повѣйшаго изслѣдователя этого памятника<sup>2)</sup>, „зерно“ его составляютъ произведенія епископа Симона Слово о созданіи церкви Печерской и Посланіе къ Поликарпу, Посланіе Поликарпа къ игумену Акиндину и Несторово Слово о первыхъ черноризцахъ печерскихъ. Въ цѣльномъ и самостоятельномъ видѣ такая первичная редакція до насъ не дошла, но ее надо предполагать и приблизительно можно возстановить путемъ анализа позднѣйшихъ списковъ этого памятника, гдѣ эти статьи стоятъ особнякомъ. Принадлежность „Слова о первыхъ черноризцахъ печерскихъ“ Нестору, извѣстному автору Житія Θεодосія, въ ученой литературѣ

1) Митр. Макарій насчитывалъ ихъ десять редакцій: Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ. Изв. II Отд. А. Н. Т. V (1856), стр. 129—167.

2) Д. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902, стр. 1.

оспаривается; но въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ для насъ не имѣеть большого значенія. Главнѣйшій интересъ представляютъ сочиненія двухъ другихъ участниковъ въ составленіи первичнаго типа Кіево-Печерскаго Патерика, потому что именно Симону и Поликарпу принадлежитъ дѣйствительная инициатива въ этомъ дѣлѣ и, быть можетъ, трудомъ Нестора о первыхъ подвижникахъ печерскихъ (Даміанѣ, Іереміи, Матѣеѣ и Исакіи) воспользовался Симонъ или кто-либо другой, въ качествѣ перваго редактора Печерскаго Патерика, желая освятить его авторитетнымъ именемъ извѣстнаго писателя и цѣня самый трудъ послѣдняго по его исторической важности и литературнымъ достоинствамъ.

Кто же были эти Симонъ и Поликарпъ и что представляютъ собою ихъ сочиненія?

О Симонѣ мы знаемъ, что онъ, будучи постриженникомъ Кіево-Печерской обители, былъ сначала игуменомъ Рождество-Богородицкаго монастыря во Владимірѣ, а потомъ въ 1214 году посвященъ былъ въ санъ епископа Владимірскаго и Суздальскаго; скончался онъ 22 мая 1226 года. Въ Лѣтописи онъ характеризуется „милостивымъ“ и „учительнымъ“<sup>1)</sup>. О Поликарпѣ мы знаемъ лишь то, что онъ былъ также черноризцемъ Печерскаго монастыря и современникомъ Симона<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, оба дѣятеля, изъ сочиненій которыхъ сложилось главное содержаніе начальной редакціи Кіево-Печерскаго Патерика, были объединены принадлежностью нѣкогда ихъ обоихъ къ знаменитой обители, причемъ Симонъ, которому принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ главная роль, дѣйствовалъ и провелъ значительную часть своей жизни на сѣверо-востокѣ, вдали отъ Кіева.

Порядокъ написанія всѣхъ трехъ произведеній, по мнѣніи г. Абрамовича, былъ таковъ: „Слово“ Симона о созда-

1) Абрамовичъ, назв. соч., стр. XXIII—XXIV.

2) Тамъ же, стр. XXVIII.

ни церкви Печерской составлено не ранѣе 1222 года, а время написанія его посланія къ Поликарпу падаетъ на промежутокъ между 8 сентября 1225 и 22 мая 1226 года; о Посланіи же Поликарпа къ Акиндину можно сказать только то, что оно составлено не ранѣе полученія Поликарпомъ отъ Симона его Слова о созданіи церкви Печерской и до кончины самого Симона, т. е. между 1222 и 1226 годами<sup>1)</sup>. Слово или сказаніе о созданіи церкви Печерской<sup>2)</sup> представляетъ собою рассказъ о цѣломъ рядѣ замѣчательнѣйшихъ событій въ начальной жизни Печерской обители, даетъ въ литературномъ отношеніи весьма интересныя черты<sup>3)</sup> и оканчивается назидательнымъ обращеніемъ къ „брату Поликарпу“, жившему тогда въ монастырѣ, который служилъ нѣкогда спасительнымъ пріютомъ и для самого автора Слова; послѣднее, т. о., имѣетъ въ сущности форму письма къ Поликарпу, какъ и самое „Посланіе“. Намъ думается, что нѣтъ положительныхъ основаній къ тому, чтобы выдѣлять это „слово“ или „сказаніе“ въ особое произведеніе: оно могло быть прибавкомъ къ повѣствовательной части „посланія“ и, слѣдовательно, написано или послано одновременно съ послѣднимъ<sup>4)</sup>. Самое „посланіе“<sup>5)</sup> раздѣляется на двѣ части: первая представляетъ личное обращеніе къ Поликарпу, а вторая является какъ бы приложеніемъ къ нему и заключаетъ въ себѣ девять рассказовъ о святыхъ подвижникахъ печерскихъ. Посланіе Поликарпа<sup>6)</sup> состоитъ изъ краткаго

1) Тамъ же, стр. XXVII—XXIX.

2) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. Изд. Влад. Яковлевымъ. СПб. 1872, стр. CX—CXXVI.

3) Яковлевъ, В. Древне-кіевскія религиозныя сказанія. Варшава 1875, стр. 127—135.

4) Соображенія объ отдѣльныхъ частяхъ этого произведенія см. у Шахматова: Кіево-печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись. Изв. II Отд. А. Н. II (1897), кн. 3, стр. 797.

5) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, стр. LXXXV—CXXIV.

6) Тамъ же, стр. CXXVI—CLXXXVI.

вступленія, въ видѣ обращенія къ игумену Печерскаго монастыря Акиндину, и затѣмъ одиннадцати разсказовъ о святыхъ подвижникахъ этой обители.

Обратимся къ содержанію обоихъ посланій.

Чѣмъ вызвано посланіе Симона, объ этомъ можно лишь догадываться, за неимѣніемъ положительнаго свидѣтельства самого автора. Въ первой части посланія есть любопытныя указанія на личность Поликарпа. Повидимому, онъ былъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству или его близкимъ родственникомъ. Очевидно, это была натура способная, кипучая, честолюбивая и неуживчивая. Будучи черноризцемъ печерскимъ, Поликарпъ пріѣзжалъ изъ Кіева къ Симону во Владимірѣ и затѣмъ вскорѣ возвратился назадъ. Онъ стремился къ власти и дважды получалъ мѣсто игумена, но затѣмъ снова возвращался въ монастырь; возвратившись въ послѣдній разъ, онъ однако же не успокоился, критиковалъ окружающее, былъ недоволенъ и представлялъ себя человѣкомъ преслѣдуемымъ и обиженнымъ. Свое настроеніе Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону, которое до насъ однако же не дошло: мы узнаемъ о немъ изъ отвѣтнаго посланія Симона. Это посланіе имѣетъ характеръ строгаго обличенія и наставленія; въ немъ Симонъ пишетъ не только какъ къ низшему себя по положенію, но и какъ къ близкому человѣку. Онъ упрекаетъ Поликарпа за попытки оставить Печерскій монастырь, обличаетъ его гордость и честолюбивые замыслы, радуется его раскаянію. Симонъ проникнутъ чувствомъ величайшаго благоговѣнія къ Печерской обители, какъ мѣсту своихъ иноческихъ подвиговъ, и старается внушить это чувство Поликарпу: „Азъ быхъ радъ — говоритъ онъ — оставилъ свою епископью и работалъ игумену, но вѣси, кая вещь обдержитъ мя . . . И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея соборныя церкви красоты Владимерскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ. Колико имѣета гра-

довъ и сель и десятину собирають по всей земли той, а тѣмъ всѣмъ владѣеть наша худость. Си вѣсть, глаголю тебѣ, яко всю сію славу и честь яко калъ вмѣнилъ быхъ, и аще бы ми сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастыри и попираему быти человѣкы, то лучше бы ми времяныя сея чести единъ день въ дому Божія матери паче тысящи лѣтъ и въ немъ же изволили быхъ пребывати, паче нежели жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ“<sup>1)</sup>. Этими словами оканчивается та часть посланія Симона, которая заключаетъ въ себѣ собственно обращеніе къ Поликарпу, и далѣе идутъ рассказы о печерскихъ угодникахъ. Посланіе Поликарпа, обращенное къ своему игумену, архимандриту Акиндину, не заключаетъ въ себѣ прямого отвѣта на посланіе Симона, но является его органическимъ дополненіемъ; рассказы Поликарпа ни въ чемъ не повторяютъ Симона: онъ говоритъ именно о тѣхъ подвижникахъ, о которыхъ умолчалъ Симонъ. Тонъ Поликарпа въ обращеніи къ Акиндину чрезвычайно почтительный и смиренный; передъ нами какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ, нежели тотъ, о которомъ приходится догадываться по недошедшему до насъ письму его къ Симону и по отвѣту послѣдняго. О Симонѣ онъ упоминаетъ, ссылаясь на его рассказы о святыхъ, послужившихъ матеріаломъ, для повѣствованія самого Поликарпа. Наконецъ, въ этомъ краткомъ обращеніи Поликарпъ не забываетъ дать отвѣтъ и на тотъ естественный вопросъ: зачѣмъ пишетъ инокъ своему игумену, когда они оба живутъ или жили въ одномъ монастырѣ и могли, вѣроятно, видѣться и лично бесѣдовать? Оказывается, что Акиндинъ самъ нѣкогда спрашивалъ его о печерскихъ подвижникахъ — очевидно, мало зная о нихъ, — и Поликарпъ въ бывшей личной бесѣдѣ съ игуменомъ стѣснялся и „множайши забыхъ отъ страха“, а письменная форма давала ему возможность избѣжать этой

1) Тамъ же, стр. XC—XCI.

неловкости, усугубляемой еще „грубостью и неизящнымъ правомъ“ Поликарпа.

Конечно, мы не можемъ довѣрять этимъ объясненіямъ Поликарпа. Онъ былъ совсѣмъ не изъ тѣхъ, чтобы особенно стѣсняться въ присутствіи игумена, желавшаго услышать отъ него рассказы о томъ, что самому игумену, по его словамъ, было мало извѣстно. Это послѣднее обстоятельство является также болѣе или менѣе сомнительнымъ, въ виду сравнительной молодости Поликарпа и официального положенія въ монастырѣ Акиндина. Да и вообще вся эта переписка производитъ съ внѣшней стороны характеръ чего-то искусственнаго: напр., рассказы о святыхъ, приложенные Симономъ, очень въ малой степени подтверждаютъ назидательныя и обличительныя мысли его противъ Поликарпа и являются чѣмъ-то какъ бы постороннимъ. Наконецъ, самое несовпаденіе даже въ мелочахъ обоихъ рассказовъ о подвижникахъ — Симона и Поликарпа — наводитъ на сомнѣніе о томъ, чтобы произведенія эти въ самомъ дѣлѣ были дѣйствительными посланіями. Поэтому, намъ кажется совершенной правильной мысль Е. Е. Голубинскаго, что посланія эти составляютъ лишь литературную форму и что рассказы о печерскихъ подвижникахъ предназначены не для Поликарпа и Акиндина, а для болѣе широкаго круга читателей<sup>1)</sup>. Съ этой точки зрѣнія можетъ возникнуть вопросъ о степени и характерѣ дѣйствительнаго участія Симона и Поликарпа въ составленіи ихъ „посланій“, но онъ остается пока открытымъ за недостаткомъ опредѣленныхъ данныхъ въ самой литературной исторіи этихъ произведеній. Итакъ, основная часть Кіево-Печерскаго Патерика составлена въ первой четверти XIII вѣка изъ произведеній, написанныхъ на-половину на сѣверо-востокъ и на-половину въ Кіевѣ; участниками въ этой работѣ являются постриженники Печер-

1) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., стр. 759—762.

ской обители; починъ въ дѣлѣ принадлежитъ, повидимому, Симону; весь трудъ предпринять съ цѣлью не личной переписки, а желанія дать разсказамъ о Печерскомъ монастырѣ и его подвижникахъ распространеніе въ болѣе широкой средѣ читателей; идея произведенія — назиданіе въ благочестивой и подвижнической жизни путемъ живыхъ примѣровъ. Далѣе, можно спросить: почему такой спеціальныи по своему мѣстному характеру и содержанію памятникъ не былъ составленъ всецѣло на югѣ и въ болѣе раннее время? На этотъ вопросъ акад. Истринъ даетъ отвѣтъ, что раньше „очевидно, не чувствовалось въ немъ нужды, а какъ только Симонъ попалъ на сѣверо-востокъ, такъ и почувствовалось въ немъ нужда“ и что, слѣдовательно, „какъ памятникъ литературный, Печерскій Патерикъ входитъ въ составъ сѣверо-восточной литературы первой четверти XIII вѣка“; наконецъ, дальнѣйшая судьба этого памятника показываетъ, что онъ „принадлежитъ всецѣло къ сѣверо-востоку, вплоть до второй половины XV вѣка“<sup>1)</sup>. Эта точка зрѣнія объ участи сѣверо-востока въ дѣлѣ возникновенія такого памятника, какъ Кіево-Печерскій Патерикъ, можетъ быть принята, но безъ того преувеличенія, къ которому привело г. Истрина, повидимому, его увлеченіе полемикой съ представителями украиннофильской школы, желающими все относить къ югу. Не надо забывать все-таки, что Несторъ и Поликарпъ писали въ Кіевѣ и что перомъ Симона также водили воспоминанія о Кіевѣ и воодушевленіе его святынями. Правильнѣе считать основу Кіево-Печерскаго Патерика, на сколько намъ извѣстны условія ея возникновенія, такимъ памятникомъ, который принадлежитъ одновременно сѣверо-востоку и югу, созданъ во всякомъ случаѣ на основѣ южныхъ литературныхъ преданій, явился продолженіемъ кіевской агіографической литературы пред-

---

1) Изъ области древне-русской литературы. Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 285.

шествующаго времени и запечатлѣнъ именовъ одного изъ типичнѣйшихъ участниковъ послѣдней — преп. Нестора. Что касается, наконецъ, мысли о томъ, что Патерикъ возникъ по побужденіямъ внутренняго характера, имѣвшимъ мѣсто на сѣверо-востокѣ, то тутъ мы имѣемъ дѣло лишь съ привлекающей своей новизной догадкой. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать, что именно на сѣверо-востокѣ въ первой четверти XIII вѣка „почувствовалась нужда“ въ назидательныхъ примѣрахъ изъ жизни кіевскихъ подвижниковъ? Пока ничѣмъ. Скорѣе покинутый, разоренный Кіевъ могъ нуждаться въ такомъ отвлеченіи благочестивой мысли къ славному прошлому при безотрадности настоящаго, чѣмъ политически-юный сѣверо-востокъ, жившій новой жизнью, поглощенный современностью и имѣвшій передъ собою въ будущемъ привлекательныя перспективы своей собственной культурной и литературной жизни.

Каковы же тѣ живые примѣры назиданія, тѣ рассказы о жизни святыхъ подвижниковъ, которые составляютъ самое существо Кіево-Печерскаго Патерика?

У Симона помѣщены слѣдующіе рассказы: 1. Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ мнихѣ. 2. Объ Евстратіи постникѣ. 3. О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. 4. О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. 5. Объ Аѳанасіи затворникѣ. 6. О преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ. 7. О черноризцѣ Еразмѣ. 8. О черноризцѣ Ареѣ. 9. О Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Кромѣ того, въ „Словѣ о созданіи церкви Печерской“ рассказано о князѣ варяжскомъ Шимонѣ, о боярахъ-инокахъ Іоаннѣ и Сергіѣ. Въ посланіи Поликарпа рассказано о слѣдующихъ лицахъ: 1. О Никитѣ затворникѣ. 2. О Лаврентіи затворникѣ. 3. О святомъ Агапитѣ безмездномъ врачѣ. 4. О св. Григоріи чудотворцѣ. 5. Объ Іоаннѣ затворникѣ. 6. О Моисеѣ Угринѣ. 7. О Прохорѣ Лебедникѣ. 8. О Маркѣ печерникѣ. 9. О Теодорѣ и Василіи. 10. О Спиридонѣ просфор-

никѣ и Олимпіи иконописцѣ. 11. О многострадальномъ Пименѣ.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ: (Сим. 1.). У Онисифора былъ одинъ духовный сынъ и другъ изъ числа монаховъ, который по наружности являлся подражателемъ святого, казался цѣломудреннымъ и постникомъ, но втайнѣ ѣлъ и пилъ неумѣренно и жилъ скверно, что утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ внезапно умеръ, и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что никто не могъ терпѣть. Хотѣли было выбросить его вонъ изъ пещеры, гдѣ онъ былъ съ трудомъ погребенъ, но по молитвѣ святого, которому было открыто въ видѣніи о причинѣ смрада, послѣдній пропалъ, и явившійся преп. Антоній сказалъ Онисифору: „смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего; я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ; никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку...“— (Сим. 3). Никонъ, взятый въ плѣнъ половцами вмѣстѣ съ Евстратіемъ, не хотѣлъ, чтобы его выкупили, какъ то готовы были сдѣлать родственники и сторонніе, а желалъ терпѣть для Господа. За это половцы мучили его безъ всякой милости. Наконецъ, послѣ трехлѣтнихъ страданій, онъ невидимо былъ освобожденъ изъ плѣна и перенесенъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ послѣ того долго оставался въ живыхъ, весь изсохшій и сгнившій отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну. — (Сим. 6). Святоша (Святославъ), князь Черниговскій, былъ сынъ Давида и внукъ Святослава Черниговскихъ, правнукъ Ярослава Великаго. Онъ былъ между князьями первый, добровольно постригшійся въ монахи, и единственный, постригшійся не передъ смертью, а еще задолго до нея, съ цѣлю быть настоящимъ инокомъ. Принявъ монашество съ именемъ Николая въ Печерскомъ монастырѣ, онъ неисходно прожилъ въ немъ 36 лѣтъ, прошелъ должности повара и вратаря и все время монашества про-

радъ Княжества<sup>1)</sup>. Въ спискахъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, которые сохранились въ актахъ оффиціального происхожденія, мы въ изучаемое время, конечно, никогда не встрѣтимъ Смоленскаго повѣта, какъ дѣйствительно существующей части государственной территоріи Княжества. Привилеи на урядъ Смоленскаго воеводы этого времени признаютъ оффиціально захватъ центра и земель Смоленскаго воеводства непріателемъ<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ,

1) См. И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 578 и 678. Иногда поверхностный просмотръ актовъ можетъ давать поводъ думать о дѣятельности уряда Смоленскаго воеводы и во вторую половину XVI столѣтія: акты обращаются къ лицамъ, этотъ урядъ занимающимъ. Но на самомъ дѣлѣ въ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣятельность этихъ лицъ по другимъ урядамъ, которые они соединили въ своихъ рукахъ съ урядомъ воеводы Смоленскаго, и послѣдній обозначенъ впереди ихъ, какъ болѣе ихъ почетный. Такъ, „листъ ротъмистру Валенътому Каменьскому до пана Григоря Воловича, воеводы Смоленскаго, ловчого etc., о шеснацать волокъ неоселыхъ въ лесництвѣ Немоноитскомъ“ заключаетъ въ себѣ слѣдующее распоряженіе короля Генриха: „про то, ижъ то т[воей] м[илости], владу ловецкому, належить, приказуемъ, абы т[воя] м[илость], пане воеводу Смоленскій, о томъ ведаючи“, эти 16 волокъ „въ лесництвѣ Немоноитскомъ съ проробками и зъ озеромъ, которое межъ тымъ волоками есть, и зо всімъ, якъ се оныя волоки сами въ себе мають и якъ передъ тымъ Рачковскій держалъ, Каменьскому завель и подалъ, въ то его увезати тыхъ кгрунтовъ ему волдугъ данины нашею живвати допустилъ“. Дата: Краковъ, 10 мая 1574 года. Лит. Метр.  $\frac{I A}{57}$  л. л. 120—120 об.

2) Такъ, „прывилей пану Юрю Остику на воеводство Смоленское“, данный Стефаномъ Баторіемъ 13 апрѣля 1578 года, отъ имени короля говоритъ: „тогда з ласки нашею г[о]с[по]д[а]р[ск]ое, подвышаючи его милость местцомъ вышъшимъ въ лавицы радъ нашихъ, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ его милости воеводство Смоленское зъ всякою владою того достоенства и што кольвекъ здавна къ нему прислухаеть, съ тымъ ещо докладомъ, ижъ, кгда бы Панъ Богъ, з милосердыя Своего Возского, везревшы на справедливость нашу и всея речы посолитое, рачылъ намъ помочы дойти замъку Смоленскаго и венхъ земель и волостей, которые непрятельская рука, посягнувши, несправедливе держитъ, тогда то все, по давному обычаю, маеть панъ Юрей Остикъ, воевода Смоленскій, держати со всіми на воеводство тое пожитками и з доходами, якимъ кольвекъ именовъ названными, здавна прислухающимъ, ни въ чомъ ихъ не зменьшаючи, одно яко и першыя воеводове держали и ужывали на немъ, до живота своего альбо до вышного и пожиточнейшого местца въ лавицы радъ нашихъ“. Лит. Метр.  $\frac{I A}{59}$  л. л. 98 об. (весь привилей находится на л. л. 98 об. — 100). Ср. при-

въ официальныхъ документахъ Великаго Княжества Литовскаго этой эпохи имѣемъ одновременно и сохраненіе уряда Смоленскаго воеводы, и сознаніе дѣйствительнаго отсутствія его воеводства въ составѣ Литовско-Русскаго „панства“.

Созданное въ 1565—1566 годахъ дѣленіе Великаго Княжества Литовскаго на воеводства и повѣты не вполне удовлетворило станы Литовско-Русскаго государства. Съ одной стороны, послѣдніе обнаружили желаніе увеличить число воеводствъ, обративъ нѣкоторые изъ созданныхъ реформою невоеводскихъ повѣтовъ въ воеводства: съ другой стороны, среди нѣкоторыхъ повѣтовъ былъ поднятъ вопросъ о присоединеніи бояръ и земянъ, которые къ нимъ присоединены не были. Станы Литовско-Русскаго сейма могли желать увеличенія числа воеводствъ государства по двумъ причинамъ. Первою изъ этихъ причинъ могло быть сознаніе бѣльшаго удобства при наличности бѣльшаго числа воеводствъ, т. е. соединенія подъ главенствомъ одного воеводы меньшаго числа повѣтовъ. Это могло дать государству бѣлье равномерное военное дѣленіе земскаго войска — повѣты въ посполитомъ рушенѣ соединялись въ воеводства<sup>1)</sup>; это могло дать и бѣльшее удобство для дѣятельности воеводскаго уряда въ тѣхъ случаяхъ, когда эта дѣятельность должна была развиваться не въ предѣлахъ центрального повѣта, а на территоріи остальныхъ воеводствъ<sup>2)</sup>. Второю причиною, вызывавшею просьбы становъ объ увеличеніи числа воеводствъ, вѣроятно, было желаніе увеличить число радныхъ пановъ Княжества — каждое воеводство имѣло своихъ воеводу и каштеляна, соединявшихъ со своими областными урядами мѣсто въ радѣ господарской. Это увеличеніе числа радныхъ пановъ Княжества было особенно нужно въ виду ожидавшагося заключенія уніи съ Польшею, о которой уже говорили на Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ<sup>3)</sup> и которую устроить станы

---

вилей на Смоленское воеводство, данный пану Филому Кмитѣ въ Вильнѣ 18 октября 1579 года — А. З. Р. III, № 115 и описаніе Рукошнскаго Отдѣленія Виленской Публичной Библиотеки, выпускъ III, стр. 87.

1) И. И. Ланцо. *Op. cit.* Стр. 543.

2) *Ibidem.* Стр. 596—599.

3) Ср. просьбу на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года объ уніи съ Польшею отъ пословъ Витебекаго повѣта (особенно заинтересованнаго

Княжества стремились не на основѣ Польскаго ея пониманія, а съ проведеніемъ Литовско-Русскаго взгляда на ея характеръ и цѣли. Увеличить число радныхъ пановъ Княжества значило увеличить число Литовско-Русскихъ голосовъ при предстоящемъ обсужденіи проекта уніи съ Польшею на сеймѣ, который будетъ созванъ для этого обсуждения, и въ то же время увеличить число сенаторовъ въ „спольномъ“ Польско-Литовскомъ сенатѣ, если таковой будетъ установленъ ожидавшимся соглашеніемъ о соединеніи государствъ Польскаго и Литовско-Русскаго. Просьба становъ Литовско-Русскихъ объ увеличеніи числа воеводствъ была представлена Сигизмунду Августу уже на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 годовъ. Станы просили великаго князя, чтобы онъ „прикладомъ першое ласкавое учинности“ своей „около прибавенья достоинствъ“, учредилъ уряды воеводъ и каштеляновъ въ Городиѣ и въ Ковнѣ. Сигизмундъ Августъ, однако, „съ причинъ певныхъ“ этой просьбы не исполнилъ, оставивъ это дѣло „при воли“ свей „господарской“ <sup>1)</sup>. Та же просьба объ учрежденіи Ковенскаго и Городенскаго воеводствъ была возобновлена въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, и на нее тогда былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ окончательный категорическій отказъ <sup>2)</sup>.

На Городенскомъ же сеймѣ 1566—1567 годовъ Волковыйскій повѣтъ просилъ господаря о „приверпенье“ подъ присудъ этого повѣта шляхты Волненской, Мстибоговской, Лысковской и Межирѣчской, а Новгородскій повѣтъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Клецкими земьями ходатайствовалъ о признаніи шляхтою этого повѣта земянъ Клецкихъ, — которыхъ „отъ хоругви Новгородское отлучено и подъ послушенство и въ присудъ Клецкій примушаютъ надъ право посполитое и вольности ихъ шляхетскіе“. Обѣ просьбы были отклонены Сигизмундомъ Августомъ <sup>3)</sup>. Въ вопросахъ о границахъ отдѣльных повѣтовъ, поднимаемыхъ послами Литовско-

въ уніи съ Польшею, обѣщавшей увеличеніе военныхъ силъ Княжества въ годы тяжелой Московской войны, столь опасной для этого повѣта въ виду его пограничнаго положенія). Док. М. Арх. Мпн. Юст. I. Стр. 202—203.

1) Док. М. Арх. Мпн. Юст. I. Стр. 461 (артикулъ 34).

2) Ibidem. Стр. 500.

3) Ibidem. Стр. 462 (артикулы 35 и 36).

Русскихъ сеймиговъ на вальныхъ сеймахъ второй половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, отмѣченныхъ уже нами выше<sup>1)</sup>, несомнѣнно играло свою роль желаніе увеличить число „повѣтниковъ“ въ хлопотавшихъ объ увеличеніи своихъ предѣловъ повѣтахъ. Отдѣльныя стороны повѣтовой реформы вообще вызвали длинный рядъ просьбъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, стремившихся измѣнить или точнѣе опредѣлить и уяснить созданный строй, а также касающихся отдѣльныхъ лицъ и занимаемыхъ ими повѣтовыхъ урядовъ<sup>2)</sup>.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ вызвала рядъ просьбъ и Жомойтской земли, сряду послѣ утвержденія реформы. На Берестейскомъ сеймѣ 1566 года Жомойтскіе послы представили Сигизмунду Августу отъ имени „князей, пановъ и бояръ, шляхты земли Жомойтское“ шесть просьбъ<sup>3)</sup>. Одна изъ нихъ добивается выкупа Юрборга и Полонги, къ которымъ въ Пруссію къ суду по Нѣмецкому праву притягиваются господарскіе подданные<sup>4)</sup>. Двѣ другихъ настаиваютъ на сохраненіи старыхъ правъ Жомойти и ея границъ „по реку Невяжу“<sup>5)</sup>. Одна просьба добивалась ограниченія права шляхты на отчужденіе земельныхъ имуществъ. Жомойтскіе обыватели желали, чтобы шляхтъ, отчуждающей свои имѣнія, ихъ „не было вольно отъ детей своихъ безъ слушныхъ причинъ отдаляти“<sup>6)</sup>. Двѣ остальные касаются непосредственно новаго повѣтоваго устройства, созданнаго Виленскимъ сеймомъ 1565—1566 годовъ. Жомойтская земля просила для своего старосты титула воеводы. Этотъ воевода-староста долженъ по старинѣ избираться Жомойтскою землею, какъ и вновь учрежденный каштелянъ Жомойти<sup>7)</sup>. Что касается организаціи новаго повѣтоваго суда въ землѣ Жомойтской, то ея обыватели просили о слѣдующемъ.

1) См. выше, стр. 68—69.

2) Эти просьбы см. въ VII-ой главѣ изслѣдованія М. К. Любавскаго Литовско-Русскій сеймъ (стр. 735 и сл.).

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 200—202. Ср. изложеніе этихъ просьбъ М. К. Любавскимъ — Литовско-Русскій сеймъ, стр. 752—753.

4) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 202 (6).

5) Ibidem. Стр. 200 (1), стр. 201 (3).

6) Ibidem. Стр. 201—202 (4).

7) Ibidem. Стр. 202 (5).

Гродскій судъ въ Жомойти долженъ быть „засажонъ“ вмѣстѣ („зодного“) съ судомъ земскимъ, чтобы „для розни стн судовъ шляхте у справедливости п[р]оволока не была“. Приговоры этого объединеннаго повѣтоваго суда должны приводиться въ исполненіе гродскимъ урядомъ. „Рокн“ суда должны отсуживаться черезъ восемь недѣль и длиться по двѣ недѣли. За рѣку Невяжу „апеляцыя абы не шла“. Апелляціонныя жалобы на рѣшенія повѣтоваго суда Жомойти должны разсматриваться Жомойтскимъ старостою <sup>1)</sup> вмѣстѣ съ каштеляномъ и „иными врядниками земскими“, въ періодическихъ ихъ сѣздахъ. Въ случаѣ желанія тяжущагося „ся до господаря его милости отозвати“, эта апелляція не должна идти прямо къ великому князю, но староста Жомойтскій долженъ переслать господарю все дѣло „на спытанье по науку“ и затѣмъ, получивъ эту „науку“, т. е. указаніе великаго князя, староста же сообщаетъ „сторонамъ декретъ“. За апелляцію къ великому князю „упорне“, помимо старосты, виновный въ этомъ долженъ заплатить „вины пять копъ грошей“ <sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, Жомойтская земля стремилась ввести въ своемъ повѣтѣ судъ, отличный отъ повѣтовыхъ судовъ остальныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Вмѣсто земскаго и гродскаго судовъ она желала ввести одинъ повѣтовый судъ; вмѣсто трехъ ежегодныхъ сессій земскаго суда остальныхъ повѣтовъ она хотѣла имѣть сессіи своего повѣтоваго суда каждыя восемь недѣль; наконецъ, она хотѣла измѣнить и общій порядокъ апелляціи въ интересахъ сохраненія большей самостоятельности для Жомойти, которую она такъ ревниво охраняла <sup>3)</sup>. Сигизмундъ Августъ удовлетворилъ далеко не всѣ эти просьбы. Въ общемъ онъ сталъ на точку зрѣнія необходимости сохранить неприкосновенными постановленія статута 1566 года, обязательныя и для Жомойтской земли, какъ сдѣланныя для цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, котораго частью была Жомойть. Значеніе Невяжи, какъ границы, было признано. Введеніе

1) Жомойтскій староста долженъ „съ повинности своее на певныя часы“ прѣзжать для этой цѣли въ Жомойть.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 200—201 (2).

3) И. И. Лаптев. Опр. cit. Стр. 306—307.

новаго строя и статута 1566 года не должно считаться противорѣчащимъ старымъ правамъ Жомойти — ея послы принимали участіе на сеймахъ, вырабатывавшихъ этотъ строй и разсматривавшихъ новый статутъ. Просьба объ ограниченіи права шляхтича отчуждать свои имѣнія отклонена, какъ стоящая въ противорѣчій съ постановленіемъ всѣхъ становъ, внесеннымъ въ статутъ. Выкупъ Юрборга и Полонги великій князь разрѣшилъ<sup>1)</sup>. Просьба о переименованіи Жомойтскаго старосты въ воеводу была отложена великимъ княземъ до слѣдующаго сейма, „не отмовляючи того достоинства причинити“<sup>2)</sup>, назначеніе же господаремъ каштеляна было признано не наносящимъ ущерба правамъ и вольностямъ Жомойти. Наконецъ, просьба объ учрежденіи особаго судебного строя получила отрицательный отвѣтъ. Великій князь отказался измѣнить для Жомойтской земли установленный статутномъ 1566 года судебный строй повѣтовъ, и земскіе судья, подсудокъ и писарь, избранные и утвержденные общимъ порядкомъ, должны въ Жомойти приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Жомойтскій староста долженъ ихъ „на мѣстахъ певныхъ засадити, на двои книги разложившы, до которыхъ судьи мають зъездити се ку отправованью судовъ на роки, въ статуте описаные“. Эти послѣднія слова „отказа“ Сигизмунда Августа говорятъ о предположеніи для отсуживанія земскихъ „роковъ“ въ Жомойтской землѣ двухъ пунктовъ, въ которыхъ эти суды отбывали бы установленныя статутомъ свои Троицкую, Михайловскую и Трикрольскую сессіи.

Жомойтская земля не удовлетворилась тѣми „отказами“, которые ей были даны Сигизмундомъ Августомъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Сохраненіе своихъ особыхъ правъ въ ряду областей Великаго Княжества Литовскаго продолжало служить предметомъ заботы Жомойтскихъ обывателей, опасавшихся ущерба имъ отъ введенія въ Жо-

1) Объ окончательномъ разрѣшеніи этого дѣла см. Литовско-Русскій сеймъ М. К. Любавскаго, стр. 753—754, прим. 39.

2) Въ дѣйствительности Жомойтскій староста былъ переименованъ въ воеводу только въ концѣ 1793 года Гродненскимъ сеймомъ, послѣ втораго раздѣла Польско-Литовской Речи Посполитой. J. Wolff. Senatowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Str. 5 i 90.

моити общаго повѣтоваго строя Литовско-Русскаго государства. На Городенскій сеймъ 1568 года Жомонтская земля представила просьбу „о направенье“ ся привилеевъ, правъ и вольностей, которыхъ нарушеніе она видѣла въ совершившихся реформахъ. Разсмотрѣніе этой просьбы, однако, было отложено Сигизмундомъ Августомъ до слѣдующаго сейма<sup>1)</sup>. Въ числѣ господарскихъ „отказовъ“, данныхъ посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на этомъ послѣднемъ, т. е. Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, не находимъ указанія на разсмотрѣніе Сигизмундомъ Августомъ дѣла Жомойти<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, Жомонтская земля, вступая вмѣстѣ съ остальными землями Великаго Княжества Литовскаго въ соединеніе съ Польшею, не успѣла получить пересмотра своего новаго повѣтоваго устройства на основѣ своихъ старыхъ правъ и вольностей. Это заставило Жомойтъ энергично хлопотать о защитѣ своихъ старыхъ привилеевъ въ эпоху послѣ заключенія Люблинской Уніи, какъ увидимъ ниже.

Созданные въ 1565—1566 годахъ новые повѣты должны были получить свои центры. Значеніе, которое было дано реформою повѣтамъ, требовало того, чтобы эти центры были значительными поселеніями: они должны были помѣщать въ себѣ значительное число лицъ во время съѣздовъ въ нихъ шляхты, слитой изъ нѣсколькихъ повѣтовъ-хоружествъ, во время отправленія судебныхъ сессій повѣтовыхъ судовъ, военныхъ собраній и сеймиковъ. Центрами однихъ изъ новыхъ повѣтовъ стали старые крупные города и замки, другихъ — нѣкоторые господарскіе дворы и мѣстечки; для части повѣтовъ повѣтовые центры нужно было создать вновь. Гваннинъ въ своемъ „Описаніи“ Великаго Княжества Литовскаго<sup>3)</sup> называетъ по нѣскольку городовъ въ каждомъ

1) „Привилей обывателемъ земли Жомонтское, ижъ маеть г[о]спод[ар]ъ его милость правъ и вольностей водлугъ привилеевъ ихъ стародавнихъ направити, абы имъ волностей не нарушали“. Лит. Метр.  $\frac{II A}{52}$  л. л. 267 об. — 268. Изданъ Н. А. Максимейкомъ — стр. 197 Приложеній къ книгѣ Сеймы Литовско-Русскаго государства.

2) Док. Моск. Арх. Мнч. Юст. I. Стр. 497.—502.

3) *Sarmaticae Europaeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Pomeraniam, Lituoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, Equitis Aurati, peditumque praefecti. Cui supplementi loco,*

изъ воеводствъ, существовавшихъ послѣ реформы, но не во всѣхъ изъ нихъ указываетъ городовъ больше числа повѣтовыхъ центровъ повѣтовъ, составившихъ данныя воеводства. Такъ, въ воеводствѣ Троцкомъ Гванини называетъ лишь Троки, Городну, Ковну, Лиду и Упиту<sup>1)</sup>, или въ Берестейскомъ — лишь Берестье и Пинскъ<sup>2)</sup>. Но въ рядѣ другихъ воеводствъ „Descriptio“ Гванини знаетъ гораздо больше городовъ и замковъ. Въ Виленскомъ воеводствѣ это „Описание“ показываетъ шесть городовъ (Вильна, Ошмяна, Вилкомиръ, Браславъ, Икажно и Дрисвятъ)<sup>3)</sup>, въ Минскомъ — восемь (Минскъ, Кейдановъ, Радонковичи, Борисовъ, Логойскъ, Сви-слючъ, Бобруйскъ и Друцкъ)<sup>4)</sup>, въ Новгородскомъ — четыре (Новгородокъ, Слонимъ, Волковыйскъ и Мстисбововъ)<sup>5)</sup>, въ Мстиславскомъ — десять (Мстиславль, Дубровна, Копысь, Шкловъ, Могилевъ, Быховъ, Рѣчица, Стрѣшинъ, Любечъ и Вышгородъ)<sup>6)</sup>, въ Витебскомъ — тринадцать (Витебскъ, Орша, Суражъ, Ула, Туровля, Суша, Чашники, Сѣнно, Лепель, Тетча, Красное, Воронечъ и Стрыжовъ)<sup>7)</sup> и т. д.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи центровъ для большинства повѣтовъ большихъ затрудненій быть не могло, такъ какъ въ ихъ предѣлахъ уже имѣлись достаточно крупные города или мѣстечки для того, чтобы можно было воспользоваться ими съ этою цѣлью. Но для нѣкото-

---

ea quae gesta sunt superiori anno, inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum. Spiraе. Cum privilegio Imper. et Regis Gall. Apud Bernardum Albinum. MDLXXXI. Глава книги подъ заглавіемъ „Provinciarum seu palatinatum Lituaniae ciuitatumque praecipuarum descriptio“ (листы книги 57—61 об.).

1) Troki, Grodno, Cowno, Lida, Upita (op. cit., листъ 58). Лида показана, такимъ образомъ, въ составѣ Троцкаго воеводства, куда она отнесена была повѣтовой реформой первоначально.

2) Brestia, Pinsco (op. cit., листъ 58 об.).

3) Vilna, Osmiana, Vilkomeria, Bratislauia, Ikaznia, Driswiat (op. cit., листы 57 об. — 58).

4) Minsko, Keidanow, Radoskowice, Borissow, Lohoisko, Swislocz, Bobroisko, Odruczko (op. cit., листы 58--58 об.).

5) Nouogrodek, Slonim, Wolkowisko, Msczibow (op. cit., листъ 58 об.).

6) Msczislauia, Dambrowna, Kopysz, Sklow, Mohilow, Bychow, Rzeczyca, Strissin, Lubetz, Viszehorod (op. cit., листъ 59 об.).

7) Vitebsk, Orsha, Suras, Ula, Turowla, Susza, Czasniki, Siemno, Leplo, Cioetzea, Crassue, Woroniec, Stryzow (op. cit., листы 59 об. — 60).

рыхъ изъ повѣтовъ ихъ центры нужно было создать вновь. Это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда въ предѣлахъ территоріи повѣта вовсе не оказывалось крупнаго поселенія, или когда, имѣясь въ наличности, оно оказывалось неудобнымъ для назначенія повѣтоваго центра. Первый изъ этихъ случаевъ обнаруживается въ землѣ Жомонтской. Эта земля въ эпоху повѣтовой реформы сохраняла въ значительной степени бытъ глубокой старины, мало поддававшійся измѣненіямъ. „Описаніе“ Гванини рисуетъ патріархальный бытъ Жомонтской земли и невысокую культуру ея населенія<sup>1)</sup>. По разсказу этого „Описанія“ и обработка земли велась въ его время въ Жомойти деревянными, а не желѣзными орудіями<sup>2)</sup>. Обилію лѣсовъ<sup>3)</sup> соотвѣтствуетъ и отсутствіе укрѣпленныхъ замковъ<sup>4)</sup>. Михалонъ Литвинъ, писавшій около 1550 года, излагая домыселъ объ Итальянскомъ происхожденіи Литвы, внесенный и въ Западно-Русскую лѣтопись<sup>5)</sup>, даетъ въ своемъ изложеніи черту быта Жомойти его времени, вполне совпадающую съ характеристикою этого быта, дѣлаемою „Описаніемъ“ Гванини. Михалонъ Литвинъ<sup>6)</sup> говоритъ, что, когда корабли предковъ

1) „Agrestis turba in humilibus casis, iisque ob longioribus vitam ducit, in quibus ignis in medio accensus ardet, ad ignem vero pater familias cum domesticis, serisque sedit, iumentaue et totam suppellectilem domesticam cernit. Solent enim sub eodem quo ipsi habitant tecto, sine ullo interstitio peccora habere. Maiores eorundem cornibus animalium vrorum videlicet pro poculis utuntur. Audaces sunt et strenui homines et ad bellum prompti, lorice aliisque plurimis armis praecipue autem cuspidе venatorum utuntur, equos adeo paruos habent, ut vix credibile sit ad tantos labores eos posse sufficere, quibus foris in bello domique in colendis agris vtuntur“. Листъ 60 об.

2) „Terram non ferro sed ligno procindunt, quod eo magis mirandum, cum terra eorum tenax et non arenosa sit. Araturi ligna complura, quibus vomeris loco utuntur, secum portare solent, scilicet vt vno stracto, aliud atque aliud ne quid in mora sit in promptu habeant“. Ibidem.

3) „Prouincia haec naemoribus syluisque abundat, in quibus horrendae quandoque visiones fieri dicuntur“. Ibidem.

4) „Nullo castro munito insignis est, ciuitates tamen in ea cum pagis tam regiae, quam nobilium complures sunt“. Ibidem.

5) П. С. Р. Л. XVII. Ст. 227 и сл., 239 и сл. и т. д., 421 и сл., 473 и сл.

6) Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, Fragmina X multiplici Historia referta. Et Johani Lasicii Poloni De diis Samagarum, caeterorumque Sarmatarum, et falsorum

Литовцевъ были принесены волнами къ тому берегу, гдѣ въ его время находится Плотели, они высадились на сушу и „поселились по военному обычаю, понынѣ сохранившемуся у Жмуди, въ шалашахъ у очаговъ“<sup>1)</sup>. Картина быта Жомойти, рисуемой этими извѣстіями, соотвѣтствуетъ и отсутствіе въ землѣ Жомойтской городовъ-мѣстъ въ XVI столѣтіи. „Попись шляхты земли Жомойтское и ихъ людей“, совершенный въ 1528 году, знаетъ въ этой землѣ лишь господарскіе дворы и волости<sup>2)</sup>. Въ эпоху реформы 1565—1566 годовъ Жомойтская земля не могла выдвинуть ни одного уже готоваго населеннаго мѣста, которое могло бы сразу стать центромъ ея, какъ повѣта. Жомойтскій повѣтовый сеймикъ собирался въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія не въ одномъ постоянномъ мѣстѣ<sup>3)</sup>, повѣтовый судъ, повидимому, также не опредѣлилъ вполнѣ мѣста для своихъ сессій. Естественно, что отсутствіе опредѣленнаго повѣтоваго центра, являясь существеннымъ неудобствомъ въ повѣтовой жизни, чувствовалось Жомойтскою шляхтою, и она должна была озаботиться его созданіемъ.

9 апрѣля 1574 года обыватели Жомойтской земли получили отъ перваго избирательнаго короля соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой подтвержденіе старинныхъ правъ своей земли<sup>4)</sup>. Это подтвержденіе требовалось Жомойти въ виду измѣненія положенія Великаго Княжества

---

Christianorum, Item de religione Armeniorum. Et de initio Regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per J. Jac. Grasserum, C. P. ex Manuscripto Authentico edita. Basileae MDCXV. Отрывки сочиненія Михалона Литвина переведены на русскій языкъ дважды: 1) С. Шестаковымъ — Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ (книга II, М. 1854; въ изданіи данъ латинскій текстъ и его переводъ) и 2) К. Мельникъ — Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, выпускъ I (подъ редакціей В. Антоновича) Кіевъ 1890.

1) „ . . . nostri progenitores laborum et periculorum maris pertaesi, et captivis tam viris quam foeminis onusti, coepere in tabernaculis ad focos, more militari, adhuc in Samagitia durante, vitam degere“. P. 24. Въ текстѣ цитируемъ по переводу К. Мельникъ (Мемуары . . . I, стр. 37).

2) См. выше, стр. 11. Ср. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управление, стр. 201.

3) Вил. Археогр. Сб. IV. № 10 (1573 г.) — сеймики въ Вилькѣи и въ Крожахъ.

4) А. З. Р. III. № 59.

Литовскаго Уніею 1569 года и вступленія на престолъ впервые не потомка старой династіи. Но грамота, выданная королемъ Генрихомъ, утверждая и гарантируя старыя права Жомойти, должна была считаться съ реформою 1565—1566 годовъ, существеннымъ образомъ измѣнявшей строю земли Жомойтской. Отъ этой реформы послѣдняя отнюдь не хотѣла отказываться. Отъ имени короля Генриха грамота 9 апрѣля 1574 года говоритъ<sup>1)</sup>: „а нѣжъ вридники, то есть каштелянъ, подкоморый и войскій, также судья, подсудокъ и писарь земскій, передъ тымъ въ земли Жомойтской не были, але пово, за продка нашего короля его милости славноѣ памяти Жикгимонта Августа, суть причинены и постановлены, мы господарь, за причиною“ Жомойтскаго старосты Яна Ходкевича и „за жедапьемъ всихъ вридниковъ, шляхты и рыцерства, родичовъ земли Жомойтскоѣ, къ большой тоѣ земли оздобѣ, до первшихъ стародавнихъ вридовъ и тые новые вѣчными часы тамъ уставляемъ и симъ листомъ нашимъ ихъ утвержаемъ“. Но земля Жомойтская въ числѣ своихъ старинныхъ правъ имѣла и право избранія своихъ старостъ и тивуновъ<sup>2)</sup>. Это право должно было быть приложено и къ новымъ должностнымъ лицамъ Жомойти, хотя статутъ 1566 года его признаетъ вообще лишь по отношенію къ членамъ земскаго повѣтоваго суда. Грамота короля Генриха говоритъ: „а на обранье електвовъ на вриды всякіе въ той земли Жомойтской, то есть на староство Жомойтское, каштелянство, подкоморство, войское, тивунство, деряжавцы, судыи и подсудка и писаря земскихъ, и на шные вриды, кды который съ тыхъ теперешнихъ нановъ радъ нашихъ и вридниковъ земли Жомойтскоѣ на большое достоенство преложонъ будетъ, або тежъ умретъ“ — господарь разрѣшаетъ съѣзжаться въ Россіены. Такимъ образомъ, уже въ 1574 году центромъ Жомойтской земли намѣчались Россіены. Но это мѣстечко еще не сразу получило значеніе Жомойтскаго повѣтоваго центра въ обычномъ, такъ сказать, теченіи повѣтовой жизни. Повѣтовые суды

1) Ibidem, артикуль 29.

2) А. З. Р. I. № 103 (артикулы 9 и 16). Dzi a l y Ń s k i. Zbi or Praw Litewskich, str. 68 (IX) i 70 (XVI). Ср. М. Ясненскаго Уставныя земскія грамоты, стр. 118 (4 а) и 119 (b).

Жомойти отбывали свои сессии еще не въ Россіенахъ<sup>1)</sup>. Только въ царствованіе Стефана Баторія Жомойтская шляхта создала въ Россіенахъ дѣйствительный центръ своего повѣта. Во время Варшавскаго сейма 1581 года послы Жомойтской земли (урожденный Мальхеръ Войтеховичъ Шеметь, тивунъ Дирвянскій, и урожденный Павелъ Станиславовичъ Довмонтъ Сесицкій) обратились къ Стефану Баторію отъ имени всѣхъ Жомойтскихъ обывателей съ просьбою о разрѣшеніи послѣднимъ „окупити“ господарское мѣстечко „Росейны“, заложенное Сигизмундомъ Августомъ въ 1200 копахъ грошей Литовскому чашику, пану Матею Петъкевичу<sup>2)</sup>. Россіены нужны Жомойтскимъ обывателямъ „для зъездчанья на соймники, такъ тежъ для судовъ головныхъ<sup>3)</sup>, земскихъ и кгородскихъ и для хованья книгъ судовыхъ“. Король исполнилъ просьбу Жомойтской шляхты, далъ ей разрѣшеніе выкупить Россіены у жены и дѣтей уже умершаго Петъкевича, „и, по отданью суммы винное, обыватели земли Жомойтское“, какъ говоритъ выданный Баторіемъ привилей, „мають се зъездчати на суды и на соймники и тамъ въ томъ местечку мають книги справъ судовыхъ, такъ головныхъ, яко земскихъ и кгородскихъ, ховать“. Жомойтскому старостѣ, Литовскому подчашію, пану Яну Кишкѣ королемъ Стефаномъ приказано: „тамъ зъехавъшы до Росейны, пляць на збудованье двору водле потреби вымерити и имъ подати, въ которомъ дворе обыватели земьли Жомойтское мають се судити и тамъ книги справъ своихъ судовыхъ ховать“. Этотъ дворъ утверждается королемъ за

1) Въ іюнѣ 1575 года гродскій судъ Жомойтской земли имѣлъ свое пребываніе въ Немокштахъ (А. Вил. XXIV, № 225). Документы книгъ Россіенскаго земскаго суда за 1575—1600 годы описаны въ пяти первыхъ выпускахъ „Описи документовъ Виленскаго Центрального Архива древнихъ актовыхъ книгъ“ (Вильна 1901—1907), но, къ сожалѣнію, эта Опись не отмѣчаетъ мѣста засѣданій земскаго суда Жомойтской земли.

2) „а по смерти дей помененого пана чашика малжонка, дети и опекуны детей его тое местечко Росейны въ той пререченой сумѣ пенезей, дванадцати сотъ копахъ, держити“.

3) Учрежденный въ 1581 году Литовскій трибуналъ не былъ сразу по учрежденіи принятъ Жомойтской землею. Она сохранила за собою право имѣть свои особые „суды головные“ (Способъ правъ трибунальскихъ, стр. 5 — Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXV) до 1588 года (А. Вил. VIII, стр. 262—263).

Жомойтскими обывателями навсегда; что же касается мѣстечка Россіенъ, то оно переходитъ въ распоряженіе господаря послѣ того, какъ Жомойтская шляхта доходами съ него вернуть себѣ уплаченныя ею 1200 копѣ грошей на слѣдникамъ Петъкевича<sup>1)</sup>.

Актовыя книги Жомойтскаго земскаго суда показываютъ, что уже въ 1581 году этотъ судъ отбывалъ свои сессіи въ Россіенахъ. „Году отъ Нароженья Сына Божего 1581, мѣсяца октября 10 дня, на рокахъ земскихъ судовыхъ водлугъ статуту по Светомъ Михалѣ, свята Римского осенного, на завтре, въ Росейняхъ передъ нами, Казимеромъ Яновичомъ Орвидомъ — судьей, Криштофомъ Яновичомъ Бѣлевича — подсудкомъ, врядники господарскими земскими Жомойтскими“ — читается въ одной выписи изъ книгъ Жомойтскаго земскаго суда<sup>2)</sup>. Повидимому въ противорѣчій съ этимъ обращеніемъ Россіенъ въ повѣтовый центръ Жомойти уже въ 1581 году стоитъ „Привилей обывателемъ земли Жомойтское, позволяючи местечко Ро-

1) „Чого имъ моцю теперешнего сойму вального позволяемъ и то имъ утвержаемъ вечными часы. А што се дотычетъ цынъшовъ и иныхъ доходовъ, которые съ того местечка и з села, до того местечка приналежачого, названого Мпяны, приходитъ, тые вси цынъшы и пожитки обывателемъ земли Жомойтское — до того часу на себе брати мають, покуль тую всю суму, дванадцать сотъ копѣ грошей, выберуть сполна. А по избраню тое сумы мы г[о]с[п]од[а]рѣ и потомъки наши то местечко нашо Росейны и село верхупомененое, къ нему належачое, давать будемъ въ державу намъ добре заслужоному. И на то все дали есмо имъ сесь нашъ листъ, рукою нашою г[о]с[п]од[а]рською подписавшы, до которого и печать нашу Великого Князства Литовского притиснути есмо велели“. Документъ находится на л. л. 32 об. — 33 об. 67-ой книги Литовскихъ Записей Метрики Литовской. Его заголовокъ: „Позволене обывателемъ земли Жомойтское окупения местечка Росейнъ и отправованя тамъ судовъ и хованья книгъ справъ ихъ“. Дата документа: Варшава, Коронный вальный сеймъ, 3 марта 1581 года („... маръца третего дня, при бытности пановъ радъ нашихъ и пословъ земскихъ обоого народу“). Документъ имѣетъ подписи: 1) „руки г[о]с[п]од[а]рское“ и 2) писаря Миколая Ясенскаго. Конія съ этого документа находится и въ Akta Historyczne № 2901, XI Библиотеки Главнаго Штаба („Pozwolenie obywatelom ziemi Zomoytskoie okupienia mesteczka Rosein y otrawowania tam sudow y chowania inych spraw“).

2) А. Вид. XIV. № 21 (стр. 238). Указаніе на Михайловскіе роки 1583 года, отсуживавшіеся въ Россіенахъ — *ibidem*, № 24 (стр. 266—271).

сеини у малжонки и потомковъ пана Матея Петкевича окупити и тамъ соймники мети и суды отправовати“, сохранившійся въ Литовской Метрицѣ съ датой: Варшава, вальный сеймъ, 16 февраля 1585 года<sup>1)</sup>. Текстъ привилея 1581 года и привилея 1585 года въ общемъ одинъ и тотъ же<sup>2)</sup>, но первый изъ нихъ полнѣе въ частяхъ, говорящихъ о правахъ на Россіены послѣдниковъ пана Петкевича, а послѣ нихъ Жомонтской шляхты<sup>3)</sup>. Кромѣ того за подписью господарской руки въ привилеѣ 1581 года слѣдуетъ подпись писаря Миколая Ясенскаго, а въ привилеѣ 1585 года — Льва Сапеги, названнаго также писаремъ. И въ началѣ марта 1581 года<sup>4)</sup>, и въ срединѣ февраля 1585 года<sup>5)</sup> вальный сеймъ засѣдалъ въ Варшавѣ дѣйствительно, и обозначеніе даты въ обоихъ привилеяхъ не возбуждаетъ

1) Лит. Метр.  $\frac{I A}{69}$  л. л. 274—274 об.

2) Конечно, какъ во всякомъ повтореніи текста въ старыхъ рукописяхъ, встрѣчаются не имѣющія значенія различія: напр., „отправованья“ ( $\frac{I A}{69}$  л. 274) — „и отправованиа“ ( $\frac{I A}{67}$  л. 33), „дванадцать сотъ копахъ грошей“ ( $\frac{I A}{69}$  л. 274) — „дванадцать сотъ копъ грошей литовскихъ“ ( $\frac{I A}{67}$  л. 33).

3) Въ  $\frac{I A}{67}$  находятся слова, которыхъ нѣтъ въ  $\frac{I A}{69}$ : „а по смерти дей помененого пана чашника малжонка, дети и опекуны детей его тое местечко Россіины въ той пререченой суме пенезей, дванадцати сотъ копахъ грошей, держать“. Окончаніе привилея въ  $\frac{I A}{69}$  такое: „Чого имъ моцю теперешнего сойму вального позволяемъ и то имъ утверждаемъ вечными часы. А тое местечко Россіны и село Меныны, до него належачое, мають обыватели земли Жомонтское тымъ же правомъ, яко было отъ продка нашего, славное памети короля его милости Жигимонта Августа, небожчику чашнику заведено, за которымъ малжонка его держала, держати и всякихъ ножитковъ, оттуль приходячихъ, уживати ажъ до отданья имъ отъ насъ сумы п[e]н[e]зей, верху помененое. И на то все дали есмо имъ сесь нашъ листъ, рукою нашою г[o]c[по]д[а]р[с]кою подписавшы, до которого и печать нашу Великого Князства Литовского притиснути есмо велели. Писанъ у Варшаве, на сойме вальномъ Корунномъ, лета Божьего Нарожения тисеча пятсотъ осмьдесятъ пятого, м[e]c[e]ца февраля шеснадцатог[o] дня, при бытности пановъ радъ нашихъ и пословъ земьскихъ обоего народу. Подпись руки г[o]c[по]д[а]р[с]кое. Левъ Сапега, писар[ъ]“.

4) Конституція сейма 1581 года датирована 6-мъ марта. Volumina Legum. II. Petersburg 1859. Str. 212.

5) Объ этомъ сеймѣ см. J ó z e f a S z u j s k i e g o, Dzieje Polski, tom III (W Krakowie 1894), str. 95—101.

никакихъ сомнѣній. Но не совсѣмъ правильною должна быть признана подпись Льва Сапеги, какъ писаря, подъ привилеемъ 1585 года: 2-го февраля 1585 года Левъ Сапега получилъ привилей на подканцлерство Великаго Княжества Литовскаго<sup>1)</sup> и подканцлеромъ подписывался уже 1-го февраля этого года<sup>2)</sup>, т. е. наканунѣ выдачи ему привилея на этотъ урядъ Стефаномъ Баторіемъ. Можно думать, что подпись Льва Сапеги съ обозначеніемъ его писаремъ на привилей отъ 16 февраля 1585 года представлялась не совсѣмъ умѣстной и при внесеніи этого привилея въ книги Литовской Метрики или при перепискѣ ихъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, въ эпоху уже канцлерства того же Льва Сапеги, когда подчиненнымъ ему писцамъ и писарямъ Метрики должно было особенно бросаться въ глаза неправильное обозначеніе ихъ главнаго начальника. Въ самомъ дѣлѣ, при внесеніи того же привилея отъ 16 февраля 1585 года въ другую книгу Литовской Метрики подпись Льва Сапеги совершенно опущена<sup>3)</sup>. Но трудно на основаніи одного этого замѣчанія заподозрѣть самый документъ, подъ которымъ неудачно поставлена подпись Льва Сапеги. Съ другой стороны, не совсѣмъ обычнымъ должно быть признано и полное игнорированіе привилеемъ 1585 года уже состоявшагося въ 1581 году удовлетворенія ходатайства Жомойтской шляхты о передачѣ ей Россіенъ для созданія повѣтоваго центра. Привилей 1585 года, возможно, не договариваетъ чего-либо о тѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла, которыя носились между 1581 и 1585 годами и которыя вызвали возобновленіе ходатайства Жомойтскаго сей-

1) J. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Str. 163.

2) А. З. Р. III. № 145.

3) Лит. Метр.  $\frac{I A}{70}$  л. л. 183—183 об.: „Привилей обывателей земли Жомойтское на позволеніе выкупить местечка Росениъ у потомковъ небожыка пана Петъкевича“. Дата: Варшава, вальный сеймъ, 16 февраля 1585 года. Документъ совершенно тотъ же, что на л. л. 274—274 об. книги  $\frac{I A}{69}$ . Отличія только въ обычныхъ мелочахъ при перепискѣ: ипр., „дванадцать“ ( $\frac{I A}{69}$  л. 274) — „дванадцати“ ( $\frac{I A}{70}$  л. 183), „на суды“ ( $\frac{I A}{69}$  л. 274) — „на судъ“ ( $\frac{I A}{70}$  л. 183 об.) и т. п.

мика о Россіенахъ. Во всякомъ случаѣ, съ восьмидесятихъ годовъ XVI столѣтія повѣтовый центръ земли Жомонтской утвердился въ Россіенахъ.

Итакъ, Жомонтская земля при введеніи повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ оказалась безъ повѣтоваго центра, и послѣдній опредѣлился въ ней лишь въ восьмидесятихъ годахъ XVI столѣтія. Въ иномъ положеніи оказался повѣтъ Упитскій. Повѣтовый центръ его не удержался въ Упитѣ, именемъ которой былъ названъ повѣтъ. Уже въ первые годы послѣ повѣтовой реформы въ значеніи центра Упитскаго повѣта выступаетъ „дворъ Поневяжскій“<sup>1)</sup>. На Торунскомъ сеймѣ 1576 года Упитскіе послы представили Стефану Баторію отъ имени всѣхъ обывателей Упитскаго повѣта въ числѣ другихъ просьбъ и просьбу, касающуюся положенія ихъ повѣтоваго центра<sup>2)</sup>. По словамъ ихъ, Упит-

1) См. стр. 150—151 Приложеній къ книгѣ Н. А. Максимейка Сеймы Л.-Р. государства.

2) Лит. Метр.  $\frac{1}{61}$  л. 24. Документъ послѣ титула Стефана гласить слѣдующее — „Скарбному нашому Великому Князства Литовского, старосте Упитскому, ключнику Виленскому, пану Ивану Зарецкому, а въ небытности пана скарбного на тотъ часъ на Упите, ино подстаростему его Упитскому. Будучы здеся въ Торуню при насъ г[о]с[по]д[ар]и на сойме, послы земскіе, отъ всихъ обывателей съ повету Упитского на с[ѣ]мь посланные, межи иными речами до насъ прозбы свои именемъ всихъ обывателей того повету Упитского о то, ижъ дому, где бы на рокохъ земскихъ судовыхъ того повету на справахъ судовыхъ заседати мели, местца спокойного не мають, абыхмо пляцъ на тотъ домъ удобный въ местечку нашомъ староства Упитского Поневеже местце на то годное въ рынку обрати и вымерыти такъ много, яко бы оный, домъ сталь, розказавшы, имъ мети казали. Ино мы, видечы прозбы ихъ, до насъ донесены, слышны, на то позволили и листъ нашъ до подстолого Великому Князства Литовского, пана Яна Зеновевича, опекуна детей зощлого князя Ивана Крошынского, а, въ небытности его у Поневежи, до вридика тамошняго Поневяжского, абы тамъ въ ономъ местечку нашомъ помененомъ Поневяжскомъ въ рынку пляцъ на местцы, ку збудованю того дому судовного годномъ, обравшы и, якъ много пляцу потреба указовати будеть, отмерывшы, имъ завель, подалъ и поступилъ, на которомъ пляцу они тотъ домъ удобный сами збудовати накладомъ своимъ мають. А тебе, пане скарбный, а въ небытности на Упите, абы ты, подстаростій его Упитскій, дерева на тотъ домъ судовный водле потребы съ пущи староства Упитского Половенское имъ додалъ, иначе того не чынены конечно“. Дата документа: Торунь, 14 декабря 1576 года. Документъ имѣеть „подпись руки г[о]с[по]д[ар]ское“.

скій повѣтъ не имѣеть дома, въ которомъ бы могли отпра-  
вляться сессіи земскаго повѣтоваго суда; поэтому они про-  
сятъ короля Стефана объ отпускѣ имъ мѣста въ Поневѣжѣ  
для постройки этого дома. Баторій исполнилъ эту просьбу  
и послалъ соответствующее приказаніе Упитскому старостѣ,  
распорядившись и объ отпускѣ лѣса на постройку изъ го-  
сподарской пуци Упитскаго староства<sup>1)</sup>. Поневѣжъ сталъ  
повѣтовымъ центромъ Упитскаго повѣта, хотя этотъ повѣтъ  
продолжаетъ называться Упитскимъ<sup>2)</sup>. И рочки гродскіе,  
и роки земскіе стали отсуживаться въ Поневѣжѣ<sup>3)</sup>, а не въ

1) Кромѣ листа Упитскому старостѣ по этому дѣлу Стефанъ Ба-  
торій послалъ листъ и въ Поневѣжъ, адресованный „подстолему нашому  
Великаго Князства Литовскаго, пану Яну Зеновичу, опекуну детей  
зошлаго старосты Упитскаго, князя Ивана Крушинскаго, а въ небыт-  
ности пана подстолого на тотъ часъ въ местечку нашомъ староства  
Упитскаго, у Поневежи, ино тому, хто бы отъ него врадникомъ Поневеж-  
скимъ былъ“. Дата этого листа, также подписаннаго господаремъ:  
Торунь, 16 декабря 1576 года. Лит. Метр.  $\frac{1 \text{ A}}{61}$  л. л. 21 об.—25.

2) Ср. Zygmunt Gloger, Geografia Historyczna ziem dawnej  
Polski, str. 286. Описаніе Поневѣжа — Вил. Арх. Сб. VIII, стр. 61—63.

3) А. Вил. XXVI. № № 167, 173 и др. Ср. Опись документовъ Ви-  
ленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ, выпускъ VII,  
Вильна 1909 (стр. IV Предисловія). Къ сожалѣнію Предисловіе къ этому  
выпуску Описи, составленное Дм. Ив. Довгялло, не свободно отъ  
ряда серьезныхъ промаховъ. Такъ, Упита и ея округъ отнесены въ  
составъ Троицкаго повѣта со ссылкой на Областное дѣленіе и мѣстное  
управленіе М. К. Любавскаго (авторъ этого труда упорно именуется  
почему то Любовскимъ). Но г. Довгялло упустилъ изъ виду, что трудъ  
М. К. Любавскаго изучаетъ областное дѣленіе Литовско-Русскаго госу-  
дарства лишь эпохи ко времени изданія статута 1529 года, а акты  
Упитскаго земскаго суда, о которыхъ говоритъ VII выпускъ Описи,  
относятся къ 1585—1587 годамъ, когда существовалъ уже Упитскій по-  
вѣтъ, созданный реформой 1565—1566 годовъ. „Москвитины“ рассматри-  
ваются г. Довгялло, серьезно какъ показатели „великорусской коло-  
низациі“ и т. д. Тѣ же промахи находятся и въ изданіи этого Предисловія  
отдѣльною брошюрой (съ небольшими сокращеніями) — Дм. Ив. Дов-  
гялло, Поневѣжская Старина (1585—1587 г.), Вильна 1910. Упитская  
волость въ VIII-мъ томѣ Виленскаго Археографическаго Сборника совер-  
шенно неправильно отнесена къ составу земли Жомойтской (№ 1. „1554 г.  
Инвентарь Упитской волости, въ Жмудской землѣ“). Повидимому, осно-  
ваніемъ для того, чтобы отнести Упитскую волость къ составу Жомойти,  
издатели считали приписку на копіи, съ которой сдѣлано изданіе, гово-  
рящую о выдачѣ ея изъ скарба „ясневельможному пану его милости,  
пану Ярошу Воловичу, старостѣ енералному земли Жомойцкое, державцы

Упитъ, которая въ качествѣ повѣтоваго центра оказалась неудобною для обывателей Упитскаго повѣта. Но центръ повѣта могъ переноситься изъ одного мѣста въ другое и не по желанію самой повѣтовой шляхты или по соображеніямъ ея удобства, а и по причинамъ внѣшнимъ. Такъ, Полоцкъ еще въ 1563 году былъ захваченъ Москвою, и реформа 1565—1566 годовъ застигла большую часть Полоцкаго воеводства вмѣстѣ съ его центромъ въ рукахъ Москвы. Для оставшейся въ составѣ Литовско-Русскаго государства части этого воеводства долженъ былъ быть созданъ временный повѣтовый центръ, и для этой цѣли былъ назначенъ Лепель<sup>1)</sup>.

Въ городѣ или мѣстечкѣ, ставшемъ повѣтовымъ центромъ, долженъ находиться повѣтовый домъ, въ которомъ отправляются роки повѣтоваго суда и въ которомъ, какъ увидимъ ниже, по крайней мѣрѣ въ большей части повѣтовъ, собирается и повѣтовый сеймикъ. При введеніи реформы 1565—1566 годовъ въ эти повѣтовые дома обращались господарскіе дворы, находившіеся въ центральныхъ пунктахъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Господарскіе дворы далеко не были всѣ одного типа. Ихъ должно раздѣлить на двѣ группы: одни служили мѣстами пребыванія господаря на болѣе или менѣе продолжительное время, для жизни его въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ во время его нахождения въ этомъ

---

Шавелскому, Кобрынскому и Упійскому, для вѣдомости и обороныgrundтовъ короля его милости волости Упійское“ (Вил. Арх. Сб. VIII, стр. 120 и IV). Но 1) конецъ этой приписки ясно показываетъ, что Воловичъ получилъ эту копію не какъ староста Жомойтскій, а какъ державца Упитскій и 2) обозначеніе припискою Воловича сначала старостою Жомойтскимъ и уже потомъ державцою Упитскимъ отнюдь не показываетъ, что онъ получалъ эту копію по уряду Жомойтскаго старосты, такъ какъ при перечисленіи урядовъ лица соблюдалось правило ставить впереди уряды болѣе важныя, хотя это лицо въ данномъ случаѣ и выступало бы дѣйствующимъ по другимъ своимъ урядамъ.

1) И. И. Лапко. Ор. cit. Стр. 628—630. Въ специальной работѣ, посвященной исторіи Лепеля (Д. М. Ив. Довгялло. Лепель, уѣздный городъ Витебской губерніи. Хроника минувшей жизни. Витебскъ 1905) упущенъ этотъ моментъ историческаго прошлаго города, хотя и указаны перемѣны въ положеніи Лепеля въ періодъ времени съ 1563 года по 1579 годъ (возвращеніе Полоцка отъ Москвы) и превращеніе его въ замокъ (стр. 9—10).

„панствѣ“, для охоты и для отдыха; другіе не имѣли этого назначенія и являлись лишь центрами округовъ старыхъ повѣтовъ-державъ. Дворы перваго типа были господарскими городскими или загородными дворцами, „палацами“, и часто украшались богато, дѣлаясь любимыми мѣстами для продолжительнаго пребыванія великаго князя. Такимъ былъ, напримѣръ, Кнышинъ. При немъ находился деревянный замокъ, въ которомъ любилъ жить Сигизмундъ Августъ, въ Кнышинѣ и умершій<sup>1)</sup>. У другихъ великихъ князей и королей были другіе любимые города и мѣстечки<sup>2)</sup>. Это одинъ типъ господарскихъ дворовъ.

Другой ихъ типъ не имѣлъ характера господарскихъ резиденцій. Его представляютъ дворы, въ которыхъ отправлялись лишь управленіе и судъ державцы или старосты. Посмотримъ, какъ изображаютъ такіе дворы современныя описанія. По описанію 1560 года<sup>3)</sup> господарскій дворъ въ Оршанскомъ замкѣ имѣлъ слѣдующія постройки. Во-первыхъ свѣтлица, „при земли, деревеная, добрая“, въ ней шесть оконъ „отвористыхъ“ на завѣсахъ, „оболонь скляные“, двери не на завѣсахъ („защепокъ“ нѣтъ), дубовый столъ, „лавы добри“ и бѣлая печь „кафлей простыхъ“. При этой свѣтлицѣ сѣни, въ которыхъ „коминъ глиною обмурованъ“ и двое дверей („не на завесехъ и защепокъ нетъ“). При

1) Ср. Описаніе путешествія въ Москву посла Римскаго императора, Николая Варкоча, съ 22 юля 1593 года, стр. 5 (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при М. Ун. 1874. Книга IV. Отдѣльно — М. 1875). Jean Choisin в своихъ мемуарахъ говоритъ, что Сигизмундъ Августъ отправился передъ смертью въ Литву, .. „en un sien chasteau appelé Knychin, qu'il aimoit fort, où il délibéra de recouvrer sa première santé, ou bien d'y finir ses jours, si Dieu l'avoit ainsi ordonné“. Nouvelle Collection des Mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIII siècle jusqu'à la fin du XVIII. Précédés de notices pour caractériser chaque auteur des mémoires et son époque; suivis de l'analyse des documents historiques qui s'y rapportent; par. M. M. Michaud de l'académie Française et Poujoulat. Tome onzième. A Paris. 1838. P. 382.

2) Владиславъ IV, напримѣръ, любилъ вѣдять въ Меречь (ср. Juliana Ursyna Niemcewicz, Podróże Historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte. Paryż 1858 — str. 359). Онъ тамъ и умеръ (ср. Józefa Szujskiego, Dzieje Polski, tom III. W Krakowie 1894 — str. 347).

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 124—125.

сѣняхъ обозначена „комора“, въ ней „коминъ деревяный, глиною обмурованъ“, четыре „отвористыхъ“ окна („на завесахъ, оболоны скляные, двери не на завесахъ“ и нѣтъ „защепокъ“). У этой коморы („у боку тое комори“) малыя сѣни, а изъ нихъ „светлочка малая, новая“ съ бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“, съ четырьмя „отвористыми“ окнами („на завесахъ, въ нихъ оболоны простыя, скураныя“), съ „округлымъ“ хорошимъ столомъ и хорошими лавами („двери не на завесахъ и защепокъ нѣтъ“). Кромѣ этой главной постройки двора показана и другая свѣтлица, „вечаная при земли“, въ четыре окна („окна 4 и двери не на завесахъ“), съ хорошею бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“ и съ хорошими лавами. Изъ свѣтлицы идутъ сѣни („двери не на завесахъ и защепокъ нѣтъ“). Кромѣ этихъ двухъ домовъ во дворѣ показаны его описаніемъ и хозяйственныя постройки: пекарня, кухня, свирни и т. д. Но въ Оршѣ былъ не одинъ господарскій дворъ. Кромѣ этого показанъ другой — „неподалеку замку“. Въ этомъ второмъ господарскомъ дворѣ описаніемъ показана деревянная свѣтлица въ три окна („оболоны паперные“), съ круглымъ столомъ, двумя лавами („двери не на завесахъ, з защепкою“) и бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“. При свѣтлицѣ сѣни, въ которыхъ „коминъ деревяный, глиною облепленъ“, а изъ сѣней входъ въ другую свѣтлицу въ пять „малыхъ“ оконъ, съ двумя лавами и бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“ (двери „не на завесахъ, з защепками и пробой“). При свѣтлицахъ ганокъ, а „въ немъ столъ липовый и лавы добри“. Въ составѣ второго двора также обозначенъ рядъ хозяйственныхъ построекъ.

Передъ нами описаніе господарскихъ дворовъ, находившихся въ замкѣ и около замка<sup>1)</sup>, имѣвшаго довольно крупное значеніе. Дворы господарскіе, лежавшіе вдали отъ крупныхъ городовъ и замковъ, также имѣли достаточно

1) Ср. два замковыхъ двора въ Пинскомъ замкѣ (Писцовая книга бывшаго Пинскаго староства, составленная по повелѣнію короля Сигизмунда Августа въ 1561—1566 годахъ Пинскимъ и Кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною — часть I. Вильна 1874. Стр. 4—5), ср. описанія замковыхъ дворовъ въ замкахъ Радошковскомъ (Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 91—93), Довгялишскомъ (ibidem, стр. 120—121) и др.

построекъ. Такъ, Черевятскій дворъ въ Полоцкомъ воеводствѣ имѣлъ слѣдующія „будованя“: четыре дома и рядъ хозяйственныхъ построекъ. Описаніе этого двора<sup>1)</sup> указываетъ и особый „дворецъ“, въ которомъ живетъ намѣстникъ, отмѣчая тѣмъ, что намѣстникъ не жилъ въ постройкахъ собственно господарскаго двора, а имѣлъ особый дворъ, служившій ему жилищемъ. Конечно въ крупнѣйшихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго бывало даже не по одному господарскому двору рядомъ съ „палацомъ“ великокняжескимъ въ ихъ замкахъ<sup>2)</sup>, и изъ этихъ дворовъ можно было выбрать одинъ для того, чтобы его обратить въ дворъ повѣтовый. Такимъ образомъ, почти во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, которые повѣтовою реформою 1565—1566 годовъ были обращены въ центры повѣтовъ<sup>3)</sup>, имѣлись уже готовые дворы съ большимъ или меньшимъ количествомъ построекъ, и они были господаремъ предоставлены повѣтамъ для ихъ повѣтовыхъ нуждъ, которыя были созданы реформою. Эти дворы теперь стали „повѣтовыми“<sup>4)</sup> съ превращеніемъ стараго повѣта въ округъ шляхетскаго суда и управленія судебного старосты. Статутъ 1566 года совершенно опредѣленно говоритъ объ этомъ. „Въ кождомъ повѣтѣ княжата, панове-рада наша“, гласитъ этотъ кодексъ отъ имени великаго князя, „также рицество и шляхта, вси, хто кольвекъ якого стану будетъ тамъ имѣнья свои мѣти, зѣхатися мають до двора, которій на посродку того повѣту будетъ“, для выбора членовъ земскаго повѣтоваго суда<sup>5)</sup>. Земскій судъ, гласитъ статутъ 1566 года отъ имени господаря, находится „въ замку албо у дворѣ

1) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 63—64.

2) О господарскихъ „палацахъ“ середины XVI ст. въ Вильнѣ см. J. Kraszewskiego, Wilno od początków jego do roku 1750 (tom I, Wilno 1840, str. 239—240), А. Вил. XX (Предисловіе, стр. СХVI—СХVII). Описаніе господарскаго дворца въ Городнѣ (уже середины XVII ст.) — Писцовая книга Гродненской экономіи съ прибавленіями, изданная Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ (часть вторая, Вильна 1882, стр. 1—11).

3) Неудовлетворительнымъ такой дворъ оказался въ Упитѣ, какъ было отмѣчено выше (стр. 96—97).

4) Ср. II ст., IV, 21.

5) II ст., IV, 1.

нашомъ“<sup>1)</sup>, и это же говорятъ и акты земскихъ судовъ<sup>2)</sup>. Но, конечно, въ повѣтахъ, въ первые же годы послѣ реформы 1565—1566 годовъ, должна была обнаружиться потребность въ особыхъ домахъ для земскихъ судовъ. Сессіи земскаго суда совпадали съ занятіями суда замковаго, или городскаго, какъ онъ сталъ потомъ обычно называться. Было необходимо создать особые дома для засѣданій суда земскаго. Статутъ 1566 года обходитъ вопросъ о специальныхъ домахъ для земскихъ судовъ. Онъ озабоченъ лишь устройствомъ помѣщений для храненія земскихъ книгъ, требуя отъ имени господаря, чтобы „въ каждомъ такомъ повѣтѣ, гдѣ судъ земскій будетъ, въ замку албо у дворѣ нашомъ, судья, подсудокъ и писарь земскій посполъ зъ шляхтою выбрали, збудовали и патрыли такое мѣсто, гдѣ бы завжды книги земскіе безпечнѣ отъ всякое пригоды были захованы“<sup>3)</sup>. Повидимому, при введеніи въ жизнь реформы вопросъ о помѣщеніяхъ для сессій земскихъ судовъ не былъ предвидѣнъ. Этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, вытекавшіе изъ реформы 1565—1566 годовъ, долженъ былъ, однако, возникнуть и рѣшиться въ послѣдующіе годы. Повѣтовая шляхта дѣйствительно должна была серьезно остановить свое вниманіе на помѣщеніяхъ, гдѣ отсуживались „роки“ ея земскихъ судовъ. Обнаружились совпаденія засѣданій судовъ земскаго и замковаго. Дома, въ которыхъ отбывали свои сессіи земскіе суды, требовали ремонта, и должны были возникать вопросы въ повѣтахъ о томъ, кто долженъ поддерживать постройки — повѣтовый замковый урядъ или повѣтовая шляхта. Съ другой стороны, земскій судъ приобрѣталъ все большее значеніе въ повѣтѣ. Уже статутъ 1566 года придавалъ ему значеніе своего рода основного повѣтоваго учрежденія. Это видно не только изъ того, что онъ въ своихъ артикулахъ, посвященныхъ судоустройству и судопроизводству<sup>4)</sup>, говоритъ о земскомъ судѣ болѣе подробно и прежде, чѣмъ о другихъ судахъ повѣта,

1) II ст., IV, 11.

2) Нпр., Историко-Юридическіе Матеріалы XXXI, Акты Витебскаго земскаго суда стр. 5, 9, 15 и др.

3) II ст., IV, 11.

4) IV раздѣлъ статута 1566 года.

но и изъ того, что повѣтовое сеймикованье онъ приурочиваетъ къ земскому суду словами: „и, зволнвшися, вси одностайнымъ зданьемъ мають обирати пословъ своихъ, то есть отъ каждого суду земского, колко ихъ у томъ воеводствѣ будетъ, по двѣ особы, послати ихъ на соймъ . . .“<sup>1)</sup> Въ то же время и самыя „роки“ земскихъ судовъ, какъ увидимъ ниже, стали довольно значительными съѣздами шляхты, которая стала пользоваться ими не только для судебныхъ цѣлей, но и для цѣлей выработки своихъ дѣйствій и заявленій, какъ шляхетской корпораціи повѣта. Въ отдѣльныхъ случаяхъ шляхта имѣла возможность разрѣшать задачу постройки и поддержанія домовъ для земскихъ судовъ, обращаясь къ господарю съ челобитьемъ объ отпускѣ строительныхъ матеріаловъ изъ господарскихъ пущъ<sup>2)</sup>, но, конечно, этотъ способъ разрѣшенія задачи не могъ признаваться нормальнымъ, въ виду постоянства данной потребности повѣтовъ и того значенія, которое имѣли земскіе суды. При пересмотрѣ и дополненіи артикуловъ статута 1566 года депутатами Великаго Княжества Литовскаго, составлявшими проектъ III-го статута, обсуждался вопросъ о постоянномъ податкѣ съ шляхты, однимъ изъ назначеній котораго должно было быть „будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ“, или „будованье домовъ судовыхъ“<sup>3)</sup>. Наконецъ статутъ 1588 года далъ разрѣшеніе вопроса о домахъ для земскихъ судовъ слѣдующимъ постановленіемъ: „къ тому тежь воеводове, старостове судовые, въ каждомъ воеводствѣ, земли и повете, мѣстьца пристойные на збудованье домовъ для отпраованья судовъ земскихъ, недалеко замковъ и дворовъ нашихъ судовыхъ, вряду земскому и шляхте указати и поступити мають, а врядники земскіе со всѣми станы оного повету будутъ повинни яко тое схованье книгъ судовыхъ у замку албо у дворе, такъ и тотъ домъ судовый збудовати съ тыхъ пенезей, яко то особливоу уфалюу есть постановено, што за мощно деръжано быти маеть“<sup>4)</sup>. Такимъ

1) II ст., III, 5.

2) См. выше (стр. 97) объ отпускѣ господаремъ лѣса на постройку судебного дома въ Поневѣжѣ.

3) Приложенія, стр. 135.

4) III ст., IV, 13.

образомъ, статуть 1588 года разрѣшилъ законодательнымъ путемъ вопросъ объ особомъ домѣ въ каждомъ повѣтѣ для земскихъ судовъ. Но тотъ же кодексъ обнаруживаетъ, что ко времени его учрежденія судовые дома существовали не во всѣхъ повѣтахъ. Въ одномъ изъ артикуловъ статута 1588 года, говорящемъ объ отводѣ гродскимъ урядомъ „господъ“, т. е. квартиръ, во время земскихъ роковъ и гродскихъ рочковъ, находимъ требованіе, чтобы отводился „особный домъ престронный, где на судехъ заседати мають“, съ оговоркою, что это должно дѣлаться „тамъ, где еще дому судового нетъ“<sup>1)</sup>. Конечно, этотъ отводъ временныхъ помѣщеній для засѣданій суда долженъ былъ имѣть мѣсто, вѣроятно, иногда и потомъ, въ случаяхъ, когда построенный особый судебный домъ почему-либо не могъ служить своему назначенію. „Изда судовая“, какъ называютъ часто этотъ домъ Литовско-Русскіе акты<sup>2)</sup>, стала въ новомъ повѣтѣ тѣмъ пунктомъ повѣтоваго центра, который собиралъ шляхту повѣта и для ея судебныхъ дѣлъ и записей въ повѣтovyя книги, и въ ея собраніяхъ, какъ повѣтовой корпораціи<sup>3)</sup>.

Созданные въ 1565—1566 годахъ новые повѣты, являясь совершенно опредѣленными единицами областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго, получили двоякое значеніе: во-первыхъ, они стали территоріальнымъ дѣленіемъ государства и во-вторыхъ, они сдѣлались дѣленіемъ народа-шляхты Княжества на части, на повѣтovyя корпораціи. Остановимся сначала на второмъ изъ этихъ значеній новаго повѣта. Для шляхты повѣтъ явился округомъ ея военнаго дѣленія, суда, администраціи и сеймикованья. Шляхта повѣтовъ образовала отряды земскаго войска Княжества. Она становится въ военномъ „рушеньѣ“ около своихъ повѣтовыхъ хоружихъ, подъ хоругвями повѣтовъ. Каждому повѣту послѣ реформы 1565—1566 годовъ изъ

1) III ст., IV, 52.

2) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 279. „Свѣтлица судовая“ (Опись документовъ Виленскаго Центр. Архива древн. актовыхъ книгъ, вып. II, стр. 10 и др.). Ср. „канцлерія гродская“ (ibidem, стр. 27 и др.).

3) См. ниже, въ главахъ, посвященныхъ изученію повѣтоваго сеймика и другихъ собраній шляхты повѣтовъ.

скарба Великаго Княжества Литовскаго было выдано особое знамя, повѣтовая хоругвь<sup>1)</sup>). Повѣты, какъ полки шляхетскаго земскаго войска, соединяются въ воеводства, своего рода дивизіи, а эти послѣднія составляютъ все земское, народно-шляхетское войско Великаго Княжества Литовскаго. Воеводства имѣютъ особые цвѣта для своихъ хоругвей<sup>2)</sup>). Шляхетское войско цѣлаго Княжества объединяетъ свои хоругви около хоругви земской. Къ этому войску повѣтовъ присоединяется въ общемъ военномъ сборѣ и войско двора господарскаго, стоящаго подъ дворною хоругвью. Во главѣ повѣтовыхъ полковъ шляхты стоятъ повѣтовые хоружіе и маршалки, а въ центральныхъ повѣтахъ воедствъ — хоружіе и каштеляны. Во главѣ войска воеводства находится воевода<sup>3)</sup>). Наконецъ, во главѣ всего шляхетскаго войска Княжества — хоружій земскій и гетманъ наивысшій. Присоединяющееся къ этому войску войско господарскаго двора имѣетъ во главѣ себя гетмана и хоружія дворныхъ<sup>4)</sup>).

1) Статутъ 1566 года говоритъ отъ имени господаря: „хоругвы мають“ хоружимъ „даваны быти з скарбу нашего подлугъ давного обычая“ (II ст., II, 5. Въ изданіи статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. стоитъ „за скарбу“. Ср. стр. 29 Краковскаго изданія II-го статута — *Collectanea ex Archivo Collegii Juridici, tomus VII, Kraków 1900*). Статутъ 1588 года дословно повторяетъ слова II-го статута о выдачѣ повѣтовымъ хоружимъ хоругвей „зъ скарбу“ (III ст., II, 5).

2) „Списанье поветовъ Великаго Князства Литовскаго и вридниковъ въ нихъ“, указанное нами выше, опредѣляетъ для отдѣльныхъ воедствъ такіе цвѣта хоругвей: воеводство Виленское — хоругвь „чирвоная, въ белымъ полю гербъ“, воеводство Троцкое — „лазуровая, въ беломъ полю гербъ“, староство Жомойтское — „белая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Кіевское — „папужьковая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Волинское — „брунатная, въ белумъ полю гербъ“, воеводство Полоцкое — „сикоража, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Новгородское — „пелистая, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Витебское — „зеленая, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Подляшское — „хоруговъ Дорогицкая и Мельницкая жолто-горачая, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Берестейское — „хоруговъ бякитная, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Мстиславское — „жольтая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Браสลavia Подольскаго — „шарая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Менское — „гвоздикова, въ беломъ полю гербъ“.

3) Въ землѣ Жомойтской — староста Жомойтскій.

4) Объ организаціи посполитаго рушенья въ эпоху дѣйствія II-го статута и о должностныхъ лицахъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе см.

Должностными лицами, вѣдавшими повѣтъ, какъ шляхетскую корпорацію, въ значеніи военнаго дѣленія народа шляхты Княжества, были каштеляны (въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ), маршалки (въ остальныхъ повѣтахъ) и повѣтовые хоружіе (во всѣхъ повѣтахъ). Назначеніе на уряды каштеляна и маршалка принадлежало господарю. Эти уряды стояли слишкомъ высоко на ступеняхъ іерархической лѣствицы должностныхъ лицъ Княжества, чтобы шляхта могла считать себя въ правѣ участвовать въ ихъ замѣщеніи: каштеляны были радными панами<sup>1)</sup>, повѣтовые маршалки долго считались долженствующими получить это значеніе<sup>2)</sup>; такимъ образомъ, первые входили въ составъ „стана сенаторскаго“, а вторые считались на пути, или, по крайней мѣрѣ, очень близкими къ нему, и „станъ шляхетскій“ не могъ вступаться въ дѣло введенія новыхъ лицъ въ эту среду. Въ иномъ положеніи находился урядъ повѣтоваго хоружія. По отношенію къ этому уряду шляхта еще до реформы 1565—1566 годовъ обнаруживала тенденцію къ участію въ его замѣщеніи путемъ рекомендаціи лицъ, для нея желательныхъ<sup>3)</sup>. Въ годы послѣ реформы встрѣчаемся съ ходатайствами шляхты отдѣльныхъ повѣтовъ о замѣщеніи повѣтовыхъ урядовъ хоружія лицами, которыхъ „запечають“ господарю шляхетскіе обыватели даннаго повѣта<sup>4)</sup>. Статутъ 1588 года призналъ обязательнымъ участіе повѣтовой шляхты въ назначеніи ея хоружія. Отъ имени господаря этотъ кодексъ гласитъ: „хоружьства во всихъ земляхъ и поветехъ Великого Князства, где до того часу бывали, такимъ радомъ и способомъ мають быти захованы, ижъ мы господарь хоружихъ инакъшихъ не маемъ установляти, только людій задныхъ, годныхъ, ростропныхъ, родичовъ властныхъ того панства и оселыхъ въ повете томъ, ведже того вряду хоружьства иначей давати не маемъ — за обраньемъ на то певныхъ особъ черезъ обывателей каждое земли

---

И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 314—333, 387, 527—548, 556—563, 665—667. О гетманѣ дворномъ — *ibidem*, стр. 435—440.

1) И. И. Лапко. *Op. cit.* Стр. 616 и сл.

2) *Ibidem*. Стр. 318.

3) См. выше, стр. 27.

4) И. И. Лапко. *Op. cit.* Стр. 323.

и повету, тымъ порадькомъ, яко обиранье врьдъниковъ судовыхъ земьскихъ въ семь же статуте есть описано<sup>1)</sup>. Этотъ порядокъ такой: шляхта повѣта избираетъ на урядъ четьрехъ своихъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного господарь утверждаетъ по своей „звирхности господарской“.

Итакъ, повѣтъ въ значеніи дѣленія земскаго шляхетскаго войска Великаго Княжества Литовскаго представлялъ собою полкъ, въ который становилась повѣтовая шляхетская корпорація около своихъ маршалка, или каштеляна, и хоружія, подъ повѣтовою хоругвью, которую держить ея хоружій<sup>2)</sup>. Эта хоругвь и особые начальники для каждаго повѣтоваго полка, т. е. хоружіе и маршалки или каштеляны, и въ общемъ военномъ сборѣ, и въ „тягненьѣ“-походѣ воеводскаго или всего земскаго войска Княжества постоянно охраняють значеніе шляхетской корпораціи повѣта, какъ отдѣльной единицы, предохраняя ее отъ полнаго слиянія съ земскимъ войскомъ воеводства или цѣлаго Литовско-Русскаго „панства“. Сознаніе шляхетскою корпораціею повѣта своего значенія, какъ повѣтовой единицы, выразилось въ эпоху выработки III-го статута и въ признаніи права ея на участіе въ замѣщеніи уряда повѣтоваго хоружія, особенно близко стоявшаго къ шляхтѣ во время ея военныхъ „рушеній“ и сборовъ.

Такое же значеніе опредѣленной единицы дѣленія шляхты и значеніе шляхетской корпораціи получилъ повѣтъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ и въ качествѣ судебного округа. Статутъ 1566 года въ каждомъ повѣтѣ учреждаетъ три повѣтовыхъ суда: земскій, замковый и подкоморскій. Первому изъ этихъ судовъ принадлежитъ право судить шляхту повѣта „о земскіе речы зъ имѣней“<sup>3)</sup>, судъ подкоморскій долженъ разбирать дѣла „о

1) III ст., II, 5.

2) Статутъ 1588 года гласить: „а хоруговъ самъ хоружій въ гуфе своемъ, на шиху и ку потребе, маеть держати и статечне се въ томъ врьде на потребахъ нашихъ и земьскихъ маеть заховати подлугъ цноты и повинности, на хоружыхъ належачое, не засажываючи мествца своего иньшимъ, подъ страченьемъ врьду; окромь обложное хоробы; а хоруговьи мають имъ быти даваны зъ скарьбу нашого, подлугъ давного обычая“. III ст., II, 5.

3) II ст., IV, 2.

всякихъ розницахъ земельныхъ и граничныхъ за одосланье отъ суду земскаго“<sup>1)</sup> и, наконецъ, замковый судъ вѣдаетъ дѣла уголовныя: „о наѣздъ кгвалтовный на дома шляхецкіе, кг[в]алтъ въ мѣстехъ“ господарскихъ, „о пожаро и разбой по дорогахъ, о кг[г]валтоване паненъ и невѣсть, о злодѣйство, о фалшь, о голову шляхецкую“<sup>2)</sup>. Весь составъ земскаго суда, т. е. земскіе судья, подсудокъ и писарь, по статуту 1566 года, замѣщается господаремъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ повѣтовою шляхтою. На каждый изъ этихъ урядовъ шляхта повѣта представляетъ четырехъ своихъ „електовъ“, одного изъ которыхъ господарь и назначаетъ. Только въ случаѣ перемѣщенія шляхтою на вакантное мѣсто члена земскаго суда другого члена того же суда, четырехъ кандидатовъ на замѣщаемый урядъ представлять господарю не требуется; онъ утверждаетъ непремѣнно этого перемѣщаемаго шляхтою урядника, и лишь на мѣсто послѣдняго должны быть избраны ею обычнымъ порядкомъ четыре „електа“<sup>3)</sup>. Такимъ образомъ, установилось даже ограниченіе для господаря въ правѣ выбора изъ избираемыхъ шляхтою повѣта кандидатовъ: разъ шляхетскій кандидатъ получилъ довѣріе господаря однажды, при назначеніи на одинъ изъ урядовъ земскаго повѣтоваго суда, господарь этимъ лишается права препятствовать ему въ полученіи другого, высшаго уряда въ составѣ этого суда. Статутъ 1588 года оставляетъ всѣ эти постановленія предшествующаго кодекса въ полной силѣ<sup>4)</sup>. Очевидно повѣтовая шляхта была вполне удовлетворена тѣмъ, что даль ей, какъ повѣтовой корпораціи, въ этомъ отношеніи статутъ 1566 года.

1) II ст., IV, 70.

2) II ст., IV, 30.

3) Текстъ II-го статута въ изданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ (Временникъ XXIII, стр. 64), благодаря краткости, не совсѣмъ ясно выражаетъ этотъ порядокъ перемѣщенія членовъ земскаго суда внутри его. Яснѣе выражено въ латинскомъ переводѣ статута 1566 года: „quodsi nobilitati placuerit in demortui locum, alterum collegarum superstitem eligere, in eius rursus electi in eodem conuentu alium aequae idoneum eligent; is vero sic electus et a nobis confirmatus, eadem ratione, quae supra descripta est, iusiurandum dabit“ (Collectanea ex Archivo Collegii Juridici. Tomus VII. P. 72).

4) III ст., IV, 1.

Иначе было въ дѣлѣ организациі судовъ подкоморскаго и замковаго. По статуту 1566 года повѣтовый подкоморій назначается господаремъ единолично<sup>1)</sup>. Вообще этотъ урядъ былъ введенъ въ проектъ II-го статута передъ самымъ его утвержденіемъ, послѣ довольно поверхностнаго обсужденія. На это указываетъ уже самый характеръ артикула статута, въ которомъ изложена организациа подкоморскаго суда и который сливаетъ постановленія, долженствующія быть раздѣленными на нѣсколько артикуловъ, какъ это сдѣлано въ статутѣ 1566 года при изложеніи организациі судовъ земскаго и замковаго. Но кромѣ того мы имѣемъ и прямое указаніе источниковъ, что подкоморскій судъ не былъ предположенъ къ учрежденію проектомъ II-го статута. Въ господарской „наукѣ“, т. е. инструкціи, секретарю и писарю, пану Базиліусу Древинскому, по которой онъ долженъ былъ „донести и оповѣдати“ поставленные Сигизмундомъ Августомъ вопросы на обсужденіе панамъ-радѣ, съѣхавшимся на Берестейскій сеймъ 1566 года, стоитъ: „не безпотребнѣ тежъ то его кролевской милости въ листѣхъ соймовыхъ доложити и въ пропозыциі припоменути росказати рачиль около поправенья статуту, а то для того, жебы ся, для поспѣшнаго на онъ часъ выданья статуту, чого ся въ немъ потребного не занехало и не опустило, або тежъ непотребного и шкодливого не приложило, кгдажъ то ваша милость сами вѣдати рачите, якъ короткій часъ былъ ку справованью и ревидованью такъ великоважныхъ речей, што ся изъ роздѣлу девятого, около правъ и границъ земляныхъ написаного, значить, ижъ ся первой всякіе sprawy земленые на врьдъ судейскій были вложили, а потомъ, за становеньемъ подкоморихъ, на врьдъ подкоморскій преложены“<sup>2)</sup>. Но, конечно, способъ назначенія на подкоморскій урядъ едва ли бы былъ измѣненъ II-мъ статутомъ даже въ томъ случаѣ, еслибы учрежденіе подкоморскаго суда было сдѣлано и безъ всякой торопливости. Надо думать, что начало избранія шляхтою повѣтовъ кандидатовъ на повѣтовое под-

1) II ст., IV, 70. Вся организациа подкоморскаго суда изложена въ этомъ одномъ артикулѣ.

2) А. Ю. и З. Р. I. № 148 (стр. 158). Ср. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 169—170 (23 и 24).

коморство могло получить свое признаніе лишь въ годы, болѣе близкіе къ окончательной выработкѣ проекта III-го статута и его утвержденію. Статутъ 1588 года посвящаетъ цѣлый свой раздѣлъ организаціи повѣтоваго подкоморскаго суда и вопросу „о правахъ земельныхъ, о границахъ и о межахъ“<sup>1)</sup>. Устройство подкоморскаго суда III-мъ статутомъ было совершено, конечно, на основаніи указаній практики предшествующаго времени, которую вообще принимала постоянно во вниманіе спокойная и обстоятельная работа Литовско-Русскихъ депутатовъ надъ составленіемъ проекта этого кодекса. Должны были считаться эти депутаты и съ замѣтнымъ развитіемъ повѣтовъ, какъ корпорацій повѣтовой шляхты, дѣлавшимъ успѣхи, благодаря той обстановкѣ, въ которой переживалъ народъ-шляхта Великаго Княжества Литовскаго годы, наступившіе послѣ заключенія Люблинской Уніи. Статутъ 1588 года устанавливаетъ, что государь не будетъ никому давать подкоморскихъ урядовъ повѣтовъ иначе, какъ „за обраньемъ на то певныхъ особъ четырехъ черезъ обывателей каждой земли и повету, тымъ порядкомъ, яко обиранья инъшихъ врядниковъ судовыхъ земскихъ, судьи, подъсудка и писара, есть въ семъ статуте описано“. Такимъ образомъ, шляхта повѣта, согласно III-му статуту, избираетъ четырехъ кандидатовъ на урядъ повѣтоваго подкоморія, а государь утверждаетъ изъ нихъ того, „кого се“ ему „напрыстойней видети будетъ“<sup>2)</sup>. Помощники и замѣстители повѣтовыхъ подкоморіевъ, коморники, назначаются и по статуту 1566 года, и по статуту 1588 года непосредственно самими подкоморіями<sup>3)</sup>.

Еще замѣтнѣе, чѣмъ въ исторіи суда подкоморскаго, обнаруживается развитіе шляхетскаго повѣта въ исторіи замковаго суда, за тотъ же періодъ времени, протекшій между утвержденіемъ II-го и III-го статутовъ. Статутъ 1566 года о замковомъ судѣ говоритъ отъ имени государя слѣдующее: „установимъ, ижъ воеводове, старостове и вси державцы замковыя и дворовъ нашихъ повѣтовыхъ мають, зособна каждый зъ нихъ, на врядѣ своемъ vybrати чело-

1) III ст., IX.

2) III ст., IX, 1.

3) II ст., IV, 70. III ст., IX, 10.

вѣка доброго, шляхтича въ томъ же повѣтѣ осѣлого, присяглого, который уставичнѣ повиненъ будетъ посполу зъ урядомъ замковымъ судити и справовати вси речи судовые, которые замку або вряду нашему приналежати будутъ“<sup>1)</sup>. Статутъ 1588 года вводитъ въ составъ замковаго суда еще писаря, прибавляя требованіе принесенія всѣми членами этого суда, называемаго имъ гродскимъ, присяги по тексту присяги членовъ земскаго суда: „установемъ, ижъ воеводове и старостове судовые мають, з особна каждый з нихъ, на вряде своемъ выбрати и на судъ засадити наместника, албо подѣстаростего, судью замкового и писаря, людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве и писма руского умеетныхъ, шляхтичовъ въ томъ же поветѣ оселыхъ и родичовъ того панства, Великаго Князства Литовьскаго, которіе, присягу вчинивъши ротою судьи земьскаго, а писарь ротою писаря земьскаго, а посполу вси три, зуполный судъ, заседши, мають и моць мети будутъ судити и справовати вси речи судовые, замку або двору нашему належачіе“<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, III статутъ приблизилъ характеръ замковаго, или, какъ онъ сталъ обычно называться, гродскаго суда къ характеру суда земскаго, установивъ требованіе совершенно одинаковой присяги отъ членовъ обоихъ судовъ и уравнивъ число этихъ членовъ въ обѣихъ судебныхъ коллегіяхъ. Реформа замковаго суда была начата еще до утвержденія статута 1588 года. „Поправы статутовыя“, утвержденныя на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года, уже ввели ежемѣсячныя сессіи гродскихъ судовъ. Эти „Поправы“ указываютъ и на тотъ толчокъ, который получила эта реформа для своего осуществленія — удобство ежемѣсячныхъ регулярныхъ сессій было признано станами Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху предшествующаго безкоролья, когда отбывались такія сессіи<sup>3)</sup>. III статутъ вноситъ это постановленіе „Поправъ“ и на свои страницы: „рочки“ гродскаго суда должны начинаться „першого дня личбы месечное“<sup>4)</sup>, т. е.

1) II ст., IV, 21.

2) III ст., IV, 37.

3) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. XXIII. Стр. 200—201.

4) III ст., IV, 33. Если перваго числа какого-либо мѣсяца случится праздникъ, то гродскіе рочки должны начинаться „назавтрее по

отсуживаться ежемѣсячно. Реформа „Поправъ“ 1578 года дѣйствительно осуществилась до утверждения III-го статута. Такъ напримѣръ, подъ 2-мъ сентября 1586 года въ книгахъ Упитскаго гродскаго суда встрѣчаемъ слѣдующую запись: „на рочкохъ сентябровыхъ кгородскихъ Упитскихъ, водлугъ порядку статутоваго початыхъ отъправовать, — передо мною Михаломъ Станиславовичомъ Кгруземъ подстаростимъ Каспоромъ Станиславовичемъ Кгруземъ судьею, а Михаломъ Купрелемъ писаромъ, вриадники кгородскими Упитскими, будущимъ отъ вельможнаго пана его милости, пана Яна Яновича Вольменъскаго, кашталяна Полоцкаго, старосты Упитскаго, нашего милостиваго пана, на справы судовые высажоними...“<sup>1)</sup>. Подобное же начало имѣетъ въ Упитскихъ гродскихъ книгахъ и рядъ записей, сдѣланныхъ въ слѣдующіе за 2-мъ сентября дни<sup>2)</sup>, а также и 1-го сентября этого года<sup>3)</sup>.

Чтобы закончить нашу бѣглую характеристику обычнаго повѣтоваго судебного строя<sup>4)</sup>, намъ остается еще сказать объ урядѣ вознаго, который былъ созданъ статутомъ 1566 года. Этотъ кодексъ отъ имени господаря постановляетъ: „установимъ, хотечи мѣти, абы въ правѣ земскомъ завжды порядокъ и справа обычайнѣ шла, даемъ моцъ, абы воеводе въ кождомъ повѣтѣ судовомъ, гдѣ книги лежать, а староста Жемоитскій тамъ въ той земли Жомоитской, возныхъ выбирали, пострыгали, уставляли, тежъ шляхту, людей добрихъ, вѣры годныхъ, цнотливыхъ, оселыхъ въ томъ же повѣтѣ, такъ много, яко бы ихъ потреба

---

свите“. Статутъ 1588 года болѣе обстоятельно перечисляетъ и дѣла, подлежащія гродскому суду. III ст., IV, 30.

1) А. Вил. XXVI. Стр. 250.

2) А. Вил. XXVI. Стр. 209, 215, 219 и др.

3) А. Вил. XXVI. Стр. 244, 246, 247.

4) Дать изложеніе устройства и дѣятельности повѣтовыхъ судовъ конца XVI-го столѣтія мы старались въ нашихъ статьяхъ: Земскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 263 и сл.), Подкоморскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка (Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, VIII, стр. 341 и сл.) и Гродскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XVI столѣтіи (Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 51 и сл.).

указовала, водлѣ повѣту и широкости его а потребности людской, а принявши отъ его присягу, въ рейстра свои вписовати и листы свои таковымъ вознымъ давати мають“<sup>1)</sup>. Обязанностями вознаго, по II-му статуту, являются: доставка „позвовъ“, т. е. судебныхъ повѣстокъ, присутствіе на судебныхъ засѣданіяхъ для привода къ присягѣ свидѣтелей и задерживанія на судѣ желающихъ уѣхать „отъ права“, присутствованіе „при освѣдченью всякомъ“, приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, освидѣтельствованіе ранъ, грабежей и т. п. для официціального заявленія о нихъ къ записи въ книги повѣтоваго уряда<sup>2)</sup>. Статутъ 1588 года при назначеніи воеводами или Жомоитскимъ старостою на урядъ вознаго вводитъ начало избранія повѣтомъ. Подлежатъ назначенію на эту должность по III-му статуту лишь такіе осѣлые въ повѣтѣ шляхтичи, „которыхъ врьдъ земскій и шляхта оберуть и дадутъ сведѣцтво о цноте и добромъ захованью ихъ“<sup>3)</sup>. Въ общемъ обязанности вознаго статутъ 1588 года опредѣляетъ по существу сходно съ опредѣленіемъ ихъ и статутомъ 1566 года<sup>4)</sup>. Итакъ, число возныхъ въ повѣтахъ различно; оно опредѣляется потребностями отдѣльныхъ повѣтовъ. Утвержденіе возныхъ зависитъ отъ воеводской власти. Но статутъ 1588 года во главѣ возныхъ повѣта ставитъ одного, который утверждается не иначе, какъ самимъ господаремъ. Этотъ возный получаетъ названіе генерала. Статутъ 1588 года о немъ отъ имени господаря говоритъ: „установимъ, ижъ въ каждомъ воеводствѣ и повете въ здешнемъ панствѣ нашемъ, Великомъ Князствѣ Литовскомъ, надъ иные одинъ возный установленъ быти маеть, таковой, которого латинскимъ языкомъ зовутъ енераль, а таковой врьдъ въ томъ воеводствѣ и повете оселому родичю Великого Князства, писмо руское умеючому, за прычиною и ознайменьемъ о немъ намъ господарю отъ воеводъ, старость судовыхъ и шляхты, обывателей тыхъ поветовъ, отъкуль тотъ будеть, а мы господаръ листы съ канцеляреи нашею на таковыя врьды имъ

1) II ст., IV, 4.

2) II ст., IV, 5.

3) III ст., IV, 8.

4) III ст., IV, 9.

давати маемъ“<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, повѣтовый генераль-возный избирается шляхтою своего повѣта, но утверждается господаремъ, а не воеводою. Причина этого, конечно, лежитъ въ томъ, что генераль-возный исполняетъ обязанности по „возновскому уряду“ не только въ границахъ своего повѣта, но „въ каждое воеводство и поветъ по всей земли того паньства“, Великаго Княжества Литовскаго, „где кому одно потреба будетъ, позвы носити и врядомъ своимъ возновъскимъ владати и шафовати моць мети будетъ“<sup>2)</sup>. При исполненіи своихъ обязанностей по официальному освидѣтельствуванію, доставленію „позвовъ“ и приведенію въ исполненіе судебныхъ приговоровъ какъ простые возные, такъ и генераль-возный должны при себѣ имѣть „сторону“, двухъ шляхтичей, „веры годныхъ для подыпиранья вызнанья и сведѣцтва своего“<sup>3)</sup>.

Повѣтовымъ судамъ была подсудна вся шляхта, владѣющая имѣніями въ предѣлахъ повѣта. Но повѣтовые суды имѣли для шляхты повѣтовъ не только чисто судебное значеніе. Книги этихъ судовъ, особенно гродскаго и земскаго, хранили акты и документы какъ судебного, такъ и несудебнаго происхожденія. Кромѣ записей судебныхъ процессовъ, судебныхъ рѣшеній и заявленій, дѣлаемыхъ въ книги со спеціальною цѣлью начать судебное дѣло или служить ему доставленіемъ новыхъ матеріаловъ для разрѣшенія дѣла въ судѣ, въ книги эти вносились шляхтою документы, которые она хотѣла предохранить „отъ згубы“, и заявленія, которыми имѣла въ виду обезпечить какія-либо свои права или предохранить себя отъ злоупотребленій и опасностей — заявленія о побѣгѣ челяди, долговья обязательства, заявленія объ угрозахъ здоровью и жизни, заявленія о пропажѣ печати или документовъ и т. д.<sup>4)</sup>

1) III ст., IV, 104.

2) Ibidem.

3) III ст., IV, 9. Въ дѣлахъ „хлопскихъ“, не слишкомъ крупныхъ, возный дѣйствуетъ и безъ „стороны“. Ibidem. Ср. II ст., IV, 5. О возныхъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 272—278 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 65—66.

4) О книгахъ повѣтовыхъ судовъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 VI, стр. 289—290, 1899 VIII, стр. 373—374, 1904 IV, стр. 337—339, 1908 I, стр. 71—81.

Но такое нотаріальное значеніе книги повѣтовыхъ судовъ имѣли не только для отдѣльныхъ шляхетныхъ обывателей повѣта. То же значеніе онѣ имѣли и для всей шляхты его, какъ повѣтовой корпораціи. Въ нихъ вносятся господарскіе привилеи и универсалы, имѣющіе значеніе для всего повѣта; въ нихъ вносятся листы, адресованные повѣту, какъ цѣлому; въ нихъ вносятся повѣтъ документы, вышедшіе съ его сеймика; въ нихъ вносятся акты своей дѣятельности повѣтовые должностныя лица. Книги повѣтовыхъ судовъ должны были хранить въ себѣ всѣ акты и документы, которые имѣли цѣну и значеніе какъ для каждаго „повѣтника“-шляхтича, такъ и для цѣлаго повѣта въ значеніи шляхетской корпораціи.

Въ эпохи безкоролевій обычные повѣтовые суды должны были прекращать свою дѣятельность. Они дѣйствовали именемъ господаря<sup>1)</sup> и, конечно, не могли сохранять своихъ полномочій, когда государство вступало въ годы безкоролевій и народъ-шляхта безъ короля оказывался „въ своей стародавней свободѣ и вольности избранія себѣ новаго государя“<sup>2)</sup>.

При отсутствіи „звирхности господарской“ и повѣтовый судъ въ эпохи безкоролевій долженъ былъ получать свои полномочія отъ народа-шляхты, его „становъ“, которые брали въ свои руки верховную власть. Обычные повѣтовые суды во время безкоролевій прекращали свои отправленія и замѣнялись такъ называемыми судами каптуровыми<sup>3)</sup>. Каптуровый судъ повѣта замѣнялъ всѣ три обычныхъ повѣтовыхъ суда, т. е. земскій, гродскій и подкоморскій, беря на себя всѣ судебныя дѣла, которыя могутъ возникнуть въ

1) 10 артикулъ IV раздѣла II статута гласитъ: „тежъ мы господарь даемъ подъ гербомъ того панства нашего Великого Князства Литовского, погоню, печать до каждого повѣту; тую печать писарь земскій присяжный въ себе самъ, а не хто иншый, ховати маеть, которою печатю и подъ тытуломъ нашимъ позвы мають быти печатованы а выдаваны“. Ср. III ст., IV, 18.

2) И. И. Лаппо. Пинскій сеймикъ послѣ отреченія Яна Казимира. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910. II. Стр. 289.

3) О происхожденіи названія этихъ судовъ см. Oswald Balzer, Początek sądów kapturowych — Studya nad prawem Polskiem (Pozna 1889), str. 281—283.

повѣтъ. Виленскій съѣздъ, собравшійся въ январѣ 1587 года, устанавливаетъ послѣ смерти Стефана Баторія такой составъ каптуровыхъ судей въ повѣтахъ Княжества: 1) „зупелный и оселый врадъ кгородскій“, т. е. самъ воевода или староста судовой повѣта, „а въ небытности самыхъ“, ихъ „врадники присяжные“, 2) повѣтовый подкоморій, 3) весь составъ земскаго суда повѣта, т. е. судья, подсудокъ и писарь. Эти судьи, представлявшіе собою соединенный составъ всѣхъ трехъ обычныхъ судовъ повѣта, должны съѣзжаться въ своемъ повѣтѣ „на кождые рочки кгородскіе въ кождомъ мѣсяцѣ“, начиная съ марта текущаго 1587 года. Съѣхавшись для отправленія суда, эти каптуровые судьи, прежде чѣмъ приступить къ отсуживанію „рочковъ“, должны принести присягу передъ шляхтою — „яко сами старостове, которые бы до того часу на врадъ свой не присегали, также и врадники ихъ кгородскіе, которые мають быти оселые, хотя бы первой того и присегали, и врадники земскіе“, отъ Виленскаго съѣзда „присажонные, мають передъ шляхтою, которые ся на тотъ часъ для справъ зѣбдутъ, кождый зѣ нихъ, на врадѣ кгородскомъ присегу вдѣлати ротою судей земскихъ“. Если кто-либо изъ земскихъ урядниковъ, введенныхъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года въ составъ каптуроваго суда, на первые „рочки“ этого суда не явится и не принесетъ требуемой съѣздомъ присяги, „тогда тамъ же на тыхъ рочкахъ шляхта зѣ урадомъ на его мѣстцѣ иного депутата, шляхтича осѣлого въ ономъ повѣтѣ, обрати мають, который присегу вдѣлати будетъ повиненъ“. Вообще отъ присяги при вступленіи въ составъ каптуроваго суда освобождаются только сенаторы<sup>1)</sup>. Причина этого понятна: съ наступленіемъ безкорольвья пань-рада приносили особую присягу на вѣрное служеніе государству<sup>2)</sup>.

Актовые книги Литовско-Русскихъ судовъ сохранили указанія на дѣятельность каптуровыхъ судовъ, учрежденныхъ январскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года. Такъ, въ Упитскихъ гродскихъ книгахъ подъ 4-мъ марта 1587

1) Постановленіе Виленскаго съѣзда отъ 29 января 1587 года — А. Вил. III, стр. 310—319.

2) Текстъ этой. присяги — И. И. Ланно. Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 736.

года записано: „на рочкохъ кгородскихъ, месеца марта первого дня прыпалыхъ и водълугъ порядку нового, на зезде Виленскомъ въ семъ року осмьдесятъ семомъ отъ ихъ милости пановъ радъ и всее речы посполитое Великого Князства Литовского уфаленого, судовне отправованыхъ, передъ нами, особами, на тотъ часъ на мествцу судейскомъ водлугъ постановенья Виленского заселыми — Станиславомъ Давидовичомъ на мествце вельможного пана его милости пана Юря Яновича Вольменского, подкоморого Упитского, Юремъ Балтроевичомъ Блусемъ на мествце его милости пана Яна Николаевича Визкгида, суди земского Упитского, секретара и ревизора его королевское милости, отъ ихъ милости пановъ обывателей повету Упитского высажонными и депутованы[ми], Яномъ Жыгимоутовичомъ подсудкомъ, Николаемъ Лопатинскимъ писаромъ, вриадники земскими Упитскими, Михаломъ Станиславовичомъ Кгруздемъ подстаростимъ, Каспоромъ Станиславовичомъ Кгруздемъ судею а Михаломъ Купрелемъ писаромъ, вриадники кгородскими Упитскими, отъ вельможного пана его милости пана Яна Яновича Вольменского, кашъталяна Полоцкого, старосты Упитского, нашего милостивого пана, на справы судовые высажонными“<sup>1)</sup> — за этимъ обозначеніемъ состава суда слѣдуетъ изложеніе дѣла, имъ раземотрѣннаго.

Въ случаѣ неприбытія на „рочки“ кого-либо изъ членовъ каптуроваго суда, остальные его члены, согласно постановленію январскаго Виленскаго съѣзда 1587 года, творять судъ и безъ него. Въ интересахъ поддержанія порядка въ повѣтахъ и охраны въ нихъ въ безгосударственное время правосудія каптуровые суды получаютъ большія полномочія, какъ въ значеніи ихъ приговоровъ, такъ и въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе послѣднихъ<sup>2)</sup>. Постановле-

1) Вил. Центр. Архивъ, № 15190. Упитскаго гродскаго суда № 1. Л. 297. Документъ изданъ на стр. 231—236 XXVI-го тома Актовъ, изд. Виленскою Коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Другіе примѣры дѣятельности этого каптуроваго суда — А. Вил. XXVI, № № 308, 309, 310, 311, 312, 314, 315.

2) А. Вил. III. Стр. 311 и сл. Указаніе на дѣятельность каптуровыхъ судовъ въ безкорольеве послѣ смерти Сигизмунда Августа см. ниже, стр. 121 прим. 1. О дѣятельности каптуровыхъ судовъ въ безкорольеве послѣ бѣгства изъ Кракова короля Генриха говоритъ хотя бы

нія Виленскихъ съѣздовъ 1587 года показываютъ, что отдѣльные повѣты могли создавать во время безкоролья свои суды, отличающіеся отъ тѣхъ каптуровыхъ судовъ, которые учреждались для всего Великаго Княжества Литовскаго. На январьскомъ Виленскомъ съѣздѣ „воеводства Берестейскаго послове оповѣдались, ижъ при своемъ постановеніи порядку въ воеводствѣ своемъ, зъ стороны справедливости учиненного, заставають“<sup>1)</sup>. Ноябрьскій Виленскій съѣздъ того же 1587 года, подтверждая введеніе каптуровыхъ судовъ въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ они еще не были введены, въ своемъ универсалѣ говоритъ: „такъ же и воеводство Берестейское водлугъ постановенія и порядку своего судити се мають“<sup>2)</sup>. Конечно каптуровые, чрезвычайные суды времени безкоролья могутъ продолжать свою дѣятельность лишь до коронаціи новаго господаря<sup>3)</sup>. Коронававшись, послѣдній возстановляетъ обычный нормальный строй повѣтовыхъ судовъ<sup>4)</sup>.

слѣдующая выписка изъ книгъ Слонимскаго городскаго суда: „Року [15]75 м[е]с[е]ца февраля 8 дня, во второкъ. На рочкохъ кгородскихъ, водле уфалы на зездѣ Виленскомъ, въ року прошломъ [15]74 учиненое, передо мною Лаврыномъ Здитовскимъ судею а Офонасомъ Гаврыловичомъ подстаростимъ, врядники кгородскими Слон[имскими], постановившия очевидно, землянка повѣту Слон[имскаго] Мартинова Кгурская Ганна Шимоновна Калусовскаго оповедала и добровольно до книгъ вызнала . . .“ Виленскій Центр. Архивъ, № 7864. Слонимскаго городскаго суда № 2 (1574—1579 г. г.). Л. 83. Эта выписка показываетъ, что составъ каптуроваго суда, учрежденнаго въ 1587 году, былъ полнѣе состава тѣхъ же судовъ предшествующаго времени. Оно и понятно: въ 1587 году Литовско-Русскій съѣздъ считался уже съ готовымъ проектомъ III-го статута, развившимъ значеніе повѣта, какъ шляхетскаго округа.

1) А. Виленскій. III. Стр. 317.

2) См. ниже, Приложенія, стр. 152.

3) Ibidem.

4) Универсалы избирательныхъ господарей „по щастливой коронаціи“, признавая силу приговоровъ каптуровыхъ судовъ окончившагося безкоролья, дѣлають распоряженіе и о возстановленіи обычныхъ судовъ, „абы справедливость шла и чинена была“. Универсалъ короля Генриха, данный въ Краковѣ 28 апрѣля 1574 года (Лит. Метр.  $\frac{I A}{57}$  л. л. 112—113 об.), универсалъ, данный Стефаномъ Баторіемъ въ Варшавѣ 8 іюля 1576 года (А. З. Р. III. № 66), универсалъ, данный Сигизмундомъ III-мъ въ Краковѣ 1 февраля 1588 года (Лит. Метр.  $\frac{I A}{65}$  л. л. 277 об. — 278 об. Издано въ VIII томѣ А. Виленскаго, стр. 262—263).

Мы разсмотрѣли значеніе шляхетскаго повѣта, какъ судебного повѣтоваго округа. И въ судебной организаціи, и въ организаціи военной повѣтовая шляхта выступаетъ опредѣленною корпораціей, образуемой осѣлыми въ границахъ повѣтоваго округа шляхтичами. Яркимъ выраженіемъ значенія повѣта, какъ шляхетской корпораціи, были повѣтовые сеймики и другія собранія повѣтовой шляхты, на которыхъ она выступала въ качествѣ коллективной единицы. На эти единицы распался весь народъ-шляхта Великаго Княжества Литовскаго, изъ нихъ онъ составлялся, какъ цѣлое. Значеніе повѣтоваго сеймика при томъ строѣ, въ какой сформировалась общественная и политическая жизнь соединеннаго Польско-Литовскаго государства, несомнѣнно<sup>1)</sup>. Но изученію сеймика и другихъ собраній повѣтовой шляхты посвящена вторая половина настоящаго изслѣдованія, на страницахъ которой мы и постараемся изучить эту сторону организаціи и жизни повѣта, какъ шляхетской корпораціи. Теперь же обратимся къ изученію повѣта, какъ административно-шляхетскаго округа.

Администрація повѣта, какъ шляхетскаго округа, имѣла дѣло только со шляхтою, жившею въ предѣлахъ повѣта. Подданные шляхетскихъ обывателей, будутъ ли это ихъ люди-земледѣльцы, мѣщане или челядь, находились внѣ повѣтовой администраціи: ихъ вѣдала панская власть ихъ господарей, шляхетныхъ ихъ господъ, которые и управляли ими, и ихъ судили<sup>2)</sup>. Что касается самой шляхты повѣта, то административная власть надъ ней принадлежала повѣтовому старостѣ, а въ обычномъ отсутствіи его, его

1) Значеніе сеймика въ строѣ Польской части соединеннаго государства общепризнано, и даже труды самаго общаго характера признаютъ, что „najważniejszym jednak czynnikiem, nadającym powiatowi charakter samodzielnej cząstki organizmu państwowego, jest instytucja sejmików powiatowych, rozwijająca się w XVI w.“. (Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, wydany przez Bronisława Chlebowskiego.... Władysława Walewskiego.... według planu Filipa Sulimierskiego. Tom VIII. Warszawa 1887. Str. 889).

2) Подробно объ отношеніи шляхтича-пана къ его подданнымъ см. у Ѳ. И. Леонтовича — Панскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Варшавскія Унив. Извѣстія 1895, V, стр. 1—59) и Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства (Варшава 1899, стр. 48—104). Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 108—109.

намѣстнику-подстаростѣ<sup>1)</sup>. Повѣтовая администрація имѣла своею обязанностью прежде всего передачу повѣтовой шляхтѣ распоряженій центральной власти и приведеніе этихъ распоряженій въ исполненіе, поскольку это было въ предѣлахъ ея полномочій, силы и средствъ. Созывъ повѣтовыхъ сеймиковъ дѣлается центральной властью черезъ органы повѣтовой администраціи<sup>2)</sup>. Черезъ эти же органы центральная власть оповѣщаетъ шляхту повѣтовъ о другихъ своихъ распоряженіяхъ и постановленіяхъ, которыя ея касаются<sup>3)</sup>. Конечно эта передача распоряженій центральной власти идетъ черезъ повѣтовую администрацію по адресу лишь рядовой шляхты: высшіе ея слои получаютъ соответствующіе листы отъ центральной власти непосредственно, она адресуетъ ихъ имъ лично<sup>4)</sup>.

Эта функція повѣтовой администраціи, т. е. передача шляхетскому повѣту распоряженій центральной власти, сохранена Литовско-Русскими актами очень полно и представлена весьма большимъ ихъ числомъ. Достаточно отчетливо представляютъ они и приведеніе повѣтовою администраціей въ исполненіе приговоровъ судовъ. Но въ этомъ отношеніи администрація повѣта далеко не всегда оказывалась въ силахъ исполнять свое назначеніе, за недостаткомъ для этого средствъ въ ея распоряженіи<sup>5)</sup>. Она нерѣдко оказывалась не въ силахъ принудить подчиниться судебному „выроку“ лицъ, которыя не желали этого сдѣлать. За исполненіемъ своихъ постановленій, касающихся отдѣльныхъ

1) О замѣщеніи подстаросты понамѣстникомъ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 61—63.

2) См. ниже, Приложенія, стр. 27—28 и др.

3) Примѣровъ источниковъ даютъ очень много. Вотъ одинъ изъ нихъ. „Лимитованье справъ вснхъ воеводства Меньского“ говоритъ отъ имени Сигизмунда Августа объ опубликованіи этого листа такъ: „твоя бы милость, пане воеводо, а въ небытности его на тотъ часъ въ Менску, тебе, намѣстнику его милости тамошній, приказуемъ, ажъ бы еси сеє нашъ листъ обавателемъ оного повету ознакомишь и при костелехъ и на торгохъ обволати казалъ, яко бы кождый, маючи справу и рокъ за лимитацыямц, о томъ ведаючи, на дворе нашомъ шпенъ быть“. Лит. Metr.  $\frac{II}{31}$  л. л. 238—238 об. (Дата: Варшава, 13 іюля 1570 года). Ср. И. И. Л а п ц о, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 296 и сл.

4) См. ниже, Приложенія.

5) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 VI, стр. 289, 1908 I, стр. 110—112.

обывателей повѣта, центральная власть иногда должна была обращаться не столько къ административнымъ органамъ повѣтовъ, сколько къ самимъ повѣтовымъ обывателямъ, сознавая хорошо недостатокъ средствъ у повѣтовой администраціи<sup>1)</sup>. Лично шляхтичъ, какъ „господарь“ своего имѣнія или

1) Какъ примѣръ такого обращенія можетъ быть указанъ „листъ, данный пану Малхеру Сновскому на пойманье злочинцовъ его Оношквичовъ и Филипа Лимонта, яко выволанцовъ“ (Лит. Метр  $\frac{1A}{57}$  л. л. 113 об. — 115). Въ этомъ листѣ король и великій князь Генрихъ обращается къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, кнепнямъ, панямъ вдовамъ, земляномъ и двораномъ, и всимъ вранникомъ нашимъ г[о]с[по]д[а]рскимъ и тежъ князьскимъ, паньскимъ и землянскимъ, и тежъ въ местехъ нашихъ войтомъ, бурмистромъ, въ паньстве нашемъ Великомъ Князстве Литовскомъ“. Королю „мовилъ“ маршалокъ, судья земскій Новгородскій, державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Жигимонтовичъ Сновскій, что въ 1573 году, во время безкоролевья, Новгородскій землянинъ Оношко Полуяновичъ со своими сыновьями, невѣсткою, дочкою, съ Филиппомъ Лимонтомъ и многими другими „помочьниками своими“ напалъ на имѣніе и дворы Сновскаго въ Новгородскомъ повѣтѣ и тамъ учинилъ грабежъ и насилія. Къ разбору дѣла Новгородскимъ каптуровымъ судомъ изъ всѣхъ участниковъ этого наѣзда явился лишь одинъ Оношко Полуяновичъ, который и сознался въ совершенномъ преступленіи. Остальные участники наѣзда на судъ не явились. Полуяновичъ на судѣ „былъ, яко шкодникъ, пожогѣца и квалътовникъ отъ пана маршалка (т. е. Сновскаго) у томъ учиньку его поконанъ и на горло сказанъ“, не явившихся же его соучастниковъ „воддугъ уфалы постановенья каптурового“ тогда же, „яко злочинцовъ и зрушителевъ права и покою посполитого, за нестаньемъ у права есть выволано“. Но эти соучастники, „не будучы послушни выроку судового“, не только не выѣхали изъ предѣловъ Княжества, но, оставшеся въ Новгородскомъ повѣтѣ и „шеремешкываючи“ среди Новгородской шляхты, чинять угрозы пану Сновскому, его женѣ и слугамъ. Далѣе документъ отъ имени короля говоритъ: панъ Сновскій „жедалъ насъ г[о]с[по]д[а]ра, ижъ бы ему листъ съ канцляри нашею на пойманье таковыхъ злочинцовъ, съ права поконаныхъ, данный былъ. Ино, гдѣжъ вжо тые то Оношквичи и Лимонтъ, яко вышей поменено, для такового учиньку, яко непослушныи и у права несталые, зъ земли воеводства Новгородского выволаны суть, про то и теперь допустили есмо и симъ листомъ нашимъ допускаемъ, абы панъ Сновскій, маршалокъ нашъ, оныхъ всѣхъ выволанцовъ, злочинцовъ своихъ, на жалобу уверху менованныхъ, где кольвекъ постигнетъ, до кождога врану, подъ которымъ кольвекъ ихъ зостати можетъ, черезъ кого жъ кольвекъ поймавши, ведде того жъ суду Новгородского ку каранью подалъ. Про то хочемъ мети и приказуемъ вамъ — где бы кольвекъ панъ маршалокъ таковыхъ злочинцовъ своихъ, съ права на выволанье сказаныхъ, въ местехъ, дворехъ и селахъ князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и свецкихъ и землян-

„господарства“ - хозяйства, имѣлъ соприкосновеніе съ органами повѣтовой администраціи лишь въ указанныхъ сейчасъ случаяхъ. Охрана его чести, имущества, правъ и жизни принадлежала не ей, а его саблѣ и суду. Поэтому и въ случаѣ угрозъ или опасностей, которыя стоятъ передъ шляхтичемъ отъ его враговъ, онъ не просить защиты старостинскаго уряда, а самъ принимаетъ, сколько это въ его силахъ, мѣры предосторожности, да заявить въ книги суда о томъ, что его врагъ „пофальку на здоровье“ его „учинилъ, похваляючися“ его „смертью з сего света позабавити“ или причинить ему какое-либо другое зло<sup>1)</sup>. Записи такого содержанія не просятъ администрацію повѣта о принятіи какихъ-либо мѣръ охраны для вносящихъ ихъ. Ничего не говорятъ объ этихъ мѣрахъ и сами органы повѣтовой администраціи, ни при внесеніи такихъ заявленій въ книги, ни въ самостоятелно дѣлаемыхъ своихъ записяхъ. Ясно, что эти заявленія вносились лишь какъ вспомогательный матеріалъ для могущаго возникнуть судебного дѣла, если угроза будетъ приведена въ исполненіе, или если угрожаемый приметъ такія мѣры самообороны, которыя приведутъ его къ преступленію. Требовать отъ повѣтовой администраціи функціи полиціи шляхтичъ не могъ: у нея не было средствъ для охраны безопасности повѣтовой шляхты. Но это же отсутствіе повѣтовой полиціи должно было способствовать большей силѣ корпоративнаго сознанія шляхты повѣта, такъ какъ охрану своей безопасности отъ ее нарушающихъ повѣтовая шляхта должна была брать въ свои руки, вырабатывая для этого мѣры на своихъ повѣтовыхъ собраніяхъ<sup>2)</sup>.

скихъ, где жъ кольвекъ переховываючысе выведати могъ, оныхъ имати а до владу ку караню вести велель, абы есте ему самому и посланцомъ его таковыхъ злочинцовъ ничимъ забороныти не смели и ихъ имати допустили и выдавали а, где бы того потреба была, и сами на таковыхъ помочь давали. Пакли жъ бы хто жъ кольвекъ з васъ, такъ з вышшого и низшого стану, за таковыми злочынцами стояти и ихъ у себе переховывати и, не выдаючы, яко жъ кольвекъ боронити смель и хотель, тогды таковый таковое жъ каране, яко и оные злочинцы, з вынайденья нашего г[о]с[по]д[а]р[с]кого на себе поносити винень будетъ“. Дата этого листа: Краковъ, 6 мая 1574 года.

1) Нпр., А. Вил. XXVI, № 25. Ср. *ibidem*, № № 63, 367 и др.

2) Такъ, одна изъ записей 1586 года (6 января), сдѣланныхъ въ

Повѣтъ, какъ шляхетская корпорація, долженъ по статуту 1566 года приходить на помощь повѣтовому уряду въ случаѣ отказа подчиниться приговору земскаго повѣтоваго суда со стороны лица, по отношенію къ которому этотъ приговоръ произнесенъ<sup>1)</sup>. По призыву своего повѣтоваго старосты вся шляхта повѣта должна въ военномъ рушеньѣ ѣхать „на таковое увязанье и за се на поиманье такового противника“. Это рушенье повѣтовъ на „непослушныхъ вряду“ было отмѣнено „Поправами статутowymi“, утвержденными на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года<sup>2)</sup>. Но извѣстны и примѣры обращенія за помощью къ повѣтовой шляхтѣ, въ случаяхъ сопротивленія уряду, не только повѣтовыхъ старость, но даже и верховной власти. Такъ, 6 октября 1569 года былъ выданъ листъ Сигизмунда Августа „ко всимъ земляномъ“ господарскимъ, „шляхте повету Волковыйскаго“ съ призывомъ ихъ противъ неподчиняющагося приговору Волковыйскаго гродскаго суда Волковыйскаго землянина Матея Яновича Ключка Подорозскаго. На это неподчиненіе принесъ Сигизмунду Августу жалобу потерпѣвшій отъ Подорозскаго землянина Волковыйскаго повѣта Григорій Висковскій<sup>3)</sup>. Сигизмундъ Августъ въ исполненіе этого

---

Слонимскія гродскія книги, представляетъ собою листъ Волковыйскаго сеймика, въ которомъ этотъ сеймикъ обращается къ шляхтѣ Новгородскаго и Слонимскаго повѣтовъ, составлявшихъ одно воеводство съ повѣтомъ Волковыйскимъ, и проситъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ для избавленія отъ Силы Михайловича Скробота, творящаго наѣзды и наслія со своими „помочниками“ и наемными Новгородскими татарами. Вил. Центр. Архивъ. № 7866, книга Слонимскаго гродскаго суда за 1583—1586 годы. Л. л. 364 об. — 365. Документъ этотъ издается нами ниже, въ главѣ, посвященной изученію сеймика для выбора членовъ Литовскаго трибунала.

1) II ст., IV, 67. См. И. И. Лапц о, *op. cit.*, стр. 561—562.

2) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXIII. Стр. 207 и сл.

3) Висковскій позывалъ Подорозскаго передъ гродскій Волковыйскій судъ „о квалтовное черезъ Ключка выбите его съ покойного держаня его некоторыхъ сель, людей и волокъ неоселыхъ в ѣйменю Петуховскомъ, то есть земля Пашутичъ и Мешковичъ, и з волокъ пустыхъ, о трехъ волокъ у Вербове, што де онъ оставнымъ обычаемъ отъ старостича Мелницъкого Каспора Никодымовича Техоновецкого и жоны его, небожыцы Едвиги Станиславовны Ключковны Петуховское и въ презыску своемъ, который дей ему отъ вряду кроредкого Волковыйскаго

челобитья приказаль „писати листъ“ свой „до воеводы Берестейского, державцы Волковыйского, пана Юря Тишкевича, а въ небытности его милости у Волковыйску, ино до вранника его тамошнего, также до суди кгородского Волковыйского“ съ приказомъ имъ, согласно статуту, обослатъ всѣхъ обывателей Волковыйскаго повѣта, рушиться съ ними и привести этимъ способомъ въ исполненіе приговоръ гродскаго суда<sup>1)</sup>. Но Матей Подорозскій не былъ приведенъ въ подчиненіе и этимъ средствомъ. Отъ имени Сигизмунда Августа объ этомъ такъ рассказываетъ излагаемый нами документъ: „нижъли дей тотъ Матей Подорозскій, недбаючи ничого и о листы нашы, способившыся на стрелбу ручничную и на гаковничную, до оного села, верху помененого Папутичъ, не допустилъ, на врадъ Волковыйскій и на всю шляхту повету Волковыйского стрелбу, яко одно на якого непрыателя нашего належить, чынилъ, што шырей и достачней противность его на листе вранника и суди кгородского Волковыйского, до насъ писаномъ, есть доложено и описано“<sup>2)</sup>. Въ виду этого, государь приказаль выдать

на Станиславу Яновичу Ключку Петуховскомъ и жоне его Малкгорете Чыжовне сказанъ былъ, мель, якожъ дей на онъ часъ съ права за слушными доводы его оные села и волоки его врадъ кгородскій ему засъ прысудилъ и на увязане ему въ то возного того жъ повету Волковыйского Алексея Дашковича Кобызя прыдали“ (въ оригиналь стоить: „прыпали“). Матей Подорозскій отказался подчиниться этому приговору Волковыйскаго гродскаго суда, и Висковскій билъ Сигизмунду Августу челомъ: великій князь „заховаль“ бы „его въ томъ водлугъ статуту земского“ и приказаль бы „ему увязане правне довести“.

1) О томъ же отъ государя было писано и шляхтѣ повѣта: „а да васъ особливый листъ нашъ писати есмо розказали, абы вы, оному владу допомагаючи, конно збройно, яко сте повинни намъ г[о]с[по]д[а]ру и речы посполитой служыти, ехавшы, тое отгыравы чынити моцно допомагали“. Ср. выше, стр. 121, прим. 1.

2) Далѣе документъ отъ имени Сигизмунда Августа продолжаетъ: „съ которого листу мы обачышы спротивость его а заховываючи сторону жалобливую, того Грыгоря Висковского, водле обычаю права посполитого и статуту земского, розказали есмо выдаць лист[ы] съ канцлерей нашею по всему панству Великому Князству Литовскому, за которыми ижъ бы его, яко противника звирхности нашею г[о]с[по]д[а]рьское и праву посполитому, поймали и такъ далей з нимъ поступовать, яко на таковыхъ у статуте есть описано. Про то, кды вамъ воевода Берестейскій, державца Волковыйскій листомъ нашимъ, также и своимъ

изъ канцеляріи листы по всему Великому Княжеству Литовскому о поимкѣ Подорозскаго; шляхта Волковыйская вновь получаетъ приказъ рушиться вмѣстѣ съ городскимъ урядомъ своего повѣта, захватить ослушника, передать его Волковыйскому уряду и привести наконецъ въ исполненіе приговоръ суда, которому не желаетъ подчиниться Подорозскій.

Съ повѣтовой администраціей шляхта повѣта могла встрѣчаться и при сборѣ „податковъ“, устанавливаемыхъ вальнымъ сеймомъ. Уже тотъ же Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ, который ввелъ повѣтовую реформу, постановилъ и сборъ податка съ населенія Литовско-Русскаго государства<sup>1)</sup>. Этотъ податокъ выдается повѣтовою шляхтою „до бирчихъ поветовыхъ, на то обранныхъ и постановенныхъ“, которые, выдавъ уплатившимъ его свои квитанціи, передаютъ полученныя деньги „до бирчихъ головныхъ земскихъ“<sup>2)</sup>. Въ случаѣ недостатка собранныхъ этимъ податкомъ денегъ „на заплату людемъ служебнымъ“, т. е. наемному войску, объ этомъ главные поборцы сообщаютъ повѣтовымъ сеймикамъ, и податокъ увеличивается въ размѣрахъ, на такой случай также установленныхъ сеймомъ 1565—1566 годовъ<sup>3)</sup>. Городенскій сеймъ 1566—1567 годовъ поста-

---

ознаимить, прыказуемъ вамъ, ижъ бы есте з воеводою, а въ небытности его, пно з урядомъ его кгородскимъ тамошньнимъ, напротивко Матею Ключьку Подорозскому сами особами своими конно збройно, яко намъ г[о]с[по]д[а]ру служыте, ехали и оного Матея Подорозского, яко спротивника звирхности наше г[о]с[по]д[а]рської и праву посполитому, поймавшы, до везеня на врадъ Волковыйскій подали. А што ся дотычетъ речы сужоное и заруки, черезъ врадъ нашъ на Ключька положоное, прыказуемъ вамъ, ижъ бы есте владу нашому кгородскому Волковыйскому того моцне допамогли, ижъ бы Висковскому яко въ речы сужоной, такъ же и за закладъ отправа безотъвольочная стала, не смеючи ничымъ сего росказаня нашего ослухатисе подъ виною не на послушного, въ статуте описанюю“. Дата: Кнышинъ, 6 октября 1569 года. Заголовокъ документа: „Листъ, писаный до всехъ земянь повету Волковыйского, абы суду кгородскому Волковыйскому на помочи были до взятя Матея Яновича Ключька, яко противного г[о]с[по]д[а]ру, и жебы его до везеня осадили“. Лит. Метр.  $\frac{III}{10} A$  л. л. 89—90 об.

1) Ср. Литовско-Русскій сеймъ М. К. Лю б а в с к а г о, стр. 691—694.

2) Док. Моск. Арх. Мпн. Юст. I. Стр. 167.

3) Ibidem. Стр. 168.

новляетъ новый податокъ; его шляхта вноситъ опять повѣтовымъ бирчимъ, которые передаютъ его бирчимъ главнымъ<sup>1)</sup>. Подобное же постановленіе дѣлаетъ и Городенскій сеймъ 1568 года<sup>2)</sup>, послѣдній сеймъ Литовско-Русскаго государства, какъ „речи посполитой“ совершенно отдѣльной отъ Польши.

Послѣ заключенія Люблинской Уніи, спольными Польско-Литовскими сеймами XVI столѣтія былъ сдѣланъ рядъ постановленій о сборѣ податковъ съ повѣтовой шляхты<sup>3)</sup>. Сборщиками податка въ повѣтахъ и эти сеймы назначаютъ повѣтовыхъ бирчихъ, которые собираютъ деньги съ повѣтовыхъ обывателей и привлекаютъ къ повѣтовому суду тѣхъ, кто ихъ не платитъ<sup>4)</sup>. Повѣтовые бирчіе назначаютъ на сеймахъ, устанавливающихъ податки, изъ числа шляхетныхъ обывателей того повѣта, въ которомъ они будутъ собирать этотъ податокъ<sup>5)</sup>.

Въ области повѣтовой администраціи мы встрѣчаемся съ должностными лицами, изъ которыхъ одни принадлежали по своей осѣлости къ шляхтѣ повѣта, другіе могли ея и не имѣть, т. е. могли не быть „повѣтниками“ даннаго шляхетскаго округа по своему землевладѣнію — повѣтовые бирчіе были „повѣтниками“, глава повѣтовой администраціи, т. е. воевода или судовой староста, могъ и не имѣть осѣлости въ предѣлахъ повѣта, которымъ онъ правилъ. Назначеніе на урядъ воеводы было прежде всего введеніемъ въ „лавицу радъ“ господарскихъ или перемѣщеніемъ сановника на бо-

1) Ibidem. Стр. 455—456. Ср. М. К. Любавскій, *op. cit.*, стр. 762—763.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 464—474.

3) См. поборовые универсалы сеймовъ, начиная съ Люблинскаго сейма 1569 года во II-мъ томѣ *Voluminum Legum*. Русскій текстъ побороваго универсала Варшавскаго сейма 1578 года см. на л. л. 175—187 об. книги  $\frac{1}{60}$  Литовской Метрики. Заголовокъ документа въ книгѣ: „Универсалы поборовые на две лете, уфала сойму валного Варшавьскаго року 1578, м[е]с[я]ца марта 3 дня“. Послѣ окончанія текста универсала въ 60-ой книгѣ Литовскихъ Записей Метрики слѣдуетъ: „поборцы, которые универсалы поборовые побрали“ (л. л. 188—188 об.).

4) Нпр., А. Вил. XXVI, № 297, или Опись документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ, вып. VII, ст. 95 и сл.

5) См. списки поборцевъ въ указанныхъ выше поборовыхъ универсалахъ.

лѣе высокое мѣсто въ этой „лавицѣ“. Какъ панъ-рада, воевода вовсе не былъ обязанъ быть осѣлымъ въ томъ воеводствѣ, во главѣ котораго онъ стоялъ. Лишь земля Жомойтская постоянно отстаивала свое право имѣть своимъ старостою сановника, связаннаго съ Жомойтскою происхожденіемъ и землевладѣніемъ<sup>1)</sup>. Судовые старосты также назначались господаремъ по его усмотрѣнію, независимо отъ ихъ осѣлости, а иногда даже получали свое староство „въ суме пенезей“, т. е. какъ залогъ въ той ссудѣ, которую они дѣлали скарбу<sup>2)</sup>. Остальные уряды, бывшіе въ повѣтахъ и имѣвшіе въ своей компетенціи опредѣленный кругъ дѣлъ или имѣвшіе просто титулярное значеніе, — городничій, войскій, конюшій и т. д.<sup>3)</sup> — также въ первое время замѣщались господаремъ, надо думать, независимо отъ обладанія или необладанія осѣлостями въ повѣтахъ, урядниками которыхъ они были.

Категорическое требованіе осѣлости въ повѣтѣ для повѣтовыхъ урядниковъ всѣхъ видовъ было предъявлено статутомъ 1588 года. Этотъ кодексъ внесъ въ свои артикулы слѣдующія обязательства для господаря при назначеніи на уряды. „Такъ же мы господарь обещуемъ и нлюбуемъ подъ присегою нашою, которую учинили есмо Великому Князству Литовскому и всимъ станомъ, обывателемъ его, беручи то изъ статуту старого короля его милости Жикгимонта першого, тому паньству Великому Князству Литовьскому даного, а въ сесь укладаючы и на то позволяючы, штожь въ томъ паньстве Великомъ Князстве Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ, достоинстей духовныхъ и светскихъ, городовъ, дворовъ, кгрунтьтовъ, староствъ, державъ, врьдовъ земскихъ и дворныхъ, посесый, або въ держанье и поживанье, и вечностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ, а ни суседомъ того паньства давати не маемъ, але то все мы и потомъки наши, великіе князи Литовскіе, давати будемъ повинни только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ старожытнымъ и уроженцомъ Великого Князства Литовьского и иныхъ земель, тому Великому Князству на-

1) Ср. А. З. Р. III, № 59. См. выше, стр. 90 и сл.

2) Н. И. Лаппо. *Op. cit.* Стр. 268 и сл.

3) *Ibidem.* Стр. 333—352.

лежащихъ“<sup>1)</sup>. Это постановление III-го статута ставить своею цѣлью охрану всего Великаго Княжества Литовскаго отъ захвата его урядовъ чужеземцами, особенно нужную послѣ Люблинской Унии при той тенденціи къ слянію Княжества съ Польшею, которую обнаруживала послѣдняя и противъ которой такъ энергично боролось первое<sup>2)</sup>. Статутъ 1588 года, чтобы сдѣлать это свое требованіе входящимъ въ исполненіе непременно, установилъ даже конфискацію „до столу и скарбу“ Великаго Княжества Литовскаго имущества тѣхъ „чужоземцовъ, заграничниковъ и суседовъ того паньства и всихъ земель, ему прислухающихъ“, которые осмѣлились бы „што съ того упросити, взяти и въ держанье прійти“, а, послѣ указанія имъ на требованіе Литовско-Русскаго закона, не отказались бы немедленно отъ противозаконныхъ пожалованій<sup>3)</sup>. Но, охраняя всѣмъ этимъ Литовско-Русское „панство“, III статутъ охраняетъ и повѣтъ въ его значеніи шляхетской корпораціи. Тотъ же артикуль статута 1588 года отъ имени господаря гласить: „ведьже и тубыльцомъ, хотя и родичомъ Великаго Князства Литовскаго, достоенства и вряды всякіе мають быти даваны добре значнымъ и правдиве, незмыслене въ томъ воеводствѣ або повете оселымъ; а хотя бы хто обчого народу за свои заслуги въ той речі посполитой пришлоъ ку оселости, з ласки данины нашое, або которимъ инымъ правомъ, тогда и таковый только оселости оное уживати маеть, учинивши первей присегу по взятю оное оселости на першыхъ рочкохъ кгородскихъ оного повету, передъ врядниками земьскими або кгородскими того жъ повету, которіе на онъ часъ тамъ прибыти могутъ, ижъ маеть быти вернымъ и зычливымъ тому паньству Великому Князству Литовьскому такъ, яко и тубыльцы, и служечні службу земьскую тому жъ паньству, але и таковые на достоенства всякіе, вряды духовные и светьскіе, не мають быти припушани а ни отъ насъ господаря установлены, чого печатары и писары наши съ повинности своее постерегати виньни будуть“.

1) III ст., III, 12. Ср. I ст., III, 3, II ст., III, 9.

2) И. И. Тапио. Op. cit. Стр. 223—224.

3) III ст., III, 12.

Такимъ образомъ, III статутъ категорически требуетъ, чтобы всѣ уряды въ повѣтахъ занимались лицами, принадлежащими къ числу „повѣтниковъ“ того повѣта, урядъ котораго они получаютъ. Это требованіе статута, конечно, могло исполняться безъ большого труда и господаремъ. „Добре значныя“ лица владѣли имѣніями-осѣлостями въ разныхъ повѣтахъ одновременно; сколько-нибудь крупный шляхтичъ обыкновенно соединялъ въ своихъ рукахъ „маестности нерухомыя“, разбросанныя въ разныхъ повѣтахъ и воеводствахъ. Хотя привилеи на повѣтовые уряды и времени послѣ утвержденія III-го статута не выдвигаютъ указаній на осѣлость назначааемыхъ лицъ въ данныхъ повѣтахъ<sup>1)</sup>, но акты повѣтовыхъ судовъ даютъ рядъ указаній на принадлежность ихъ къ числу „повѣтниковъ“ тѣхъ повѣтовъ, уряды которыхъ они занимали. Книги повѣтовыхъ судовъ Вилькомирскаго повѣта даютъ указанія на землевладѣніе Вилькомирскихъ повѣтовыхъ урядниковъ въ предѣлахъ этого повѣта<sup>2)</sup>, книги судовъ Троцкаго повѣта указываютъ имѣнія урядниковъ своего повѣта<sup>3)</sup> и т. д.<sup>4)</sup>. Приведенный выше артикулъ статута 1588 года настолько охраняетъ шляхетскій повѣтъ отъ постороннихъ ему элементовъ,

1) Такъ, привилей „пану Стефану Лозце на маршалковство повету Мозырского“ (Лит. Метр.  $\frac{1A}{72}$  л. 148), данный Сигизмундомъ III въ Варшавѣ 28 марта 1589 года, назначаетъ на вакантный урядъ Мозырскаго маршалка Стефана Лозку (подчашій Кіевскій, войскій Рѣчицкій, урожонный панъ) по „залеченью“ его „годности“ нѣкоторыми панамъ радами и для того, чтобы сдѣлать его охотнѣйшимъ къ службамъ. Ср. привилей „пану Александру Радиминскому на столнковство въ землѣ Жомитской“, данный тѣмъ же королемъ въ Варшавѣ, 16 апрѣля 1589 года (ibidem, л. 185 об.—186).

2) Нпр., указанія актовъ гродскаго Вилькомирскаго суда на землевладѣніе Каспера Довгирда, „войскаго и земенина“ повѣта Вилькомирскаго (А. Вил. XXXII, № № 197, 198, 205), или Станислава Николаевича Шовковскаго, маршалка повѣта Вилькомирскаго (ibidem, № № 204, 207).

3) Нпр., подданные „пани Раецкое, войское Троцкое з села Пилевъ“ А. Вил. XXX, № 61 (стр. 300) и др.

4) Указаній на такихъ урядниковъ въ повѣтахъ очень много: нпр., войскій Витебскій (А. Вил. XXXII, № 233), войскій Ушитскій (ibidem, № № 157, 197 и др.), войскій Жомитскій (А. Вил. XXVI, № 629), стольникъ Вилькомирскій (А. Вил. XXXII, № 5), подетолій Троцкій (А. Вил. XXX, № 37, стр. 177), конюшій и ловчій земскій Витебскій (Ист. Юр. Мат. XXXI. Акты Витебскаго земскаго суда, стр. 39).

что даже получившихъ осялость въ повѣтѣхъ неродичей Великаго Княжества Литовскаго устраняетъ отъ занятія повѣтовыхъ урядовъ, хотя бы они и принесли уже присягу на вѣрность Литовско-Русскому „панству“.

Требуя осялости въ повѣтѣхъ для всѣхъ вообще повѣтовыхъ урядовъ, статутъ 1588 года, говоря объ отдѣльныхъ повѣтовыхъ урядахъ, подтверждаетъ это требованіе по отношенію къ нимъ. Въ статутъ, однако, не вошло перечисленіе всѣхъ должностей, и поэтому онъ могъ самъ примѣнить это свое требованіе на своихъ страницахъ лишь къ нѣкоторымъ должностямъ, а именно къ повѣтовымъ урядамъ хоружія<sup>1)</sup>, членовъ земскаго суда<sup>2)</sup>, возныхъ<sup>3)</sup>, подстаросты и замковыхъ судьи и писаря<sup>4)</sup> и, наконецъ, подкоморія и коморниковъ<sup>5)</sup>. По отношенію къ остальнымъ урядамъ онъ ограничился общимъ требованіемъ, приведеннымъ выше.

Но категорическимъ требованіемъ осялости въ границахъ повѣта не исчерпываются всѣ постановленія III-го статута, имѣющія своею цѣлью охрану повѣта, какъ шляхетской корпораціи. Онъ обязалъ всѣхъ повѣтовыхъ урядниковъ, творившихъ судъ надъ „повѣтниками“, принесеніемъ присяги по тексту клятвеннаго обѣщанія, приносимаго при вступленіи въ свою должность членами земскаго суда повѣта. И подкоморіи, и его коморники<sup>6)</sup>, и члены гродскаго суда съ самимъ судовымъ старостою во главѣ<sup>7)</sup>, по требованію статута 1588 года, обязаны присягнуть: первые на ближайшихъ послѣ своего назначенія земскихъ рокахъ

1) III ст., II, 5.

2) III ст., IV, 1.

3) III ст., IV, 8. Требованіе осялости въ повѣтѣхъ отъ генераль-вознаго — III ст., IV, 104.

4) III ст., IV, 37.

5) III ст., IX, 1 и 10.

6) Ibidem.

7) III ст., IV, 36 и 37. О присягѣ судебного старосты статутъ говоритъ, что ее должны принести всѣ старосты (кромѣ радныхъ пановъ, присягавшихъ по своему положенію сенаторовъ) на первыхъ же рочкахъ гродскихъ послѣ изданія III-го статута; вновь назначаемые старосты приносятъ эту присягу на первыхъ же гродскихъ рочкахъ, „при собранью шляхты“, и до этого не могутъ „врядомъ своимъ шафовати“. Повторять присяги не должны воеводы и старосты „украиньные“, уже присягнувшіе передъ господаремъ.

шляхетскаго суда своего повѣта, „передъ врядомъ судовымъ земьскимъ и передъ всими иными станы“, по особому тексту присяги, послѣдніе — „ротою“ судьи и писаря земскихъ. Наконецъ, какъ мы видѣли выше, III статутъ распространилъ и право избранія повѣтовою шляхтою урядниковъ своихъ повѣтовъ. Статутъ 1566 года даетъ шляхтѣ это право по отношенію лишь къ членамъ земскихъ судовъ, статутъ 1588 года распространяетъ его и на повѣтовыхъ хоружихъ, подкоморіевъ и возныхъ.

Таково было развитіе повѣта, какъ шляхетской корпорациі „повѣтниковъ“, въ годы между утвержденіемъ II-го статута и выработкою III-го. Теперь обратимся къ знакомству съ новымъ повѣтомъ, какъ округомъ территоріальнаго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Въ предѣлы повѣта, обозначенные извѣстными границами, входили не только шляхетскія осѣлости-имѣнія, но и земельныя владѣнія, не принадлежавшія повѣтовой шляхтѣ. Уже извѣстное намъ разграниченіе повѣтовъ показываетъ, что повѣтъ, обозначенный „водами живыми и дорогами“ или „копцами“, насыпанными курганами<sup>1)</sup>, понимался какъ часть территоріи государства, а не только какъ дѣленіе народа-шляхты послѣдняго. Литовско-Русскіе акты не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Такъ, одинъ изъ листовъ Стефана Баторія, выданный изъ Варшавы 8 февраля 1578 года, обращается отъ имени короля „ко всимъ подданымъ нашимъ, жидомъ збору Пиньского, такъ въ мѣстѣ Пиньскомъ, яко тежъ въ мѣстѣхъ и мѣстечкахъ князскихъ, паньскихъ, земляньскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, также и въ иншихъ мѣстечкахъ, селахъ и корчмахъ въ повѣтѣ Пиньскомъ мѣшкающимъ“<sup>2)</sup>. Такіе же листы были посланы „до мѣста Новгородскаго, до мѣста и повѣту Меньскаго, до мѣста и повѣту Городеньскаго“ и т. д.<sup>3)</sup>. Села и города обозначаются какъ находящіеся въ томъ или другомъ повѣтѣ<sup>4)</sup>.

1) О концахъ и вообще граничныхъ знакахъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, VIII, стр. 396—400

2) А. З. Р. III. № 93.

3) Ibidem. Стр. 222.

4) Хорошій примѣръ такого употребленія слова „повѣтъ“ даетъ документъ, озаглавленный въ Лптовской Метрицѣ — „Осажене места въ селе Смедіне въ повете Володимерскомъ“, подъ датой: Варшава, 29 сен-

Границы повѣта, какъ территоріальнаго округа, вмѣщаютъ внутри себя всю совокупность земель всѣхъ ихъ видовъ, разъ эти земли лежатъ въ повѣтовомъ обводѣ. Но, конечно, шляхетскія осѣлости и ихъ обладатели, съ одной стороны, и земли не-шляхты и ихъ владѣльцы и населеніе, съ другой стороны, находились въ совершенно различныхъ отношеніяхъ къ органамъ управленія и суда, стоявшимъ во главѣ повѣтовъ, созданныхъ реформою 1565—1566 годовъ. Тѣ четыре стороны значенія новаго повѣта для его шляхетныхъ обывателей, которыя мы видѣли выше, не могли имѣть мѣста въ понятіи повѣта, какъ простой единицы территоріальнаго дѣленія. Начнемъ наше разсмотрѣніе этого значенія повѣта со сравненія характера находившейся въ повѣтовомъ центрѣ административной власти въ ея правахъ по отношенію къ шляхтѣ и не-шляхтѣ.

Привилей на судовыя староства очень отчетливо раздѣляютъ значеніе и компетенцію уряда повѣтоваго старосты по отношенію къ шляхтѣ повѣта и по отношенію къ не имѣющему правъ повѣтоваго шляхетства населенію староства. Вотъ примѣръ. Въ 1571 году Упитскимъ старостою былъ назначенъ господарскій скарбный, Виленскій ключникъ, панъ Иванъ Семеновичъ Зарецкій. Привилей, выданный ему на этотъ урядъ, такъ говоритъ отъ имени Сигизмунда Августа о компетенціи Зарецкаго, какъ старосты: „дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ упродъ менованому скарбному нашему, пану Ивану Семеновичу Зарецкому староство судебное Упитское и всю волость нашу тамошнюю Упитскую, ку тому староству прислухающую<sup>1)</sup>); маеть панъ Иванъ Семеновичъ Зарецкій тое староство Упитское держати, князей, пановъ, шляхты, всихъ обывателей того повету Упитского судити, радити и владности въ томъ уживати водле статуту земьского, а [съ] подданныхъ нашихъ вси пожитки и доходы наши выбирати, а десятый грошь и иные звыкые пожитки на старость нашихъ тамошнихъ брати, прислухаючи на себе вземши, пенези и иные всякіе доходы, до скарбу нашего належачіе, отдавати и личбу

тября 1568 года. Лпт. Метр.  $\frac{1}{49}$  л. 32 об. См. выпisku изъ этого документа — И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 605.

1) Въ оригиналъ стоить: „прислугающую“.

чинити съ нихъ, подданныхъ нашихъ судити, радити, винныхъ винами водле статуту уставы наше карати и во всемъ слушне и радне, безъ обтежливости подданныхъ нашихъ, пожитки наши намъ причиняти и примножати“<sup>1)</sup>.

Приведенныя слова привилея совершенно ясно раздѣляютъ компетенцію стоящаго во главѣ администраціи повѣта старосты: одну компетенцію онъ имѣеть по отношенію къ повѣтовой шляхтѣ, обывателямъ повѣта, и другую — по отношенію къ господарскимъ подданнымъ староства. Предѣлы послѣдней гораздо больше, чѣмъ предѣлы первой, но за то округъ, на который она простирается, гораздо меньше округа компетенціи судебного старосты, какъ главы шляхетскаго повѣта. Этотъ округъ — староство-держава; въ предѣлахъ его судебный староста былъ обычнымъ старостою-державцею несудовыхъ староствъ и державъ<sup>2)</sup>. Такою же властью и правами, какими обладалъ судебный староста въ предѣлахъ своего староства-державы, владѣли и остальные старосты и державцы, которые управляли господарскими землями, лежавшими въ обводѣ повѣта, какъ территориальнаго округа.

Управляя своими староствами и державами, несудовые старосты и державцы въ эпоху дѣйствія II-го статута стояли внѣ шляхетскаго повѣта, хотя ихъ державы и староства лежали внутри границъ повѣтовыхъ<sup>3)</sup>. Статутъ 1566 года отъ имени великаго князя гласить: „тежь уставуемъ, ижъ врядниковъ нашихъ, то есть воеводъ, старостъ, державецъ замковъ и дворовъ нашихъ и тивуновъ зъ ихъ врядовъ, которые отъ насъ держать, кому бы кольвекъ кривда се дѣяла або видѣла, не маеть ихъ ниhto судити,

1) „Привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на староство судовое Унитское“ (Дата: Варшава, 25 мая 1571 года). Лит. Метр. <sup>II A</sup> л. л. 295 об. — 298.

2) О несудовыхъ старостахъ и державцахъ см. И. И. Лапцo, op. cit., стр. 266—293.

3) Для позднѣйшаго времени въ предѣлахъ, напримѣръ, Витебскаго воеводства отмѣчаются четыре несудовыхъ староства (въ Вптебскомъ и Оршанскомъ повѣтахъ): Суражское, Усвятское, Любошанское и Велижское; въ Мстиславскомъ воеводствѣ — Кричевское, Пропойское, Рогачевское, Чечерское и Гомельское. О. Турчиновичъ. Обзорніе исторіи Бѣлоруссіи съ древн. врем. Стр. 298, прим. 275 и 276.

одно за позвы нашими мы сами господарь“. Лишь по своимъ имѣніямъ, „еслибы кому якую кривду учинили“, они „передъ судомъ земскимъ будутъ повинни становитися и отповѣдати“<sup>1)</sup>. Универсалъ Виленскаго съѣзда, собравшагося въ ноябрѣ 1587 года, установляя податокъ „со всехъ подданныхъ всякихъ добръ господарскихъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ и въ земли Жомойтской“ для выдачи его „на страву“ Литовско-Русскимъ посламъ къ кандидатамъ на Польско-Литовскій престолъ<sup>2)</sup>, требуетъ, чтобы державцы господарскихъ земель за невыдачу этого податка и неучиненіе въ немъ отчета вызывались бы „зъ мене своего отчизного, албо якимъ же колвекъ правомъ набытого, до кгороду, въ которомъ повете оселость свою мети будетъ“<sup>3)</sup>. Лишь статутъ 1588 года призналъ подсудность державцевъ, въ общемъ значеніи этого слова, суду повѣта не только по ихъ имѣніямъ-осѣлостямъ, но и по ихъ державамъ. Отъ имени господаря этотъ кодексъ постановляетъ: „каждый воевода, староста, державца и тивунъ, и каждый врядникъ нашъ, естлибы што самъ учинилъ, албо бы з урядниковъ, слугъ своихъ, справедливости кому, за упомненьемъ черезъ листъ вряду нашего земского або кгородьского, учинити не хотель, маеть быти о то позванъ на рокъ завитый, водлугъ учинку, до суду належного, земьского або кгородьского, въ томъ повете, где тотъ замокъ, або дворъ, або волость наша, держава его, лежить, або где врядъ его есть“. Если гродскому суду повѣта подлежить самъ судебный староста или его слуга или урядникъ, то дѣло разсматривается гродскимъ судомъ другого, ближайшаго повѣта. Но „отъправа“, приведеніе въ исполненіе приговора повѣтоваго суда, по отношенію къ этимъ господарскимъ урядникамъ, „маеть быти чинена на властномъ именемъ такового врядника“, лежащемъ въ томъ же повѣтѣ. Если въ томъ повѣтѣ, гдѣ лежить его держава, державца или тивунъ осѣлости-имѣнія не имѣеть, то приговоръ суда посылается для приведенія въ исполненіе къ вряду и суду того повѣта, въ предѣлахъ

1) II ст., IV, 45. Ср. II ст., IV, 2.

2) Австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ и Шведскій королевичъ Сигизмундъ.

3) Приложенія. Стр. 152—154.

котораго находится его имѣніе. Если державца вообще не имѣеть своей ослѣности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то послѣ рѣшенія дѣла повѣтовымъ судомъ „укривжонный“ долженъ обратиться „з листомъ судовымъ“ къ господарю, и послѣдній „черезъ посланца“ своего прикажетъ „отъправу на маестности его рухомой учинити“<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, ко времени утвержденія III-го статута въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ сознание необходимости распространенія компетенціи повѣтовыхъ судовъ на лицъ, которыя ей не подлежали, сдѣлало несомнѣнные успѣхи, и старосты и державцы господарскихъ земель, находившихся въ предѣлахъ повѣта, должны были признать свою подсудность общему шляхетскому суду повѣта<sup>2)</sup>.

По отношенію къ повѣтовой администраціи староства и державы, находившіяся въ предѣлахъ повѣта, занимали независимое положеніе. Имъ правила старосты и державцы, и даже для обозначенія округа, на который простиралась ихъ административная и судебная власть, рядомъ со словомъ „присудъ“<sup>3)</sup> изрѣдка употребляется и слово „повѣтъ“, какъ пережитокъ въ этомъ употребленіи до-реформенной старины, нарушающей, такимъ образомъ, иногда единство

1) III ст., IV, 67. Объ отправленіи правосудія гродскимъ судомъ по отношенію къ воеводамъ, судовымъ старостамъ и ихъ урядникамъ — III ст., IV, 39.

2) Какъ примѣры разбора непосредственно господарскимъ судомъ дѣла державцевъ, идущихъ въ этотъ судъ мимо повѣтовыхъ судовъ въ эпоху дѣйствія II-го статута, могутъ быть указаны хотя бы „справа державцы Немоноитского з Якубомъ Вертутою о забитье войта волости Немоноитское Матея Мелешька отъ сына его Миколая Вертуты“ (Лит. Метр.  $\frac{II A}{51}$  л. л. 4 об. — 5 об. Дата: Кнышинъ, 22 марта 1566 года), или дѣло державцы Утенскаго Матея Рудомины съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ („угода князю Анѣдрею Курпському з Матеємъ Рудоминою о поранене слугъ и о заруки“. Ibidem, л. л. 248—250 Дата: Варшава, 1 августа 1570 года).

3) Нпр., „листъ бояръ Гомейскихъ, ижъ бы ихъ старостове подь прысудъ свой ку замьку не прыворочали и до жадныхъ повинностей ихъ не прымушали“. Лит. Метр.  $\frac{III A}{10}$  л. л. 71 об. — 73. Этотъ листъ Сигизмунда Августа, датированный августомъ 1569 года, обращается отъ имени господаря къ „старосте Гомейскому, пану Михайлу Мышце Варковскому и инымъ старостамъ Гомейскимъ, которые потомъ тотъ замокъ Гомейскій отъ насъ г[о]с[по]д[ар]а въ держанью своемъ мети будуть“.

установленнаго реформою 1565—1566 годовъ значенія этого термина<sup>1)</sup>. Въ границахъ своихъ староствъ и державъ старосты и державцы сами стоятъ во главѣ администраціи и отправляютъ ее лично или черезъ своихъ слугъ и урядниковъ. Это самостоятельное значеніе ихъ хорошо иллюстрируется способомъ передачи имъ распоряженій верховной власти: эти распоряженія адресуются имъ непосредственно, а не передаются черезъ посредство повѣтоваго уряда<sup>2)</sup>. По отношенію къ сбору чрезвычайныхъ податковъ старосты и державцы до 1569 года были независимы отъ повѣта и органовъ, вѣдавшихъ сборъ этихъ податковъ съ повѣтовыхъ обывателей. Городенскій сеймъ 1566—1567 годовъ, устанавливая чрезвычайный податокъ „съ подданныхъ духовныхъ и светскихъ, и всякого стану, хто кольвекъ люди свои маеть“, и назначая повѣтовыхъ поборцевъ для сбора этого податка, поручаетъ имъ собирать его „отъ врадниковъ князьскихъ, панскихъ и шляхетскихъ“<sup>3)</sup>. Рецессъ этого сейма молчитъ о сборѣ податка съ господарскихъ подданныхъ державъ и староствъ. Но это не значитъ, что державы и староства были освобождены отъ этого податка. Еще въ началѣ сентября 1566 года Сигизмундъ Августъ обложилъ державы и староства чрезвычайнымъ сборомъ, въ виду недостатка средствъ на уплату наемному войску<sup>4)</sup>. Старосты и державцы, собравъ этотъ податокъ, должны представить его непосредственно въ скарбъ<sup>5)</sup>. Та-

1) Такъ, въ цитированной выше (стр. 131) записи разсылки господарскихъ листовъ отъ 8 февраля 1578 года „до жидовъ“ встрѣчаемъ рядомъ съ повѣтами Минскимъ, Городенскимъ, Виленскимъ, Троккимъ, Берестейскимъ и Ковенскимъ повѣты Кобринскій и Мстибоговскій. А. З. Р. III. № 93 (стр. 222).

2) И. И. Лаппо. *Op. cit.* Стр. 281 и сл.

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 454—455.

4) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 765—767.

5) Обращаясь къ Васишишскому державцѣ („а въ небытности его самого на тотъ часъ у Васишишкахъ, пно враднику его тамошнему и всемъ войтомъ и подьданымъ нашимъ местскимъ и волостнымъ державы Васишишское“), отъ имени Сигизмунда Августа образецъ листовъ, писанныхъ о сборѣ этого податка, говоритъ: „а такъ, абы ты тотъ серебряшчизный податокъ зо всехъ тыхъ вышей помененыхъ подьданныхъ нашихъ державы Васишишское, местскихъ и селскихъ, подьдугъ того постановенья нашего конечно, по Светомъ Михале, Римьского свята

кой же порядокъ сбора чрезвычайнаго податка имѣлъ мѣсто и въ 1568 году. Опять сборъ этотъ съ повѣтовыхъ обывателей былъ переданъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года въ руки повѣтовыхъ поборцевъ<sup>1)</sup>, а старосты и державцы, собравъ его сами съ господарскихъ подданныхъ староствъ и державъ, должны были доставлять собранныя деньги прямо въ скарбъ. Господарскими листами было предписано старостамъ и державцамъ, чтобы они „у дворехъ“ господарскихъ своихъ староствъ и державъ, „со всехъ подданныхъ местъ и волостей“ господарскихъ, „тотъ отъ“ велпкаго князя „уфаленый и постановеный податокъ“ выбрали, „никому не фольгуючи и никого въ томъ не укриваючи“, его „на тые две раты вышей описаные<sup>2)</sup> до скарбу“ господарскаго „земъского отнесли и отдали и личбу достаточную съ того вделали, и присегу, яко то есть черезъ“ нихъ „справедливе выбрано а никому не фольговано и ничего не утаено, тамъ же въ скарбе вчинили“ безъ малѣйшей просрочки<sup>3)</sup>.

близько пришлогъ въ теперешнемъ року шестдесятъ шостомъ выбрати и до скарбу нашего отдавати велель. Пакли жъ бы они на тотъ вышей помененый рокъ, у двухъ неделяхъ по Светомъ Михале, того податку серебрящизного до тебе не отдали а въ недбалость то себе положили, ты бы на кождомъ таковомъ оный податокъ серебрящизный з децкованьемъ отправовавъ а безъ жадного мешканья до скарбу нашего отдалъ. А вамъ, войтомъ, мещаномъ и всимъ подданымъ нашимъ державы Василичское, приказуемъ, абы есте, водле того постановевия нашего, конечно на тотъ вышей помененый рокъ оный платъ серебрящизный до двора нашего тамошнего отдали, сплошенства жадного въ томъ не чинечи“. Этотъ листъ обращается отъ имени Сигизмунда Августа къ „маршалку нашему, державцы Василичскому, пану Яну Волчку“ („а въ небытности его . . .“ см. выше). Заголовокъ, стоящій передъ этимъ листомъ въ книгѣ Литовской Метрики: „а тые листы писаны до дворовъ королевскихъ тымъ обычаемъ — до державецъ о выбранью податковъ, уфаленыхъ съ подданныхъ г[о]с[по]д[ар]скихъ“. Дата листа: Люблинь, 5 сентября 1566 года. Лит. Метр.  $\frac{III A}{7}$  л. л. 114 об.—115.

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 468.

2) Объ этихъ ратахъ, т. е. срокахъ, листъ Сигизмунда Августа говоритъ такъ: „якожъ отданью того податку въ скарбъ нашъ земскій покладаемъ две раты, то есть половицу его на день светого Балътромаея, пришлогъ свята м[е]с[е]ца августа двадцать четвертого дня у вольторокъ, а другую половицу въ день светого Мартина м[е]с[е]ца ноября первонадцать дня у четвергъ въ семь року нине идучомъ“, 68-мъ.

3) Этотъ листъ отъ имени Сигизмунда Августа обращается къ „пану Виленьскому, гетману нашему навышшому Великогъ Князства

Итакъ, въ первые годы послѣ введенія новаго повѣтоваго строя въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ реформой 1565—1566 годовъ староства и державы по сбору чрезвычайной серебщины стояли виѣ шляхетскихъ повѣтовъ. Иной порядокъ установился со времени заключенія Люблинской Уніи. Уже поборовый универсалъ, выданный Сигизмундомъ Августомъ съ Люблинскаго сейма 11 августа 1569 года, передаетъ сборъ установленной этимъ сеймомъ серебщины со староствъ въ руки повѣтовыхъ поборцевъ<sup>1)</sup>. То же дѣлають и поборовые универсалы, выданные съ послѣдующихъ спольныхъ сеймовъ XVI столѣтія<sup>2)</sup>. Новый порядокъ сбора серебщины на государственныя нужды съ державъ и староствъ былъ усвоенъ и Литовско-Русскими сѣздами, когда они устанавливали чрезвычайныя податки въ Княжествѣ совершенно самостоятельно, безъ спольныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ. Такъ, Волковыйскій сѣздъ 1577 года отдалъ въ руки повѣтовыхъ поборцевъ сборъ податка, наложеннаго имъ „яко на добра его королевской милости и всихъ становъ духовныхъ, также и на вси воеводства, староства“ и всѣхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго<sup>3)</sup>. Такимъ образомъ, съ 1569 года старосты и державцы по сбору чрезвычайныхъ податковъ оказались подчиненными повѣтовымъ поборцамъ, какъ и шляхта повѣтовъ.

Въ военныхъ рушеньяхъ повѣтовой шляхты старосты и державцы, какъ таковые, не могли имѣть мѣста. Всѣ

---

Литовскаго, старосте Городеньскому, державцы Могилевскому, пану Григорью Александровичу Ходкевича, а въ небытности его милости самого на тотъ часъ у Городне и во всихъ иныхъ дворехъ нашихъ староства Городенскаго, ино подстаростему и всимъ вранникомъ его милости тамощнимъ“. Дата листа: Городна, 12 іюля 1568 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Таковыя листы писаны до державецъ о проваженъ вшелякое живности на певныя местда з державъ своихъ“ (это заглавіе вызвано тѣмъ, что текстъ даннаго листа заключаетъ въ себѣ также распоряженіе великаго князя, касающееся „неомешканаго наснижованья всякими живностями замъковъ“ господарскихъ „украинныхъ“). Лит.

Метр.  $\frac{\text{III A}}{7}$  л. л. 179—181.

1) Volumina Legum. II (Petersburg 1859). Str. 105.

2) Ibidem. Стр. 180 и др.

3) А. Вил. III. Стр. 273—275.

они, за очень рѣдкими исключеніями<sup>1)</sup>, были шляхтичами, осѣлыми въ томъ или другомъ повѣтѣ, а слѣдовательно должны были отбывать рушенья повѣтовой шляхты по мѣсту своей повѣтовой осѣлости<sup>2)</sup>. Что же касается до населенія господарскихъ державъ и староствъ, то оно, какъ нешляхетское обыкновенно<sup>3)</sup>, стояло внѣ шляхетскихъ пол-

1) Утенскимъ державцею былъ одно время Виленскій мѣщанинъ Матей Рудомина. О немъ говоритъ рядъ документовъ Литовской Метрики, нпр., „Справа князя Аньдрея Курпського з Матеемъ Рудоминою о збитыи и поранене товаришовъ роты его“ (Лит. Метр.  $\frac{II A}{51}$  л. л. 238 об. — 244; дата: Варшава, 14 іюля 1570 года), „Угода князю Аньдрею Курпському з Матеемъ Рудоминою о поранене слугъ и о заруки“ (ibidem, л. л. 248 — 250; дата: Варшава, 1 августа 1570 года). Самъ себя Рудомина называетъ такъ: „я, Матей Аньдреевичъ Рудомина, державца Утенскій, радца места Виленского“ (ibidem, л. 248 об.). Другіе документы называютъ его просто Виленскимъ мѣщаниномъ. Одна запись Метрики, говорящая уже объ отобраніи отъ Рудомины Утенской державы, гласитъ слѣдующее: „постановившысе очевисте дворенивъ г[о]с[по]д[а]рскій, панъ Григорей Мартиновичъ Залускій созналъ до книгъ канцелярейскихъ, ижъ дей онъ, будучы приданымъ зъ ураду отъ его милости пана, пана Виленского, маршалка навышшого Великого Князства Литовского, а маючы при себе сторону, людей добрыхъ, меновите Войтеха Яворовского а Федора Василевича Токаревского, дня учорашнего, тутъ м[е]с[я]ц[а] декабря 5 дня у Торуню подалъ очевисте листъ его королев[ско]е м[и]л[ос]т[и], мандатъ мещанину Виленскому, пану Матею Рудодине писаный о неприняте суму за державу и дворъ его к[о]р[о]лев[ско]е милости Утену, которая дей сума ему отъ его к[о]р[о]лев[ско]е милости черезъ дворенина его к[о]р[о]лев[ско]е милости Ивана Микулича отдавана была . . .“ Лит. Метр.  $\frac{I A}{61}$  л. 18. Дата этой записи: 6 декабря 1576 года. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что члены Виленскаго магистрата получали шляхетство согласно привилею, данному Сигизмундомъ Августомъ Вильнѣ 15 іюня 1568 года. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Часть I. Вильно 1843. № 60. Ср. Описание Рукоп. Отдѣленія Виленской Публ. Библиотеки, вып. III, стр. 16 (№ 174). Ср. J. Kraszewskiego, Wilno od początków jego do roku 1750, tom I, str. 280—281.

2) „Попись“ 1567 года, однако, „почты“ державцевъ и старость переписываетъ отдѣльно отъ повѣтовъ. Эти „почты“ обозначены въ составѣ „почтовъ“ пановъ радныхъ, князей и пановъ, переписанныхъ отдѣльно въ самомъ началѣ текста „Пописа“ (л. л. 2 — 59 об., ст. 431—519 изданія).

3) О спадковой шляхтѣ, находившейся подъ вѣдѣніемъ нѣкоторыхъ старость и державцевъ, см. ниже, въ III-ей главѣ.

ковъ повѣтовъ. Этимъ населеніемъ староста или державца править и его судить такъ же, какъ это дѣлаетъ и шляхта въ своихъ имѣніяхъ. Правда, что у него есть инструкція отъ господаря и уставъ, которыми онъ руководится въ своей дѣятельности<sup>1)</sup> среди „господарскихъ подданныхъ“ староства или державы, но инструкціи, конечно, давала и шляхта „врядникамъ“ своихъ „господарствъ“ - имѣній, въ которыхъ жили ея „подданные“. Отношеніе старость и державцевъ къ повѣтовому суду мы видѣли выше. Съ отношеніемъ ихъ къ шляхетскимъ повѣтовымъ собраніямъ познакомимся ниже при изученіи ихъ и сеймика, какъ основного изъ этихъ собраній.

Внѣ шляхетскаго повѣта стояли и города „упривильеваные“, лежавшіе въ округѣ, обнимаемомъ границами повѣтовъ, какъ единицъ областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Какъ не-шляхтичи, мѣщане не могли сливаться со шляхетскими обывателями ни въ военной земской службѣ, ни въ сеймикованьѣ, ни въ подсудности шляхетскимъ судамъ повѣтовъ<sup>2)</sup>. Что же касается повѣтовой администраціи, то дарованіе городу Нѣмецкаго права выводило его изъ подъ ея власти, ставя подъ собственные управленіе и судъ города. „Въ sprawy тежь мѣстскіе врадъ мой тамошній уступоватисе не маеть“ — говоритъ господарь о городахъ, имѣющихъ Магдебургское право<sup>3)</sup>.

Въ иныхъ отношеніяхъ къ шляхетскому повѣту находилось духовенство, владѣвшее имѣніями въ его границахъ. Статутъ 1566 года устанавливаетъ, что „духовные зъ имѣней своихъ свѣцкихъ и костелныхъ наданныхъ, съ которыхъ служба земская военная бывала до сихъ часовъ, также зъ имѣней своихъ отчызныхъ, купленыхъ и закупленыхъ шляхецкихъ, войнѣ повинныхъ, службу земскую служыти мають“, какъ и повѣтовая шляхта, выставляя вмѣсто себя „человѣка доброго шляхтича“<sup>4)</sup>. Буквально то же повторяетъ

1) См. выше привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на Упитское староство (стр. 132—133).

2) О конныхъ мѣщанахъ см. ниже, въ III-ей главѣ.

3) А. Ю. и З. Р. I. № 223. Объ отношеніи повѣтовыхъ старость и воеводъ къ городамъ Магдебургскаго права см. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 281, 605 и сл.

4) II ст., II, 9.

и статутъ 1588 года, добавляя, что съ такихъ имѣній духовныя лица „почты свои становити мають подь хоругвою поветовою, межы обывателей тыхъ поветовъ, въ которыхъ хто зъ нихъ именья головнейшіе маеть“<sup>1)</sup>. Отъ военной земской службы III статутъ освобождаетъ, „за позволеньемъ всехъ становъ“, только имѣнія Виленскаго коллегіума, пріобрѣтенныя имъ до 1588 года; но имѣнія, пріобрѣтенныя имъ послѣ изданія III-го статута, уже подлежатъ земской военной службѣ на общихъ основаніяхъ<sup>2)</sup>.

Подсудность духовныхъ лицъ по ихъ имѣніямъ повѣтовымъ судамъ была признана уже статутомъ 1566 года. Земскій судъ повѣта, по этому кодексу, имѣетъ право „на роки зложонные позывати передъ себе, судити и справовати всехъ пановъ радъ, духовныхъ и свѣцскихъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту и боярь о земскіе речы зъ имѣней, однако [и] одностайно, хто одно кольве въ томъ повѣтѣ имѣнья свои мѣти будетъ, жадного не выймуочы а ни зъ суду имене ихъ не выпускаючы“, кромѣ самого господаря и его урядниковъ съ имѣній господарскихъ<sup>3)</sup>. Статутъ 1588 года также признаетъ общую подсудность земскому повѣтовому суду „всехъ становъ, почавши отъ вышшого, ажъ до низшого, однако и одностайне, хто одно кольвекъ въ томъ повете именья свои мети будутъ“<sup>4)</sup>. Но въ то же время оба кодекса строго раздѣляютъ „духовное право“ и сферу компетенціи судовъ свѣтскихъ<sup>5)</sup>. Акты повѣтовыхъ судовъ хорошо знаютъ дѣла духовныхъ лицъ по ихъ имѣніямъ, лежащимъ въ предѣлахъ повѣтовъ, но источники знаютъ и дѣятельность духовныхъ судовъ, которымъ подлежатъ духовныя лица, какъ и лица свѣтскія въ дѣлахъ, вѣдаемыхъ церковью<sup>6)</sup>.

Уплатѣ чрезвычайной серебщины земскія имѣнія духовенства подлежатъ такъ же, какъ и имѣнія шляхты. Статутъ 1588 года не допустилъ исключенія даже по отношенію

1) III ст., II, 9.

2) Ibidem. О выработкѣ этого постановленія о льготѣ для Виленскаго коллегіума см. ниже, Приложенія, стр. 138—139.

3) II ст., IV, 2.

4) III ст., IV, 3.

5) II ст., III, 26. III ст., III, 31.

6) Ср. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 570.

къ Виленскому коллегіуму, имѣнія котораго, приобрѣтенныя до 1588 года, онъ освободилъ отъ земской военной службы, какъ мы это видѣли выше. Если будетъ установленъ сеймомъ „податокъ якій на оборону речи посполитое“, то и Виленскій коллегіумъ долженъ будетъ его платить „со всихъ добръ своихъ колеятскихъ“, когда бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ приобрѣтенныхъ<sup>1)</sup>. Сборъ серебины съ земскихъ имѣній духовенства производится тѣмъ же способомъ, какъ и съ имѣній шляхетскихъ, т. е. черезъ повѣтовыхъ поборцевъ<sup>2)</sup>.

Мы перечислили виды земель, которыя размѣщались въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ, какъ единицахъ областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Эти виды земель могутъ разсматриваться какъ земли, имѣющія извѣстное самостоятельное значеніе, обладающія своимъ судомъ и управленіемъ. Староства и державы, „упривильеванные“ города-мѣста, земли „духовныя“ — имѣли свои особые судъ и управу, которые осуществлялись въ ихъ предѣлахъ, какъ ихъ осуществляло и каждое шляхетское имѣніе-господарство въ своихъ предѣлахъ. Повѣтовые администрація и судъ лишь отчасти могли касаться этихъ земель. Почти совершенно независимыми отъ нихъ были мѣста „упривильеванная“<sup>3)</sup>. Нѣсколько болѣе повѣтовые администрація и судъ подчиняли себѣ старость-державцевъ и духовенство, какъ мы это видѣли сейчасъ. Но населеніе всѣхъ этихъ земель стояло во всякомъ случаѣ не подъ повѣтовою властью и судомъ, а подъ судомъ и властью своими собственными. Лишь къ этимъ собственнымъ властямъ можетъ обращаться общая шляхетская повѣтовая власть; тѣхъ, кто стоитъ подъ этими собственными властями, вѣдаютъ и судятъ онѣ сами, какъ это дѣлаетъ и шляхта въ своихъ имѣніяхъ. Конечно, и въ этихъ своего рода

1) III ст., II, 9.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 167. А. Вил. III, стр. 273—275. Volumina Legum, II, поборовые универсалы.

3) Статутъ 1566 года даетъ право мѣщанамъ Магдебургскаго права обращаться къ повѣтовому земскому суду въ случаѣ „кривдъ“ отъ шляхты, не желающей „добровольнѣ усправедливити“ (II ст., IV, 47). То же повторяетъ и статутъ 1588 года (III ст., IV, 69).

самостоятельных владѣнiяхъ, на которыя распадался повѣтъ, какъ территориальный округъ, встрѣчаются группы населенiя, имѣющiя свои права и выходящiя изъ подъ мѣстной подсудности — напримѣръ, шляхта и евреи въ городахъ Магдебургскаго права, или служилая шляхта и тѣ же евреи въ имѣнiяхъ и селахъ — но это не мѣняетъ общаго характера повѣта. И внутри самой шляхты, какъ увидимъ ниже, несмотря на всю видимую выдержанность шляхетской идеи въ изучаемое время, были группы, которыя не вполне совпадали съ повѣтскою шляхтою; да и къ органамъ шляхетскаго повѣта, какъ также увидимъ ниже, старались тянуться иногда и кое-гдѣ такiя группы населенiя, которыя въ шляхетскiй повѣтъ не входили. Но это результатъ исторической жизни Великаго Княжества Литовскаго и реальныхъ требованiй дѣйствительности. Принципъ повѣтоваго строя не настолько колебался этимъ, чтобы онъ не оставался совершенно яснымъ и опредѣленнымъ.

Подведемъ итоги нашему изученiю повѣта, созданнаго реформою 1565—1566 годовъ. Мы видѣли, что новые повѣты образовались путемъ слиянiя старыхъ повѣтовъ-хоружествъ въ большинствѣ случаевъ и путемъ простаго преобразованiя нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ — въ меньшинствѣ. Созданные реформою повѣты получили двоякое значенiе: 1) какъ единицы дѣленiя шляхты, т. е. какъ шляхетскiя корпорацiи, и 2) какъ единицы областного дѣленiя Великаго Княжества Литовскаго. Шляхетскiй повѣтъ явился дѣленiемъ народа-шляхты по военно-земской организацiи, по суду, администрацiи и сеймикованью. Реформа была результатомъ роста значенiя Литовско-Русской шляхты и въ то же время была одною изъ главныхъ основъ всей конституцiи II-го статута. Каждый новѣтъ получилъ свой повѣтовый центръ съ „избою судовой“, ставшей центральнымъ мѣстомъ шляхетскаго повѣта. Повѣтовая реформа, однако, не оказалась выработанною настолько, чтобы она могла въ послѣдующее время остаться безъ всякихъ измѣненiй. Границы новыхъ повѣтовъ должны были точно опредѣлиться лишь нѣсколько позднѣе. Но не только повѣтовые границы должны были нѣсколько измѣниться въ ближайшiе годы послѣ реформы; въ нѣкоторыхъ повѣтахъ оказалось необходимымъ создать и новые повѣтовые центры. Сама

шляхта сознавала отдѣльные недостатки реформы и выступила на сеймахъ второй половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія съ просьбами объ ихъ устраненіи. Въ 1569 году была заключена Люблинская Унія, и государство Литовско-Русское вступило въ соединеніе съ Польшею, оставаясь въ этомъ соединеніи „панствомъ“, съ равнымъ значеніемъ другому соединившемуся съ нимъ Уніей „панству“, т. е. Польшѣ. Новыя условія политической жизни съ необходимостью охранять свои самостоятельность и значеніе въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой легли въ основу дальнѣйшаго развитія шляхетскаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Литовско-Русскій повѣтъ также развивался подъ вліяніемъ этихъ условій и опредѣлился совершенно ясно въ постановленіяхъ статута 1588 года, выработаннаго Литовско-Русскими станами согласно потребностямъ, которыя выдвинула жизнь Княжества въ годы послѣ Уніи 1569 года, и согласно требованіямъ дальнѣйшаго торжества шляхетскаго начала, причемъ Литовско-Русская шляхта, конечно, могла опираться, какъ на примѣръ, и на шляхетскій строй своей „братіи“-Поляковъ. Статутъ 1588 года вводитъ требованіе осѣлости въ предѣлахъ повѣта всѣхъ его должностныхъ лицъ; они должны быть не только „родичами“ Великаго Княжества Литовскаго, но и такими же шляхтичами-„повѣтниками“, какъ и остальные шляхетные обыватели повѣта, во главѣ котораго они стоятъ по своему должностному положенію. Кромѣ того, всѣ должностныя лица, державшія въ рукахъ судебную власть надъ повѣтовою шляхтою, получили предписаніе закона приносить присягу передъ шляхетскимъ земскимъ урядомъ и шляхтою, по образцу членовъ повѣтоваго земскаго суда. Этимъ развитіе повѣта, какъ шляхетской корпораціи не ограничилось: шляхта приобрѣла право избранія большинства повѣтовыхъ урядовъ, съ которыми приходила въ соприкосновеніе особенно часто и существенно. Въ то же время шляхетскій повѣтъ распространилъ компетенцію своихъ повѣтовыхъ судовъ на тѣхъ лицъ, которыхъ она не достигала, какъ урядниковъ великаго князя, въ эпоху дѣйствія статута 1566 года.

Эти успѣхи шляхетскаго повѣта совершенно точно опредѣляются сравненіемъ двухъ Литовско-Русскихъ кодексовъ, т. е. статутовъ 1566 и 1588 годовъ, изъ которыхъ

# УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

## ИМПЕРАТОРСКАГО

### ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

**Ученыя Записки** распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщается годовая отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медалю.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Бударевскій.**

---

